



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов, С. В. Гусева

МОСКВА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ XII–XV СТОЛЕТИЙ



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов,
С. В. Гусева

МОСКВА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Очерки политической истории
XII–XV столетий



ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)42
К82

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *Н. С. Борисов* (Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова);
д-р ист. наук, проф. *Е. М. Петровичева* (Владимирский гос. ун-т)

Авторы:

д-р ист. наук, проф. *Ю. В. Кривошеев* (разд. I);
д-р ист. наук, проф. *Р. А. Соколов* (разд. II);
канд. ист. наук *С. В. Гусева* (разд. III)

Рекомендовано к публикации

*Научной комиссией в области истории и археологии
Санкт-Петербургского государственного университета.
Проект — победитель конкурса монографий СПбГУ-2020*

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Гусева С. В.

К82 Москва в эпоху Средневековья: Очерки политической истории XII–XV столетий. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та.

В книге рассматривается ключевая проблема отечественной истории — начало и возвышение Москвы. Авторы анализируют данные источников и историографии и предлагают собственный подход к решению многих узловых вопросов в рамках темы: формирования городской московской общины, отношений московских князей и татарских ханов, функционирования (как они считают, длительного) вечевых институтов.

Подробно освещены темы истории Русской православной церкви и усобицы внутри Московского княжеского дома второй четверти XV в.

Книга написана в стиле популярного изложения, что в сочетании с научным подходом позволяет адресовать ее широкому кругу читателей: научным работникам, преподавателям, студентам и всем, интересующимся российской историей и одним из ее важнейших этапов — возвышением Москвы.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)42

*В оформлении использованы миниатюры
из Лондонского лицевого списка Сказания о Мамаевом побоище*

Светлой памяти
выдающегося
отечественного историка
Игоря Яковлевича Фроянова

ОТ АВТОРОВ

«Почему было на Москве царствомъ быти и кто про тое вестъ что Москве Государствомъ слыти?» — таким летописно-былинным риторическим вопросом начинается одно из преданий о «начале» Москвы. Автор этого средневекового предания и составители прочих посильно старались ответить на эти и другие вопросы, касающиеся ранней истории Москвы.

Позже — уже в научный период нашей историографии — в изучении истории Москвы появляются и другие проблемы. Так, в 30-е годы XIX в. ставится еще более неразрешимый вопрос, чем вопрос начала города: почему именно Москва стала в итоге центром формирующегося единого Русского государства?

Ныне работам, обобщающим большие периоды и посвященным отдельным проблемам, несть числа. Труд по историографии Москвы (даже только эпохи Средневековья!) ждет своего исследователя.

Предлагаемые читателю научно-исторические очерки посвящены Москве «достоличной» — времени от ее возникновения как малого рубежного городка-крепостцов до того, как она становится общерусским лидером в процессе, получившем в исторической литературе наименование собирания русских земель.

Авторы посчитали возможным дать эту древне-средневековую историю Москвы на фоне грандиозного полотна общерусской средневековой истории, но так, чтобы везде оставался заметным, осязаемым вклад Москвы на всех этапах становления и развития Руси в XII–XV вв.

I

МОСКВА
от Кучковичей
до Ивана III

НАЧАЛО МОСКВЫ И КУЧКОВИЧИ

Источники, прежде всего летописи, по древней истории Русского северо-восточного края, в том числе Москвы, чрезвычайно скудны. Однако в научном обращении существуют легенды о начале Москвы, имеющие, по мнению историков, древнюю фактическую основу, хотя до нас они дошли в списках XVII–XVIII вв. Эти предания активно используются историками и сейчас. Историческая достоверность их, как правило, подкрепляется тем, что в легендах фигурирует некий боярин Кучка, имя которого связывают с летописными Кучковичами — убийцами Андрея Боголюбского (об этом см.: [Кривошеев 2003а]). Впервые в научный оборот предания о начале Москвы ввел в середине XIX в. И. Д. Беляев [Беляев 1868].

В статье «Сказания о начале Москвы» он приходит к выводу, что до появления первых князей в середине XII в. здешним краем управляли «богатейшие и сильнейшие» земледельцы, «старинные земские бояре», «древние колонисты новгородские», принадлежащие к родам, пришедшим сюда из Новгорода еще до приглашения Рюрика. При появлении здесь князей (начиная с Юрия Долгорукого) на их «стеснения и новости» «самовластные владыки» — земские бояре — «отвечали или глухим неповиновением, или явным сопротивлением» князю. Сопротивление было тем больше, чем далее край был удален от Новгорода и других княжеских центров, «и конечно, в самой сильной степени должна была развиться надменность и своеволие земских бояр в глуши, на границах здешнего

края с Рязанскою землею». «К числу таковых-то самовластных земских бояр принадлежал и боярин Степан Иванович Кучка, или, по крайней мере, в Кучке народное предание воплотило идею самовластия, независимости и надменности здешних земских бояр — старожил» [Беляев 1868: 15–17].

Как видим, стержнем построений И. Д. Беляева явилась колониционная теория заселения северо-восточного края из Новгорода с его боярством во главе, ставшим и здесь крупным землевладельцем и вершителем судеб края.

Современные исторические и археологические исследования рисуют весьма сложную картину колонизации Волго-Окского междуречья. В нем принимали участие различные славянские племена, а не только ильменские славяне. При этом опорными пунктами при расселении становились торгово-ремесленные поселения. Сельские поселения появляются только с XI в. и имеют небольшие размеры [Дубов 1982: 44–45, 59–61 и др.]. Территория же, граничащая с Рязанским краем, издавна осваивалась славянским племенем вятичей, сохранявшим архаические порядки еще в XII в. Новгородской колонизации земля вятичей подвержена не была.

Сложным является вопрос о земских боярах северо-восточного края. Несмотря на резкую критику ряда ученых¹, версия о существовании земского боярства дожила до нашего времени. Историографическая традиция сильного и могущественного земского боярства северо-восточных земель, противостоящего (и успешно) князьям, была воспринята и развита в советской исторической литературе. Социальными предвестниками земских бояристики стали считать известных по летописным сообщениям 1024 и 1071 гг. «старую чадь» и «лучших жен» («мужей») [Известия ГАИМК: 272; Лимонов 1967: 84; Кизилов 1970: 7–8; и др.].

¹ И. Е. Забелин ставил статью И. Д. Беляева в ряд «печатных домыслений» наряду с сочинениями о начале Москвы Татищева и Сумарокова. Не без иронии он писал: «Подобные, уже от учености, сказания продолжались и в новейшее время. Беляев по поводу... старых сказаний представил целую обстоятельную не малого объема повесть “О борьбе земских бояр с княжеской властью”» [Забелин 1905: 38–47]. См. также: [Платонов 1903: 103; Пресняков 1909: 202; Пресняков 1918: 33–34].

Обратимся к источникам. В летописях никаких указаний о земских боярах нет, это отмечают все историки: и сторонники этой версии, и противники. И. Д. Беляев для своих построений использовал, как мы уже отмечали, два легендарных сказания о начале Москвы, записанных в XVI–XVII вв: «Повесть о зачале Москвы» и «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы». Их текст в XX в. подвергся основательным источниковедческим, текстологическим и литературоведческим исследованиям. С. К. Шамбинаго, М. Н. Тихомиров, М. А. Салмина скрупулезно изучали их источники, возможное их написание и т. д.² [Шамбинаго 1936; Тихомиров 1947: 11–16; Тихомиров 1950; Салмина 1964; Топоров 1982: 42, 44–46].

Вначале рассмотрим известия «Повести о зачале Москвы». Первый вид — а всего их, по классификации М. А. Салминой, четыре — является древнейшим [Салмина 1964: 42]. В нем интересующий нас текст звучит так: «Сими же селы владущу тогда боярину некоему, боярину суцу, зовому Кучку Иванову» (в дальнейшем в тексте еще раз упоминаются «оный боярин» и «оныя села»). Последующие по времени составления виды, зависимые от древнейшего, распространяют и изменяют это предложение. Второй вид: «сими местами и селы в то время владеющу некоему вельможному властителю, боярину богату и славну зело, зовому именем Степан Иванович, прозванном Кучка...». В третьем виде села называются уже «великими», а в четвертом — уже «села красные», владельцем которых является «болярин Стефан Иванович» по прозвищу Кучка, «зело богат суцу»³.

В другом источнике цикла — «Сказании об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» — эта фраза звучит так: «Были тут по Москве-реке села красные, хороши боярина Кучка Стефана

² В целом считаем должным присоединиться к выводам М. А. Салминой, которая на основе комплексного источниковедческого исследования сделала аргументированное заключение, что «повести эти — памятники чисто литературные. Исторические сведения о построении Москвы дают нам летописи... В повестях о начале Москвы излагается легендарная история основания столицы, расцвеченная целым рядом вымышленных подробностей» [Салмина 1964: 3].

³ М. А. Салмина предполагает, что «села красные» четвертого вида являются заимствованием из «Сказания о начале Москвы» [Салмина 1964: 32].

Ивановича». Такая формулировка характерна для первого — пятого видов «Сказания» [Салмина 1964: 200, 213, 231, 236, 241]. В шестом — более позднем виде — предложение расширено: «Тогда по реке, что ныне зовется Москва, были села великие вотчины боярина Стефана Ивановиче Кучка — село Красное и другие» [Салмина 1964: 243].

Исследователями текстологически установлено, что главным источником «Сказания», сочиненного позднее «Повести», и являлась сама «Повесть». Следы этой связи выявляются на всем протяжении текста, и, в частности, из «Повести» перенесен в «Сказание» боярин Кучка со своими двумя сыновьями [Шамбинаго 1936: 83–91; Салмина 1964: 127, 130, 137, 141]. Следовательно, текст «Сказания о начале Москвы» как вторичный по отношению к «Повести о зачале Москвы» не может служить прочной источниковой базой. Однако именно он привлекается учеными для доказательства положения о земских боярах (см., напр.: [Тихомиров 1947: 13; 1950: 240; История Москвы 1952: 18]). Более того, исходя из «классовой структуры населения края» ставится вопрос: кому принадлежали эти села? Ответ однозначен: безусловно, «феодалным землевладельцам». В доказательство же приводятся записи позднейших писцовых книг Московского государства. До сих пор продолжают археологические поиски «сел» («но были ведь у Кучки и другие села»), «усадеб» и «большого двора» самого боярина Стефана Ивановича Кучки. «Археологи еще не потеряли надежды найти остатки усадьбы Кучки». Однако раскопки с целью выявления «хотя бы какого-то укрепленного двора» могущественного туземного боярина до сих пор не дали каких-нибудь результатов⁴ [Рабинович 1964: 68 и др.; Рабинович 1982: 10–11; Латышева, Рабинович 1973: 51–52]. И дело тут, думается, не в перекопанности почв в позднейшее время, как считают археологи.

В свое время еще Н. М. Карамзин скептически относился к «басням» современных ему историков о «селах» и усадьбе Кучковых. «Какие же исторические свидетельства подтверждают истину сих

⁴ В. А. Кучкин также видит Кучку местным боярином, «жившим примерно в конце XI — первой половине XII в.» [Кучкин 1984: 57], как и Ю. А. Лимонов, пишущий, «что это было крупное поселение, в центре которого находился укрепленный феодальный замок боярина Кучки» [Лимонов 1987: 22].

известий?» — спрашивал он [Карамзин 1833: 33]. Ныне существуют аргументированные исследования, проливающие свет на этапы «сочинительства» легенд о происхождении Москвы, делающие позицию сторонников гипотезы земских бояр — владельцев сел с зависимым населением и землями — еще более непрочной. Большое значение в связи с этим имеет уже упоминавшаяся нами работа М. А. Салминой. Исследовательница установила один из источников «Повести о зачале Москвы» — летописцы, в основе которых лежали статьи «Хронографа» 1512 г. Сравним их.

«Повесть
о зачале Москвы»
(древнейший вид)

«И в лето 6666-го сему великому князю Юрию Владимировичу, грядущу из Киева во Владимир к сыну своему, князю Андрею Юрьевичу. И прииде на место, иде же ныне царствующий град Москва, оба полы Москвы-реки. Сими же селы владушу болярину некоему богату сущу, зовому Кучку Иванову».

Летопись
(Государственная публичная
библиотека, Г. IV, 343⁵)

«В лето 6666 князь великий Юрья Владимировичь шол ис Киева во Владимир к сыну своему, князю Андрею. И пришед, стал на месте, где ныне царствующий град Москва по обе стороны Москвы-реки. А тут было село велико с ыными селы».

Проведенное текстологическое исследование дало возможность М. А. Салминой сделать аргументированное и логическое заключение, что именно такого рода летописцы явились источниками «Повести о зачале Москвы», а не наоборот [Салмина 1964: 55–57]. Таким образом, мы видим в летописцах источник для появления в «Повести о зачале Москвы», а затем и в «Сказании о начале Москвы» «сел». Но ими никто не владеет. Это просто большие села, заселенные свободными общинниками или, возможно, безлюдные, каких было немало в Древней Руси [Фроянов 1974; Фроя-

⁵ Цит. по: [Салмина 1964: 55–57].

нов 1984]⁶. В этих текстах нет никаких даже намеков о первом владельце Москвы боярине Кучке.

Как же появляется в «Повести» земский боярин Кучка — столь импонирующий историкам разных поколений? Ученые полагают, что на основу — рассказ упомянутых летописцев об основании Москвы Юрием Долгоруким — была наслоена легенда о боярине Кучке [Салмина 1964: 68]. Источником этих легендарных устных преданий ученые видят тексты древнейших русских летописей — Ипатьевской и Лаврентьевской — о событиях, связанных с гибелью Андрея Боголюбского (см.: [Кривошеев 2003а]). Вот какой представляется картина возникновения и эволюции легендарных преданий С. К. Шамбинаго: «Полная драматического пафоса повесть эта (об убийстве Андрея Боголюбского. — Ю. К.) находила многочисленных читателей. Привлекали обстановка, революционное окружение, искусно идеализированный облик главного героя. В то же время будили интерес многие детали, оставшиеся нераскрытыми. Особенно неясны были причины заговора, личности главных руководителей (Кучковичей. — Ю. К.)... Несомненно, существовали рассказы о событиях, так или иначе имеющих место при Боголюбском восстании...», а отсюда целый «комплекс преданий, где семейству Кучковичей отводилась ведущая роль в восстании XII века». В итоге, резюмирует С. К. Шамбинаго, «повесть о Боголюбском восстании, проходя ряд переделок и изменений, неожиданно оказалась связанной с древнейшими преданиями о Москве» [Шамбинаго 1936: 62, 65–67] (см. также: [Забелин 1905: 40]). Круг замкнулся. Из летописных Кучковичей был образован легендарный Кучка, позднее у него появились имя и отчество [Шамбинаго 1936: 72].

⁶ Вероятно, это были села вятичей [Рабинович 1964: 74]. Ф. И. Буслаеву «московский пейзаж» XII в. представлялся социально более реальным согласно некоторым другим народным преданиям, которые, «сколько ни старались украсить эти воспоминания услужливые повествования XVII в. различными риторическими выдумками, все же изображали местность московскую в темной глуши, с дебрями и топкими болотами, а вместо красных сел и слобод боярина Кучки видели бедные хижины отшельников» [Буслаев 1862: 18]. Так рушится тезис М. Н. Тихомирова, что ««села красные» боярина Кучки — это историческая реальность» [Тихомиров 1947: 13]. Сомнения в этом выразил и В. Б. Кобрин [Кобрин 1985: 38].

А как же быть с его титулом боярина — неизменным атрибутом «Повести» и «Сказания»? В летописях Кучковичи не называются боярами. Следовательно, источник его появления — внелетописный. По всей видимости, эта титулатура — отражение социального быта более позднего времени, нежели XII в., — XIV–XV вв., когда вокруг Москвы были разбросаны владельческие села знатнейших московских бояр, обычно носившие, кстати, имена их первых владельцев — бояр: Хвостово, Воронцово, Воробьево, Свиблово [Тихомиров 1947: 70–71]. Постепенно боярские подмосковные села переходили в руки великих князей. М. Н. Тихомиров писал, что «борьба великих князей с крупными боярами-феодалами была обычным явлением уже в XIV–XV веках» [Тихомиров 1947: 71–72]. Очень вероятно, что эта-то борьба и послужила основой для формирования легенд о боярине Кучке и целом боярском роде Кучковичей. М. Н. Тихомиров обращал внимание и на другие отразившиеся в легендах о начале Москвы факты. «Крымские татары, неверная жена Улита, мучительные казни — все это ведет нас к XVI веку, только что пережившему царствование Грозного», — писал он [Тихомиров 1950: 240].

Тем не менее сделанный еще И. Д. Беляевым вывод об отразившейся в предании борьбе земского боярства с княжеской властью в своей основе бытует и в работах советских историков. В одном из изданий «Истории Москвы», например, прямо пишется о борьбе «растущей княжеской власти» «против могущественного местного боярства», отголоски которой «сохранились в легенде о столкновении князя Юрия с боярином Кучкой» [История Москвы 1952: 14].

Одна из подобных гипотез принадлежит Г. П. Латышевой и М. Г. Рабиновичу. Они причисляют феодалов Кучковичей к участникам «феодальной войны 40-х гг. XII века» (а была ли эта война?), выступающим на стороне киевских князей против суздальского князя Юрия Долгорукого, «поскольку те сравнительно далекие феодалы представлялись им менее опасными, чем гораздо более близкий суздальский князь Долгие Руки», которому, в свою очередь, «как раз нужен был Москов в его борьбе против соперников за Киевский великокняжеский стол». Убийство Кучки и расправа с его семьей произошли «в начале 40-х гг.». Однако источниковая база, подведенная под это предположение, представляется

откровенно слабой: единичные, случайные княжеские находки на территории будущей Москвы, причем XI в., а также одно из раскопанных женских погребений — якобы «Кучковны» [Латышева, Рабинович 1973: 53–54] (см. также: [Рабинович 1982: 20–21]).

Подвергая сомнению существование в Северо-Восточной Руси XII в. земского землевладельческого феодального боярства, мы ни в коем случае не отрицаем рациональное зерно в устных преданиях о Москве. Безусловно, в этих легендах наряду с древнейшим летописным материалом присутствуют и древнейшие устные рассказы.

Мифический земский боярин, скорее всего, на самом деле существовал, но, может быть, у Кучковичей был какой-нибудь предок, судьба которого была связана с Московским краем. Ведь в летописи Москва имеет двойное название: «Москва, рекше Кучкова». Ряд названий, связанных с этим, сохранился и позднее. «Кучкович, Кучко, Кучковитин, сказано в разных летописях. Не означает ли это: уроженец Кучкова, то есть Москвы?» — замечал еще Н. А. Полевой [Полевой 1830: 72]. Поэтому, как вполне оправданно предлагал М. Н. Тихомиров, «нет ничего невероятного в том, что легендарный Кучка был одним из вятических старшин или князьков, отстаивавших свои земли от притязаний Юрия Долгорукого»⁷ [Тихомиров 1947: 14].

Лингвистические изыскания В. Н. Топорова также подкрепляют эту мысль. Во-первых, для Кучки он находит близкие языковые соответствия в балтийских языках, во-вторых, считает он, и сам конфликт с Кучкой, «видимо, одним из вятических (независимо от происхождения) старшин — мог актуализировать тему западных пределов складывающегося на северо-востоке Руси ядра будущей государственности в одной из основных ключевых точек, какой являлась Москва» [Топоров 1982: 44; 1972: 275]. Исследовательница древностей земли вятичей Т. И. Никольская, исходя из названий населенных пунктов Карачев и Тушков, предполагает, что они, как и Кучково, названы по имени вятических князьков — местной знати [Никольская 1981: 128, 172–173].

⁷ Что древнее население Москвы и близлежащих сел в начальный период состояло из вятичей, свидетельствуют многочисленные археологические раскопки [Рабинович 1964: 74, 80 и др.].

В существовании в середине XII в. у вятичей архаического уклада с племенной структурой действительно нет ничего невероятного, ибо племя вятичей дольше всех других восточно-славянских племен сохраняло свою самостоятельность, не подчиняясь Русской земле⁸.

Если Кучка и другие действительно были лидерами вятических племенных группировок, как в XI в. Ходота и его сын, против которых не раз ходил Владимир Мономах, то здесь вновь можно предположить борьбу русских князей с представителями старой родовитой туземной знати — местных партикуляриев. Вновь мы являемся свидетелями устранения племенной знати насильственным путем, вновь обрисовывается социально конкретная и исторически достоверная ситуация, которую можно наблюдать по летописи в 1024 и 1071 гг.

Однако это были уже последние вспышки борьбы новой и старой знати. В дальнейшем социальные противоречия в северо-восточных землях принимают иной характер.

* * *

Итак, «боярин» Кучка вряд ли был боярином в общепринятом понимании этого термина [Фроянов 1980: 77–89]. Но есть еще одно известие, прямо касающееся нашей темы. Это версия не дошедшей до нас Раскольничьей летописи, приведенная В. Н. Татищевым. Здесь вновь появляется Кучка, но в несколько неожиданной ипостаси.

Рассказывая о княжеских делах, эта летопись под 1147 г. объясняет причину одного из военных мероприятий следующим пассажем: «Юрий, хотя и имел княгиню любви достойную и ее любил, но при том многих жен подданных часто навесчал и с ними более, нежели с княгинею, веселился, ночи сквозь на скомонех проигрывая и пия, препровождал, чим многие вельможи его оскорблялись, а младья, последуя болше своему уму, нежели благочестивому старейшин наставлению, в том ему советом и делом служили. Между всеми по-

⁸ Так, под 1152 г. сообщается об очередном походе князей на вятичей: «...и подоша туда на Вятиче, и тако взята я...» [ПСРЛ, т. II: стб. 455]. См. также: [История Москвы 1952: 14; Рабинович 1964: 74; Никольская 1981: 286–291].

любовницами жена тысяцкого суздальского Кучка наиболее им владела, и он все по ее хотению делал. Когда же Юрий пошел к Торжку, Кучко, не могши поношения от людей терпеть, ни на оных Юрию жаловаться, ведая, что правду говорили, более же княгинею возмущен, не пошел со Юрием и отъехал в свое село, взяв жену с собою, где ее посадя в заключение, намеревался уйти ко Изяславу в Киев. Юрий, уведав о том, что Кучко жену посадил в заточение, оставя войско без всякого определения, сам с великою яростию наскоро ехал с малыми людьми на реку Москву, где Кучко жил. И, пришед, не испытую ни о чем, Кучка тотчас убил, а дочь его выдал за своего сына Андрея. Полюбя же вельми место то, заложил град и пребыл тут строя, доколе брак Андреев совершил. Для онаго веселия звал к себе Святослава и со сыном его Ольгом. Он же, не отрицаяся, приехал и с собою привез Владимира Святославича, а Олег, сын Святославль, наперед приехал; его же Юрий одарил и дал ему пардуса. Потом приехал Святослав в день Похвалы Пресвятыя Богородицы, июля 28-го, и принят с великою любовью и честью. И соверша при них брак, с великим торжеством празднуя 5 дней, потом одарив Святослава, детей его и служителей, с великим довольством и любовью отпустил. Сам же по окончании веселия возвратился с детьми в Суздаль...» [Татищев 1995: 170–171].

О. М. Рапов в связи с этим отмечает: «Не вижу оснований для сочинения с целью фальсификации приведенных В. Н. Татищевым текстов ни самим историком, ни каким-либо древним автором» [Рапов 1997: 18]. Согласиться с исследователем можно не вполне. Скорее всего, «любовная» канва сообщения использует, во-первых, известие некоторых летописей о том, что Кучку Юрий «за некую вину казнил» [Татищев 1995: 249], развивая этот сюжет, а во-вторых, повествование, связанное с сыном Юрия Андреем Юрьевичем Боголюбским (см.: [Кривошеев 2003а]).

Однако нам более интересно обозначение Кучки как «тысяцкого суздальского»⁹. Тысяцкие — это северо-восточные реалии того времени. Поэтому рассмотрим этот сюжет подробнее.

⁹ В. Н. Татищев (со ссылкой на «Степенную книгу») называет еще Кучку «неким дворянином, в тех местах живущим» [Татищев 1995: 249]. Ср.: [Кривошеев 2003а; Михайлова 2002].

Так, Киево-Печерский патерик сообщает: «И бысть посланъ отъ Володимера Мономаха въ Суждальскую землю, сий Георгий (это потомок варяжских дружинников, состоявших на службе у киевских князей, Георгий Симонович. — Ю. К.) дасть же ему на руже и сына своего Георгия (Юрия Долгорукого. — Ю. К.)» [ПКПМ: 3, 5]. Летописи дают дополнительные сведения о Георгии Симоновиче и его деятельности в Ростове и Суздале. Он называется «боярином болшим», «воеводой» Юрия Долгорукого и ростовским тысяцким¹⁰. Должность тысяцкого была довольно значительной в административной системе русских земель. Наряду с военным командованием тысячей (ополчением), тысяцкие также исполняли управленческие правительственные функции. Несмотря на назначение их князем, они играли большую роль в местной жизни. Причем если М. Н. Тихомиров обнаруживает «непосредственную связь их деятельности с жизнью городского населения» [Тихомиров 1956: 225–231], то И. Я. Фроянов говорит о связи тысяцких «вообще с волостным населением» [Фроянов 1980: 41, 218].

Это подтверждается и последним упоминанием о Георгии Симоновиче в Патерике: «По летех же мнозех седе Георгий Владимировичъ въ Киеве, тысяцкому жъ своему Георгиеви, яко отцу, предасть землю Суждальскую»¹¹ [ПКПМ: 5, 189]. Нам представляется важным указание на связь боярина-тысяцкого с волостной округой главного города, ибо имеются мнения, что Георгий Симонович «командовал» только своей дружиной («боярскими боярами»), находясь как бы в стороне от местной жизни¹²

¹⁰ В 1120 г. «Юрий Долгорукий Володимеричъ повоева Болгары, а воевода у него был и боярин болшей Георгий Симонович» [ПСРЛ, т. XV: стб. 193]. А в 1130 г. «Георгии Ростовский и тысячкою окова гроб Федосьев» [ПСРЛ, т. II: стб. 293] и т. д. См. также: [ПКПМ: 64].

¹¹ Сходным было в XI в. и положение посадников. Они, независимо даже от родственных связей с князем, выступали «главой местного мира» — «городской общины», возглавляя местную администрацию [Алексеев 1980: 28]. Сравнение тем более уместно, поскольку А. Е. Пресняков прямо считал, что Ростов управлялся посадниками [Пресняков 1918: 30].

¹² В другую крайность впадает Ю. А. Кизилов, настаивая на том, что ростовской тысячей руководило местное боярство [Кизилов 1982: 11]. См. также: [Воронин 1935; Насонов 1969: 130].

[Романов 1947: 149–151]. Принимая точку зрения М. Н. Тихомирова и И. Я. Фроянова, мы можем предположить, что в подчинении (в этом проявляется зависимость края от Киева, усилившаяся с появлением постоянной южной администрации) у «боярина большего» находилась и знать местного происхождения. Под «сущими под ним» «болярами», отмеченными Патериком, могли скрываться не только его дружинники, но и верхушка местной знати¹³ [ПКПМ 1911: 189–191]. Правда, Ю. Г. Алексеев замечает, что в XII в. «лучшие мужи», «вячшие» и т. д. — «это, по видимому, не бояре», «а наиболее богатые и влиятельные члены городской общины, социальное выделение которых только намечается» [Алексеев 1979: 245–246].

Но возникает вопрос: неужели только верхушка дружинников называлась боярами? И здесь мы подходим к вопросу о соотношении (разумеется, не количественном) местной знати и дружинного боярства. По этому поводу существуют различные мнения. Традиционно считается, что зарождающаяся местная знать входит в состав пришлового господствующего класса [Известия ГАИМК: 84, 85, 266–267 и др.; Кучкин 1984: 57 и др.]. Некоторые историки пишут, что, наоборот, бояре-дружинники в XII в. начинают «тяготеть в первую очередь к городам, а не к конкретным князьям» [Горский 1984: 28]. По Ю. Г. Алексееву, местная знать «либо входит в княжескую дружину... порывая тем самым с городской общиной и приобретая новый политический статус, либо сохраняет свои общинные связи, захватывая в своей общине политическую власть» [Алексеев 1980: 30]. Фроянов, признавая параллельное существование княжих и земских бояр, пишет о движении во встречных направлениях: на княжескую службу поступали «так называемые земские бояре», а из дружины «происходил отток в ряды земской знати». Таким образом, «противопоставление княжеских бояр боярам земским выглядит условно»¹⁴ [Фроянов 1980: 84]. Признавая эту условность и исхо-

¹³ Подобные формулы («суть под рукою его», «светлых бояр» и др.) подразумевают знать не только Киева, но и округи — Русской земли [ПРП 1952: 6–7]. См. также: [Ловмянский 1978: 97].

¹⁴ Добавим к этому, что летописец для конца XII — начала XIII в. термины «мужи», «бояре», «дружина» употребляет как синонимы. Одних и тех же лиц

дя из понимания общины как включающей в качестве управленческой верхушки и земскую знать, и княжескую вместе с князем, необходимо отметить, что во второй половине XII в. противопоставление этих групп знати довольно отчетливо проявляется в рамках социальной борьбы в городских общинах и между ними. Это и понятно, ибо слияние знати, ее консолидация происходят уже за пределами древнерусского периода [Алексеев 1979: 245–246 и др.; Дворниченко 1986: 27; 1993: 120–127 и др.]. А пока «старейшая дружина» и местная знать в ряде случаев преследовали различные цели, возглавляя своеобразные «партии» (впрочем, и местная знать не была единой).

Образование местного боярства дало повод многим историкам утверждать, что это были уже крупные феодалы-землевладельцы, которые и вступили в жестокую борьбу с появившимися здесь в XII в. князьями с юга, посягнувшими на их экономическую и политическую самостоятельность и независимость. Однако эта борьба имела другой характер — скорее, сопротивление оказывали представители местных родовых властей — вроде Кучки.

Роль же дружинного боярства вырисовывается из последующих событий. В 1162 г., свидетельствует Ипатьевская летопись, Андрей «братью свою погна Мьстислава и Василка и два Ростиславича, сыновца своя, мужи отца своего переднии. Се же створи, хотя самовластець быти всеи Суждальской земли» [ПСРЛ, т. II: стб. 520]. На первый взгляд, центр тяжести этого конфликта заключен в династических распрях. Южный летописец обвиняет во всем Андрея Боголюбского, называя его «самовластцем», имея в виду его притязания руководить («волоститься») в Суздальской земле без своих братьев. Но, как явствует из другого летописного текста, они имели на княжение здесь такое же или даже большее право, поскольку «вся земля» (ростовцы, суздальцы, владимирцы и переяславцы) еще при Юрии «целовавше... на

он называет то «боярами отца его», то «мужами отца его» [ПСРЛ, т. I: стб. 422]. С другой стороны, «Володимерьская дружина 300» (дружина г. Владимира) называется «дружиной» князя Всеволода и его «мужами» [ПСРЛ, т. I: стб. 402–404]. Такая терминологическая расплывчатость, отражающая реальную действительность, прослеживается и в других землях Руси [Пашин 1986: 16].

менших детех, на Михалце и на брате его (Всеволоде. — Ю. К.) и преступивше хрестное целованье, посадиша Андреа, а меньшая выгнаша» [ПСРЛ, т. I: стб. 372]. Посаждение Андрея произошло, следовательно, как и изгнание братьев, в нарушение клятвы теми же горожанами и волощанами, включавшими в себя и местное боярство¹⁵. Именно среди них Андрей пользовался в то время популярностью: «...занеже бе любимъ всеми за премногую его добродетель» [ПСРЛ, т. I: стб. 348]. Они и стали его опорой в споре с братьями и поддерживающей их партией. Вместе с ними изгоняются племянники и, что важно, «мужи отца... переднии»¹⁶. Видимо, дружинное боярство выступало проводником идей и дел Юрия Долгорукого в этих землях. Не зря же он Георгию Симоновичу «яко отцю, предасть область Суждальскую». Оставаясь верными своему «патрону», следуя клятве «меншим детям», к которым они и должны были перейти, дружинники и после смерти Долгорукого видели его «законных» наследников в Ростово-Суздальских землях в Михалке и Всеволоде. Не разделяя планов Андрея, боярство, возможно, вмешивалось в княжеское управление краем¹⁷ [Рыбаков 1982: 550]. Конечно же, боярство не пренебрегало и своими целями. При малолетстве князей оно могло выступать, как и привыкло, полными хозяевами в управлении землей. Так и случится в недалеком будущем при Ростиславичах¹⁸. Видимо, ограниченное в управлении и получении доходов уже при Андрее, с изгнанием князей оно и вовсе лишилось

¹⁵ Историки настаивают, что этой силой было только местное боярство [Воронин 1935: 217; Насонов 1969: 130, 146; Кизилев 1970: 18, 25]. Ю. А. Лимонов приходит к выводу, что «личность нового князя устраивала все прослойки феодального общества, кроме крестьянства» [Лимонов 1987: 46]. Необходимо заметить, что заключение относительно сельского населения основывается сугубо на логических умозаключениях автора и не подкрепляется источниками [Лимонов 1987: 45].

¹⁶ Видимо, здесь были замешаны и церковные круги [ПСРЛ, т. I: стб. 350; т. II: стб. 520].

¹⁷ Еще большему, чем прежде, переключению дружинного боярства на местные интересы способствовала ликвидация даней в пользу Киева — одного из основных их занятий ранее.

¹⁸ «Сама князя молода бяста, слушаая боярь, а бояре укажутъ и на многое именье» [ПСРЛ, т. I: стб. 375].

бы доходов, переходящих его дружине¹⁹. Но и «переднии мужи» не были едины — противоречия имели место и среди них. С Андреем Боголюбским оставалась какая-то часть отцовских дружинников, в частности боярин-воевода Борис Жидиславич, сын боярина Юрия Долгорукого²⁰ [Сказание о чудесах: 38–39; ПСРЛ, т. I: стб. 365; Кучкин 1984: 88].

Таким образом, в отношении Кучки можно сказать по-прежнему: он был представителем местной родовой знати.

¹⁹ Так было в Галицкой Руси [Пашин 1986: 18].

²⁰ Кстати, этому, так сказать, новому поколению «передней» дружины нельзя отказать в последовательности действий. Выступая здесь против Михалки и Всеволода, они и впоследствии окажутся в лагере, ведущем борьбу против них, — в лагере «ростовцев» [ПСРЛ, т. I: стб. 330].

МОСКВА И МОСКВИЧИ В БОРЬБЕ ГОРОДСКИХ ОБЩИН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII — НАЧАЛЕ XIII В.

До конца I тысячелетия н. э. в Волго-Окском междуречье и прилегающей округе (на севере до Белозерья, на юге до Муромских лесов) проживали в основном финно-угорские народности: меря, мурома, весь, мордва, голядь, мещера. С IX в. сюда стали проникать первые группы осваивавших Восточно-Европейскую равнину восточных славян. Это были ильменские словене и кривичи, пришедшие с северо-запада. В VIII–IX вв. в бассейне Оки оседают вятичи. Первоначальное освоение славянами Волго-Окского междуречья завершается в XI–XII вв. [Седов 1982: 143–151; Дубов 1982: 6–45; Никольская 1981: 12 и др.; Макаров 1993: 92–114].

Впрочем, Междуречье и его окрестности в IX–X вв. вряд ли можно рассматривать как глухие углы с архаическим укладом жизни. Представляется, что здесь имели место достаточно сложные и насыщенные социальные отношения. На это указывает наличие городских центров. Уже Рюрик, «прия власть», «раздая мужемъ своимъ грады», большую часть которых составили именно северо-восточные города: Ростов, Белоозеро, Муром [ПВЛ 1950: 18]. Города как центры племенных союзов, направившие «воев» в поход на Царьград, получают «греческую дань» [ПВЛ 1950: 24]. Среди них — Ростов. Вероятно, под «прочими» разумеются и дру-

гие северо-восточные города, но возможно и то, что в начале X в. Ростов становится на какое-то время «единоличным» центром округа. О значении Ростова в конце X в. свидетельствует и факт «посажения» здесь Владимиром Ярослава (988 г.), а затем Бориса (и одновременно Глеба в Муроме) [ПВЛ 1950: 83].

В XI в. на страницах летописей появляются новые города — Суздаль и Ярославль [ПВЛ 1950: 100, 117]. Они упоминаются в связи с экстремальными ситуациями: неурожаем, голодом и, как следствие, социальным недовольством, поддержанным туземными языческими лидерами — волхвами. Выступления были направлены против местной знати: «старой чади» и «лучших». Таким образом, мы видим здесь общинное устройство и организацию, так сказать, в действии [Фроянов 1995а: 113–162, 172; Кривошеев 1985а: 38–48; Кривошеев 1985б: 124–131]. Не менее отчетливо в этих событиях проступает и другая сторона: северо-восточный регион и в XI в. предстает зависимым краем, территорией, с которой собирается дань в пользу других общин и их князей, а на рубеже XI–XII вв. «становится театром межволостных и межкняжеских войн» [Фроянов 1992: 88–89].

Новые конкретные факты общественной жизни на северо-востоке Руси дают нам события 1096 г., в центре которых находились Ростов, Суздаль, Муром [ПВЛ 1950: 168]. Проанализировав их, И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко пришли к следующему выводу. «Летописный рассказ, повествующий о княжеской борьбе на далеком северо-востоке, содержит ряд указаний, которые дают возможность понять особенности местной общественной жизни. Перед нами самостоятельные городские общины, обладающие мобильной военной организацией, общины, консолидировавшие вокруг себя большую территорию, именуемую землей, волостью. Земля состоит из главного города (Ростов. — Ю. К.) и пригородов (Суздаль, Муром. — Ю. К.). Между главным городом и одним из наиболее крупных пригородов (Суздадем. — Ю. К.) завязывается борьба за преобладание. Все это свидетельствует о сравнительно высоком уровне социально-политической жизни местного общества и позволяет усомниться в довольно распространенных в литературе представлениях о его отсталости» [Фроянов, Дворниченко 1988: 228].

Вместе с тем ситуация 1096 г. показывает и то, что в княжеской среде северо-восточный регион начинает играть все более существенную роль. В это время сюда, несмотря на трудности и опасности, совершает поездки Владимир Мономах. Важнейшим результатом его пребывания здесь становится основание в 1107 г. Владимира-Залесского. Северо-Восточная Русь начинает приобретать все более весомый политический статус; формируются предпосылки политической самостоятельности региона; завершается переход к «классической» схеме древнерусского города-государства с органами власти, представленными вечем и князем [Фроянов 1991: 92–93 и др.; Фроянов, Дворниченко 1988: 229–252].

Таким образом, в XI — начале XII в. на северо-востоке, как и в других землях Древней Руси, происходит складывание первичной (по территории и функциям) государственной формы — города-государства, по всей видимости, политической системы, довольно универсальной для исторического процесса на стадии политогенеза²¹. Процесс формирования государственности на Руси в целом и на северо-востоке в частности, как нам представляется, довольно ярко и убедительно подтверждает эту общую закономерность²².

К концу XI в. можно отнести и истоки явления, характерного для древнерусских городов-государств, — соперничество городских общин за первенство в крае. Вначале это «старейшие» города Ростов и Суздаль, позже к ним прибавляется «мезиний» Владимир. Значение его растет уже при Юрии Долгоруком, а апогей могущества приходится на княжения Андрея Боголюбского и Всево-

²¹ См.: [Дьяконов, Якобсон 1982: 3; Фроянов, Дворниченко 1988: 17–19; Теория государства 1995: 26–28, 31, 47 и др.].

²² В работе 1995 г. (в целом отвечающей требованиям современных наук об обществе), посвященной теоретическим проблемам возникновения и развития государственности, возникновение городов-государств у восточных славян относится к VIII–IX вв. (см.: [Теория государства 1995: 180, 183]), с чем трудно согласиться, ибо в тот период восточные славяне находились на племенном уровне общественного развития, а город-государство подразумевает более высокий уровень общественной организации — территориальный. Нет оснований говорить и о раннеклассовой основе восточнославянского общества того времени [Теория государства 1995: 183].

лода Большое Гнездо. Об этих событиях мы имеем уже достаточно определенные известия.

Рассмотрение бурных коллизий в истории северо-восточных земель второй половины XII — начала XIII в. как соперничества городов, в первую очередь Ростова, Суздаля и Владимира, началось еще в XIX в. Так подходил к этой борьбе, например, Н. А. Полевой. В его рассказе фигурируют ростовцы и владимирцы, которые спорят «о старейшинстве городов своих» [Полевой 1830: 82–83]. Наиболее четко эту мысль сформулировал С. М. Соловьев. В соответствии со своей концепцией он считал, что с Андрея Боголюбского начался «новый период, период борьбы между старым порядком вещей и новым. Начало этой борьбы обозначилось борьбою старых городов с новыми». Схему борьбы городов С. М. Соловьев наполнил и социальным содержанием. По его мнению, в старых городах «слышится преимущественно голос высшего разряда — ростовских жителей, бояр, дружины вообще». Новые города — пригороды — возглавляет в борьбе князь. Вечевые традиции здесь отсутствовали. Жители пригородов — «люди простые ремесленные», «получив от князя свое бытие, они необходимо считали себя его собственностью». Борьба городов «должна была решить вопрос: где утвердится стол княжеский — в старом Ростове или новом Владимире, от чего зависел ход истории на севере» [Соловьев 1846: 16–18 и др.; 1988, т. 1–2: 516–517, 531–538].

Трактовка социальной борьбы на северо-востоке Руси как борьбы городов с многочисленными уточнениями, дополнениями и т. д. в историографии XIX — начала XX в. получила полную поддержку [Пассек 1870: 7–13, 106–109; Костомаров 1870: 43, 51–52; Корсаков 1872: 113 и др.; Затыркевич 1874: 248–257; Сергеевич 1902: 22–30; Ключевский 1987: 326–331; Платонов 1915: 105 и др.] (особняком здесь стоит мнение А. Е. Преснякова: «Не столько “вечевые” города тут действуют, сколько их социальные верхи: бояре и вся дружина» [Пресняков 1909: 232]). Более сдержанно отнеслись к такому пониманию происходившего советские историки. Так, к примеру, М. Н. Тихомиров полагал, что в такой традиционной постановке вопроса теряется социальный смысл борьбы [Тихомиров 1955а: 234] (см. также: [Воронин 1935: 222–225; Мавродин

1960: 32; Греков 1953: 367–368; Пашуто 1965: 43–48; Черепнин 1965: 269–272 и др.]). Тем не менее тезис о борьбе городов развивался и в ряде работ советских историков [Насонов 1924: 14–17; Приселков 1940: 73 и др.; Галкин 1939: 105 и др.; Фроянов 1980: 157 и др.; 1995а: 590 и др.; Фроянов, Дворниченко 1988: 228 и др.; Лимонов 1987: 103]. В целом же мнениям, взглядам, оценкам этой борьбы, можно сказать, несть числа, что уже само по себе свидетельствует о социальной значимости этих событий в общественном развитии северо-восточных земель.

В конечном итоге восприятие конфликта как борьбы городов, представлявших целостные социальные организмы, между собой или как соперничества между отдельными «партиями» всего края зависит от подхода к расстановке социальных сил. Краеугольным камнем при рассмотрении борьбы городов является также вопрос об участии в ней народных масс. Большинство историков признают определенную роль городского «людья» в межгородских столкновениях. Но силу горожан историки, как правило, видят только во Владимире, считая Ростов и Суздаль городами «боярскими», где боярство «поглотило» все остальное население. От решения в первую очередь этих вопросов и делались общие выводы.

Наиболее подробно конфликт 1175–1177 гг. был рассмотрен В. О. Ключевским. Анализируя события на широком фоне действующих в них социальных сил, ученый вскрыл социальную сущность явлений глубоко и масштабно. Отталкиваясь от выводов С. М. Соловьева, В. О. Ключевский пришел к заключению, противоречащему им, выявив «тройную борьбу» общества, разделившегося «в борьбе горизонтально, а не вертикально», то есть по сословиям, а не по городам. Цепь рассуждений Ключевского стройна, все выводы логичны. Тем не менее есть основания присмотреться к ним пристальнее, особенно учитывая их близость к построениям ряда советских историков, поскольку последние считают решающим фактором в борьбе 1175–1177 гг. именно раскол северо-восточного общества на антагонистические классы, а не на городские общины.

События 1175–1177 гг. в Северо-Восточной Руси предстают перед нами как борьба городских общин. Точнее, мы наблюдаем борьбу общин главных городов волости с общинами приго-

родов, характерную для Древней Руси, начиная со второй половины XII в. Ученые XIX — начала XX в. неоднократно отмечали стремление пригородов различных волостей к обособлению и пытались объяснить этот процесс. Рассматривался этот вопрос и в историографии²³.

Каковы же были причины, приводившие к попыткам обособления пригородов? Советские историки указывали возможные объективные причины дробления земель-городов. А. Н. Насонов, имея в виду Владимир, обратил внимание на развитие «его материальных средств» [Насонов 1924: 14–15]. Более подробно рассмотрел этот вопрос Ю. А. Кизилев. «К независимости и вольности Владимир был подготовлен всем ходом своего развития», — писал он и называл следующие факторы: «наличие черноземных почв», «богатые промысловые возможности края, естественная защищенность от “дикого поля”, положение в центре речных и сухопутных дорог» [Кизилев 1982: 20–21]. Следует также учитывать и факторы другого порядка: тяжесть отправления финансовых и военных повинностей в пользу главного города. По мнению И. Я. Фроянова, «к такому обособлению, преследующему цель создания самостоятельных городов-государств, толкала сама социально-политическая организация древнерусского общества с присущей ей непосредственной демократией, выражавшейся в прямом участии народа в деятельности народных вечевых собраний — верховного органа городов-государств» [Фроянов 1980: 234–236]. Видимо, совокупность этих экономических и политических причин и создавала предпосылки для образования новых городов-государств.

И. Я. Фроянов подвел и промежуточный итог городской междоусобицы на северо-востоке. Им стало «превращение Владимира в стольный город с подчинением ему старейших городов. Произошел настоящий переворот в политической жизни Ростово-Суздальской земли. И тем не менее он не дал прочных результатов. Ростов уступил, но только на время, ожидая удобного случая,

²³ См., напр.: [Костомаров 1870: 30–31; Сергеевич 1902, т. 1: 12 и др.; т. 2: 112–113, 118; Пресняков 1909: 203, 206; Кривошеев 1988; Фроянов 1980: 234–236 и др.]

чтобы снова взяться за оружие «для отстаивания своего земского главенства»²⁴.

Однако борьба городских общин Северо-Восточной Руси не закончилась 1170-ми годами. Она продолжилась с новой силой в первой трети XIII в. После знаменитого вече 1211 г. [Кривошеев 1988] события на северо-востоке Руси выливаются в серию открытых столкновений.

В историографии они, как правило, рассматривались как феодальные распри. Так, М. Д. Приселков писал о «борьбе, разыгравшейся после смерти Всеволода за великокняжеский стол Владимира между Константином и Юрием Всеволодовичами» [Приселков 1940: 88, 89]. Ю. А. Лимонов также говорил о «соперничестве между Юрием и Константином», которых поддерживали соответственно «владимирцы»²⁵ и «ростовские бояре» [Лимонов 1967: 167; 1987: 107, 143]. Ю. А. Кизилев определяет эти события как «феодальную войну 1214–1215 гг., вспыхнувшую после смерти Всеволода Юрьевича». Он указывает также на ее последствия: «Распри его сыновей из-за великокняжеского стола и распределения княжений вели к постепенному ослаблению великокняжеской власти и ее влияния на другие русские земли» [Кизилев 1982: 22–23]. Сходной является точка зрения В. А. Кучкина: в «семилетний период между сыновьями Всеволода развернулась ожесточенная борьба за отчины, вызвавшая пристальное внимание летописцев, которые при описании всех ее перипетий, походя, сообщали и о городах, захваченных князьями друг у друга» [Кучкин 1984: 94]. Более сложной и социально насыщенной представляется эта борьба И. В. Дубову. «Безусловно, это борьба не между князьями, — пишет он, — она имела более глубокие корни, уходящие в древнейшие времена. Это было одно из столкновений между ростовским боярством и новой знатью, сформированной из среднего слоя горожан Владимира и Суздаля» [Дубов 1985: 44]²⁶. Как видим, И. В. Дубов, по сравнению с ранее высказанными мнениями, отмечает связь этой новой

²⁴ «Изложение военных событий» см. в [Фроянов 1980: 669–672].

²⁵ Следует помнить, что под «владимирцами» Ю. А. Лимонов понимает мелких и крупных «местных феодалов».

²⁶ Правда, в другом месте он пишет о «междоусобной княжеской распре» [Дубов 1985: 46].

знати с предшествовавшими событиями на северо-востоке и расширяет ее социальное значение и круг социальных сил, в ней участвовавших.

Схожая трактовка этих событий, рассматривающая их в свете межгородских противоречий, восходит к дореволюционной историографии. Развивая мысли С. М. Соловьева, В. В. Пассек доказывал, что после смерти Всеволода следует продолжение «той же вражды между Ростовцами и Владимирцами». Только теперь она обусловлена «желанием (ростовцев. — Ю. К.) уже не господствовать над владимирцами, а единственно лишь иметь князя отдельного, независимого от владимирцев...» [Пассек 1870: 11–12]. В «нелюбках», перешедших вскоре в усобицы между Константином и Всеволодом, а затем и Юрием, писал Д. А. Корсаков, «мы имеем основание видеть не одну только межкняжью распрю, но продолжение междугородовой земской распри, которая проявилась впервые после убиения Андрея Боголюбского, будучи, в свою очередь, результатом всего земского строя Ростово-Суздальской земли» [Корсаков 1872: 154]. Еще дальше пошел М. Д. Затыркевич. Он подчеркивал, что борьба между Константином и Юрием «за право старейшинства» «не имела никакого значения, а была исключительно городской» [Затыркевич 1874: 255]. В советской историографии этот вопрос разбирался А. Н. Насоновым. Он пришел к выводу, что «загадочные события начала XIII столетия при сыновьях Всеволода... следует определять как продолжение городских междоусобий XII века», как «борьбу городов» [Насонов 1924: 23–27; 1969: 221]. Наконец, И. Я. Фроянов также пишет о борьбе между городскими общинами — ростовской и владимирской — и их союзниками [Фроянов 1995а: 694–697].

Основные сведения об этой борьбе дают два летописных источника: «Летописец Переяславля Суздальского» и «Московский летописный свод» 1479 г. Хронологически они дополняют друг друга. «Летописец Переяславля Суздальского» подробно освещает начальный период борьбы, а «Московский летописный свод» — ее вторую половину²⁷.

²⁷ Лаврентьевская летопись лаконично и настойчиво проводит мысль о единении братьев, но не об их раздорах или о столкновении городских общин. Это-

На первый взгляд, если буквально следовать летописному описанию, на арене только князя — сыновья Всеволода. Однако это впечатление довольно обманчиво. Еще А.Е.Пресняков считал необходимым предупредить, что «рассказы современников-летописцев» об этой борьбе «проникнуты определенными книжническими тенденциями» [Пресняков 1918: 41]. А в современной литературе на основе анализа событий, аналогичных рассматриваемым, отмечалась опасность «некритического» отношения к летописным записям, «содержащим сведения о князьях, выступающих в качестве вершителей политических судеб древнерусских земель XII в. Нельзя забывать, — отмечают И.Я.Фроянов и А.Ю.Дворниченко, — что здесь мы имеем явные издержки прокняжеского настроения летописцев, порождавшие соответствующие искажения при передаче исторических событий» [Фроянов, Дворниченко 1988: 201]. Далее мы также попытаемся показать, что княжеская семейная междоусобица (безусловно, имевшая место) является лишь частью более общего конфликта — той же борьбы городов Северо-Востока. За спинами северо-восточного князя явно стояли ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, москвичи. Иной раз об этом свидетельствуют и сами летописцы, будучи не в силах выдержать «прокняжеский» строй своих записей. И тогда мы видим, что взаимоотношения князей с горожанами в это время строятся на основе первенства горожан в политическом смысле.

Так, после владимирского веча 1211 г., где Ярославу был «дан» Переяславль, он спешит заручиться поддержкой переяславцев на месте. «Ярослав же, приехавъ в Переяславль, месяца априля в 18 день, и съзвавъ вси Переяславци къ святомуу Спасу, и рече им: “братия Переяславци, се отець мои иде къ Богови, а васъ оудал мне, а мене вдалъ вамъ на руце, да рците ми братия, аще хо-

му дали объяснение А.Н.Насонов, М.Д.Приселков, Ю.А.Лимонов. Согласно их мнению, в Лаврентьевской летописи отложилось летописание князя Константина. Княжеский летописец тщательно сглаживал негативные моменты, относящиеся к Константину и ростовцам. Напротив, в двух указанных летописях события изложены объективнее и полнее, что связано с их владимирской ориентацией [Приселков 1940: 87; Насонов 1924: 23–26; 1940: 193, 222, 229; Лимонов 1967: 165–167].

щете мя имети собе, яко же вместе отца моего, и головы своя за мя сложити”. Они же вси тогда рекоша: “велми, Господине, тако боуди, ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ”. И целоваша к нему вси крест. И тако седе Ярославъ в Переяславли на столе иде же родися» [ЛПС: 110]. Переяславцы, как увидим, преследуя и свои интересы, остались верными союзниками Ярослава и владимирцев с Юрием²⁸.

Приготовления начались и в противоположном стане — ротовском. Константин вместе с прибежавшим к нему из Владимира братом Святославом²⁹ сразу же «начя събирати воя» [ЛПС: 110]. В ответ на это Ярослав «съвокупя Переяславци поиде къ Ростову, а Гюрги съ Володимирци и съ Соуждалци поиде» [ЛПС: 111]. В данном случае не приходится сомневаться в том, что в военных столкновениях на реке Ишне принимали участие городские дружины — «вои», а не только князья со своими дружинами³⁰.

В ближайшем будущем (1214 г.) в городские уособицы активно включаются москвичи. Факт этот для истории Северо-Восточной Руси примечательный. Он свидетельствует о становлении еще одного пригорода самостоятельным городом. Первый шаг к этому был предпринят москвичами годом ранее. «Летописец Переяславля Суздальского» очень кратко сообщает, что «на тоу

²⁸ Как отметил М. Н. Тихомиров, «время Ярослава Всеволодовича было эпохой наибольшего, хотя и кратковременного процветания Переяславля, сделавшегося на этот раз стольным городом сильного князя» [Тихомиров 1956: 415]. Думается, однако, что главной причиной его взлета явилась организационная (и в политическом, и в военном смысле) зрелость городской общины.

²⁹ Участником владимирского веча, поведавшим «моу вся бывшаа въ граде Володимири» [Летописец Переяславля Суздальского: 110].

³⁰ Полностью соглашаемся с И. Я. Фрояновым и А. Ю. Дворниченко, считающими, что «участие “воев” в княжеских “которах” нельзя расценивать только в качестве поддержки, оказываемой населением того или иного города своим князьям, ибо в нем находила отражение межобщинная борьба, получившая широкое распространение в древнерусской жизни. Поэтому изучение межкняжеских конфликтов невозможно вести, отвлекаясь от соперничества и противоборства древнерусских городских общин, городов-государств. Нарушая данный принцип, мы неизбежно придем к односторонним выводам, искажающим историческую реальность» [Фроянов, Дворниченко 1988: 204].

же зимоу Володимиръ Всеволодичъ, не хотя княжити в Гюргеве³¹ и бежа в Волок, а с Волока на Москву и седе тоу въ брата своего городе въ Гюргево» [ЛПС: 111]. Московский свод 1479 г. добавляет, что за действиями Владимира стояли Константин и ростовцы, потому что вначале он «беже в Ростовъ», потом — на Волок, и только «оттоле посла и Костянтинъ на Москву» [ПСРЛ, т. XXV: 109]. В любом случае мы видим, что появление князя Владимира в Москве прошло безболезненно для обеих сторон. Почему? Москва, как следует из вышеприведенного текста, являлась пригородом, зависимым от владимирцев и владимирского князя. Естественно, что, стремясь к самостоятельности, она нуждалась в своем князе. Москвичи в лице Владимира и приобрели его. Однако этому предшествовали, судя по его остановке в Волоке, какие-то переговоры, только после которых он садится в Москве. Похожей представлялась картина и М. Н. Тихомирову: Владимир «бежал на Волок, а оттуда на Москву, где сел князем, конечно, не без согласия москвичей»³².

Идя, таким образом, против Юрия и владимирцев, москвичи становятся их противниками и уже в следующем 1214 г. выступают на стороне ростовцев.

Константин и ростовцы остались недовольны мирно закончившимися столкновениями на Ишне, поэтому вновь «зая Костянтинъ рать» [ЛПС: 111]. Он попытался отобрать у Юрия и Ярослава северные города: Соль Великую, Кострому и Нерехту³³. Костро-

³¹ Юрьев-Польский в дальнейшем не участвовал самостоятельно в межгородской борьбе, видимо, находясь в полной зависимости от города Владимира. Эта же зависимость, усугубляющаяся географической близостью Юрьева к Владимиру, возможно, и послужила одной из причин бегства князя Владимира в Москву.

³² И в более ранней своей работе он писал, что «действия Владимира отнюдь не были его внезапной авантюрой. Он опирался на самих москвичей и хотел прочно утвердиться в Москве» [Тихомиров 1947: 18]. К этому следует лишь добавить, что «сам факт появления “удельных” князей — знак не столько роста княжеской семьи, сколько возросшей самостоятельности пригородов. “Удельные князья” выступают, несомненно, как выразители интересов местных городских общин. Внешне это выливалось в военные столкновения» [Фроянов, Дворниченко 1988: 199].

³³ В отечественной историографии ряд исследователей полагали, что Кострома в начале XIII в. относилась к Ростову, видя ее среди пяти городов, «данных» Всеволодом Константину [Корсаков 1872: 137 и др.; Козловский 1840: 9; Кизилов 1982: 46]. Однако более распространенным является мнение, что Кострома на-

мичи, видимо, не желали отступаться от города Владимира, поэтому Константин «Кострому пожьже», а другие города он просто отъя». Чем были вызваны эти акции ростовцев? Для ответа на этот вопрос рассмотрим, какое место занимали указанные города в Северо-Восточной Руси. По этому поводу высказывались различные мнения. Так, И. М. Миловидов полагал, что Кострома являлась «пограничным» городом между Ростовской и Владимирской волостями, а Константин сжег ее из стратегических соображений [Миловидов 1886: 26]. Согласно отечественным ученым, Кострома как городское поселение возникла в пределах последней четверти XII — начале XIII в. [Насонов 1951: 193, 194, 196; Кучкин 1984: 94]. В это время она осуществляла функции форпоста «низовской» колонизации [Рябинин 1986: 99]. А. Н. Насонов упоминает о Соли Великой и Нерехте в связи с распространением «ростово-суздальской дани», обусловленной, «по-видимому, экономическим значением этих мест» [Насонов 1951: 193–194, 196]. Основываясь на данных археологии, Е. А. Рябинин считает все эти поселения уже «городскими центрами»³⁴ [Рябинин 1986: 99]. Думается, что такому выводу не противоречат и летописные сообщения. В самом деле, костромичи сумели организовать защиту своего города, а Соль Великая и Нерехта сдались только перед превосходящими силами противника. Представляя собой определенную военную, а возможно, уже и политическую организацию, все же эти города, видимо, не претендовали на самостоятельное существование. Хотя нападение на них является, безусловно, показателем их возросшего значения в жизни северо-восточного общества. Обезопасить себя от участия этих городов на стороне владимирцев в борь-

ходила в это время под эгидой Владимира [Миловидов 1886: 24–26 и др.; Экземплярский 1891: 66; Пресняков 1918: 43; Кучкин 1984: 100; Рябинин 1986: 99]. К Владимирской волости относилась и Соль Великая, а к Переяславской — Нерехта [Кучкин 1984: 100; Рябинин 1986: 99].

³⁴ Представляется, что несколько преувеличивает значение Костромы Ю. А. Кизилев. Отмечая расположение города «в гуще сельскохозяйственных поселений», прохождение через него «важнейших дорог» в Новгород и на север, он считает возможным сделать следующий вывод: «Все это рано выдвинуло Кострому в число важнейших центров Руси, и за влияние над ней сыновья Всеволода III вели не одну кровопролитную войну» [Кизилев 1982: 36–37].

бе против ростовцев — такая цель преследовалась Ростовом при нападении на владимирские пригороды.

Реакция Юрия и Ярослава была естественной: они «скопивше плъкы, поидоша опять на Константина къ Ростову» вместе со своим союзником Давидом Муромским. Вот тогда и пробил час москвичей. Владимир «поиде с Москвичи и съ дружиною своею къ Дмитрову къ Ярославлю городу брата своего...» [ЛПС: 111–112]. В этом сообщении летописи, как нам представляется, заложена довольно важная информация. Во-первых, что заметил еще М. Н. Тихомиров, «летопись говорит о “москвичах”, отделяя их от княжеской дружины» [Тихомиров 1956: 410]. То есть можно сказать, что московская городовая дружина здесь выступает практически самостоятельной военной единицей под руководством своего военачальника — князя³⁵. Во-вторых, на арене борьбы появляется еще один город — переяславский пригород Дмитров. Он оказывает яростное сопротивление москвичам. «Слышавше же Дмитровци, оже идетъ на нихъ Владимиръ, и пожгоша сами все преградие и затворишася. Владимиръ же, приехавъ, не доспе имъ ничто же, зане Дмитровци крепко биахутся з города. Тогда же хотеша и Владимира застрелити, и бежа от града съ полкомъ своимъ, оубоявся брата своего Ярослава. Дмитровци же, вышедше из города, избиха зад дружины его. Владимиръ же гнавъ седе на Москве» [ЛПС: 112]. Здесь Дмитров ни в чем не уступает москвичам и их князю в «очной» борьбе. Поэтому прав М. Н. Тихомиров, утверждая, что «оба города выступают еще как примерно равноправные единицы по своим силам» [Тихомиров 1956: 413]. Более того, в конечном итоге дмитровцы вынуждают князя возвратиться в Москву. Однако оставался он «на Москве» недолго. После очередного примирения под Ростовом «Гюргии поиде къ Москве на Володимира, испросивъ помочь оу Костянтина и оу Ярослава и пришедъ оседе Москвоу» [ЛПС: 112]. Летописец передает мирный диалог братьев, закончившийся тем, что Владимир покидает пределы Северо-

³⁵ «Сколь ни значительна была военная роль князя в Киевской Руси, все же не он, а вече распоряжалось в конечном итоге народным ополчением, — напоминает И. Я. Фроянов. — Князю как военному специалисту высокого класса поручалось главным образом командование войском, строительство и организация вооруженных сил» [Фроянов 1980: 208].

Восточной Руси, уходя в «Русскую землю» — в Переяславль Русский. Полагаем, что немаловажную роль в этом уходе сыграли сами москвичи. Разуверившись из-за неудачных действий под Дмитровом в своем князе, они не препятствовали его уходу. К этому же решению их склоняла и стоявшая под городом владимирская рать.

В книге «Древняя Москва» М. Н. Тихомиров в свое время подвел определенные итоги развития Москвы в начале XIII в. В рассказе об осаде Дмитрова, писал он, «впервые упоминаются “москвичи”, и этот термин звучит многозначительно. Конечно, под ним понимаются не только горожане, но в то же время и не одни землевладельцы со своими вооруженными отрядами. “Москвичи” — это целый комплекс понятий, обозначение жителей города и окружающей его округи. Характерно и само предпочтение Москвы соседнему Юрьеву-Польскому, лежавшему в богатой сельскохозяйственной местности. Однако этого факта достаточно для того, чтобы признать, что Москва сильно продвинулась вперед...» [Тихомиров 1947: 17–18; 1956: 410].

Эти рассуждения М. Н. Тихомирова можно продолжить. Видимо, не столько земля, поля и нивы интересовали в то время северо-восточных князей, сколько мощь того или иного города, в первую очередь его военное и политическое значение. Сила города способствовала и значимости князя. Не князь поднимал авторитет городской общины (хотя он являлся необходимым элементом ее структуры, как мы это неоднократно видели), а городская община князя. Вместе с тем нельзя согласиться с Тихомировым, что в это время «Москва становится особым уделом, из-за которого происходила борьба между старшими князьями» [Тихомиров 1956: 410]. Москва является еще владимирским пригородом и только попыталась стать самостоятельной, имея к этому определенные предпосылки. «Признаки ее экономического роста» [Тихомиров 1947: 17–18; 1957: 9–14] находят свое воплощение также в политическом и военном аспектах. Однако повторим еще раз, что складывались лишь предпосылки к созданию московского «удела». В 1213–1214 гг. ее обособление так и не состоялось³⁶.

³⁶ Средневековые писатели не учитывали этой попытки Москвы. «Ее судьба представлялась неожиданной и дальнейшим поколениям севернорусского

Во всех межкняжеских спорах нельзя не видеть решающие участие и значение ростовцев, владимирцев, переяславцев, а также, к примеру, москвичей и дмитровцев. Молодые растущие города — Москва, в какой-то степени Дмитров — тоже пробуют свои силы. Смысл борьбы москвичей — выйти из-под опеки и контроля со стороны владимирцев и их князя. Этим Москва претендовала на самостоятельную волость³⁷. Москва — яркий пример древнерусского пригорода, осознавшего свою экономическую и политическую силу и стремящегося выйти из «пригородного» состояния. Однако, как известно, возвышение ее началось уже в новых исторических условиях.

общества, — замечал В. О. Ключевский. — Задавая себе вопрос, каким образом Москва так быстро поднялась и стала политическим центром Северо-Восточной Руси, древнерусское общество затруднялось найти ответ: быстрый политический подъем Москвы и ему казался исторической загадкой... Причина загадочности первых успехов города Москвы заключается в том, что древние памятники нашей истории отметили далеко не первые моменты его роста, а уже крупные внешние приобретения, каких добилась Москва после долгих и незаметных подготовительных усилий» [Ключевский 1988: 7]. Представляется, что рассмотренные события и были одним из проявлений «подготовительных усилий», кстати, не замеченных и самим историком.

³⁷ О попытке Москвы к обособлению пишет и Ю. А. Кизилев. Однако в его глазах оно связано с усилением московского боярства. «К началу XIII в. это местное московское боярство представляло уже значительную силу и проявило определенную тенденцию к обособлению. В феодальную войну начала XIII в. отсюда уже “свели” силой пытавшегося здесь закрепиться князя Владимира Всеволодовича. Но в домонгольскую пору московское боярство еще не успело объединиться в такой мере, чтобы “налезть” собственного князя». Также «определенную тенденцию к обособлению» проявляли Тверь и Дмитров [Кизилев 1970: 22, 72–73].

РУСЬ, МОСКВА И ОРДА

Князя и Орда: историография. Длительное время в отечественной историографии безраздельно господствовала мысль о древнерусском князе как монархе. Исследования И. Я. Фроянова показали иную роль князя и пределы его властных полномочий в древнерусском обществе [Фроянов 1974; 1995] (см. также: [Толочко 1992]). «Княжеская власть являлась составной и необходимой частью социально-политической структуры Киевской Руси». Вместе с тем, «несмотря на значительный общественный вес, князь в Киевской Руси все же не стал подлинным государем. Этому препятствовала самодеятельность народных общин. Трудно назвать сувереном князя, который, приезжая в ту или иную волость, должен был входить в соглашение с вечевой общиной и принимать выдвигаемые вечею условия, ставящие его в определенные рамки. Князь заключал ряд с народным собранием — вечею. А это значит, что он превращался в известном смысле в общинную власть, призванную блюсти интересы местного общества» [Фроянов 1980: 42–43 и др.].

Для послекиевского периода общим местом в отечественной историографии стали рассуждения и выводы об изменении общественного статуса русских князей XIV–XV вв. под воздействием прежде всего монгольского (ордынского) фактора. Большинство современных историков полагает при этом лишь переход на другой — более высокий — уровень уже имевшей место в древнерусский период монархической власти.

В отличие от них, И. Я. Фроянов видит здесь качественные изменения. «Что касается княжеской власти, — пишет он, — то она получает совсем иные основания, чем раньше, когда древнерусское общество развивалось на общинно-вечевых началах, характеризующихся непосредственной демократией или народовластием. Если до прихода татар Рюриковичи занимали княжеские столы, как правило, по приглашению городского веча, рядясь на нем об условиях своего княжения и принося клятву, закрепленную крестоцелованием, держать договор нерушимо, то теперь они садились на княжения по изволению хана, запечатленному соответствующим ханским ярлыком. <...> Это сразу же сделало князя самостоятельным по отношению к вечу, создав благоприятные условия для реализации его монархических потенций» [Фроянов 1995б: 31] (см. также: [Корф. 1908: 203–209 и др.]). Но реализованы эти условия были далеко не сразу. Коренной перелом произошел только в княжение Дмитрия Донского, когда окончательно были ликвидированы вечевые институты [Фроянов 1995б: 32, 36–37, 40]. А далее российская монархия «прошла свой путь становления за сравнительно короткий срок: несколько более столетия». И «к исходу XV в., освободившись от боярских пут, усвоила самодержавный характер с присущей ему всей полнотой политической власти в стране»; «в исторических условиях конца XV — начала XVI в. такая власть могла быть только деспотической» [Фроянов 1995б: 39–40]. Такой представляется эволюция монархической власти И. Я. Фроянову.

Вопрос становления самодержавия в XV–XVI вв. требует отдельного исследования. Прежде же чем рассмотреть конкретно-исторический вопрос о соотношении веча и княжеской власти во второй половине XIII — XIV в., обратимся к вопросу непосредственных взаимоотношений русских князей и монгольских ханов. Какими они видятся современным отечественным историкам?

«Добиваясь покорности от Руси, Орда не могла сломать существующие там политические порядки, — писал Л. В. Черепнин. — Ордынские ханы стремились поставить эти порядки себе на службу, используя в своих интересах русских князей, которые им казались надежными, истребляя ненадежных и все время сталкивая князей между собой, чтобы не дать никому усилиться и всех держать в страхе. Из источников известно о поездках ряда русских

князей в Золотую Орду и в Каракорум на поклон и для подтверждения прав на свои княжения. Не все возвращались обратно. Так, в Орде были убиты черниговские князья Михаил Всеволодович и Андрей Мстиславич, в Монголии отравили великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича и т. д. Соппротивление русских князей Орда подавляла военной силой» [Черепнин 1977: 191–192].

Выводы отечественных историков об этой проблеме были подчеркнуты В. А. Кучкиным. «Изменилось и положение русских князей, — пишет он. — Хотя продолжали действовать древнерусские юридические нормы наследования княжеств, в эти нормы властно вторглась ордынская власть. Князья должны были ездить в Орду, чтобы получать там ханские утверждения на свои княжества. Каждому князю выдавался ярлык — особая ханская грамота на владения. Поездки русских князей в Орду нередко сопровождалась унижениями, которым князья подвергались при дворах ханов. ... А в ряде случаев поездки в Орду кончались для русских князей смертью... Раздавая русским князьям ярлыки на их княжения, ордынские правители стремились регулировать политические отношения между подвластными им русскими княжествами. Нет ничего более ошибочного, чем полагать, будто чужеземное иго было некоей внешней оболочкой, под которой русские князья продолжали действовать так же, как они действовали до нашествия Батыя. Нет, ханы не могли бы сохранять свою власть над Русью в течение почти четверти тысячелетия, не предпринимая они никаких действий по упрочению этой власти и совершенствованию ее механизма. Соблюдая во многих случаях имевшиеся на Руси традиции престолонаследия, ордынские ханы, когда это было им нужно, бесцеремонно нарушали их. ... Ордынские правители зачастую перекраивали политическую карту Северо-Восточной Руси, препятствуя усилению того или иного князя, разжигая соперничество и распри между русскими князьями и извлекая из этого немалые выгоды для себя. Со временем даже выдача в Орде ярлыка на то или иное княжество стала сопровождаться беззастенчивыми требованиями со стороны правящей ордынской элиты денежных вы плат и ценных подарков. ... Такие “множайшие дары” были одним из тех материальных итогов, ради которых и отлаживалась Ордой

вся ее политическая система властвования над русскими землями» [Кучкин 1991: 19–22].

Похоже думают В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганов: «Уже первый акт ордынской власти — назначение Ярослава Всеволодовича великим князем (1243 г.) — означал перелом в политических отношениях Руси: впервые права великого князя были дарованы ханом. Положение русских князей под властью Орды было близко к вассальному (сохранение власти, территории, значительная свобода действий внутри страны), но формы, в которых проявлялась зависимость, были значительно более суровы и уже напоминали подданство. Так, хан не только мог приговорить русского князя к смертной казни, но и привести приговор в исполнение самым унижительным образом (Михаил Ярославич Тверской был выведен на торговую площадь в Орде закованным в колоду и поставлен на колени). Внешние формы почтения, которые русские князья были обязаны демонстрировать ордынским князьям, достаточно далеки от западноевропейского оммажа. Насколько унижительны были эти формулы преданности, видно даже по их реликтам в XV в.». Русские князья «были “служебниками” монгольских ханов», «обязанные в новых условиях беспрекословно выполнять волю Орды» [Кобрин, Юрганов 1991: 57].

Таковой видится политическая составляющая «монголо-татарского ига» на Руси современным исследователям³⁸. В этих рассуждениях при всей их логичности и убедительности, как нам кажется, присутствует некоторый элемент политизации и модернизации, не способствующих уяснению действительной ситуации. Действительно, князья вынуждены были ездить в Орду, получать там ярлыки на княжение; верно и то, что татары вмешивались во внутренние коллизии на Руси (кстати, во многих случаях не без просьб самих князей). Вместе с тем необходимо указать не только на собственно политический механизм, приводивший в движение ордынско-русскую данническую систему, но и на основы и связи иной природы.

³⁸ Следует отметить и то, что в последние десятилетия появились работы, пересматривающие прежние подходы (см., напр.: [Горский 1995; 2000; Мазуров 1995]).

Ими являлись некоторые представления, присущие многим этносам и их взаимоотношениям между собой на определенных стадиях общественного развития — либо при доминировании архаических отношений, либо при сохранении их в том или ином варианте. Но все это происходит в пределах даннической зависимости, не нарушавшей внутреннее устройство русских земель. То есть отношения князей и ханов, как нам представляется, возможно рассмотреть не как разные, но параллельные с данями проявления ордынской политики, а в рамках системы даннических отношений в целом.

Князья и Орда: начало. Собственно княжеско-ханские отношения начинаются с 1243 г., когда «великий князь Ярославъ поеха в Татары к Батыеви, а сына своего Костянтина посла къ Канови. Батыи же почти Ярослава великою честью и мужи его, и отпусти и рек ему: “Ярославе, буди ты старей всем князем в Русском языке”. Ярослав же възратися в свою землю с великою честью». На следующий год «про свою отчину» ездили к Батыю другие князья. Он, «почтив я честью достоиную и отпустивъ я, расудивъ имъ кождо в свою отчину, и приехаха с честью на свою землю» [ПСРЛ, т. I: стб. 470]. Таким образом, суть отношений заключалась как бы в санкционировании ханами княжения на том или ином столе.

Вместе с тем в действиях князей этого времени чувствуется отсутствие осознания зависимости от ордынцев в занятии столов. Так, после смерти Ярослава Всеволодовича в 1246 г., исходя из принципа старейшинства, во Владимире садится его брат Святослав. Это было сделано без согласования с татарами. Возникший между Святославом и его «сыновцами» — Андреем и Александром — конфликт не рискнул решить даже Батый, который «почтивъ ею и посла я г Каневичем». Так был обозначен прецедент не только утверждения на столах, но и назначения русских князей. Ибо возвратившиеся в 1249 г. из «Каневичей» князья должны были действовать по «имперскому» указу: «приказаша Олександрови Кыевъ и всю Русьскуюю землю, а Андреи седе в Володимери на столе» [ПСРЛ, т. I: стб. 471–472]³⁹. Но и после этого татары

³⁹ См. в этой связи интересное предположение П. О. Рыкина о попытке создания на Руси «традиционной монгольской системы соправительства» [Рыкин 1996].

распоряжаются не всегда и не всеми столами. В 1254 г. «Ярославъ князь Тферьскыи, сынъ великого князя Ярослава, с своими бояры поеха в Ладогу, оставя свою очину. Ладожане почътиша и до-стоиноу честию». Своеобразное неповиновение демонстрирует Александр Ярославич. Получив в 1252 г. «старейшинство во всеи братьи», он не ездит несколько лет в Орду, откупаясь дарами «заочно». Наконец, открыто попытался поднять мятеж обиженный Андрей Ярославич, «здума... с своими бояры бегати, нежели цесаремъ служити». Поступок Андрея Ярославича навлек на Русь новую беду: «прииде Неврюи и Котья и Олабуга храбрыи на землю Суждальскую со многими вои на великого князя Андрея Ярославича»⁴⁰ [ПСРЛ, т. I: стб. 473–474; т. XXV: 141–142].

Так татары начинают вмешиваться вооруженным путем в межкняжеские отношения. Особенно преуспел в привлечении их к совместным действиям на Руси князь Андрей Александрович. С 1281 по 1293 г. он четыре раза приводил отряды татарских «царевичей», добываясь силой «княженья великого, а не по старейшинству» [ПСРЛ, т. XXV: 153, 154, 156, 157]. От этих усобиц в первую очередь страдали «христьяне». Тем не менее такого рода «союзы» с татарами перешли и в XIV в. (1315, 1316, 1318, 1322, 1327 гг. и т. д.). Но наряду с этим «опытом» решения княжеских вопросов князья прибегали и к старой проверенной практике собирания съездов (снемов). «Подобных сведений немного, но они заслуживают внимания», — пишет Л. В. Черепнин. Он отмечает съезды 1296, 1304, 1340, 1360, 1380 гг. [Черепнин 1978: 56]. В некоторых из них участвовали татары, но также и представители городских общин.

Однако уже ранние русско-татарские отношения не сводились только к прямому или косвенному вмешательству татар во внутренние дела русских князей или к разорениям русских земель. В истории их отношений имеются примеры союзнических военных действий. Усилившаяся угроза на западных рубежах Руси потребовала ответных походов, в которых участвовали татары. В 1269 г. князь Святослав Ярославич, собрав «силу многу» в Низовских землях, «прииде с ними в Новъгород, бяше же с ними

⁴⁰ Подробно о динамике княжеско-ханских отношений 40-х — начала 60-х годов см.: [Егоров 1997].

баскакъ великии Володимерьскіи именовем Армаганъ, и хоте ити на город на Неметцкии Колыванъ, и уведаша Немци, прислаша послы своя с челобитьемъ, глаголюще: “челом бьем, господине, на всеи твоеи воли, а Неровы всее отступаемся”. И тако взя миръ с Немци» [ПСРЛ, т. XXV: 148]. Другой поход — неудачный — состоялся в 1275 г.: «ходиша Татарове и Русстии князи на Литву и не успевше ничто же взратишася назад, но много зло створиша Татарове идуще християномъ» [ПСРЛ, т. XXV: 151].

В 1277 г. помощь потребовалась уже ордынцам. Из ханской ставки «князи же вси со царем Менгутемерем поидоша в воину на Ясы, и приступиша Русстии князи ко Яскому городу ко славному Дедякову и взяша его месяца февраля въ 8 и многу корысть и полонъ взяша, а противных избиша бесчислено, град же их огнем пожгоша. Царь же Менгутемеръ добре почести князи Русские и похвали их вельми и одаривъ их отпусти въ свою отчину» [ПСРЛ, т. XXV: 152]⁴¹. Таким образом, русские князья здесь выступают по меньшей мере как равноправные союзники. Пользуясь правом победителей, они берут «корысть и полон», а их действия одобряются командиром объединенного войска⁴².

Кстати, в этом походе (видимо, до Сарая) русских князей сопровождали их жены и дети. Кроме того, что этот факт можно расценивать в качестве своеобразной демонстрации дружелюбия, он указывает и на династические связи русских князей и татарских ханов. Наиболее известным является брак московского князя Юрия Даниловича, но русско-татарские браки имели место и в XIII в., и в последующем⁴³.

Безусловно, князья воспринимались ханами прежде всего как реальная политическая сила. Л. В. Черепнин прав, когда пишет, что ордынские ханы стремились поставить существовавшие на Руси

⁴¹ См. также [ПСРЛ, т. XVIII: 75]. Это сообщение Симеоновской летописи В. А. Кучкин считает «древнейшим», составленным «скорее всего, по рассказам вернувшихся домой русских участников похода» [Кучкин 1966: 170]. Кроме дополнительных сведений (перечисление поименно русских князей — участников похода), по нашему мнению, принципиально нового текст Симеоновской летописи не дает.

⁴² Подробно об этой экспедиции см.: [Егоров 1985: 194–198].

⁴³ См.: [Полубояринова 1978: 12–13, 16].

«политические порядки» «себе на службу, используя в своих интересах русских князей» [Черепнин 1977: 191]. Однако это лишь одна сторона дела. Другая заключается в том, что и русские князья пользовались татарской «помощью».

Часто усиление власти русских князей связывается с вооруженной поддержкой их монголо-татарами. Если в прежние времена население того или иного города указывало, согласно вечевому решению, «путь чист» «нелюбому князю», то теперь ситуация меняется. Князь, получив в Орде ярлык, является в город на княжение не только со своей дружиной, но и с отрядом какого-нибудь татарского мурзы.

Однако известно, что и в Киевской Руси кочевники — в основном половцы — постоянно и активно участвовали в междоусобицах, раздиравших семейство Рюриковичей. Многие древнерусские князья наводили и возглавляли «поганых» в набегах на города и веси. Половцы выступали как союзники того или иного князя, пытавшегося с их помощью укрепиться в том или ином «граде» и волости. Но это не мешало затем «людью» зачастую поступить с князем по-своему.

Следовательно, союзы русских князей с кочевниками тоже не являются чем-то принципиально новым⁴⁴ [Будовниц 1960: 319–320]. И все-таки мы не можем отбросить влияния монголо-татарской силы на изменение в положении князей и в их взаимоотношениях во второй половине XIII — XIV в. Видимо, дело здесь в жесткой системе контроля за статусом и перемещениями княжеской власти со стороны ханов. Татары явились дополнительным фактором, обуславливающим отношения северо-восточного княжества, и без них непростые и запутанные. Стоит заметить и то, что татары, способствуя усилению княжеской власти, одновременно ставили преграды на пути ее роста, уменьшая ее финансовые и имущественные возможности требованием дани.

⁴⁴ Впрочем, русско-половецкие отношения не сводились только к конфликтным ситуациям или союзнической помощи. В литературе высказывалось мнение, что «взаимоотношения между народами, русским и половецким, были и более тесны, и более дружественны, они вросли в повседневный быт», также «шло духовное взаимодействие» [Гордлевский 1947: 322]. Об «интенсивном товарообмене» между ними писал А. Ю. Якубовский [Якубовский 1932: 24].

Князья адекватно оценивали и использовали союз с ордынцами как необходимый, но временный. А наряду с этим подспудно и объективно происходило «собрание власти» — не только московскими князьями, но и вообще в руках русского княжества как социального слоя средневековой Руси. Этот процесс не являл собой какое-то кратковременное действие — он растянулся на столетия. Великокняжеская власть шла к своей вершине тернистым путем, испытывая давление (как увидим далее) со стороны прежде всего общинных — вечевых — структур.

Таким образом, даже обзор первых десятилетий связей между князьями и ханами показывает, что они не укладываются в рамки простых отношений господства-подчинения. Они многообразнее и представляют собой сложные переплетения различных уровней: политического, военного, династического, экономического.

Некоторые же обстоятельства указывают на то, что отношения князей и ханов складывались во многом в плоскости порядков, существовавших в архаических обществах. А именно традиционных, с сохранением многих обычаев, характерных для доклассовых структур, каковыми, по нашему мнению, и следует считать русское и монгольское общественное устройство, каждое из которых, понятно, имело и присущие только ему особенности.

Иногда архаические порядки означали разный уровень ментальности русского и монголо-татарского этносов. Это, в частности, проявилось уже в первом столкновении — в 1223 г., когда русские князья уничтожили татарских послов, считавшихся особами «священными».

Трудно сказать, насколько знал и воспринимал монгольское обычное право Александр Ярославич; скорее всего, он действовал, исходя из неизбежной реальности, когда в 1251 г., возможно, побратался с сыном Батыея Сартаком [Гумилев 1989: 534] (ср.: [Егоров 1997: 52]). Братание являлось одним из важнейших монгольских обычаев. «Закон побратимства состоит в том, что анды, названные братья, — как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности», — говорится в «Сокровенном сказании» [Козин 1941]. «Закреплению этих отношений, — добавляет современная исследовательница Т.Д. Скрынникова, — способствовал обмен равноценными подарками, что позволяет

определить их как союз равноправных партнеров». Этот тип отношений — «продукт родовых отношений, когда чужие люди становятся в положение кровного родства» [Скрынникова 1989: 37, 39].

Далее мы хотим обратить внимание на такое универсальное явление, характерное особенно для архаических обществ, как обмен-дар.

«Сложившиеся научные стереотипы заранее отводят этой традиции роль частного и маргинального явления», — подметил В. М. Крюков. И такое резюме справедливо не только по отношению к древнекитайскому обществу, системе дарений которого посвящена работа этого ученого [Крюков 1987: 1] (см. также: Крюков 1997)]. Достаточно «стереотипно» выглядят эти сюжеты и в современной русской историографии. Нам же представляется, что и систему средневековых русско-монгольских отношений также возможно рассмотреть с позиций дарений.

Этносоциологическая концепция дарения была разработана французским антропологом М. Моссом [Мосс 1996: 83–222] (см. также: [Гофман 1976: 117–122])⁴⁵. Основные ее положения заключаются в следующем. Обмен в форме дарения характерен и универсален для архаических обществ. Обмен-дар, будучи формально добровольным, вместе с тем состоит из трех взаимозаменяемых обязанностей: давать — брать — возвращать. Наиболее существенным действием является компенсирующий дар, то есть возврат. Возвращение (по сути, возмещение) дара должно по меньшей мере быть равноценным даром. Отсутствие или неполнота дара-возврата ставит получившего дар в зависимое положение по отношению к подарившему. Сохранение вещи без эквивалентного ее возмещения опасно для получившего, так как в ней заложена магическая сила дарителя. Но в любом случае уклонение от одной из указанных обязанностей может привести к серьезным последствиям для субъектов обмена — вплоть до объявления войны.

Дары выходят за рамки бытовых и экономических отношений, охватывая все сферы общества. «Все: пища, женщины, дети, иму-

⁴⁵ Теорией дара занимались также Э. Б. Тайлор и К. Леви-Стросс [Тайлор 1989: 465–466; Леви-Стросс 1985: 301]. О влиянии теории М. Мосса на социальную антропологию см.: [Гофман 1976: 338–358; Крюков 1997: 1–15].

щество, талисманы, земля, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги — составляет предмет передачи и возмещения» [Мосс 1996: 103 и др.]. Система «подарок-отдарок» является целостным социальным феноменом, или комплексом, включающим религиозные, мифологические, экономические, морфологические, социально-политические, юридические, эстетические и иные формы и их материальное воплощение (наряду с дарами, это угощения, пиршества и т. д.). Благодаря системе «подарок-отдарок» сохраняется мир, достигаются взаимоотношения дружбы и солидарности. Таким образом, институты дарообмена играли фундаментальную роль.

Наконец, еще одно важное наблюдение: субъектами обмена выступают в основном группы или индивиды, символизирующие группы (вожди, старейшины и т. д.).

Выводы теории дара оказались применимыми для объяснения многих явлений не только в классических архаических обществах, но и в обществах, вышедших за их рамки, но сохранивших традиционные отношения, как, например, средневековые в Европе [Фроянов 1980: 137–146; Гуревич 1970: 39–42, 66–82; 1984: 234–247 и др.; Крюков 1987; Дэвис 1994]. И. Я. Фроянов, в частности, приводит много примеров дарений, имевших место в древнерусском обществе. Но нас интересуют не столько факты дарений, сколько их субъекты. Так вот, раздавая людям материальные блага «овем корзна, а другим кунами, а раздая множество», один из князей — Святополк, сменивший известного дарителя князя Владимира, этим «хотел задобрить киевлян» и привлечь их на свою сторону в борьбе за власть. И. Я. Фроянов делает еще одно чрезвычайно важное для нас заключение о том, что «в своих действиях он (Святополк. — Ю. К.), безусловно, опирался на древние традиции, требующие от князя проявления щедрости при получении власти» [Фроянов 1980: 143]. Следовательно, предметом дарообмена служили, с одной стороны, материальные богатства, а с другой — власть. Княжеский стол в сознании людей того времени был эквивалентом «корзна» и «кун».

Похожее наблюдалось и в том случае, когда князь уже обладал властью: «древнерусским князьям порой приходилось раскошиться, чтобы удержаться на столе» [Фроянов 1980: 143].

По И. Я. Фроянову, «княжеские дарения на Руси XI–XII вв. — события ординарные, привычные для современников. Они не только отголоски и пережитки прошлых столетий, а и учреждения, порожденные социально-политическим строем Руси. Одарявая древнерусский люд, князья возвышались в общественном мнении, приобретали популярность в массах и (что самое главное) добивались расположения народа» [Фроянов 1980: 146, 148–149].

Сходные ситуации происходили и в сфере внешнеполитических связей Древней Руси. Так, «Игорь же, утвердивъ миръ съ греки, отпусти слы, одаривъ скорою, и челядью и воскомъ...» [ПВЛ 1950: 39].

Таким образом, следует отметить: кроме того, что Древняя Русь знала институт дара как таковой, дарение имело явное политическое значение и звучание — происходил тождественный обмен материальных предметов на совершенно иную субстанцию — власть (во внутренних или международных делах), то есть предмет политического свойства.

Но институт даров знало и монгольское общество. В этой связи для нас имеют большое значение исследования, проведенные Н. Л. Жуковской. Она полагает, что и «к обществу монгольских кочевников вполне применимы основные концепции М. Мосса». Но еще более важным является то, что Н. Л. Жуковской удалось расширить построения М. Мосса, обосновав это конкретными примерами монгольской истории. В буквально пронизанных явлением «подарка-отдарка» отношениях в монгольском обществе различных эпох она выделяет четыре уровня этого способа социальной коммуникации: наиболее архаический — кровных родственников и членов разных родов, породнившихся путем браков; другой — это реальное или эпическое побратимство. Для нашего исследования наиболее важными представляются два следующих уровня системы «дарения — ответного дара»: «подарок-отдарок» как форма вассальных отношений между низшими и высшими сословиями «феодальной Монголии» и как составная часть ритуала монгольского гостеприимства [Жуковская 1986: 160–161; 1988: 101, 105–109].

«Низшее свободное сословие, — отмечает Н. Л. Жуковская, — платило своему нойону чисто номинальную дань, что рассматривалось не столько как экономическое или политическое подчине-

ние, сколько как признание своего “младшего” положения перед “старшим” — ханом или нойоном, который принимал подношения и отдаривал младшего какими-либо вещами, скотом, иногда даже крепостными из своего хозяйства. Обмен дарами совершался, как правило, публично... и эта публичность в признании зависимого положения в значительной степени компенсировала материальную незначительность даров». Ритуализированный обмен дарами тесным образом был связан с пиршеством [Жуковская 1986: 165–166; 1988: 106].

Вышеописанная ситуация имела место в пределах самого средневекового монгольского общества. Другой пример выводит коммуникативное действие «подарок-отдарок» в плоскость межгосударственных отношений: монгольских ханств и цинского правительства Китая. В 1655 г. восьми монгольским ханам маньчжурский двор пожаловал княжеское звание с большими полномочиями, при этом обязав их ежегодно выплачивать императору дань в виде одного белого верблюда и восьми белых лошадей («девять белых»). «Эта дань, — пишет Н. Л. Жуковская, — носила чисто символический характер, ибо не была материально обременительна, но цинское правительство придавало ей важное политическое значение». То, что эту дань платили самые крупные правители Восточной Монголии, то, что она была священного для монголов белого цвета, рассматривалось ими как символ покорности монголов. Этот же указ предусматривал ритуальные действия и другой стороны: «ответные дары цинского двора своим монгольским вассалам, а также пиршества по случаю приезда послов и вручения ими даров». Послы монгольских ханов одаривались по-разному, но «отдарок явно превышал по стоимости подарок» [Жуковская 1986: 166–167; 1988: 106–107] (см. также: [Ермаченко 1974: 89–95]). Жуковская видит здесь подтверждение тезиса Мосса «о номиналистско-символическом характере дарения-отдаривания» и универсальности этой системы. Исследовательница подчеркивает, что, «несмотря на сугубую материальность даров, в виде обменного фонда здесь выступают, с одной стороны, свобода страны, с другой — моральное торжество по поводу такого дара и готовность заплатить за него по более высокой иррационально-престижной таксе» [Жуковская 1986: 167; 1988: 107].

Напомним, что речь шла о XVII в., когда, видимо, традиции существовали уже далеко не в первозданной форме. В то же время, возвращаясь в XIII–XIV вв., к монголо-русским отношениям, мы не можем не видеть довольно близких аналогов. Но прежде еще об одном наблюдении.

Применительно к русско-монгольским отношениям чрезвычайно важны некоторые выводы лингвистов, изучавших индоевропейскую и славянскую лексику, соотносимую с понятием дара. В. В. Иванов отмечает, что в архаических контекстах, где употребляется слово *миръ*, «достаточно определенно засвидетельствована связь заключения мира с принесением даров или дани» [Иванов 1975: 65]. О семантических и формальных связях можно говорить и в отношении слов *pirъ* и *жirъ*. Более того, эта связь определялась «реальным обычаем, восходимым к древнему ритуалу, скреплявшему мир выпиванием напитка или взаимным угощением» [Иванов 1975: 66].

Таким образом, «мир», «дар», «пир» — понятия не только одного семантического поля, но и реальных отношений. Они не были чужды и древнерусскому обществу и, думается, не исчезли со вступлением его в отношения с монголами. Конечно, приравнивать их нет оснований, но сама сущность, идея дара сохраняется. Она явно прослеживается в отношениях между русскими князьями и монгольскими ханами, завязавшихся с самого начала.

Еще в конце 1237 г. рязанские и владимирские князья пытались откупиться от татар дарами. Это не удалось, ибо последние преследовали другие цели: им был нужен постоянный и регламентированный доход — дань-десятина. Однако уже с начала 40-х годов XIII в. отношения между русскими князьями и монгольскими ханами строятся на основе «даров»-подарков. Каждый приезд русских князей в Орду требовал «дара» хану и его приближенным⁴⁶. Об этом свидетельствуют и русские летописи. Так, в 1256 г. «Бо-

⁴⁶ Н. И. Веселовский, обративший на это внимание, верно отмечает, что «обмен подарками при посредстве послов установился в очень отдаленное время и не составлял исключительного явления у татар», но в то же время ошибается, говоря, что «последние довели систему вымогательства подарков до виртуозности» [Веселовский 1911: 7]. Не вымогательство, а архаические нормы и обычаи являлись основой этих отношений.

рисъ поеха в Татары, а Олександръ князь послалъ дары. Борисъ же бывъ Оулавчия дары давъ и приеха в свою отчину с честью» [ПСРЛ, т. I: стб. 474]. Подарки русских князей требовали своего эквивалента. Татары тоже одаривали своих данников, как это было, к примеру, в 1247 г. в случае с Александром Ярославичем, когда Батый «почтивъ его много и дары дасть ему...» [ПСРЛ, т. XXV: 139; т. XXXIX: 86]. На эту сторону отношений указывают и сообщения иностранцев-современников. Мы имеем возможность сравнить восприятие существующего положения дел европейца — папского посла Плато Карпини — и азиата (персидского происхождения) — Джувейни, описания которых, а еще больше понимание происходившего резко отличаются друг от друга. По мнению Плато Карпини, монголы «очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что-нибудь, а вместе с тем весьма крепко удерживают все свое и очень скупые дарители» [Путешествия 1957: 35]. И далее он разворачивает всю «технологию» этого важного в монгольском мире обычая.

«Как князья, так и другие лица, как знатные, так и незнатные (все — монголы. — Ю.К.), выпрашивают у них (послов-иноземцев. — Ю.К.) много подарков, а если они не получают, то низко ценят послов (выше содержится жалоба Плато Карпини на скудность посольской еды и творимые обиды. — Ю.К.), мало того, считают их как бы ни во что; а если послы отправлены великими людьми, то они не желают брать от них скромный подарок, а говорят: “Вы приходите от великого человека, а даете так мало?” Вследствие этого они не считают достойным брать, и если послы хотят хорошо обделать свои дела, то им следует давать больше. Поэтому и нам пришлось также раздать по нужде на подарки большую часть тех вещей, которые люди благочестивые дали нам для продовольствия» [Путешествия 1957: 45].

Как можно прокомментировать эти «обиды» папского посла? Во-первых, как, видимо, объективную фиксацию ситуации, а во-вторых, как полное непонимание природы описываемого⁴⁷.

⁴⁷ Об одномерном восприятии монголов европейцами на примере описания Гильома Рубрука хорошо сказала Н.Л. Жуковская. «Да, мы знаем из “Путешествия...” Рубрука, как жили монголы, чем они питались, как обращались друг с другом и с приезжими, какие события произошли в ставке монгольского хана

По нашему мнению, Плано Карпини, не подозревая того, довольно четко отметил суть системы «подарка-отдарка»: каков подарок, таков и отдарок, понятно, с учетом «самоуверенности» монголов.

Теперь приведем взгляд Джувейни, который писал о порядках, имевших место в Орде при Бату-хане. «Исчислить дары и щедроты его да измерить великодушие и щедрость невозможно. Государи соседние, властители (разных) стран света и другие (лица) приходили к нему на поклон. Подносившиеся подарки, являвшиеся запасом долгого времени, еще прежде чем они могли поступить в казну, он целиком раздавал монголам, мусульманам и (всем) присутствующим в собрании и не обращал внимания, малы они или велики. Торговцы с (разных) сторон привозили ему различные товары, все это, что бы оно ни было, он брал и за каждую вещь давал цену, в несколько раз превышавшую ее стоимость. Султанам Рума, Сирии и других стран он жаловал льготные грамоты и ярлыки, и всякий, кто являлся к нему, не возвращался без достижения своей цели»⁴⁸ [Тизенгаузен 1941: 22].

У нас нет оснований подозревать автора в неадекватности описания⁴⁹, разве что в некоторой восточной эмоциональности. К некоторым из его наблюдений нам предстоит еще обратиться, но пока вновь укажем на связь привозимых материальных даров-

за те месяцы, что провел в ней Рубрук (азы визуальной этнографии), и многое другое. И в то же время мы не знаем о них ничего такого, из чего мы могли бы заключить, что перед нами уникальный культурный мир не только в его необычном для европейца материальном воплощении (это как раз Рубрук прекрасно отразил), но и в определенной мировоззренческой целостности, где каждая вещь, обряд, явление, поступок сопряжены множеством нитей друг с другом, образуя некую сбалансированную завершенность, гармонию личности и окружающего мира, которой порою так недостает нам сегодня.

Ничего этого не заметил Рубрук, да и не мог заметить, так как, считая, что только христианам открыт свет истины, он не был готов к восприятию чужой культуры» [Жуковская 1988: 5]. Все сказанное можно приложить и к сообщениям других европейцев, посещавших монголов, в частности Плано Карпини.

⁴⁸ Избирая великим ханом Гуюка, монголы ждали от него «щедрых даров, наслаждения справедливостью и почета для каждого князя и вождя сообразно с его рангом» (цит. по: [Вернадский 1997а: 127]).

⁴⁹ Об источниках сочинения Джувейни «История завоевателя мира» см.: [Тизенгаузен 1941: 20].

подарков и совсем иной природы «отдарков»: «он жаловал льготные грамоты и ярлыки»⁵⁰.

Ярлыки известны и русско-монгольским княжеским отношениям. В отечественной историографии принято видеть в них своеобразный объект купли-продажи, достигавшийся по принципу «цель оправдывает средства». «Великокняжеский владимирский стол был там (в Орде. — Ю. К.) предметом торга и переторжки; покупной ханский ярлык покрывал всякую неправду», — писал, например, В. О. Ключевский [Ключевский 1988: 41].

Другое объяснение предлагает Л. Н. Гумилев. «Ярлык — это пакт о дружбе и ненападении. Реальной зависимости он не предполагал. Батый посылал ярлыки к правителям Рума, Сирии и других стран, от него независимых» [Гумилев 1989: 525]. Таким образом, Л. Н. Гумилев также рассматривает ярлык, исходя из рационалистических позиций, хотя и по-иному.

Нам представляется вполне обоснованным включение ярлыков в систему архаических норм и обычаев, в данном случае — дарообмена. Ярлыки на княжение, дававшие князьям самостоятельность в своих действиях на русских землях, становятся главным «отдарком» со стороны монгольских ханов. «Ярослав, буди ты старей всем князем в Русском языке», «расудив им кождо в свою отчину», «почтив отпусти в свою отчину» — такого рода формальностями заканчивались многие посещения Рюриковичами Орды⁵¹. С прагматической точки зрения этот эквивалент был более весомым, ибо означал, по сути, политическую свободу и для русского князя и, в широком смысле, для русских земель. В архаической — иррациональной для нас — системе координат в этой ситуации сохранялось безусловное равновесие⁵². Язык общения на уровне этносов

⁵⁰ Возможно, в этой плоскости лежит и объяснение отмеченной Плано Карпини «скупости» монголов. За приношениями-подношениями разнообразных даров он не рассмотрел сути «отдарка» — получения властных полномочий.

⁵¹ Говоря о «визите» Ярослава Всеволодовича в 1243 г., Л. Н. Гумилев попытался его так: «По сути дела, это был союзный договор, обставленный по этикету того времени» [Гумилев 1989: 509]. Он, как нам кажется, близко подошел к разъяснению ситуации. «Этикет того времени» заключался в активном использовании архаических комплексов, в данном случае института «подарка-отдарка».

⁵² В. М. Крюков, сравнивая древнекитайские «пожалования» с европейской «инвеститурой», пишет, что в них «безусловно, наличествует “инвеститурный”

представителями высшего ранга этих этносов, таким образом, был найден.

Сакральность «духа» и «буквы» ярлыков (об этом см. ниже) определяла своеобразное равенство их как «отдарков», а даров — как материальных благ, привозимых князьями.

Более того, близкими являлись и непосредственные функции-последствия таких «подарков-отдарков». И те и другие способствовали стабильности власти соответственно князей и ханов. Получение ярлыка, безусловно, означало не столько укрепление в целом, сколько защиту власти конкретного князя. В то же время, как отмечалось, и полученные подарки ханы использовали для раздачи своему окружению и в целом народу. Раздача богатства — имущества — также означала укрепление и определенный иммунитет власти тех или иных правителей [Фроянов 1980: 137–144, 146–149].

В русско-ордынских отношениях возникали и, так сказать, ситуации наоборот. Интересен случай, уже отмеченный нами, когда за военную помощь в 1277 г. хан Менгу-Темир «одарив» русских князей [ПСРЛ, т. XXV: 152]. То есть на этот раз в качестве «подарка» выступает военная помощь, а собственно материальный эквивалент фигурирует как «отдарок». Но все же обычно даром с русской стороны было некое материальное богатство, а ответным — ярлык как своеобразная гарантия покровительства, с одной стороны, и самостоятельности в действиях — с другой.

Практика даров в рамках системы даннических отношений между Русью и Ордой была продолжена и в XIV в. Так, А. А. Горский подчеркивает, что в 1331 г. Иван Калита получил все великое княжение «путем щедрых даров и обещания больших выплат» [Горский 1995: 40].

К такого рода «политическим дарам» можно отнести и «покупку» Нижнего Новгорода в 1392 г. Василием Дмитриевичем. Вели-

элемент, но это лишь одна из его сторон. Институт инвеституры в раннефеодальных обществах — это видоизмененная форма архаического дара, стадийно более поздняя. Дары здесь уже превращены в чистый символ, знак, утративший какой бы то ни было экономический смысл» [Крюков 1987: 9]. Мы полагаем, что в русско-ордынских отношениях, судя по всему, сохраняется еще именно «форма архаического дара». Отсюда эквивалент материальной (экономической) и политической составляющих.

кий князь «нача просити Новагорода Нижняго» у татар. Они удовлетворили его «просьбу»: «Безбожнии же Татарове взяша и сребро многое и дары великии, и взя Нижнии Новъградъ златомъ и сребромъ, а не правдою» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 162].

Можно видеть здесь, конечно, только грубую куплю-продажу [Кучкин 1984: 231, 255], но, кажется, та эпоха требует снисхождения и к другому плану ценностям как ее реалиям. То, что было связано с куплей-продажей, летопись и отмечала соответствующим термином (как с «куплями» Ивана Калиты). Здесь же другая терминология: «просити», «взяша», «взя».

Для рассматриваемого сюжета о дарах как реалиях русско-ордынских княжеско-ханских отношений небезыntenесными представляются и следующие наблюдения.

Известно, что частым «гостем» Орды был Иван Данилович Калита. Но, пожалуй, в этой своеобразной «челночной дипломатии» не было равных его сыну Семену Ивановичу. Еще до его великого княжения, в 1339 г. (отъезд произошел после убийства ордынцами тверского князя Александра Михайловича), его с «братиею» «съ любовию на Роусь отпустиша и приидоша изъ Орды на Роусь пожаловани Богомъ и царемъ» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 51]. В 1340 г., вернувшись от хана, он уже «седе... на столе въ Володимери въ велицей съборней церкви святыя Богородици на великомъ княжении всея Руси» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 53]. В 1344 г. «выиде изъ Орды князь великии Семень Иванович [ь], а съ нимъ братиа его князь Иванъ да князь Андреи, пожаловани Богомъ да царемъ» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 56]. То же произошло в 1347 и в 1350 гг. [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 58, 59] (см. также: [Насонов 1940: 109]).

Посещение ханской ставки имело место при интронизации очередного хана, санкции на стол нового князя, а также в связи со спорными вопросами межкняжеских отношений. Жалованные ярлыки давались как утверждающие, так и подтверждающие. Но слишком уж часто ездили московские князья в Орду в 30–50-х годах XIV в. С какими целями? Л. В. Черепнин прокомментировал столь частые поездки Семена Ивановича следующим образом. «Продолжая ту тактическую линию в отношении к ордынским ханам, которая была намечена еще Иваном Калитой, князь Семен Иванович систе-

матически ездил в Орду, очевидно, для внесения в ханскую казну дани и для выражения своего подданства хану» [Черепнин 1960: 532] (см. также: [Насонов 1940: 109–111]). Нам представляется, что о целях и результатах поездок говорят и те мероприятия, которые затеваются или реализуются сразу же после возвращения князей или митрополитов от ханов. Так, в ноябре 1339 г. по возвращении Семена «замыслиша заложити роубити городъ Москву, а кончаша тое же зиму на весну...» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 51]. В 1344 г. после «выхода» из Орды митрополита Феогноста «початы быша подписывати на Москве две церкви камены светаа Богородица да святыи Михаил» соответственно греческими (митрополичьими) и русскими «писцами князя великаго Семеновы Ивановича» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 55–56]. В 1345 г. весной (осенью возвратился Семен Иванович) стали расписывать церковь «святаго Спаса на Москве» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 56]. В 1346 г. была закончена роспись трех каменных церквей: Св. Спаса, Св. Михаила и Св. Иоанна Лествичника. Кроме того, «мастеръ Борисъ слилъ три колоколы великие и два малые» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 56–57]. В 1350 г. «кончанъ бысть притворъ придель камень оу церкви святаго Спаса на Москве» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 59–60].

Можно, конечно, отнести все это на счет совпадений или случайностей. Можно, к примеру, объяснить «сезонность» или «чрезвычайность» строительства и художественного оформления московских храмов при Иване Калите и его наследниках, как это делает М. Н. Тихомиров, «пришлостью» мастеров [Тихомиров 1957: 21–23]. Но слишком уж четко выстраивает летописец этот «причинно-следственный» ряд: после известия об ордынской поездке — информация о строительных и художественных делах. Понятно, что эти мероприятия были дорогостоящими, на осуществление их нужны были средства. Поэтому напрашивается мысль: уж не на «царевы» ли дары все это свершалось? Или, может быть, просто удавалось что-то удержать с согласия хана? Нам кажется, что эти предположения не совсем беспочвенны.

Для русско-ордынских второй половины XIV — XV вв., а затем русско-крымских отношений характерными становятся постепенное сближение и эволюция фиксированного и выраженного в денежном измерении даннического сбора в откуп-дар. М. Н. Ти-

хомиров в качестве своеобразного водораздела называл Куликовскую битву. После нее, писал он, «ханские ярлыки на великое княжение, так называемое цареве жалование, сделалось почти фикцией, а дань, уплачиваемая в Орду, получила характер откупа от грабительских нападений. Татарский “выкуп” был тяжел, но уже не имел характера систематической дани, получаемой Золотой Ордой с русских земель» [Тихомиров 1955б: 24]⁵³.

Механизм взаимоотношений Руси и Крыма рассмотрен в работах Н. И. Веселовского, В. Е. Сыроечковского, П. Н. Павлова. Последний пришел к выводу, что «уже с 1476 г., когда приходилось оплачивать “дружбу” хищных крымских феодалов, а затем откупаться от их набегов, “ординский выход” перестал соответствовать понятию дани в точном смысле слова» [Павлов 1958: 106]. В. Е. Сыроечковский подчеркивает, что «московская дипломатия твердо отстаивала ту точку зрения, что “поминки” не дань, а добровольное пожалование великого князя». Он же отмечает и такую любопытную деталь: «Среди этих подарков следует выделить особую группу “запросных”, т. е. посланных в ответ на тот или иной “запрос”. Каждый запрос предполагал возможность ответного запроса. Иногда обмен запросными поминками переходил в прямую торговлю. В “запрос” шли наиболее редкие и дорогие вещи» [Сыроечковский 1935: 59].

Таким образом, русско-татарские княжеско-ханские отношения XIII–XIV вв. нельзя сводить исключительно к жесткому политическому и военному противостоянию. Безусловно, они ярче и многограннее. Мы попытались рассмотреть их под нетрадиционным углом зрения. Действительность русского и монгольского средневековых обществ была достаточно архаичной. В их взаимоотношениях это проявилось в даннических отношениях, частью которых первоначально была система подарка-отдарка⁵⁴. Ее функционирование можно увидеть при первых контактах русских князей и татарских ханов. В дальнейшем она, по сути, сливается с данью и заменяет ее.

⁵³ Ср.: [Павлов 1958: 100, 108–109]; см. также: [Развитие русского права 1986: 257].

⁵⁴ То же наблюдалось и в отношениях монголов с армянскими и грузинскими правителями и прочими вельможами [Киракос Гандзакети 1976].

В летописных сообщениях привлекает внимание и то обстоятельство, что при посещении Орды русскими князьями ханы их «почти... великою честью» или «почтив... честью достойною». Что это могло означать?

Ученые обращали внимание на указанную летописцами «честь» русским князьям со стороны монгольских ханов. Л. В. Черепнин отмечал, что, «стремясь держать Русь в повиновении, ордынские ханы действовали не только устрашением. Они пытались опереться на определенные социальные силы; дарами, льготами, привилегиями привлечь к себе часть князей, бояр, духовенства» [Черепнин 1977: 200]. Н. С. Борисов писал о том, что в летописи «подчеркивается ханская “честь” русским князьям». Но как это им объясняется? Во-первых, тем, что «многие князья вступили на путь сотрудничества с Ордой». Во-вторых, тем, что «в условиях сильной татарской власти резкие обличения захватчиков и их пособников князей в таком официальном документе, каким являлась летопись, были невозможны» [Борисов 1976: 129].

Безусловно, в этих выводах доля истины имеется. Но нельзя ли увидеть в летописных формулировках о «честь» действительно определенные почести, воздаваемые ханами князьям, понятно, исходя из монгольского понимания отношений между ними?

Вопрос о «зависимых отношениях», отразившихся «на обрядах, которыми сопровождалась аудиенция русских князей у татарских ханов», и на приемах «русскими князьями ханских послов», ставился в свое время В. И. Саввой. Считая, что «об обрядах этих русские источники умалчивают по понятной причине», в основу своих выводов он положил известия иностранцев [Савва 1901: 211–212, 215]. Н. И. Веселовский попытался подойти к ним, исходя из восточных традиций посольского этикета. Тем не менее и он говорит о «неуважении», «унижении» и «оскорблении» послов, пощавших монголов [Веселовский 1911].

Здесь, полагаем, необходимы некоторые пояснения. Во-первых, как мы знаем, русские летописи отнюдь не молчат по этому поводу. Подробно большинство из них не повествует, но неоднократно указывает о «почтении» русских князей в ставке. Вместе с тем это немногословие может говорить об обычности, обыденности этих, отнюдь не унижительных, процедур. Во-вторых, что касается со-

чинений иностранцев, то здесь следует отличать сведения авторов XIII в., видевших непосредственно многие ритуалы (но, как мы подчеркивали, не всегда осознавших их суть), и «писателей» XVI в. (о сообщениях последних см. ниже).

До нас дошло описание ханского «приема» в изображении Плано Карпини. «...мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь Руссии, а также сын царя и царицы Грузинской, и много великих султанов, а также князь Солангов не получали среди них никакого должного почета, но приставленные к ним Татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а, наоборот, часто тем надлежало сидеть сзади за их» [Путешествия 1957: 34].

Видимо, для данного случая уместно — в качестве комментария — привести эпизод из сочинения Киракоса Гандзакеци. Он рассказывает, что, не выдержав осады, армянский князь Аваг «вознамерился сдаться в руки врага». Вначале состоялось довольно резкое «выяснение отношений», но затем монгольский военачальник Чармагун, несмотря на то что «велел ему сесть ниже всех вельмож, сидевших при нем», «приказал устроить великий пир в честь [Авага]». Заметив, что Аваг и его спутники демонстративно не едят принесенную пищу, Чармагун «приказал подать им то, что они просят». «Назавтра он посадил [Авага] выше многих вельмож. И так изо дня в день он оказывал ему больше почестей, пока не посадил его вместе с вельможами по рождению» [Киракос Гандзакеци 1976: 164–165].

Как объяснить всю эту ситуацию? Здесь мы видим в некоторой степени сочетание несочетаемого. С одной стороны, явно унижающее княжеское достоинство «сидение» «ниже всех вельмож», но с другой — пир в честь этого же самого «униженного» Авага. Еще больше странного в последующем росте «авторитета» армянского князя. Видимо, все-таки необходимо говорить не о каких-то сознательных унижениях со стороны монголов, а об их понятии иерархии и связанном с этим этикетом⁵⁵.

⁵⁵ Похожая ситуация имела место и в случае посещения «вежи» Бату-хана Даниилом Галицким в 1245 г., о чем подробно рассказывает Ипатьевская летопись [ПСРЛ, т. II: 806–808]. «Он (Даниил. — Ю. К.) должен был низко склониться перед ханом, но принят был милостиво, и ему всячески высказывалась благо-

Возвращаясь к описанию Плано Карпини, отметим, что он к тому же обрисовал лишь фрагмент пребывания посольств у монголов — один из «приемов» хана. Как развивались события дальше, он, возможно, не знал. Но можно предположить и другое. Н. И. Веселовский не без оснований отмечал, что известия Плано Карпини (равно как и Рубрука и Марко Поло) «относительно церемоний и обстановки» страдают незаконченностью, незавершенностью [Веселовский 1911: 18]. Это заключение представляется вполне вероятным в свете сопоставления его рассказа с сообщениями Киракоса Гандзакеци и об Аваге, и том же посещении монголов грузинскими царевичами. В отличие от католического монаха армянский монах пишет о достойном их пребывании там. «А они (царевичи. — Ю. К.) поехали к Гиут-хану, который любезно принял их» [Киракос Гандзакеци 1976: 195].

Нам известны и другие нормы монгольского этикета, необходимые при посещении монголов.

«У татар прибывший посол должен был становиться перед ханом на колени — обычай, заимствованный от китайцев... Едва ли может быть сомнение в том, что все русские, допускаясь к хану, обязаны были исполнять это требование», — писал Н. И. Веселовский [Веселовский 1911: 14]. На эту сторону взаимоотношений обращал внимание и Б. Шпулер, нарисовавший прием, так сказать, в лицах. «В то время как переводчик, читавший письмо хана... сидел на специально приготовленном для него сидении, покрытом дорогими собольими шкурами, князь со своими приближенными должен был стоять. После прочтения он бил челом и становился на колени» [Spuler 1943: 360]. К этому Б. Шпулер делает чрезвычайно важное дополнение. Оказывается, любой «посол должен был

склонность», — так прокомментировал этот эпизод Г. В. Вернадский [Вернадский 1997а: 150]. См. также: [Котляр 1997: 119, 120]. Видимо, с таким обобщенным объяснением событий можно согласиться (как, впрочем, и с тем, что галицкий князь пребывание в ханской ставке использовал в своих целях. См.: [Вернадский 1997а: 152]). Что же касается довольно эмоционального пассажа летописца «О, злее зла честь Татарская», то он более напоминает высокохудожественный прием, нежели отражение действительности (Н. Ф. Котляр также пишет о «взволнованном, эмоционально-лирическом отступлении» [Котляр 1997: 119–120]. Ср.: [Соловьев 1988, т. 3–4: 169–170; Гумилев 1989: 525–526]).

вести беседу с ханом в коленопреклоненном положении. Разговор не всегда начинался сразу. Иногда властитель выжидал некоторое время. Послу же было строго запрещено начинать беседу» [Spuler 1943: 354].

Здесь, таким образом, важно подчеркнуть, что «должного почета» были лишены не только представители — правители зависимых стран, но и всех прочих государств⁵⁶. Подтверждение этого, в частности, мы находим в отношениях Золотой Орды с египетским двором. Как известно, Египет находился отнюдь не в подчиненном положении к Джучиеву улусу, хотя и всячески старался заручиться его поддержкой. Обе стороны неоднократно обменивались посольствами, привозившими (особенно египетское) богатейшие дары [Закиров 1966: 44–97]. Об одном из приемов египетских послов сохранились достаточно подробные известия.

В начале 60-х годов в Сарай прибыло египетское посольство, которое принимает Берке-хан. Кроме Берке, сидящего на троне, в шатре сидели 50 эмиров. Когда были введены послы, они передали хану письмо султана, соблюдая предписанные правила этикета. Затем Берке велел послам перейти с левой стороны на правую и встать позади эмиров. Церемонией предписывалось, «когда от них будет взята грамота, перейти на правую сторону, присесть на оба колена» [Закиров 1966: 47; Тизенгаузен 1884: 192, 63–64]. После этого письмо было переведено на тюркский язык и зачитано Берке. Хан и все присутствующие были довольны его содержанием. Берке велел подать послам угощение: кумыс, вареный мед, мясо и рыбу. На следующий день на пир послов пригласила ханша Джиджек-хатун [Тизенгаузен 1884: 193, 64]. По завершении посольства (через 26 дней) Берке вручил послам ответные грамоты и отправил с ними своих послов [Тизенгаузен 1884: 193, 64].

Во всех приведенных сообщениях, безусловно, бросается в глаза униженность, по нашим представлениям, правителей или послов перед монгольским ханом: это и коленопреклонение, и отсутствие права первого слова. Но вот что говорит применительно к такого

⁵⁶ «Считая хана своего “повелителем всех людей”, татары не делали различия между подданными хана и представителями непокоренных ими народов; как ханские подданные, так и послы от последних должны были говорить, перед ханом стоя на коленях» [Савва 1901: 212–213].

рода ситуациям этнографическая наука. У монголов «с точки зрения норм этикета большое значение имела поза, а точнее говоря, способы сидения в юрте, которым должны были следовать люди в соответствии с их возрастом и социальным положением, в будни и праздники» [Жуковская 1988: 115–116]. Одна из поз — «поза стояния на коленях; в ней заложен некоторый уничижительный оттенок, так как на колени должны были становиться простолюдины при появлении своих ханов и нойонов, а также императорских чиновников. Однако та же самая поза коленопреклонения, если она принималась с целью пожелания мира и благополучия вышестоящим по социальному рангу... уже не считалась уничижительной, а, напротив, благожелательной» [Жуковская 1988: 116].

Объяснения имеются и по поводу отсутствия права говорить прежде хана. «В Монголии не принято с ходу задавать вошедшему гостю вопросы: кто он, откуда и зачем прибыл. Гость тоже не должен торопиться выкладывать все о себе, если он, разумеется, не гонец, спешащий по делу. В степи все делается не спеша, и процедура знакомства гостя и хозяина не составляет исключения» [Жуковская 1988: 115]. Безусловно, эти нормы общения в еще большей степени были характерны для средневекового монгольского общества.

В русских источниках мы находим и довольно пространное описание «чести», оказываемой в Орде русским князьям. В «Книге Степенной царского родословия», а также в «Летописце великия земли Росискія» (Мазуринский летописец) приводится Житие Федора Ростиславича, князя Смоленского и Ярославского [ПСРЛ, т. XXI: 307–311; ПСРЛ, т. XXXI: 79–80]. Житие насыщено рядом конкретных подробностей о взаимоотношениях князей и ханов, князей и местного русского общества. В данном случае нас будет интересовать само пребывание Федора Ростиславича в Орде. Однако прежде несколько слов о происхождении и репрезентативности этого источника.

Житие Федора было исследовано Н.И. Серебрянским [Серебрянский 1915: 222–234] (см. также: [Насонов 1940: 60–61]). Он пришел к выводу, что на рубеже XV–XVI вв. к древнейшей (проложной XIV в.) редакции были добавлены «сообщения о житии благоверного князя в Орде» [Серебрянский 1915: 231]. Источником своим они имели «местную летопись, не дошедшую до нас»,

со внесенными в нее «приблизительно в XIV в.» «устными рассказами и припоминаниями». Этим же источником воспользовался и составитель Степенной книги, воспроизведя (в отличие от редакции рубежа XV–XVI вв.) «текст этого памятника свободнее, подновил его слог и распространил содержание новыми риторическими вставками» [Серебрянский 1915: 231, 232–233, 234].

Насколько достоверны сведения прошедшего столь сложный путь памятника? Н. И. Серебрянский полагал, что «отношения князя к татарам идеализированы» [Серебрянский 1915: 231]. А. Н. Насонов, также указывая на «освещение, выгодное для князя», все-таки акцент делает на историчность житийных сведений: «Основной фактический материал житийного рассказа вполне согласуется с показаниями летописных сводов и укладывается в рамки летописных известий, дополняя их и поясняя» [Насонов 1940: 60–61]. Нам представляется, что как доказательная сторона дела⁵⁷, так и сам вывод являются вполне приемлемыми. Вместе

⁵⁷ Вот сопоставление сведений летописей и жития, приведенное А. Н. Насоновым. «Во-первых, по тексту жития, Федор Ростиславович получил Ярославль в согласии (“совещаниемъ”) с ростовскими князьями Борисом и Глебом. Из летописей (Лавр., Симеон., Акад.) мы также знаем, что уже в 1276 г. Федор Ростиславович был ярославским князем и что, находясь в отношении свойства с Глебом Васильковичем (был его “сватом”), слушался последнего или, во всяком случае, действовал в согласии с ним (в 1278 г. Глеб “посла сына своего в Орду съ сватомъ Федоромъ Ростиславичем” (Симеон. л.). Во-вторых, по тексту жития, Федор Ростиславович жил продолжительное время в Орде, и хан приблизил его к себе. По данным летописей, близость князя к Волжской Орде также не подлежит сомнению (в 1278 г. он принимает участие в походе на Кавказ с войсками Менгу-Тимура; в октябре идет в Орду для участия в новой войне; в 1281 г. вместе с татарами делает набег на Переяславль). После 1281 г. и вплоть до 1293 г. летопись о нем ни разу не упоминает, и весьма возможно, как предполагает А. В. Экземплярский, что к этому периоду относится то продолжительное пребывание князя в Орде, о котором рассказывает житийный текст. В-третьих, по тексту жития, Федор Ростиславович пользовался большим расположением ханши; по ее настоянию, между прочим, состоялся его брак с ханской дочерью (после смерти первой жены князя), и от этого брака у него был сын Давид; сын же от первой жены умер при жизни князя. Из летописи мы также знаем, что после смерти Федора Ростиславовича остался сын Давид, княживший в Ярославле. В-четвертых, по тексту жития, г. Ярославль стал враждебно относиться к князю и не хотел его принимать. С помощью татар он вновь сел в Ярославле, причем оппозиция князю в городе была подавлена татарским войском. Летопись тоже свидетельствует, что в 1293 г.

с тем ряд положений, выдвинутых А. Н. Насоновым, может быть дополнен или откорректирован.

Житие неоднократно подчеркивает, что князь Федор «честь велию приемлющу» от хана, «царь держаше его у себе во мнозей чести и въ любви велице» [ПСРЛ, т. XXI: 309, 310]. Ценность известий жития состоит в том, что позволяет в деталях увидеть отношения в Орде к русскому князю, ибо наглядно раскрывает понятия «великой и мнозей чести», то есть тех понятий, которые только фиксируются в ряде других случаев по отношению к прочим русским князьям.

«Блаженный князь Феодор» понравился и «царю» и «царице». Но если последняя связывала с ним далеко идущие планы («царица же мысляше дщерь свою дати ему въ жену»), то хан сделал его своим приближенным. «Царь же всегда повеле ему предстояти у себе и чашу отъ руку его приимаше и три лета держаше его у себе» [ПСРЛ, т. XXI: 308]⁵⁸.

«Поднесение чаши “царю” и принятие чаши царем “отъ руку” было знаком большой чести в придворном быту хана», — заметил А. Н. Насонов. Он же на основе сообщения Ибн-Батуты указал на «особый ритуал ханского жития: поднесение чаши во время “царской” трапезы обратилось в сложную церемонию...» [Насонов 1940: 62]. Современные этнографические исследования также свидетельствуют о большом символическом значении напитков в застольях монголов, происхождение которого восходит к глубине

Федор Ростиславович пришел из Орды вместе с “Дюденовой ратью”, опустошившей северо-восточные города, и затем, по словам древнейших сводов, сел “на Ярославли” или “седе на княжение въ Ярославли” (ср. Лавр., Симеон., Акад. л., 1293–1294); как видим, из летописи также явствует, что г. Ярославль был князем Федором временно утерян; с другой стороны, летописные известия также обнаруживают, что в Ярославле имели место вечерные выступления (ср. Лавр., Симеон. и др. л., 1262 и 1322 гг.). Таким образом, тот новый фактический материал о ростовских князьях, который дает нам житие Федора Ростиславовича в редакциях Антониевой и Степеной книги, вполне согласуется с теми сведениями, которые сообщают дошедшие до нас летописные своды» [Насонов 1940: 61].

⁵⁸ В Мазуринском летописце: «Царь же всегда веляше стояти пред собою и чашу приимаша от рук его и держа его три лета» [ПСРЛ, т. XXXI: 79].

веков [Жуковская 1988: 122–124]⁵⁹. Н. Л. Жуковская обращает внимание на связанный с поднесением напитков сам ритуал и его социальное назначение. «Питье из чаши друг друга и вообще питье из одной чаши является древней акцией установления дружеских, родственных и побратимских отношений между участниками застолья», — пишет исследовательница [Жуковская 1988: 124].

Если к сказанному вспомнить, что по прибытии в ханскую ставку Федор «дары многими удовли царя же и царицу его»⁶⁰ [ПСРЛ, т. XXI: 308], то сообщение о его «торжественных» проводах становится понятным и объяснимым. «Царь же, умоленъ бывъ, отпусти его любочестно и дарованьми же и грамотами одари его» [ПСРЛ, т. XXI: 308]. Еще больший почет был оказан Федору при втором посещении Орды. Женившись на ханской «дщери», ярославский князь был буквально осыпан милостями хана⁶¹. Кроме того, «царь» по-прежнему «держаше его у себе во мнозей чести и въ любви велице и всегда противъ себе седети повелеваше ему и царский венець свой по вся дъни полагаше на главу его и во свою драхму по всякъ часть облачаше его и въ прочая царская одеяния. Повеле же ему домъ устроити и полаты украшати и вся, елика довлеетъ его господству, вдати на потребу ему» [ПСРЛ, т. XXI: 310].

⁵⁹ Современные ученые отмечают, что важнейшую социальную (потестарную) функцию в архаической среде выполняли не только напитки, но и в целом пища. «Связь между властными отношениями и пищей является, по-видимому, глубинным пластом человеческого менталитета, уходящим своими корнями к социогенезу...» Стол служил «одним из главных индикаторов политической иерархии среди принимающих участие в трапезе» [Потестарность 1997: 36, 37 и др.].

⁶⁰ В Мазуринском летописце — «дары многими удари» [ПСРЛ, т. XXXI: 79].

⁶¹ «И браку бывшу, яко же христианский законъ одержъство иматъ, самъ же царь паки сугубо даруя ему грады многи, яко тридесять и шесть; въ нихъ же тогда именовашася: Черниговъ, Болгары, Кумане, Корсунъ, Туру, Казань, Арескъ, Гормирь, Баламаты. Къ симъ же вдаде ему на послужение князей и боляръ Руськихъ, еще же и польграда вдаде своего, идеже царствова, злата же и женьчюгу и камня многоценнаго и сребра множество и вся, елико довлеетъ царской чести» [ПСРЛ, т. XXI: 309]. Вышеперечисленные обильные «дарования» вызывают некоторые сомнения. Более реальной выглядит ханская «награда» при отъезде князя Федора (с женой и двумя сыновьями) из Орды. «Царь же и царица по воли его сотвориша и отпустиша его съ великою честию и царский венець возложи на него и великимъ княжением Ярославскимъ... почъти его», но «съ нимъ же приидоша многи силы Руськия и царева двора Татаръ многое множество» [ПСРЛ, т. XXI: 310].

Сидеть вблизи хана «тоже было признаком высокой чести: у монголов распределение “мест” за столом (или за столами) подлежало особому распорядку и имело особенное значение» [Насонов 1940: 63]. Но обративший на это внимание А. Н. Насонов обошел стороной другое важное сообщение. А между тем надевание «царских» головного убора и одежды⁶² значило, безусловно, передачу ханской харизмы русскому князю, следовательно, наделение его божественным небесным происхождением.

Были ли «почести», оказанные ярославскому князю ордынскими ханами, уникальными? А. Н. Насонов выстроил целую концепцию политических отношений Руси и Орды в конце XIII — начале XIV в. на основе признания «совершенно исключительного положения» ростовского князя со стороны ханов, сделавших на них ставку [Насонов 1940: 59 и др.]. Нам представляется, что исследователь несколько завышает значение ростовских князей. В Орде подолгу бывали и другие князья. Возможно, «ростовцы» брали своей многочисленностью, отсюда и иллюзии их преимущества перед прочими русскими князьями⁶³.

Федор Ростиславич поэтому вряд ли являет собой исключение не только среди ростовских, но и среди прочих русских князей. Та «честь», которая оказывалась ему в Орде, в целом была характерна и в отношении других князей. Разумеется, имели место и особенности, вызванные специфическим к нему благоволением. В определенной степени образ Федора Ростиславича предстает перед нами как собирательный, а его отношения с монгольскими ханами⁶⁴ — как стереотип поведения русских князей в Орде⁶⁵.

⁶² В Мазуринском летописце «драхма» заменена на «порфиру» [ПСРЛ, т. XXXI: 79].

⁶³ Во второй половине XIII в., отмечает, в частности, И. У. Будовниц, «князья владимирские куда более преуспевали у ханов» [Будовниц 1960: 318].

⁶⁴ Деятельность Федора приходится на правление в Орде четырех ханов: Менгу-Тимура (1267–1280), Туда-Менгу (1281–1287), Тулабуги (1287–1291) и Тохты (1291–1312).

⁶⁵ Наши суждения о «чести» в отношении русских князей в Орде в определенной степени подкрепляются другого рода источником — информацией на житийной иконе «Алексей-митрополит» (написанной Дионисием на основе ранней (около 1486 г.) редакции Жития митрополита Алексея): на ней есть клейма, отображающие его приходы в Орду. Обратившая на них внимание М. Д. Полубоя-

Вместе с тем, видимо, посещение русскими князьями ханской ставки было наполнено различными обрядовыми действиями, составляющими в совокупности цельный ритуальный комплекс. По крайней мере можно выделить следующие компоненты: 1) въезд, сопровождавшийся поклонением различным сакральным объектам (что видно из рассказа о Михаиле Черниговском и других известий)⁶⁶; 2) преподнесение даров-подарков⁶⁷; 3) торжественная процедура «отдарка» — ярлыка и/или материальных благ — с пиром как непременным условием ритуала. Все это летопись очень кратко обозначает как «честь великая», или «пожалование», делая, естественно, акцент на положительные, не «унижающие» стороны этого пребывания.

Впрочем, двойственная коммуникация в архаическом ритуале — обычное явление. С одной стороны, «жесткая дистанция должна соблюдаться между правителями и их слугами, людьми и предками, неотъемлемая черта благостного дарителя — умение внушать благоговейный ужас». Но, с другой стороны, «знаки власти являются одновременно залогом истинной коммуникации, возможной лишь как слияние, преодоление структурного разрыва» [Крюков 1987: 13–14]⁶⁸. Обе эти стороны архаической коммуникации превосходно прослеживаются на русском материале.

ринова описывает их так: « В трех клеймах, повествующих о пребывании митрополита в Орде, рисуется “честь”, которой хан его удостоил: хан встречает Алексея, направляющегося в Орду, и, сняв шапку, преклоняет перед ним колени; хан, сидя на троне, приглашает стоящего перед ним митрополита занять рядом сидение, покрытое драгоценными тканями; наконец, Алексей исцеляет ханшу Тайдулу, причем он изображен в саккосе (парадное облачение. — Ю. К.), подаренном ему ханшей» [Полубояринова 1978: 32].

⁶⁶ Об этом см. с. 91–96 настоящей работы.

⁶⁷ В летописях отмечается последовательность дарений русскими князьями ордынцам. Так, «прииде въ Орду благоверный князь Михаилъ... и по обычаю одари князи и царици, последи самого царя» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 38]; «И пришеде въ Орду князь великий Александръ царя тешешавъ по обычаю своему и рядец... И пребысть единъ месяцъ въ Орде, много льсти приять отъ незаконныхъ Татаръ, и инии глаголахоу: княжение ти великое даетъ царь, а инии глаголахоу: оубиту ти быти» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 49]. В последнем случае для нас важен тот факт, что ожидание «отдарка» могло продолжаться относительно длительное время.

⁶⁸ Ср.: «Бату очень милостив к своим людям, а все же внушает им сильный страх» [Путешествия 1957: 71].

Сакральная природа ярлыков должна была предусматривать и определенный ритуал их передачи и последующего вокняжения. Уникальные сведения о церемонии поставления русского князя (Ярослава Ярославича в 1264 г.) в Орде находим у В. Н. Татищева. «Егда прииде Ярослав в Орду, и хан прият его с честью, даде ему доспех и повеле обвестити его по чину на великое княжение. Коня же его повеле вести Володимеру Резанскому да Ивану Стародубскому, бывшим тогда в Орде. И августа месяца отпусти его с послом своим Жанибеком и с ярлыком на великое княжение»⁶⁹ [Татищев 1996: 44].

Вокняжение же происходило хотя и в присутствии ханского посла, но на русской территории — причем по обычаям, идущим из древности. На Руси этот важнейший ритуал усматривается с рубежа X–XI вв. [Толочко 1992: 142]. В последующее время «посажение на стол» приобретает традиционный характер. Кроме наблюдений конкретного свойства, А. П. Толочко делает и некоторые обобщения относительно этого обряда. Он пишет, что «в обрядовой стороне княжеского настолования проявляются многие основополагающие принципы доктрин властвования. Исследование ритуала может многое сказать и об идеологии. Так, например, даже такая деталь, как место посажения на стол, может свидетельствовать о соотношении языческого и христианского понимания личности князя и характера его власти. Наличие церковного обряда — или участие в нем церкви — говорило бы о степени усвоения христианского учения о богоданности светской власти и сакральной ее санкции. Употребляемые при коронации одежды, наличие специфических регалий — о влиянии византийских учений. К сожалению, все эти и многие другие вопросы, связанные с проблемой интронизации русских князей, еще ждут своего исследования» [Толочко 1992: 140] (см. также: [Савва 1901: 110–111]).

⁶⁹ Церемония сохранилась и в начале XV в. Никоновская летопись сообщает, что в результате «при» Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича в Орде в 1432 г. хан «даде великое княжение князю Василью Васильевичю и повеле князю Юрию Дмитриевичю, дяде его, и конь повести подь ним». Василий «не возхоте» «дядю своего обезчестити» [ПСРЛ, т. XII: 16], возможно, по причине того, что в XV в. этот монгольский ритуал стал уже неприемлем в отношениях между соотечественниками.

Оставляя означенные перспективы исследований относительно Древней Руси, отметим, что названные А. П. Толочко проблемы, связанные с интронизацией, прослеживаются на позднем материале. Традиции интронизации, сложившиеся в «домонгольский период», в частности, в Северо-Восточной Руси продолжили существование и далее. Так, известно, что в 1175 г. «Ярополка князя посадиша Володимерьци с радостью в городе Володимери на столе въ святеи Богородице, весь порядъ положше» [ПСРЛ, т. I: стб. 374; т.: стб. 597–598]. Видимо, не изменились они и несмотря на монгольское вмешательство. Чин вокняжения, писал В. И. Савва, «можно думать, соблюдался... и в период монголо-татарского ига» [Савва 1901: 111] (см. также: [Бычкова 1996: 101]).

Вместе с тем он соблюдался, так сказать, не столько в измененном порядке, сколько с наличием дополнительных процедур. Исследовавший этот вопрос А. В. Горский высказал предположение, что, если великие князья сажались на стол ханскими послами [ПСРЛ, т. XXV: 218], обряд посажения должен был делиться на две части: светскую — посажение князя послом у дверей церкви, и церковную — совершавшуюся в храме [Горский 1882: 19–20] (см. также: [Барсов 1883: XIV]).

В русских летописях следующего периода также отмечается важность такого обряда, происходившего в «мати градом» Владимире. Так, «на ту же осень (1340 г. — Ю. К.) выиде изъ Орды князь Семень Иванович[ь] на великое княжение... И седе князь великий Семень на столе въ Володимери въ велицей съборней церкви святыя Богородици на великомъ княжении всея Руси месяца октября в 1 день, на память честнаго Покрова святыя Богородици» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 53]. Кроме постоянной акцентации на поставлении каждого нового «великого князя», летопись содержит еще один замечательный фрагмент о значении Владимира и факте проводимой там «интронизации»: «многославный Володимерь, еже есть столъ земля Русская и градъ Пречистыя Богоматери, в немъ же и князи велиции Русстии первоседание и столъ земля Русская приемлють, иже великий князь всея Руси наименовається, ту бо первую честь приемлетъ» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 181]. Безусловно, показательным здесь является подчеркнутость «первоседания» и «первой чести», свя-

занной не с получением ярлыка в Орде, а с обрядом восшествия именно на Руси, во Владимире.

Только после «посажения» «на столе в святеи Богородици» князь становился великим князем. Ордынцы, присутствуя, лишь как бы «обслуживали» это действие — не более того. Видимо, продолжал действовать и реконструированный Толочко алгоритм этого обряда [Толочко 1992: 146–147]. Однако уже в начале XV в. традиция «столования» во Владимире нарушается. Значение Владимира как первопрестольного города падает. Летописец, имея в виду конкретный случай «дачи» Владимира (и других городов) литовскому князю Свидригайло в 1409 г., сокрушается: «И такового града не помиловавше Москвичи, вдаша в одръжание Ляхови». Ссылаясь на традиции, он пишет: «сего же старци не похвалиша...» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: 181]. И в 1432 г. мы видим такую картину. «И прииде князь велики Василей Васильевичъ на Москву на Петровъ день, а съ нимъ царевъ посольъ Мансырь — Уланъ царевичъ; тотъ его садиль на великое княжение у Пречистые у Золотыхъ дверей» [ПСРЛ, т. XII: 16].

Итак, из Орды русские князья зачастую приезжали не только с ярлыком, но и в сопровождении послов. Присутствие ханских послов на посажении русских князей на княжение, как правило, рассматривается в качестве силового акта. Отсюда логически вытекает и мысль об усилении института княжеской власти посредством монголов. Но присутствие ханских посланников могло иметь и ритуальный характер. Приезжавшие послы преследовали не только рациональную цель объявления решения хана знати и населению того или иного города-земли. Они являлись носителями ханской власти и, если так можно сказать, ханской сакральности-харизмы. Видимо, эта функция носителей ханского харизматического начала была присуща и постоянно находившимся «послам» и другим ханским чиновникам на Руси.

Публичное пожалование ярлыка на княжение представителем хана указывает на присутствие ритуального смысла этой акции [Крюков 1987: 12]. Возможно, здесь в определенной степени имело место перенесение наполненной неземной значимостью обстановки восхождения на трон самих ханов. Ханская интронизация — «ритуал, который можно воспринимать как обряд посвящения,

активизирует харизму, воплощавшую сакральность коллектива, и устанавливает новый порядок. Обряд избрания хана является важнейшим общественным обрядом, поскольку именно правитель, благодаря харизме, способен выступить гарантом стабильности... Монгольские источники подчеркивают, что в собрании перед избранием в акте интронизации принимали участие старейшины, вожди и военные предводители, т. е. люди избранные. Первая часть завершалась обрядом принесения клятвы на верность и признания подчинения избранному правителю...» Кроме того, «участие в обряде перечисленных лиц усиливало харизму, что способствовало ее большей результативности» [Скрынникова 1994: 22, 23–24]⁷⁰.

Монгольские послы в Москве: мифы и реальность. Именно о монгольских послах на Руси сообщают нам иностранные авторы XVI в. Особенно часто цитируемыми в литературе являются Михалон Литвин и Сигизмунд Герберштейн [Литвин 1994; Герберштейн 1988]. Прежде всего, заметим, что и Литвин, и Герберштейн никогда сами не видели описанного в действительности. И в этом заключается их отличие от западноевропейцев XIII в., видевших все своими глазами, но в силу иного мировосприятия не сумевших адекватно передать социальную природу виденного. Информаторы-западноевропейцы XVI в. имели другие источники: либо письменные (летописи), либо устного происхождения [Лимонов 1978; Флоря 1982]. В их рассказах сведения, видимо, могли объединяться и переосмысливаться с приданием всем ритуалам оттенка «раболепия»⁷¹. Наиболее полно церемония встречи представлена у Михалона Литвина. «Прежде москвитяне были в таком рабстве у заволжских татар, что князь их [наряду с прочим раболепием] выходил навстречу любому послу императора и ежегодно приходящему в Московию сборщику налогов за стены города и, взяв [его] коня под уздцы, пеший отводил всадника ко двору. И посол сидел на княжеском троне, а он сам коленопреклоненно слушал послов» [Литвин 1994: 77]⁷².

⁷⁰ Алгоритм возведения на трон монгольского «каана» см.: [Трепавлов 1993: 69–70].

⁷¹ На Западе «значительно преувеличивали... степень зависимости великого князя от хана», — писал К. В. Базилевич [Базилевич 1952: 120].

⁷² См. также: [Герберштейн 1988: 68]. Такого же рода «информацию» мы встречаем в одном из поздних летописных сводов — Густинской летописи. Под 1505 г.

Первую описанную Литвином ситуацию — выход князя за город и отведение коня посла — проанализировал А. Н. Насонов. Он верно подметил, что «иностранцы могли легко принимать отдельные случаи за обычный порядок» [Насонов 1940: 109]. К примерам такого рода он относит и случай, приведенный А. В. Терещенко (если не принимать его за вымысел)⁷³.

пространно сообщается о том, «в каковой неволе и беде бяху прежде у Татаръ За-волжскихъ князи Московские. Во-первыхъ внегода Татарский посель до Москвы приеха, тогда самъ князь со всеми своими бояры должень бяше противу ему изыйти пешо, на милоу, безъ шаты, носящи чаши комизу, си есть млека кобылего, и нимъ посла чествовати, отъ сего млека аще ли бы нечто укануло на одежду или на коня, егда посель княже, должень бяше самъ князь излизати; а четцу, иже чтыше грамоту отъ царя Татарского, постылаше на земле одежду коштовную соболою, а самъ князь со своими бояры преклоншеса на колена слушаху чтения грамоты, и ни въ чесомъ пререковати или отмовляти можаше, ниже смеяше, аще бы и на христианъ, или на братию, или на сихъ имъ же миръ поприсяже, повелел ратию пойти» [ПСРЛ, т. II: 364]. Заимствование этого сообщения отмечали уже публикаторы Густинской летописи. «Эта сказка выдумана Польскими писателями из недоброжелательства к Русским. О порядке приема Татарских послов, до XVI века, нет сведений в домашних наших источниках; но этот обряд не мог происходить в Москве, — среди преданного своим государям народонаселения, ни даже в Орде, куда князья наши ездили для получения великокняжеского сана, так как он описан выше. О нем нигде не упоминают и восточные историки» [ПСРЛ, т. II: 364]. Следует указать и на то, что и на рассказ Герберштейна также повлияла польская Хроника Длугоша [Базилевич 1952: 120].

⁷³ «Когда хан отправлял посла в Москву, тогда великий князь встречал его за городскими воротами, как самого царя, и подносил ему чашу кобыльего молока. Князь наблюдал пред ним величайшее почтение, безотчетную покорность и не смел пред ним садиться. Когда посол садился на коня, тогда князь наклонял пред ним свою спину, а тот, став на нее ногами, взлезал на лошадь» (Терещенко 1848: 19). Как нам представляется, все элементы «общения» могут быть объяснены. О встрече посла будет сказано ниже, о ритуальной роли напитков уже говорилось; здесь же остановимся на, безусловно, сказочно-карикатурном изображении посадки посла на коня.

Рассказ А. В. Терещенко имеет своим источником средневековое западноевропейское сочинение «Краткий трактат о Великом Князе Московии, его родословная», напечатанном в популярном собрании Гаклюйта, изданном в Англии в 1819 г. Существует вероятность того, что изначально эта информация восходит (с искажениями) к сочинению известного английского хрониста середины XIII в. Матфея Парижского — «Великая хроника». В нем несколько странно (но гораздо менее фантастично) представлено оседлание татарами коней. «У них большие и сильные кони, которые питаются листьями и даже [ветками и корой] деревьев. На них

Вместе с тем А. Н. Насонов приводит и факты «встреч» на Руси монгольских послов из русских источников. Общий вывод исследователя: «Таким образом, вполне возможно, что и при приближении ханских послов князьям приходилось выезжать навстречу “с питьем и с дары”. Однако, если такой обычай и существовал, он, во всяком случае, не был повсеместен или перестал действовать к началу XV в.» [Насонов 1940: 109]⁷⁴.

Нам представляется, что А. Н. Насонов совершенно напрасно нивелирует, приуменьшает значение данного ритуала, видимо, усматривая в нем какие-то уничижительные черты. Но ведь здесь явно просматривается своеобразный монгольский посольский церемониал, обязательный при встрече «гостя».

Встреча послов издавна практиковалась у монголов, да и вообще на Востоке [Веселовский 1911: 11]. Известен рассказ ряда арабских сочинителей о встрече египетского посольства представителями хана Берке. По Ибн Абдез захыру (секретарь египетского султана Бейбарса), египтян, переправившихся через Черное море, «встретил правитель этого края в местечке Крым»; «когда они приблизились к Орде, то их встретил (там) визирь Шерефеддин Эльказвини. Потом их пригласили к царю Берке» [Тизенгаузен 1884: 63]. С некоторыми подробностями об этом

[татары] взбираются по трем ступенькам, словно по трем уступам [вместо ступеней], так как у них [татар] короткие ноги» [Матузова 1979: 137]. Также возможно, что версия Гаклюйта — Терещенко основывается на кратком жизнеописании Тимура генуэзца Батисто Фрегосо, получившем широкое распространение в Европе XVI в. В нем, в частности, говорится о побежденном Тимуром (Тамерланом) грозном османском султани Баязиде, который, находясь в плену (1492–1493 гг.), среди прочих унижений подвергался и такому: «всегда, когда полководец садился на своего коня, побежденный должен был становиться на четвереньки, чтобы быть для победителя опорой» [Нагель 1997: 4–5]. Другое сообщение дополняет первое: «Ордынские послы имели обыкновение привозить с собой басму, т. е. болвана, деревянное изображение хана. Князья московские выходили пешком за город, навстречу послам; кланялись им, подносили кубок кобыльего молока, подставляли мех соболей под ноги ханского чтеца и слушали чтение грамоты с колена преклонением. На месте, где происходила эта встреча, София выстроила церковь во имя Спаса, именуемого доселе Спас на болвановке» [Терещенко 1848: 20].

⁷⁴ По К. В. Базилевичу, «описанный Длугошем прием татарских послов московским великим князем совершенно невероятен для Ивана III...» [Базилевич 1952: 120].

пишет Эльмуфаддаль: «Там встретил их правитель того края, по имени Таюк, у которого были лошади юлак, т.е. почтовые. Имя этой земли Крым... Когда они приблизились (к Орде), то их встретил визирь Шерефеддин Эльказвини, который разговаривал по-арабски и по-тюркски; он поместил их в прекрасном помещении и принес им угощение (состоявшее) из мяса, рыбы, молока и пр.» [Тизенгаузен 1884: 192].

Вести под уздцы коня приезжего посла означало большой почет для прибывающей стороны. Но почетной обязанностью это было и для встречающего. Европейцам же это казалось унижительным. Все же дело — в различных традициях и понимании их. «Только лошадь, по понятию кочевника, возвышает человека», — отметил Н.И.Веселовский [Веселовский 1911: 9]. Согласно восточному посольскому этикету, «степень почета стала измеряться большим или меньшим пребыванием в седле» [Веселовский 1911: 10]. Отсюда следовал ряд этикетных норм [Веселовский 1911: 9–10, 13]. Среди них — «повести коня» перед кем-либо или под кем-либо значило выразить особенное почтение этому лицу» [Веселовский 1911: 10].

Что касается восседания ханских послов на княжеском троне, то это, видимо, фантазия автора или его информаторов.

С пребыванием монгольских послов на Руси связаны и имеющие хождение в исторической литературе известия об ордынском подворье, якобы находившемся в Московском Кремле в XIV–XV вв. Существуют две версии размещения этого двора. Одна связывает его с Чудовым монастырем, другая располагает его на месте, где в XV–XVII вв. стояла церковь Николая Льяного, или Гостунского [Панова 2001: 23–26].

Чудов монастырь был основан митрополитом Алексеем, по преданию, на территории бывшего ордынского (ханского) подворья в Кремле. Земельный же участок для постройки обители святой получил во время поездки в Орду в 1357 г. за «чудесное исцеление» от слепоты ханши Тайдулы⁷⁵.

Собор же Николая Гостунского строится столетие спустя стараниями великой княгини Софьи Палеолог. Ей приснился вещий

⁷⁵ Критический анализ источников и литературы о поездке митрополита Алексея к татарам см.: [Кривцов 2002].

сон, после чего она обратилась к супруге хана Ахмата с просьбой отдать ей татарский двор в Кремле для возведения новой церкви. Предание о Софье Палеолог восходит к сочинениям иностранцев [Панова 2001: 26–27]. Ранее всего такого рода сообщение встречается у Сигизмунда Герберштейна: «В крепости Москвы был дом, в котором жили татары, чтобы знать все, что делалось [в Москве]» [Герберштейн 1988: 68].

Т. Д. Панова, подробно и тщательно рассмотрев все возможные письменные источники (летописные и актовые материалы, сочинения иностранцев, историческую литературу) этих сообщений, а также учитывая данные археологических наблюдений, пришла к выводу, что «прямых указаний на существование татарского (или ордынского) подворья в Кремле в них нет»⁷⁶. «Версия о том, что Чудов монастырь был основан в середине XIV в. на территории бывшего ханского двора, не подтверждается данными источников и является мифологическим стереотипом, появившимся в русской исторической литературе в середине XIX в. и прочно в ней утвердившимся». Вызывает у автора «серьезные возражения» и второе сообщение. «Версия о том, что татарский двор, или какая-либо его часть, просуществовала в Кремле (на другом его участке) вплоть до конца XV в. и был уничтожен лишь благодаря усилиям великой княгини Софьи Палеолог, опирается на сведения иностранцев XVI–XVII вв. о Москве — источник не всегда достоверный. Деревянная (?) церковь Николы Льяного (название XV в.), с начала XVI в. — каменный храм Николы Гостунского, существовала на территории Кремля еще до приезда в Москву Софьи Палеолог из Рима. К тому же, вряд ли инициатива великой княгини осталась бы незамеченной летописцами»⁷⁷ [Панова 2001: 31].

Бескомпромиссным выглядит и заключительный вывод статьи: «Таким образом, следует признать, что утверждения о нахождении

⁷⁶ Интересно, что вариантов названия, «под которыми фигурирует в исторической литературе и записках иностранцев это “владение” Орды в Кремле» «можно насчитать с десяток — ханский двор, ордынское подворье, царев двор, татарский двор, царев посольский двор, подворье ордынских послов, конюшенный двор хана Джанибека, дом татар, конюшенный двор татар, ордынское подворье с конюшнями и т. д.» [Панова 2001: 29].

⁷⁷ Сохранена орфография и пунктуация источника.

в Московском Кремле в XIV–XV вв. ханского двора или татарского подворья — на данный момент не более чем историографическое недоразумение» [Панова 2001: 31].

Однако, может быть, все-таки какой-то исторический контекст под этими, безусловно, во многом нереальными (а в некоторых случаях фантастическими) сообщениями присутствует?

Действительно, в летописях об этом ничего нет. Мы знаем лишь (по одной из версий) о неудавшейся попытке ордынского посла Чол-хана занять княжеский стол и княжеский двор в Твери в 1327 г.

Благодарность митрополиту Алексею со стороны «царицы Тайдулы» вполне могла иметь место как «отдарок» за излечение⁷⁸. Таким свидетельством, безусловно, стал сам ярлык, данный Алексею. Но в нем, как отмечает Т. Д. Панова, «нет никаких упоминаний о татарском дворе в Кремле Москвы и о передаче его русскому митрополиту в благодарность за исцеление Тайдулы» [Панова 2001: 28]. Значит ли это, что не могло быть и иного выражения «почтения» иерарху, не отраженного в «грамате»?

Конечно, вряд ли ордынцы (ханы или послы) владели в Кремле «земельной собственностью»⁷⁹. Следовательно, неправомерно даже ставить вопрос о дарении части территории московской крепости. Но, возможно, если все-таки попытаться найти рациональное зерно в предании, дело обстояло так. Ханша, кроме выдачи ярлыка, отблагодарила Алексея еще материально, что позволило ему несколько позже — в 1365 г. — начать строительство будущего Чудова монастыря. Как мы уже видели, такие прецеденты в отношениях московских князей и ордынских ханов имели место. А позже народная память соединила эти два акта — ордынский «отдарок» и основание кремлевского монастыря, сфокусировав их в одну территориальную и смысловую точку: татарское подворье в Кремле.

В случае же с Софьей Палеолог, скорее всего, в фольклорно-литературной форме наряду с предыдущими отразились и известные события рубежа 70–80-х годов XV в., знаменовавшие разрыв с Ахматовой Ордой — прямой наследницей Джучиева улуса.

⁷⁸ О чести, оказанной митрополиту Алексею в Орде, см. с. 68–69, прим. 65.

⁷⁹ Об ордынской ментальности в отношении владения землей свидетельствует «Повесть о Петре, царевиче Ордынском».

Вместе с тем нахождение монгольских послов в Москве не обязательно толковать лишь как контроль за деятельностью московских князей, поскольку послы могли (и должны были) осуществлять и отношения дипломатического порядка⁸⁰.

С начала 60-х годов XIV в. князья уже не ездили в Орду за ярлыками, а ярлыки привозили им монгольские «послы». И если в 1362 г. «отъ Мурута ярлык на Москву» «привезлъ» (другой вариант: «принесоша») «киличей» Дмитрия Ивановича [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 72–73], то в 1363 г. на «коронацию» Дмитрия с ярлыком прибыл сам ордынский посол. «Князь великийи Дмитрией Иванович[ь] приеха въ Володимерь съ свое братьею и со всеми князми Русскими и со всеми бояры и прииде къ нему посоль изъ Орды отъ царя Авдуля с ярлыкы, князь же великийи Дмитрией Иванович[ь] посла отпустилъ въ Орду...» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 74]. В отношении тверского князя это повторилось в 1370 г.: «во Тферь изъ Орды пришелъ татаринъ Капътагаи да Тюзякъ привезли ярлыкъ князю великому Михаилу на Тферьское княжение» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 92]. С чем связана такая перемена? Конечно, с ослаблением Орды. Но и с тем, что ярлыки превращаются уже, по сути дела, в формальность, внешнее прикрытие для русских князей, которые начинают сами распоряжаться судьбой своих столов, подписывая духовные грамоты (начиная с Ивана Калиты). С точки зрения же татар, все оставалось по-прежнему: отсюда их частые визиты.

Таким образом, присутствие ордынских послов на Руси, характер их взаимоотношений с князьями, полагаем, нельзя рассматривать исключительно как унижающие русскую сторону обстоятельства. По крайней мере, они неоднозначны, и посольские ритуалы играли не последнюю роль.

Ярлыки московских митрополитов. Ярлыки как форма того или иного пожалования ханами широко известны. От «монголь-

⁸⁰ Не случайно в летописях ордынских представителей на Руси называют «послами». Это всегда приходящие с той или иной целью представители Орды, осуществляющие своеобразную связь между Ордой и Русью. Следовательно, отношения между Русью и Ордой в сознании современников рассматривались как двусторонние дипломатические, хотя и давало себя знать долгое время нашествие, а затем память о нем.

ского периода» всемирной истории сохранились десятки ярлыков-грамот, предназначенных различным должностным лицам.

Ханские ярлыки изучаются уже более ста лет, и подавляющее большинство их признано репрезентативным источником. Княжеских ярлыков до нас не дошло, поэтому тем больший интерес представляют ярлыки ханов, выданные ими русским митрополитам в XIII–XIV вв.⁸¹ Их форму и содержание исследовали многие ученые [Григорьев 1876: 170–258; Приселков 1916; Зимин 1962; Боровков 1966; Плигузов 1987]. В последние десятилетия плодотворно трудится над их реконструкцией А. П. Григорьев [Григорьев 1974; 1977; 1980а; 1980б; 1985; 1986а; 1986б; 1990 и др.].

Однако большинство обращавшихся к митрополичьим ярлыкам исследователей использовало их лишь для информации о представителях на Руси монгольской администрации и о конкретном обозначении повинностей и налогов, взимаемых на Руси со всех категорий населения, кроме относящихся к церкви. Безусловно, «митрополичьи» ярлыки дают богатый материал для представления конкретных методов деятельности монгольских чиновников на Руси в рамках даннических отношений (и это показано в работах Г. А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов 1973: 91–100, 130–133], А. П. Григорьева [Григорьев 1974; 1977; 1980а; 1980б; 1985; 1986а; 1986б; 1990 и др.], А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузова [Хорошкевич, Плигузов 1990] и др.). Вместе с тем их оформление, ряд статей ярлыков или их отдельные обороты дают повод для размышлений иного рода.

Жизнедеятельность «в традиционном обществе, — отмечает Т. Д. Скрынникова, — протекала в двух сферах: обыденно-практической и сакральной. Эти две сферы, достаточно четко различимые, взаимопроницаемы, поскольку для архаического и традиционного общества мир не разделялся на реальный и сверхъестественный (как это делает современный исследователь), все, входящее в картину мира, было для него реальностью. Картина мира формирова-

⁸¹ В научном обращении имеются краткое и пространное собрания ярлыков. Справку о современном состоянии вопроса о ханских ярлыках см.: [Каштанов 1996: 81–82]. Об их месте среди другого актового материала джучидской канцелярии см.: [Усманов 1979: 73].

лась в рамках сакрального, обеспечивавшего функционирование обыденно-практического» [Скрынникова 1994: 15].

Эти достаточно емкие рассуждения, полагаем, применимы и к ханским ярлыкам, точнее, к тем функциям, которые они должны были выполнять. Практическая функция их, как мы только что отметили, исследована довольно полно. Но ярлыки несли на себе еще и сакральную «нагрузку».

На фразы, относящиеся к ритуально-религиозной сфере монгольских документов, уже обращалось внимание. Так, А. П. Григорьев такого рода обороты мотивировочных статей обозначал как «формальное свидетельство неограниченной власти монарха» — хана, «инвеститура которого соотносится с проявлением божественной силы» [Григорьев 1978: 20]. Это верно, но вместе с тем необходимо заметить, что они имеют и важное идеолого-смысловое назначение.

Грамоты начинаются с оборота, который в переводе-реконструкции А. П. Григорьева звучит так: «Предвечного Бога силюю...», а Т. Д. Скрынниковой — «Силюю вечного Неба». Небо в религии древних монголов — «неперсонифицированное божество, обладающее способностью созидания». Небо у монголов «служит национальным интересам, которые удивительно сочетались с универсализмом Неба в качестве абсолютного воплощения верха. Небу было подвластно все, только оно в состоянии регулировать то, что на Земле, но делает оно это через своего избранника, которым был монгольский хаган. Оно (Небо) давало ему силу, демонстрировало различным способом свою волю, а хаган благодаря этому организовывал свой народ и весь мир» [Скрынникова 1994: 16–18] (см. также: [Вернадский 1997а: 101–103]).

Таким образом, уже начало ярлыка жестко связывает происхождение хагана с высшим божеством монголов — Небом. Но на Земле — еще одной божественной субстанции, существующей в паре с Небом [Скрынникова 1994: 17–18], — оно действует через своего избранника — хана⁸². И, действительно, в последующих

⁸² В. В. Трепавловым отмечается преемственность в осознании сакральной связи монарха с высшими силами у хуннов, древних тюрков и монголов [Трепавлов 1993: 62–67].

формулах мы видим обозначение как Чингис-хана, так и того или иного его наследника, от имени которого непосредственно дается ярлык⁸³.

Уже в первом ярлыке, данном в 1267 г. Менгу-Тимуром, читаем: «Вышняго Бога силою вышняя Троица волею Менгу-темерьво слово... Чингиз царь потом... Тако молвя и последнии цари...» В ярлыке 1357 г., который «Бердибек царь дал Алексию митрополиту», также видим: «Бесмертнаго Бога силою и величеством из дед и прадед Бердебеково слово... Ченгизь царь и последнии цари наши отци наши...» В последнем из известных нам «митрополичьих» ярлыков находим такие же формулировки: «Бесмертного Бога силою и величеством из дед и прадед. Тюляково слово Мамаевою дядиною мыслию... Пред Чингиз царь, а опосле того цари Азиз и Бердебек...»⁸⁴ [ПРП 1955: 465, 467, 469].

В данном случае нам не столь важно смысловое сочетание приведенных оборотов⁸⁵, сколько само перечисление адресатов: божества-Неба, Чингис-хана, его наследников-чингисидов.

Появление имени Чингис-хана в высшей степени закономерно, так как он в представлении монголов, обладая при жизни харизмой, после смерти становится божеством. «Способность харизмы сохранять свои функции и после смерти ее обладателя стала основой зарождения культа, масштаб которого определялся прижизненным статусом. Соответственно, культ Чингис-хана — основателя правящего рода — стал общемонгольским, а сам он

⁸³ Это отмечено и М. А. Усмановым [Усманов 1979: 230]. См. также: [Григорьев 1876: 182].

⁸⁴ Такие же обороты применялись в монгольских документах в отношении самых разных адресатов. Приведем некоторые примеры. В письме Гуюка к римскому папе Иннокентию IV (1246 г.) сказано: «Предвечного Бога (Неба) силою всего великого улуса великого хана повеление наше» [Григорьев 1978: 17–19]; в грамотах монгольской династии Юань в Китае (1280–1351 гг.): «Предвечного Бога (Неба) силою великого благоденствия пламени покровительством великого хана повеление наше» [Григорьев 1978: 20–21]. См. также: [Поппе 1941: 65 и др.]; «Предвечного Бога (Неба) силою Монкэ великого хана благоденствием Хайду наследного принца указ» [Григорьев 1978: 24–25], а в документах Хулагуидов: «Всевышнего Бога силою великого хана благоденствием Ахмада указ» и «Предвечного Бога силою великого хана благоденствием Аргуна указ наш» [Григорьев 1978: 28–30].

⁸⁵ Реконструкцию ярлыков превосходно осуществил А. П. Григорьев.

определяется как центральное божество» [Скрынникова 1994: 19]. Следовательно, ярлык — его происхождение и назначение — детерминирован не только Небом, но и культом Чингис-хана — так сказать, земного божества.

Наконец, рядом с Чингисом упоминается и тот или иной предшествующий или здравствующий хан. С прагматической точки зрения это понятно — ярлык выдает реальный, действующий хан, или, по крайней мере, ярлык выдается от его имени. Но здесь заключен и глубокий сакральный смысл. По сути, аналогичную цепочку «потусторонней» связи упоминаемых в грамотах лиц продемонстрировал на примерах актов XIII–XIV вв. монгольской династии Юань в Китае А. П. Григорьев. Мотивировочные статьи их состоят из таких оборотов: «Предвечного Бога силою великого благоденствия пламени покровительством великого хана повеление наше». Григорьев объяснил их следующим образом: «Бог утверждает пламя, которое, со своей стороны, способствует утверждению великого хана. Великий хан, таким образом, отделяется от предвечного Бога на одну ступень, каковой предположительно является обожествленный Чингис-хан» [Григорьев 1978: 20–21]. Здесь все верно объяснено, следует лишь только заметить, что великий хан посредством обожествленного Чингис-хана не отделяется, а, наоборот, приближается к божеству — Небу. «Регулирующая функция хагана постулировалась не только им самим, но и ханами — главами входящих в империю частей...»⁸⁶ [Скрынникова 1994: 18]. Т. Д. Скрынникова приводит в качестве примера начало такого указа: «Силою высшего Неба, харизмой хагана, мой, Аргуна указ» [Скрынникова 1994: 18]. Это же хорошо прослеживается, как мы видели, на «митрополичьих» ярлыках.

Итак, круг замкнулся на действующем хане как представителе волеизъявления высших божеств — Неба и хагана. Ярлык, несмотря на свое прозаическое предназначение, оказывается буквально

⁸⁶ К этому стоит добавить то, что уже «царевичи, как представители рода Чингис-хана, являлись обладателями харизмы, что и определяло идентичность их действий действиям Чингис-хана в обряде поклонения солнцу» [Скрынникова 1994: 23].

пронизанным сакральным началом: и сам текст⁸⁷, и, можно предпологать, с точки зрения монголов, сам формуляр⁸⁸. Последнее предположение возвращает нас вновь к «опыту о даре».

В. М. Крюков на примере Древнего Китая отметил «символическое единство дара: вещь — милость — долголетие (бессмертие)» [Крюков 1987: 11]. Такая взаимосвязь-последовательность тоже просматривается в ярлыках ханов русским митрополитам. Видимо, не только князья преподносили дары ханам, но и церковные иерархи⁸⁹. В получаемых же ими ярлыках-дарах обязательно упоминалось о необходимости молить Бога за жизнь хана. Хан имманентно должен был присутствовать в церковной службе⁹⁰.

⁸⁷ В этой связи следует заметить, что Великая Яса также имела «полумагическую власть» [Вернадский 1997а: 107, 115], а в ярлыках имеются ссылки на Ясу [Приселков 1916: 96].

⁸⁸ На внешнее оформление, в том числе жалованных ярлыков, монголами обращалось «серьезное внимание». «Акты не только содержанием, но и внешней формой должны были напоминать о величии и могуществе правителей» [Усманов 1979: 131].

⁸⁹ О посещениях ханской ставки русскими митрополитами см.: [Полубояринова 1978: 31–33].

⁹⁰ Все ярлыки наполнены «просьбами» молений. Приведем несколько примеров. «...да правым сердцем Богови за нас и за племя наше моляться и благословляють нас»; «А попове... Бога молящи и благословляюще нас стоите. А иже имете не правым сердцем о нас молитесь, — Богу тот грех на вас будеть» (ярлык Менгу-Темира). «Всь Иоан митрополит за нас молебник молиться от пръвых добрых времен и доселе такоже молебник» (ярлык Тайдулы 1347 г.). «Из давных из добрых времен и доселе что молятся богомолци и весь поповьскыи чин... самому Богу моляться за племя наше в род и род и молитву взъдають... И как в Володимери сед Богу молиться за Зденибека и за нас и за наши дети молитву взъдаеть» (ярлык Тайдулы 1351 г.) и т. д. [ПРП 1955: 465–470]. Такие же обороты содержат и тарханские грамоты буддийскому, христианскому (несторианскому), даосскому и мусульманскому духовенству, рассмотренные подробно А. П. Григорьевым. Собираательно они имеют такую формулу: «и ныне будут [они]... Богу [за нас, великого хана] молиться, благопожелания [нам] возносить». А. П. Григорьев видит в такого рода оборотах «причину выдачи грамоты жалователем и одновременно — одно из договорных условий, т. е. своеобразные обязательства со стороны грамотчика по отношению к великому хану» [Григорьев 1978: 79 и др.]. Нам представляется, что эти «договорные условия» вполне вписываются в оппозицию «подарок-отдарок».

Далее, говоря о сакральности «материальной» основы ярлыков, надо указать на печать-тамгу⁹¹ — обязательный компонент их заключительной части. Тамги составляли «один из неотъемлемых внешних элементов в посланиях», так как имели «большое государственное значение», — пишет С. Закиров [Закиров 1966: 134–135]. Важность этой детали следует и из обозначения самой тамги и ее цвета в ярлыках [Усманов 1979: 167–175]. Ученые уже давно обратили внимание на семантику цвета тамг. Так, В. В. Григорьев писал, что «золотые (тамги) по достоинству считались ниже красных или алых, которые одни были собственно государственными печатями, употреблявшимися для скрепления важного содержания бумаг». Синие же «прикреплялись, по-видимому, к бумагам менее важного содержания, заключавшим в себе не общие государственные распоряжения, а какие-либо частные приказы ханов» [Григорьев 1844: 344]⁹². М. А. Усманов оспорил наблюдения Григорьева, сделав вывод «о перворазрядности нишанов золотого и синего цветов»⁹³. Подобные тамги, — замечает он, — следовательно, прилагались к наиболее важным документам — эдиктам и торжественным заявлениям от имени государства» [Усманов 1979: 174].

Красные (алые) тамги он относит к категории «второразрядных». Вместе с тем исследователь отмечает, что «второразрядность красной тамги была относительной». Не скрепляя послания к могущественным зарубежным правителям, «она была в конечном

⁹¹ Между тамгой как символом рода и его власти и тамгами — знаками-печатами «существовала преемственная связь» [Сагалаев, Октябрьская 1990: 23].

⁹² В. В. Бартольд также присоединяется к этому мнению: «к большей части документов прикладывалась “алая печать” (ал-тамга, сокращенно: ал)» [Бартольд 1963: 453].

⁹³ Золотой цвет был «символом богатства, могущества и торжественности». Синий мог быть «синонимом величия, обширности и многочисленности» [Усманов 1979: 174–175]. Семантика золотого и синего цветов была рассмотрена также Н. Л. Жуковской. Вслед за С. Ю. Неклюдовым исследовательница определяет золотой цвет как «универсальный космический символ, с которым связано появление земли и первого человека, предков правителей и самих правителей, понятие вечности, нетленности, прочности, истинности и т. д.» [Жуковская 1988: 162–164]. Синий же цвет «расценивается как символ верности, вечности, постоянства. Он ассоциируется с небом — “Вечным Синим Небом”, божественной субстанцией, выступающей в качестве прародителя рода монгольских каганов» [Жуковская 1988: 162].

счете тем же высочайшим официальным государственным знаком, но имеющим, по сравнению с другими, более универсальными, например с синими, относительно специальное назначение», заверяющее в том числе «жалованные акты указно-договорного характера» [Усманов 1979: 175].

Нам представляется, что вопрос о «значимости» тамг надо ставить принципиально по-иному, нежели определять их «перво-» или «второразрядность». Каждый цвет фиксировал, как нам кажется, не иерархию документа, а соответствующее его назначение. В этом ряду все цвета были равны между собой, но предназначались для разных целей. Красный (алый) цвет, таким образом, имел в представлениях монголов тоже определенную значимость и предназначение, и отнюдь не «второразрядное». Этого и не могло быть, ибо тамга — удостоверительный знак ханского достоинства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вместе с тем красный цвет в ряде случаев имел преимущество перед другими в межгосударственных отношениях. Так, в переписке он пользовался «особым почетом... как цвет счастья, торжества и любви к людям»⁹⁴ [Закиров 1966: 139].

Красный цвет печати-тамги мы видим и на грамотах ханов русским московским митрополитам. Ярлыки «с алою тамгою» выдавались ханами Бердибеком в 1357 г. и Тюляком в 1379 г. соответственно митрополитам Алексею и Михаилу-Митяю [ПРП 1955: 466, 470].

В то же время ханша Тайдула скрепляла ярлыки нишаном [ПРП 1955: 467, 469, 470]. Эту разницу в «оформлении» ярлыков объяснил М. А. Усманов. В XIV в., пишет он, существовали, видимо, различия «между квадратным и перстневым знаками, первый назывался тамгой, второй — нишаном. На это намекают данные “митрополичьих” ярлыков, в которых знаки ханов Туляка, Бердибека называются алой тамгой, а ханши Тайдулы, у которой могла быть только перстневая печать, определяется просто нишаном» [Усманов 1979: 168]. Он сделал и общий вывод о функциях и на-

⁹⁴ В Египте «в официальной переписке правом писать на красной бумаге пользовались самые знатные лица в государстве. Так, например, на красной бумаге переписывались с египетским султаном его наместник в Дамаске и губернатор крепости Карак» [Закиров 1966: 139–140].

значении различных печатей: «Можно уверенно сказать, что квадратные нишаны (в позднее время синоним тамги. — Ю. К.) всех цветов были официальными царственными удостоверительными знаками, и применение их было прерогативой только ханствующего джучида, перстневая же печать характерной миндалевидной формы без гербового знака служила удостоверением личности всех членов династии» [Усманов 1979: 170].

Таким образом, рассмотрение ханских ярлыков русским митрополитам дает возможность сделать важный вывод не только об их практической ценности, но и об их сакральном назначении, что выразалось как в их формулировках, так и в их оформлении. Сакральные функции ярлыков представляются не менее значимыми, чем рациональные, ибо свидетельствуют не столько о прямом диктате монгольских ханов, сколько об учете ими другой стороны, если не равноправной в отношениях, то по крайней мере не вовсе бесправной.

А как обстояло дело в отношениях с князьями?

Нам неизвестны тексты ярлыков ханов русским князьям, хотя упоминания о них имеются и в летописях, и в актовом материале (в княжеских докончаниях 30–40-х годов XV в). Князья вначале ездили за ними в Орду, а затем «послы» уже привозили их сами⁹⁵. Судя по договорным грамотам, на Руси при Василии Васильевиче ярлыками распоряжались уже сами князья, передавая их великому князю [ДДГ: 76, 78 (№ 30); 141 (№ 46); 156, 158 (№ 52)].

Что касается возможного текста «княжеских» ярлыков, то исходить необходимо из следующего. Во-первых, «выводы относительно формы и содержания мотивировочных статей (или адресантов) чингизидских документов в полной мере относятся не только к индивидуальным, конкретным и абстрактному формулярам чингизидских жалованных грамот, но в такой же мере и к условному формуляру вообще всех чингизидских актов, и даже не только актов...»⁹⁶ [Григорьев 1978: 31]. Следовательно, тексты мотивировочных статей «митрополичьих» и «княжеских» ярлыков должны

⁹⁵ Примеры см.: [Григорьев 1876: 175–178, 225; Полубояринова 1978: 17].

⁹⁶ М. А. Усманов также отмечает, что «основные моменты статьи диспозиций “митрополичьих” ярлыков полностью соответствуют аналогичным пунктам джучидских жалований, данных “своим” подданным» [Усманов 1979: 244].

были в основном совпадать, а отсюда вытекает сакральная подоплека и «княжеских» ярлыков. Во-вторых, в летописях есть некоторые свидетельства, прямо говорящие о совпадении мотивировочных оборотов в обоих видах ярлыков. В калейдоскопе ханских «пожалований» середины XIV в. мы встречаем такие летописные сообщения. В 1339 г., когда в Орде был убит Александр Тверской, отпущенный князь Семен и его братья «приидоша изъ Орды на Роусь пожаловани Богомъ и царемъ» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 51]. В 1344 г. «выиде изъ Орды князь великии Семень Иванович[ь], а съ нимъ братиа его князь Иванъ да князь Андреи, пожаловани Богомъ да царемъ» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 56, 52]. Вот это лаконичное «пожаловани Богом и царем» очень близко к оборотам ярлыков, данных митрополитам.

«Душевные» грамоты московских князей. С проблемой ханских ярлыков в отечественной историографии сопряжен вопрос об утверждении в XIV в. в Орде духовных грамот московских князей [ДДГ: 7–11 (№ 1); 13–14 (№ 3); 15–19 (№ 4); 24–25 (№ 8); 33–37 (№ 12)]. Поставленный и положительно решенный Л. В. Черепниным [Черепнин 1948], данный вопрос нашел поддержку и получил дальнейшее развитие у ряда исследователей [Зимин 1958; Каштанов 1979; Аверьянов 1993: 51; Борисов 1995: 266].

Собственно, проблема ордынского санкционирования «душевных» грамот русских князей распадается на две. Первая — это споры относительно принадлежности свинцовой «вислой печати», привешенной к одной из грамот (второй) Ивана Даниловича. Вторая непосредственно касается посещения русскими князьями хана для утверждения княжеской грамоты. Вслед за А. В. Орешниковым [Орешников 1903: 119–121] Л. В. Черепнин однозначно признавал печать духовной грамоты Калиты ордынской, однако расходился с ним относительно места ее прикрепления. Если А. В. Орешников полагал, что это происходило в Москве и осуществлялось ордынскими послами, то Л. В. Черепнин настаивал на поездке князей в Орду и приложении печати именно там [Черепнин 1948: 16–17] (см. также: [Черепнин 1960: 511]). Поскольку документально доказать это было невозможно (к тому же и сама печать (но не грамота) оказалась утерянной), то Л. В. Черепнин, распространяя свой вывод относительно Ивана Даниловича также на Ивана

Ивановича и Дмитрия Ивановича, в качестве аргумента оперировал соображениями о политической обстановке, в частности тем, что важнейшие акции великих князей утверждались ханами в Сараях [Черепнин 1948: 16–17, 19–20, 30, 61, 91–92].

В дальнейшем наряду с принятием утвердительных гипотез Л. В. Черепнина появились и иные суждения. Более тщательное обращение как к внешнему оформлению, так и содержанию духовных грамот московских князей позволило коренным образом пересмотреть выводы Л. В. Черепнина.

Распространенное мнение о татарской печати на духовной грамоте Ивана Калиты было убедительно опровергнуто в книге М. А. Усманова [Усманов 1979: 178–179]; с ним согласился С. М. Каштанов [Каштанов 1996: 79], а развил его предположения А. Б. Мазуров. По наблюдениям последнего, эту «печать-пломбу надо идентифицировать как принадлежавшую неизвестному великокняжескому писцу 1339 года»⁹⁷ [Мазуров 1995: 148–150].

Вместе с тем были подвергнуты сомнению и сами факты поездок русских князей в Сарай для санкционирования своих грамот. Это мы видим в статьях Ю. Г. Алексева [Алексеев 1987: 97] и особенно А. Б. Мазурова. Работа последнего, наряду с сильной критической частью в отношении положений Л. В. Черепнина и С. М. Каштанова, содержит и выводы, принципиально изменяющие наше представление о взаимоотношениях ханов и князей. Прежде всего исследователь обращает внимание на формуляр и считает, что особенности его «не являются достаточными аргументами в пользу гипотезы об утверждении духовных». «Выражение “идя в Орду” указывает лишь на обстоятельства написания документа, а слова “ником не нужон” на автономность воли завещателя» [Мазуров 1995: 145]. Нам тоже представляется, что формула «пишу душевную грамоту, ида в Орду... аже Бог что разгадает о моемъ животе» [ДДГ: 7, 9 (№ 1)] совсем не говорит о том, что князь вез с собой эту грамоту. Наоборот, она явно разделяет эти два события: составление грамоты и поездку в Орду, а если и связывает, то лишь по причине опасности для «живота» князя.

⁹⁷ На других духовных грамотах «татарских печатей» не было вовсе, что, безусловно, усиливает аргументацию М. А. Усманова и А. Б. Мазурова.

Духовные грамоты Ивана Калиты, как и других князей московского дома [Мазуров 1995: 152], имели в основном частный характер — относились к делам князя и его семьи. «Грамоты проникнуты духом сугубо индивидуальной воли князя, в которой проявилось свойственное Средневековью смешение публично- и частноправовых моментов. Исходным для понимания завещательных распоряжений московских князей является признание их внутрисемейного характера» [Мазуров 1995: 148–150] (ср.: [Черепнин 1948: 19]). Действительно, было бы странным, если бы хан стал вникать во все тонкости содержимого княжеских сундуков, столь «гобсековски» расписанных в грамотах. Точно так же является непредставимым санкционирование ханом, например, такого текста: «А по грехом моим ци имуть искати татарове которых волостей, а отымуться», то должно следовать новое внутрисемейное перераспределение владений.

Примечательно и другое наблюдение А. Б. Мазурова. Он пишет, что «духовные Калиты не предназначались для чужих глаз» по причине своей сакральности. «Они овеяны особой сакральностью, и не только потому, что в качестве послухов выбраны исключительно духовные лица. Обе грамоты оканчиваются формулой-заклинанием, угрозой божьим судом: “А кто порушит сию грамоту — судит ему Бог”. Надо ли говорить, что процедура утверждения в Орде хотя бы теоретически предусматривала возможность “рушения” грамоты? Документ, являвшийся тайной и для ближайшего княжеского окружения, тем более не мог утверждаться в ханской ставке» [Мазуров 1995: 141–146]. К отмеченному можно лишь добавить, что сакральность второй грамоты усиливалась основной печатью с изображением Иисуса Христа и Иоанна Предтечи (вспомним, что тамга ханских ярлыков тоже имела знак божественного соизволения).

Приведенные, а также другие аргументы А. Б. Мазурова представляются достаточно убедительными. Можно согласиться и с итоговым выводом исследователя. «Итак, внутренняя и внешняя критика источников — духовных грамот Ивана Калиты, — пишет он, — не дает оснований предполагать возможность их утверждения в ханской ставке или ордынским чиновником в Москве. Такой формы зависимости от Орды, как утверждение ею великокняже-

ского завещания, не существовало... Преследуя прежде всего свои интересы, московский князь обладал определенной свободой действий. Заложенная им традиция письменного оформления княжеского завещания независимо от Орды — лучшее тому подтверждение» [Мазуров 1995: 150].

Следовательно, мы должны констатировать факт отсутствия жесткого прямого контроля наследования столов на Руси со стороны монголов. Поездки в Орду, таким образом, с этой точки зрения представляются во многом формальным актом, а получение ярлыка — лишь подтверждением свершившегося мероприятия — передачи княжения по наследству⁹⁸. Большое значение решения ордынских ханов имели при спорных ситуациях, когда двое или более князей претендовали на то или иное княжение (в основном великое). Безусловно, иногда и ханы стремились искусственно создать такую ситуацию. Но фактом остается то, что ханы (или их чиновники) далеко не всегда имели возможность, да и намерения, вмешиваться в существовавшие на Руси традиции наследования княжеских столов.

Трагедия русских князей. Еще одна сторона княжеско-ханских отношений — проблема «примучиваний» и унижений русских князей в Орде, а на Руси творимый ханскими послами в отношении них произвол. Имели место и трагические события — убийства русских князей.

Один из таких кровавых эпизодов — гибель в 1246 г. в Орде черниговского князя Михаила Всеволодовича [ПСРЛ, т. X: 130–133; Путешествия 1957: 29]. Учеными достаточно полно освещены обстоятельства данной трагедии. Тем не менее однозначного объяснения не существует. Ряд историков настаивает на политической подоплеке убийства: Батюю были известны сношения Михаила с правителями западных стран, куда последний бежал в 1240 г.⁹⁹,

⁹⁸ С. М. Каштанов предположил, что со времени Ивана Калиты духовная грамота выполняла роль ханского ярлыка, то есть, по сути, заменила его [Каштанов 1979: 243]. Нам представляется, что доводы против такого отождествления, приведенные А. Б. Мазуровым, достаточно обоснованны [Мазуров 1995: 144–145].

⁹⁹ Будучи в 1240 г. в Киеве, Михаил Всеволодович отверг «лесть» татарских послов, более того, он «послы избы», а сам бежал «за сыномъ въ Угорскую землю» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 374, 387].

и это было воспринято монголами как предательство и сопротивление [Будовниц 1960: 315–316; Гумилев 1989: 519, 527–528]. Ритуал же, который не был исполнен Михаилом в ханской ставке, был лишь поводом для казни [Насонов 1940: 27–28; Вернадский 1927: 70] (ср.: [Вернадский 1997а: 150–151]).

Обстоятельно разобрана и другая версия его гибели — связанная с религиозными мотивами. Для того чтобы лучше понять произошедшее, Н. И. Веселовский предлагал стать «на точку зрения татар». «Батый не касается христианской религии, — справедливо замечал Веселовский¹⁰⁰, — он хочет обезопасить себя огнем, то есть заботится только о себе, и все повинуются ему, лишь князь Черниговский отказывается исполнить это требование. Батый посылает стольника своего Елдегу уговаривать князя; но тот пуще стоит на своем, стало быть он, по мнению Батыя, таит злой умысел в виде какого-то колдовства и не хочет от него отказаться. Значит, помимо послушания, великий князь Михаил является еще человеком крайне опасным, тем более опасным, что чары могут действовать и на некотором расстоянии. Батый не мог быть спокоен за себя и прибег к казни русского князя вместе с его единомышленником, боярином Федором. В этом и заключалось трагическое недоразумение между ханом и великим князем» [Веселовский 1916: 89–90]¹⁰¹.

Наблюдения Н. И. Веселовского можно продолжить¹⁰². Кроме отказа пройти через огонь, Михаил отказывается поклониться

¹⁰⁰ В этом присоединяется к нему и Г. В. Вернадский: «Отдельные случаи убийства татарами русских православных князей (мученическая смерть в Орде князя Михаила Черниговского 20 сентября 1246 г.) стояли в противоречии с общим отношением ханов к православию» [Вернадский 1927: 70].

¹⁰¹ Веселовский принимает здесь версию Никоновской летописи; Плано Карпини сообщает, что Михаила Черниговского все-таки «заставили раньше пройти между двух огней» [Путешествия 1957: 29]. О «недоразумении» «и со стороны князей, и со стороны летописцев и историографов» писал также В. В. Григорьев [Григорьев 1876: 207–208].

¹⁰² Это было сделано также П. О. Рыкиным [Рыкин 1997: 85–89]. В целом исследователь пришел к выводу, что «обряды, совершавшиеся в ханской ставке над русскими князьями, строились по инициационной схеме», что означало «переход их из разряда инаковых, неполноценных существ в разряд членов монгольского социума» [Рыкин 1997: 87, 88].

«кусту», а также «идолом их». В первом случае ученый, отметив ряд фактов, в конце концов приходит к выводу, что в поклонении «кусту» есть какой-то смысл, «разгадать который мы теперь не можем» [Веселовский 1916: 94].

Культ «куста» становится понятным, если обратиться к современным исследованиям. Выясняется, что «куст» или дерево у монголов (как и у других тюрков) выполняли роль маркера-символа. Этот символ являл собой не отдельный индивидуум, пусть даже им был великий хан, а весь монгольский род-племя, народ [Сагалаев, Октябрьская 1990: 20]¹⁰³. В этой связи становится ясным, почему так оберегался «куст», посаженный Угэдэем, что отмечено Плано Карпини: «Мы видели также, что Оккодай-хан, отец нынешнего императора, посадил куст за упокой своей души, вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал, если же кто срезал какой-нибудь прут, то, как мы сами видели, подвергался бичеванию, снятию одежды и злым побоям. И хотя мы сильно нуждались подогнать коня, мы не смели срезать ни одного прута» [Путешествия 1957: 32]¹⁰⁴. Наблюдения Карпини верны, но объяснение такого бережливого отношения несколько прямолинейно. Не «упокой своей души» преследовал Угэдэй, а заботу о монгольском этносе-социуме. Согласно картине мира древних монголов, в ее центре находился социум, в котором существовал хаган. Он «должен был обладать харизмой (даваемой божеством-Небом. — Ю. К.), которую можно считать гением-хранителем и самого суверена, и социума. В обществе, рассматриваемом как единый организм, носитель верховной власти рассматривался как символ единства, его харизма была харизмой рода, племени, любого уровня этносоциального объединения» [Скрынникова 1994: 19, 21, 24]. Отсюда вытекает, что игнорирование обычая поклонения «кусту»

¹⁰³ Согласно П. О. Рыкину, «можно смело утверждать, что дерево — еще один харизматический объект, наряду со знаменем, огнем и пр.» [Рыкин 1997: 87].

¹⁰⁴ Автором примечаний к «Путешествиям» говорится, что кроме культа «куста» у монголов «наблюдался культ деревьев, которые были, по их представлению, местом обитания гениев. Существовал не только культ отдельных деревьев, но были целые священные рощи, где запрещалось не только охотиться, но куда нельзя было даже и входить» [Путешествия 1957: 201].

наносило оскорбление не только хану, но и всему монгольскому этносу, в том числе и предкам, культ которых был главнейшим.

Также можно расценить и отказ от поклонения идолу. Плано Карпини пишет об «идоле» («изображение мертвого человека») Чингис-хана [Путешествия 1957: 29]. Н. И. Веселовский сомневался в этом: «Можно думать, что дело шло не о Чингис-хане, который сам совершал поклонения на юг, а о чем-то другом, нам пока непонятном» [Веселовский 1916: 86, 96–98]. По нашему мнению, исследования Т. Д. Скрынниковой снимают вопрос.

«Основным вместилищем харизмы» для монголов была голова¹⁰⁵. Но харизма обладала способностью сохранять свои функции «и после смерти ее обладателя». Это представление стало «основой зарождения культа, масштаб которого определялся прижизненным статусом. Соответственно, культ Чингис-хана — основателя правящего рода — стал общемонгольским, а сам он определяется как центральное божество». Культ Чингис-хана «материализовался» в различных объектах, в том числе в изображениях, выполненных из войлока, металла, камня, дерева¹⁰⁶ [Скрынникова 1994: 19, 29, 30, 31, 33]. Но «харизма лидера является харизмой социума», поэтому отказ поклониться «идолу Чингис-хана» автоматически вел к нанесению оскорбления всем монголам и уничтожению их.

Таким образом, получается, что черниговский князь посягнул на «святая святых» монгольского этносоциума. Видимо, «трагическое недоразумение» можно видеть не только в том, что хан

¹⁰⁵ Сакральную природу головы отмечал и Дж. Дж. Фрэзер. По его наблюдениям, «многие народы считают голову особо священной частью тела. Святость эта иногда связана с верой в то, что в голове обитает душа, которая весьма и весьма чувствительна к обидам и непочтительному отношению» [Фрэзер 1980: 262, 263]. Судя по-всему, монголы уже отделились от таких анимистических представлений, но их архетип сохранился в представлениях о голове — вместилище харизмы.

¹⁰⁶ Другой русский князь-мученик Михаил Александрович Тверской также соприкоснулся с этим культом. Известно, что он «пребысть» «у болвана медянаго, у златягы главы у Темиревы, у богатыревы могилы» [ПСРЛ, т. X: 184]. Это сообщение Никоновской летописи, полагает В. А. Кучкин, является «позднейшей вставкой» [Кучкин 1966: 172]. Нам представляется, что это никоим образом не должно бросить тень на его достоверность, хотя бы потому, что оно не противоречит, как мы видим, ордынской действительности.

и князь не поняли друг друга, но и в том, что русский князь противопоставил себя свято чтимой традиции — культу предков в разных его проявлениях. Отсюда и страшная кара.

Обстоятельства смерти Михаила Всеволодовича были, вероятнее всего, тоже связаны с определенным ритуалом. «Бату, — пишет Плано Карпини, — послал одного телохранителя, который бил его пятаком в живот против сердца так долго, пока тот не скончался» [Путешествия 1957: 29]. Бескровная смерть — один из обычаев монголов. По сакральным соображениям считается, что кровь священна, особенно правящих особ, а проливать ее святотатство.

«Распространено предписание, — отмечал Дж. Дж. Фрезер, — согласно которому не должна проливаться на землю кровь верховного правителя. Поэтому, когда надлежит предать смерти самого правителя или кого-то из членов его семьи, изобретают такой способ казни, при котором царская кровь не попала бы на землю» [Фрезер 1980: 260]. Показательно, что примеры, приводимые Дж. Дж. Фрезером, — как раз из средневековой истории монголов. «Когда хан Кублай (великий хан Хубилай правил в 1260–1294 гг. — Ю. К.) нанес поражение своему дяде Найяну, восставшему против него, и взял его в плен, он приказал завернуть Найяна в ковер и подбрасывать его до тех пор, пока тот не умрет, “потому что ему не хотелось проливать кровь представителя своего княжеского рода на землю и выставлять ее на обозрение неба и солнца”. Монах Рикольд, — продолжает Дж. Дж. Фрезер, — упоминает такое татарское правило: “Чтобы овладеть троном, один хан предаст другого смерти, но он тщательно проследит за тем, чтобы не проливалась кровь последнего. Татары считают проливать на землю кровь великого хана делом в высшей степени непристойным; поэтому жертву душат тем или иным способом”» [Фрезер 1980: 260] (см. также: [Вернадский 1996: 261]). Этот же исследователь и истолковал данное явление. «Боязнь пролить кровь на землю в общем объясняется верой в то, что в ней пребывает душа и что в силу этого земля, на которую попадает кровь, с необходимостью становится табуированной, или священной» [Фрезер 1980: 262].

В свете сказанного становятся понятными конкретные обстоятельства казни Михаила Черниговского и других русских князей. Русский князь, несмотря на свое зависимое положение, все-таки

рассматривался ордынцами как правитель, а следовательно, в их глазах обладал тоже определенной харизмой. Отсюда, по представлениям монголов, он вследствие своих проступков заслуживал смерти, но, по их представлениям, почетной¹⁰⁷.

Подтверждение нашей версии о ритуальности казни черниговского князя можно увидеть и в кульминации убийства: Плано Карпини сообщает, что Михаилу «отрезали голову ножом» [Путешествия 1957: 29]. Это, в свете высказанного выше, могло означать лишение харизмы, божественности, главным объектом чего является как раз голова¹⁰⁸.

Схожие обстоятельства мы находим в описании гибели тверского князя Михаила Ярославича в 1318 г.¹⁰⁹ Однако причины

¹⁰⁷ Это можно видеть из слов Кавгадыя, сказанных в отношении другого русского князя Михаила Александровича Тверского: «Но убо по царьской милости и по его величеству подобаеъ его почтити, понеже убо при смерти естъ» [ПСРЛ, т. X: 183]. «Эта милость, — пишет Г. В. Вернадский, — обычно даровалась членам царских семей, виновным в предательстве, и в исключительных случаях другим высокопоставленным преступникам» [Вернадский 1997а: 34].

¹⁰⁸ П. О. Рыкин считает возможным продолжить анализ этого сюжета следующим образом: «Действия Домана (убийцы Михаила, русского (из Путивля) по происхождению. — Ю. К.) коннотируют изъятие харизмы из своего социума и трансмиссию ее в чужой, чьим хранителем она отныне становилась. А владения Михаила, лишённые сакральной благодати, обрекались на коллапс. Своим отказом князь открыл поле действия для вредоносной силы, наносящей удар по самой основе бытия монгольского общества, по культу Чингисхана. С убийством Михаила эта магическая сила была обращена против самого князя и его земель» [Рыкин 1997: 88]. В свете приведенных нами соображений стоит присмотреться и к сообщениям о гибели в битве на Сити в 1238 г. владимирского князя Юрия Всеволодовича. Епископ Кирилл, пришедший после на место сражения, «обрете тело его, главы же его не обрете въ мнозе трупий мертвыхъ». И лишь потом «нашедше главу князя Юриа, привезше въ Ростовъ, положиша въ гробъ къ телу его». Возможно, он погиб в схватке на поле боя. Но летопись дает повод и для другого толкования: «Богъ весть како скончася, много бо инде глаголетъ о немъ» [ПСРЛ, т. XV: стб. 372]. Вполне возможно, что и здесь имело место ритуальное убийство. «Убиение» рязанского князя Романа Ольговича в 1270 г., видимо, тоже надо поставить в этот скорбный ряд: «Заткаша ему уста убрусомъ, начаша его резати розно, и яко розоимаша, остас(я) трупъ единъ, они же голову его одраша, на копие възотнуша» [ПСРЛ, т. XV: стб. 403].

¹⁰⁹ «Мнози же похвативше повръгоша и на земли и биахоут[ъ] его пятами и се единъ отъ незаконныхъ оубиецъ, именов[ъ] Романецъ, извлекъ великый ножъ и оудари въ сердце блаженаго въ десную страну и обрацаа ножемъ отъреза чест-

его гибели были иными. Истоки этого печального события уходят в межобщинные распри между Тверью и Москвой, которые, как обычно, проявились в княжеских междоусобицах [Михайлова 1994]. Но теперь к этому уже добавился монгольский фактор. Сложные перипетии московско-тверской усобицы, отраженные в различных летописных сводах, превосходно проанализированы В. А. Кучкиным в его источниковедческом исследовании повестей о Михаиле Тверском [Кучкин 1974] (см. также: [Черепнин 1960: 468–472; Будовниц 1960: 371–377]).

Ордынским судом, как известно, тверскому князю был предъявлен ряд обвинений¹¹⁰. Что же послужило основанием вынесения смертного приговора? «Казнь Михаила, — пишет А. А. Горский, — была predetermined, скорее всего, не утайкой дани (об обоснованности этого обвинения данных нет), а оскорбительными для Узбека фактами смерти в тверском плену его сестры и пленения ханского посла...» [Горский 1995: 38]. Как нам представляется, А. А. Горский верно расставил акценты в данных причинно-следственных связях. Но вместе с тем описанная выше «картина мира» монголов позволяет поставить вопрос и шире. И на это в свое время намекнул А. Е. Пресняков, заметив, что «дело шло не о судьбе посла, а о сопротивлении ханской власти» [Пресняков 1918: 130]. Добавим, что это же можно сказать и в отношении Кончаки-Агафьи, родственницы хана.

Итак, ордынскими «рядцами»-судьями были, безусловно, восприняты, так сказать, сакральные обстоятельства вины Михаила Ярославича. Но мы не можем согласиться с А. А. Горским в том, что обвинения в сокрытии дани являлись несущественными для «суда». Полагаем, что нет оснований сомневаться в обоснованности этих претензий к тверскому князю. Это, в частности, вытекает из дальнейших событий. Видимо, Михаил действительно не выплачивал положенную дань¹¹¹, ибо в последующее время Тверь одо-

ное сердце его» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 39]. Обращает на себя внимание то, что кровь пролил, видимо, соотечественник князя — некто Романец.

¹¹⁰ В Никоновской летописи их семь, в московских летописных редакциях приведено три [Кучкин 1974: 147].

¹¹¹ Так думают и А. Н. Насонов, и Л. В. Черепнин [Насонов 1940: 86; Черепнин 1960: 472].

лели разного рода «должники». Так, в 1321 г. «на весне приездить в Кашинъ Гаянчаръ Татаринъ съ Жидовиномъ длѣжникомъ, много тягости оучинили Кашину». Тогда же Юрий, собрав войско, «хотя къ Кашину ити». Мир с ним и Михайловичами заключил «владыка Андреи». Но Юрий получил свое. «Тое же зимы князь Юрии, поймавъ сребро оу Михайловичевъ выходное по докончанию»¹¹² [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 41]. Михаил, таким образом, в глазах монголов выступает как злостный неплательщик.

Отсюда и его наказание как должника: «возложиша сохоу отъ тяжка древа на выю», привели «на торг», подвергнув «поношениям» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 39; т. X: 183]. Насколько сознательно Михаил вел такую «экономическую» политику? На суде, защищаясь, он проводил следующую линию: «колико съкровищъ своих издаялъ есмь цареви и княземъ», вспоминал при этом и злосчастного посла Кавгадыя, говоря, что «со многую честью отпустих его» [ПСРЛ, т. XXV: 163]. Да и по приезде в Орду на суд Михаил «по обычаю одари князи и царици, последи самого царя» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 38]. Но ставка только на дары не оправдала себя. Данничество в своем основном выражении — уплате «выхода» — оказалось сильнее одного из своих проявлений — отношений «подарка-отдарка».

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что после убийства Михаила Ярославича его двор «разграбиша Русь же и татарове, а имение русское повезоша к себе в станы» (цит. по: [Кучкин 1966]). Как отмечал И. Я. Фроянов применительно к Древней Руси, используя разнообразный сравнительно-исторический материал, «любое истолкование летописных записей о посмертных грабежах княжеских богатств, предпринятое без учета социальной психологии доклассового общества, рискует быть однобоким» [Фроянов 1974: 145–146] (см. также: [Фроянов 1995а: 279, 281, 303–304, 652–654 и др.; Кривошеев 1987: 90–91]). В «разграблении» двора русского князя, по нашему мнению, видится отнюдь не банальный

¹¹² «Долг» Орде, по всей видимости, был немалым, так как еще в 1325 г. «прииде из Орды князь Александръ Михайловичъ, а с нимъ Татарове длѣжници, и много тяготы бысть земли Тѣрьской от Татаръ» [ПСРЛ, т. XXV: 167]. См. также: [ПСРЛ, т. X: 189]. Возможно, что и события 1327 г. в Твери — звено этой же долговой цепи.

грабеж или воровство, а определенный ритуал. На это указывает хотя бы его «легализация»: ведь «имение» «грабители» вполне открыто «повезоша». «Ритуальный» грабеж и «элементарное присвоение княжеского добра, близкое к воровству, — вещи разные», — отмечал И. Я. Фроянов [Фроянов 1995а: 653]. И он же, говоря об «организованных грабежах умерших правителей», предложил рассматривать их как «заключительную сцену древнего ритуала “прощания” с ними» [Фроянов 1995а: 304]. Можно предположить, что нечто подобное произошло и в случае с Михаилом Ярославичем¹¹³.

Наконец, в гибели еще одного тверского князя — Александра Михайловича — в 1339 г. явно усматриваются политические мотивы — подозрение в руководстве тверским восстанием 1327 г.¹¹⁴ Тогда, как известно, Узбек и Иван Калита жестоко расправились с тверичами, что естественно, ибо они подняли руку на ханский род — убитый в Твери Чол-хан приходился родственником хану [Насонов 1940: 91]. Но ненаказанным оставался бежавший Александр. С примирением с Узбеком его казнь, видимо, была лишь отсрочена. В 1339 г. после месячного раздумья [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 49] было принято такое решение. В проведении казни Александра Михайловича в еще большей степени видна ее сакральная сторона. Его и сына Федора татары «безъ милости прободоша и повергыше на земли отсекоша главы имъ», а затем их тела «разоимани быша по ставомъ» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 50–51].

Но до этого, как сообщает летопись, произошла следующая сцена. Татары «выскочи противоу его, ини же немилостивии похвативше и, възломиша и назадъ и оборваша порты его, поставиша и предъ Товлуоубьем, нага связана» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 50]. Здесь тоже усматривается ритуальное действие.

Дело в том, что головной убор и одежда, в представлении архаического сознания, наделены сакральным смыслом. В таком качестве у монголов, например, выступала шапка, которую надлежало снимать при проведении обрядов, ибо она ассоциировалась с на-

¹¹³ Возможно, что разграбление было обусловлено и потерей харизмы Михаила Ярославича, что, как и в случае с Михаилом Всеволодовичем, привело к обращению магической силы, по представлениям монголов, против князя и его имущества [Рыкин 1997: 88].

¹¹⁴ Ср.: [Черепнин 1960: 508]. О восстании см. ниже, с. 113–119.

личием харизмы. То же необходимо сказать и о поясе, который был «границей, защищавшей тело от проникновения в него “чужого”, вредоносного». Развязывание пояса лишало человека его харизмы, то есть силы [Скрынникова 1994: 22–23; Рыкин 1997: 87]¹¹⁵. Видимо, нечто подобное мы и должны уяснить из слов «оборваша порты его, поставиша... нага связана»¹¹⁶.

Какие можно сделать выводы из рассмотрения эпизодов, связанных с гибелью русских князей в Орде? Если отойти от традиционной прагматической трактовки, то надо признать их «потаенный» сакральный смысл — свой в том или ином конкретном случае. Это, в свою очередь, означало признание ханами за русскими князьями «их» княжеской харизмы, а следовательно, и своеобразного их почитания как представителей, конечно, не равного ханскому, но все-таки «правительского» происхождения и существования. Такое понимание «природы» гибели русских князей в Орде позволяет поставить эти, безусловно, трагические эпизоды в ряд русско-монгольских ханско-княжеских отношений в рамках даннической зависимости как комплексного социального явления.

Вместе с тем нам представляется, что факты и обстоятельства гибели в Орде князей в нашей историографии несколько искусственно выхвачены из княжеских усобиц на Руси этого и предшествующего времени, княжеско-ханских отношений в целом, наконец, кровавой борьбы собственно в Джучиевом улусе, наиболее ярко проявившейся с конца 50-х годов XIV в., но имевшей место и ранее. Жестокость и коварство — неперенные атрибуты средневекового периода, и вряд ли следует особо различать гибель русских князей от своих соотечественников-родственников и гибель их в Орде (см., напр.: [ПСРЛ, т. XV: стб. 422; вып. 1: стб. 51, 52, 55]).

¹¹⁵ Напомним, что Иван Калита (как и его наследники) в своем завещании специально указывал на золотые пояса. «Вместе с цепями пояса составляли наиболее ценную часть великокняжеской казны. Им придавалось особое, символическое значение. И в Орде, и в Византии они были в ту пору признаками социального статуса человека, его “визитной карточкой”. На Руси в XIV–XV вв. золотой пояс был необходимым знаком княжеского достоинства, а “золотая шапка” и бармы — великокняжеского» [Борисов 1995: 267–268].

¹¹⁶ В ряде летописей указывалось, что тело Михаила Ярославича тоже было «наго поврзжено» [ПСРЛ, т. X: 185; т. XXIII: 99–100].

ИВАН КАЛИТА И МОСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Города-государства как развитые социальные организмы, по нашим наблюдениям, продолжают свое существование, несмотря на ордынский фактор, в XIII–XIV вв. Некоторые из них сохранили свое лидирующее положение, другие «выросли» из прежде пригородного состояния [Кривошеев 1995: 39–63; 2003б: 334–354 и др.]. К последним в XIV в. необходимо отнести Тверь, Москву, Нижний Новгород. О соперничестве этих (и других) городов-государств существует большое количество исследований. Еще больше написано о феномене возвышения Москвы. Многие историки относят начало этого московского «восхождения» к эпохе Ивана Калиты.

Во второй половине XIII в., как было уже отмечено, между русскими землями и Ордой устанавливаются даннические отношения. Данничество в конкретном своем выражении могло принимать различные формы. В первое время ханами был сделан упор на собирание дани собственными силами, отсюда появление пресловутых «откупщиков» на рубеже 50–60-х годов XIII в. Но не прижившись на Руси на уровне «откупов», получаемых иноземцами-купцами, откупная система в последующее время стала действенным инструментом в руках русских князей и, более широко, городских общин, заинтересованных в выплате дани за счет общин других городов-государств. В связи со сказанным, интересно обратиться к фискальной деятельности Ивана Калиты.

В частности, она отразилась, по нашему мнению, в завещании великого князя Дмитрия Ивановича 1389 г. Мы имеем в виду то,

что в историографию вошло как «купли» Ивана Калиты. В своей духовной грамоте, как известно, Дмитрий Иванович «благословляет» своих сыновей Юрия, Андрея и Петра «куплями» «своего деда» (то есть Калиты) соответственно Галичем, Белоозером и Угличем с тем, что к ним «потягло» [ДДГ: 34 (№ 14)].

Находясь под впечатлением подробнейшего, тщательнейшего перечисления наследуемых по завещаниям князей географических пунктов, ученые, как правило, причисляли эти «купли» к приобретению прав на верховное землевладение, толковали как присоединение этих северных «княжеств» к московским владениям либо относили к политическим мифам времени Дмитрия Донского¹¹⁷.

В связи с первым заключением С. М. Каштанов отмечал следующее: «Мы бы не ограничивали значение слова “купля” сугубо землевладельческим содержанием... Хотя именно этот смысл господствует в актовых формулах, тем не менее, когда речь идет о целых княжествах, нельзя отвергать и побочные значения, выясняющиеся из употребления термина в источниках других видов» [Каштанов 1976: 190].

Исследователь, далее, предлагает свое решение загадки «купель» Калиты. «В первой половине XIV в. “купля”, скорее всего, выражалась в праве посылки данщиков и таможенников в центр “купленного” княжества и равнялась взятию на откуп основных сборов в главных городах за определенное вознаграждение князьям-владельцам. Отсюда непрочность пребывания Галича, Белоозера и Углича в руках Калиты и его сыновей, отсутствие у них права передачи этих земель по наследству». «Тут мы сталкиваемся, — продолжает С. М. Каштанов, — возможно, с пережитком тех ленных отношений, которые состояли, по выражению К. Маркса, только из получения “даней”, но не предполагали создания прочной территориальной власти» [Каштанов 1976: 191].

С таким пониманием «куплей» Калиты необходимо согласиться. В то же время требуется корректировка объяснения ученым

¹¹⁷ Историографию вопроса и авторскую точку зрения см.: [Кучкин 1984: 247–257, 283, 304–305]. См. также: [Борисов 1995: 164–165]. Новейший анализ историографии см.: [Аверьянов 2001: 3–18]. Автору принадлежит и оригинальная трактовка проблемы. Он показывает, что «купли» являлись не чем иным, как землями, полученными в приданое женами московских князей.

этого факта. Каштанов относит явление откупа к «пережиткам ленных отношений». По нашему мнению, это отнюдь не «пережиток», а целая фискальная система, существовавшая на Руси XIV в.¹¹⁸

В подтверждение можно привести ряд фактов. Так, например, в 1316 г. новгородский владыка Давид в Твери «просит Новгородцев на окупь; и кончаша с великим князем Михаилом Ярославичем пятью тысячью рублев» [ПСРЛ, т. XV: стб. 408–409]. Видимо, и с Москвой Новгород находился в «откупных» отношениях, выплачивая «черный бор»¹¹⁹.

Безусловно, в одной плоскости с «куплями» Иваном Калитой Галича, Белоозера и Углича находятся его «мероприятия» в Ростове, а также Ярославле. То, что происходило в Ростове, «даденном» Ивану Калите, красочно описано в Житии Сергия Радонежского. В 1328 г. там «наста насилowanie, сиречь княжение великое досталось князя великому Ивану Даниловичю, купно же и досталось княжение ростовское к Москве. Увы, увы тогда граду Ростову, — горестно восклицает автор жития, — паче же и князем их, яко отьяся от них власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся протчая потягну к Москве». Далее описываются непосредственные деяния москвичей в Ростове. Они «взължиста велику нужю на град да и на вся живущаа в нем, и гонение много умножися. И не мало их от ростовец москвичем имениа своа с нуждею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем с укоризною въземающе и тцима рукама отхождааху. Иже последняго беденьства образ, яко не токмо имениа обнажеша быша, но и раны на

¹¹⁸ С данническими отношениями связывает «купли» Н. С. Борисов. Он пишет: «Скорее всего, Иван Данилович купил в Орде ярлык, дававшие ему право на пожизненное управление этими областями», ибо местные князья «не в состоянии были своевременно и в полной мере платить положенную дань в ханскую казну. Московский князь взял на себя их долги и платежные обязательства, а за это получил право верховной власти над огромными лесными территориями» [Борисов 1995: 165]. По нашему представлению, ученый несколько преувеличил статус этих «купель»: некоторые сомнения вызывают утверждения о «пожизненном управлении» и «верховной власти», не находящие подтверждения в источниках.

¹¹⁹ О связи новгородского «черного бора» с ордынскими выплатами см.: [Янин 1983].

плоти своей подъяша, и язвы жалостно на себе носиша и пртръпеша... И бысть страх велик на всех слышащих и видящих сиа, не токмо в граде Ростове, но и во всех пределах его» [Житие Сергия Радонежского: 33–34].

М. К. Любавский в свое время кратко заметил по этому поводу, что «речь идет, очевидно, о взыскании татарского выхода» [Любавский 1929: 53]¹²⁰. Н. С. Борисов развил это замечание: «Получив от хана распоряжение о сборе недоимок в Ростове (или попросту взяв на откуп эту статью дохода ханской казны), князь Иван вскоре предпринял суровые меры по отношению к задолжавшим ростовцам» [Борисов 1995: 170].

Наблюдение Н. С. Борисова о взятии на откуп ростовской дани, таким образом, позволяет приравнять «купли» Белоозера, Галича и Углича к «насилованию» Ростова, что подтверждает наше предположение о существовании в этот период великокняжеских откупов, как фискальной системы.

Со связью «куплей» Ивана Калиты с уплатой «ордынского выхода» не согласен В. А. Кучкин. Он пишет, что «русская история XIV в. подобных сделок не знала. В те времена русские князья получали княжества по ханским ярлыкам, которые можно было купить» [Кучкин 1984: 255–256]. Как пример таких сделок он приводит приобретение в 1392 г. великим князем Василием Дмитриевичем Нижнего Новгорода [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 162]. «Подобным образом, — полагает исследователь, — видимо, поступал еще прадед Василия Иван Калита, за большие деньги получая в Орде ярлыки на мелкие княжества...» [Кучкин 1984: 255–256, 283, 304–305]. «Предложенное объяснение характера “купель” Ивана Калиты снимает... недоумения историков», — полагает историк [Кучкин 1984: 255].

Действительно, это так, если говорить с позиций покупки территории посредством получения ярлыка с целью временного управления ею [Кучкин 1984: 255–256, 283, 304–305]. Но ведь о ярлыках на Галич, Углич и Белоозеро, которые явились, по В. А. Кучкину, основанием «купли» этих земель, в источниках ничего не

¹²⁰ С функциями баскаков сравнивает эти «мероприятия» Калиты А. Н. Насонов [Насонов 1940: 109].

говорится. И ссылка на ситуацию 1392 г. ничего не проясняет¹²¹. Следовательно, высказанные исследователем положения являются не более чем гипотезой, не исключающей других версий. По нашему мнению, под «куплями» Ивана Калиты следует понимать не покупку собственно территории «княжеств» как административно-политических единиц Руси, а передачу права сбора «выхода»-дани, в данном случае в варианте «откупа».

Что же касается утраты политических прав, то они были относительны. Эти земли сохраняли возможность самостоятельного внутреннего развития, но были подчинены Москве в военно-политическом и внешне-политическом значении: соответственно, в походах московских князей выставлялась местная рать и сношения с Ордой осуществлялись «через» Москву. Отсюда действительно имела место непрочность, неопределенность их статуса, что связано с временностью, эфемерностью этих «владений».

«Купли» Ивана Калиты необходимо рассматривать, таким образом, не сугубо во внутривнутриполитической плоскости, а прежде всего в плоскости даннических отношений. Тогда действительно снимаются вопросы о самостоятельности или, наоборот, зависимости этих земель и их князей от Москвы. Не связка «Калита — князья», а связка «Калита — Орда» здесь является определяющей. Следовательно, в грамоте Дмитрия Ивановича поднимается не столько внутривнутриполитический вопрос, сколько «внешнеполитический» — даннический. Он был актуальным в 30-х годах XIV в., таковым же, видимо, оставался и позже¹²².

¹²¹ «Покупку» Нижнего Новгорода в 1392 г. Василием Дмитриевичем необходимо отнести к своего рода «политическим дарам». Великий князь «нача просити Новагорода Нижнего» у татар. Они удовлетворили его «просьбу»: «Безбожнии же Татарове взяша и сребро многое и дары великии, и взя Нижнии Новъград златом и сребром, а не правдою» [ПСРЛ, т. XXV: 152]. Можно видеть здесь, конечно, только грубую куплю-продажу, но, как нам кажется, та эпоха требует снисхождения и к другому плану ценностям как ее реалиям. То, что было связано с куплей-продажей, летопись и отмечала соответствующим термином (как с «куплями» Ивана Калиты). Здесь же другая терминология: «просити», «взяша», «взя».

¹²² В то же время по духовной Дмитрия Ивановича можно проследить и трансформацию отношений Москвы к северным «куплям» Калиты. Если при последнем и его сыновьях с Галича, Белоозера и Углича осуществлялся сбор «откупной» дани, то к концу 80-х годов XVI в. ситуация качественно меняется. Об-

* * *

Спорной проблемой является и соотношение в рассматриваемый период княжеской и вечевой «ветвей» власти. Обычно проявления явного конфликта княжеской власти с вечем историки усматривают в действиях Ивана Калиты. Сразу же бросается в глаза в этой связи его активнейшее участие в разгроме Твери после восстания 1327 г., а также его «самоуправство» в той же Твери в 1339 г. после гибели в Орде тверского князя Александра Михайловича [ПСРЛ, т. X: 194, 211; т. XV, вып. 1: стб. 51]. Историки трактуют это как борьбу института княжеской власти с вечевой, причем придают этому глобальное значение — как вехе времени. Так, А. М. Сахаров пишет, что «карательная экспедиция по тверским городам была вместе с тем и расправой над восставшими тверичами, попытавшимися противопоставить княжеской власти свое вече» [Сахаров 1959: 208]. А обобщая политику Калиты, ученый говорит, что этот князь вообще «стремился к подавлению каких-либо проявлений вечевого строя в городах» [Сахаров 1959: 208] (см. также: [Фроянов 1995б: 32]).

Список проявлений жесткой политики Ивана Калиты в отношении городских сообществ можно продолжить: достаточно указать на Ростов и Ярославль¹²³. Так, упомянутое уже нами Житие Сергия Радонежского повествует о «нашествии» на Ростов в 1328 г. ставленника князя московского боярина Василия Кочевы. В результате этого пострадали ростовские князья («отъяся от них власть и княжение, и имение, и честь и слава, и вся прочая, и потягну к Москве»), а также общинные власти: «епарх градский», «старейший боярин Ростовский» Аверкий (А. М. Сахаров предполагает, что этот «епарх» «занимал какую-то высшую должность в го-

ращает на себя внимание тот факт, что статьи о «куплях» «деда» и благословение наследника — старшего сына Василия Дмитриевича — находятся в одном формальном и смысловом блоке грамоты. Благословляя Василия «своею отчиною, великим княжением» без какого-либо упоминания об Орде, Дмитрий одновременно и данническо-откупные территории («купли») передает другим сыновьям, но уже, судя по-всему, в управление, что фактически означало их территориальное присоединение к Москве (см.: [ДДГ: 34 (№ 12)]).

¹²³ По А. М. Сахарову, «обращает на себя внимание также разгром Калитой Ярославля в 1332 г., произведенный без видимых причин» [Сахаров 1959: 208].

родском управлении» [Сахаров 1959: 209]). Автор жития говорит и о том, что «гонение много умножися» и «на вся живущая в нем» [Житие Сергия Радонежского: 33–34]. «События, описанные в житии Сергия Радонежского, — резюмирует А. М. Сахаров, — похожи на разгром московским князем каких-то элементов городского самоуправления. Сломить сопротивление местного боярства было нельзя без уничтожения существовавших тогда элементов городского самоуправления, потому что республиканские порядки использовались тогда боярской знатью для упрочения своего политического положения и ограничения княжеской власти» [Сахаров 1959: 209]. С некоторыми оговорками, касающимися положения боярства, с этим можно согласиться.

Но можно ли при этом говорить о борьбе в целом с вечевыми порядками как системой? Нам представляется, что нет. Обратим внимание, что «антивечевая» деятельность Калиты направлена не «внутри», то есть не относится к Москве, а обращена вовне — на иные земли, вернее на их центры — главные города.

Показателен здесь пример с Ростовом. Ростов — старейший город Северо-Восточной Руси, еще недавно возглавлявший вечевое движение в регионе (по А. Н. Насонову), теперь в силу ряда причин теряет традиции своей «родовитости» и независимости. Этим обстоятельством и воспользовался Иван Калита. Видимо, А. Н. Насонов прав, говоря, что «автор “Жития Сергия” несколько модернизирует, очевидно, описываемое им событие, относя к вокняжению Калиты момент гибели ростовской самостоятельности» [Насонов 1940: 109]. В действительности, «падение» Ростова растянется на десятилетия [Кучкин 1984: 264–271], но речь должна идти не столько о самом факте, сколько о тенденции, заключавшейся в «поглощении» Москвой Ростова, в переводе его статуса из главного города в московский пригород¹²⁴. Об этом, кстати, свидетельствуют и переселения ростовчан под Москву [ПСРЛ, т. X: 212]. Ростов, пожалуй, стал первым крупным городом-государством,

¹²⁴ О том, что этот процесс происходил поэтапно, свидетельствует запись одного из летописцев XVI в., обнаруженного А. Н. Насоновым. В нем говорится, что «первая же половина Ростова к Москве соединися при великом князе Иване Даниловиче» (цит. по: [Насонов 1955: 259]). А. Н. Насонов, а также В. А. Кучкин считают это сообщение вполне достоверным [Кучкин 1984: 268].

на который посягнула Москва. В этом смысле Калита, конечно же, «не был и не мог быть ни объединителем Руси, ни умиротворителем» [Насонов 1940: 111]. Он продолжатель того процесса, который имел место в Древней Руси, процесса, связанного с усилением одних и падением других городов-государств.

Борьба с другими городами-государствами — вот что двигало Иваном Калитой как лидером Московской волостной общины. Этим он продолжал дело, начатое его отцом и братом¹²⁵. Безусловно, что в этой борьбе он и московская община противостояли и вечевым порядкам земель-соперников. Но единственной целью вече не было. Так вопрос московскими князьями не ставился.

Боролся ли Калита с вечевыми порядками у себя — в Москве? Источники не дают нам никаких сведений об этом. Однако А. М. Сахаров решительно отвергает все сомнения: «Если московская великокняжеская власть подавляла всякие проявления городских вольностей в соседних княжествах, то тем более решительно она должна была действовать в этом отношении в самой Москве», — полагает он [Сахаров 1959: 209]. Аргументов в подтверждение этого важного вывода он никаких не приводит, делая лишь несколько предположений. Если в других городах и землях, пишет он, «наблюдается оживление вечевых собраний горожан, Москва и города Московского княжества остаются в стороне от этого явления». Какова причина этого? «Вероятно, раннее и энергичное укрепление княжеской власти в Москве не давало возможности сколько-нибудь широко развиться вечевым собраниям, в то время как в других княжествах, где княжеская власть была слабее, еще сохранялись некоторые условия для веча» [Сахаров 1959: 209].

Думается, что причина отсутствия вечевых собраний в Москве заключалась как раз не в разрушительных действиях Ивана Калиты в пределах московской общины, а, наоборот, в его созидательной деятельности, естественно, во благо «своей» — Московской — земли¹²⁶.

¹²⁵ См. об этом: [Михайлова 1994].

¹²⁶ Один такой пример «коллективных» действий московского князя и московской общины приводит Н. С. Борисов. Глубокой осенью 1339 г. «замыслиша рубити город Москву, а кончаша тое же зимы на весну, в великое говение» [ПСРЛ, т. XV: стб. 51]. По этому поводу ученый верно замечает следующее: «Такое дело,

Его «миротворческая» внутренняя и внешняя политика широко известна¹²⁷. Он «исправи Русьскую землю от татее и от разбоиник». При нем устанавливается «тишина велика по всей земли»: «престаша поганнии воевати Русьскую землю и закалати христиан и отдохнуша и упочинуша христиане от великыя истомы и многыя тягости и от насилия татарьскаго» [НПЛ: 465; ПСРЛ, т. XV, вып. 1: 44]. Его действия как высшего представителя исполнительной власти вполне устраивали московскую общину, благодаря этому только усиливавшуюся¹²⁸. Внутренние противоречия (подспудно, безусловно, всегда имеющие место) созреют несколько позже и проявятся в борьбе московской великокняжеской власти с институтом тысяцких в 50–70-х годах XIV в.

как возведение крепости, делалось всем миром, и потому князю нужна была поддержка не только знати, но всей московской общины. На эту коллективность замысла и исполнения указывает и летописец, используя множественные формы глагола...» [Борисов 1995: 257].

¹²⁷ Анализ ее (с «классовых» позиций) см.: [Черепнин 1960: 512–519]. Несколько по-иному видится внутренняя политика Калиты Н. С. Борисову [Борисов 1995].

¹²⁸ В этой связи созвучными нашим наблюдениям представляются выводы Ю. Г. Алексева «о слабом развитии функций управления, о малой степени отделения их от личности самого князя, т. е. о патриархальности системы управления княжеством» при Иване Калите [Алексеев 1998: 11].

МОСКВА И ВЕЧЕВЫЕ ИНСТИТУТЫ

Вече на Руси во второй половине XIII и начале XIV в. В отличие от проблемы вечевой деятельности древнерусского периода, аналогичный вопрос для следующего периода — московского — не вызывал в отечественной историографии острых дискуссий. Тем не менее почти за два столетия сложились весьма противоположные мнения о функционировании вечевых собраний в XIII–XV вв.: от отрицания их «при Моголах легко и тихо» (Н. М. Карамзин) и «созыва... в некоторых исключительных случаях» (С. В. Юшков) до признания их активно действующим политическим институтом (И. Д. Беляев).

В отечественной историографии деятельность средневекового веча подробно рассмотрена в работах А. М. Сахарова [Сахаров 1959] и Ю. А. Кизилова [Кизилов 1982: 20–33]. В вечевых коллизиях второй половины XIII–XV вв. они видели борьбу горожан против феодального господства, борьбу за городские привилегии и вольности, как это имело место в средневековых западноевропейских городах.

Считается также, что с наступлением монголо-татарского ига деятельность веча смещается в сторону борьбы за независимость [Хорошкевич 1986: 39–40]. Действительно, вечевые выступления второй половины XIII — начала XIV в., как правило, в той или иной степени были связаны с бесчинствами монголо-татарских чиновников. Однако, как представляется, ничего принципиально нового в этой стороне вечевых функций нет. Ведь и ранее вече

собиралось, когда надвигалась или существовала внешняя опасность, будь то набеги половцев, поход на Русь западных соседей или уособица между городами-государствами. Установившиеся между Русью и Ордой даннические отношения сути здесь не меняли. Вместе с тем вече второй половины XIII в. (как и в предыдущее и в последующее время) активно занимается княжескими «разборками» [Кизилов 1982: 25–27]. Словом, вече продолжало работать, так сказать, в заданном прежде и присущем ему режиме.

Во второй половине XIII в. вечевые выступления горожан, по мнению ряда ученых, проходили в Ростове и городах, тесно с ним связанных. Ростов, без боя сдавшийся монголо-татарам в январе 1238 г., сумел сохранить силы и вновь стать одним из наиболее значительных политических центров Северо-Восточной Руси [Насонов 1940: 55–56 и др.]. Это можно утверждать, опираясь на известия о «большой политической активности ростовских горожан и их вечевых собраниях в эти десятилетия, о многолюдных церемониях освящения церковей, переноса мощей, княжеских погребений и венчаний, приездах князей, в том числе и Александра Невского» [Сахаров 1959: 30, 203–204]. В 1262 г. вспыхнули восстания в Ростове, Владимире, Ярославле, Суздале, Устюге, Угличе. Видимо, они были не внезапными и стихийными, а подготовленными и организованными. Вечевые выступления в Ростове продолжились и в 80-х годах. В 1281 г. «город весь замяте», когда началась междоусобица Борисовичей — Дмитрия и Константина [ПСРЛ, т. XXV: 153]. В 1289 г., когда «умножи же ся... Татаръ въ Ростове», вновь «граждане створше вече и изгнаша ихъ, а имение ихъ разграбиша» [ПСРЛ, т. VII: 179; т. XXV: 157]. Близко к этому времени звучал вечевой колокол и в Ярославле. Вспомнив прежние традиции, ярославцы не пожелали принять в город князя Федора Ростиславича — ставленника хана, а также ордынского посла. Только «сила великая», приведенная из Орды, заставила горожан подчиниться [Насонов 1940: 56].

В 1293 г. во время Дюденевой рати угроза татарского разорения подняла Тверь. На вече «Тферичи целоваша крестъ, бояре къ чернымъ людемъ, такоже и черныя люди къ бояромъ, что стати съ единого, битися съ Татары». Тем временем подоспел и бывший в Орде князь Михаил, присоединившийся к тверичам. Татары

тогда «не поидоша ратью къ Тѣри» [ПСРЛ, т. XVIII: 82, 83]. Таким образом, мы видим, как и в прежнее время, единую городскую общину, сплоченную клятвенным обещанием, грозную для врагов, посягавших на их независимость¹²⁹.

События конца XIII в., имевшие место в Переяславле, обобщил И. Д. Беляев. Он писал: «Земцы по приговору своего вече даже еще продолжали по-прежнему участвовать в междукняжеских отношениях: так, в 1296 г. на княжеском съезде во Владимире участвовали и выборные от Переяславской земщины и держали сторону одних князей против других перед ханским послом Алексоем Неврюем. Выборные от Переяславской земщины на этом съезде присутствовали вместо своего князя, в то время ездившего в Орду» [Беляев 1906: 64]¹³⁰. Переяславцы «с одинаго» поддержали московского князя Даниила Александровича и тверского князя Михаила Ярославича в их борьбе с великим князем Дмитрием Александровичем. Собирается вече в Переяславле и в начале XIV в. В 1302 г. после смерти бездетного переяславского князя город, по его завещанию, отошел к князьям московского дома: «седе в Переяславле» Юрий Данилович. В 1303 г. после смерти отца — Даниила Александровича — он должен был перейти в Москву. Но «Переславци яшася за... Юрья, и не пустиша его погребение о[т]че» [ПСРЛ, т. XXIII: 96] (см. также: [Кизилов 1982: 25]). «Яшася» они, видимо, на вече. Вечевое единство (вместе с московским войском) они проявили и в 1304 г. — во время угрозы со стороны Твери [ПСРЛ, т. XVIII: 86]. Таким образом, порядки переяславцев, по сути, не претерпели серьезных изменений за столетие: и в начале XIII в. горожане также выступали единым вечевым «фронтом» за того или иного князя в условиях княжеских междоусобиц и межгородских конфликтов [ЛПС: 111–112]. Вместе с тем переяславские события рубежа XIII–

¹²⁹ «Здесь выступают, — писал М. Н. Тихомиров, — две равноправные стороны: бояре и черные люди» [Тихомиров 1957: 91]. То же отмечает (несколько суживая социальные реалии) Н. Н. Воронин: «Текст подчеркивает единство низов и боярских кругов города в стремлении сопротивляться татарам» [Воронин 1944: 81]. См. также: [Михайлова 1996: 269–270].

¹³⁰ Отмечает «активную роль “переяславцев”, как городской общины, во всем этом деле» и А. Е. Пресняков [Пресняков 1918: 88].

XIV вв. показательны и в отношении вечевых функций, отнюдь не сводившихся только к борьбе с татарами.

Отношения веча и князей, а также бояр иной раз приобретали социальную остроту, что, впрочем, тоже было обычным делом. Одна из вспышек была связана с претензиями тверского князя. В 1305 г. «бысть вече на Костроме на бояръ», поддерживавших тверского князя, требовавшего перехода города от московского князя к нему [ПСРЛ, т. XVIII: 86; т. XXV: 393]. Похожими представляются и волнения в Нижнем Новгороде. Здесь горожане выступили против бояр, оставшихся в городе после смерти князя Андрея Александровича. Нижегородский летописец сообщает, что собралось вече, постановившее избить этих бояр. Однако в дело вмешался тверской князь Михаил Ярославич, бывший двоюродным братом Андрея. Михаил, возвратясь из Орды, где он получил право на правление в Суздальско-Нижегородских землях, «изби вечниковъ». Вместе с тем отмечается, что «бысть замятна въ Суздальстей земле во всехъ градахъ» [ПСРЛ, т. VII: 184; т. X: 175].

20-е годы XIV в. не внесли заметных изменений в общественно-политическую ситуацию в Северо-Восточной Руси. Сложившийся в XIII в. «треугольник сил» «вече — князя — татары» во многом продолжал определять происходящие события. В 1320 г. «быша в Ростове злии Татарове, люди же ростовския, събравшеся изгониша ихъ» [ПСРЛ, т. XXV: 166]. Но особо примечательно тверское восстание 1327 г. — прежде всего тем, что показывает многие стороны повседневной жизни северо-восточного русского города-государства, его вечевую стихию.

Тверское вечевое выступление 1327 г. достаточно хорошо изучено отечественной историографией. Оценки общего характера и немало любопытных наблюдений частного свойства содержатся в работах В. С. Борзаковского, А. Е. Преснякова, А. Н. Насонова, Я. С. Лурье, Н. Н. Воронина, М. А. Ильина, И. У. Будовница, А. М. Сахарова, Э. Клюга, Н. С. Борисова и других [Борзаковский 1994: 124–129; Пресняков 1918: 137–138; Насонов 1940: 91–92; Лурье 1939: 103–109; Воронин 1944; Ильин 1947: 36–42; Будовниц 1956: 87–92; 1960: 378–383; Сахаров 1959: 206–207; Клюг 1994: 116–121; Борисов 1995: 150–162]. Но наиболее всесторонне и глубоко на основе практически всех известных летописных и нелетописных со-

общений это событие было проанализировано Л. В. Черепниным [Черепнин 1960: 475–497]. Однако, несмотря на такое повышенное внимание к тверскому восстанию, многие вопросы остаются нерешенными и вызывают споры.

В целом ход тверского «мятежа» хорошо известен¹³¹. Но вместе с тем замечено, что летописи дают различные, а порой и противоречащие друг другу версии как причинной, так и событийной сторон выступления. Эти версии исчерпывающим образом были исследованы Л. В. Черепниным. Судя по его выводам, их возможно представить в двух вариантах: в одних летописях представлена «народная» концепция восстания, в других — «княжеская». Ученый отдает предпочтение первой, изложенной в Рогожском летописце и Тверском сборнике (а также в фольклорном источнике — «Песне о Щелкане Дюдентевиче»), поскольку, по его мнению, «при всей их тенденциозности они воспроизводят наиболее близкую к реальной действительности версию о тверском восстании 1327 г. как чисто народном движении. Указанные летописные памятники довели до нас живой и яркий рассказ современника, полный интересных деталей, позволяющих воссоздать конкретную, социально и политически насыщенную картину антитатарского выступления тверских горожан» [Черепнин 1960: 481].

«Княжеская» же концепция, по словам Л. В. Черепнина, «искусственна и выдает свое литературное происхождение» [Черепнин 1960: 489]. Более того, в ней «налицо политическая тенденция (извращающая историческую действительность) представить тверское антитатарское восстание 1327 г. как дело рук тверской великокняжеской власти» [Черепнин 1960: 489] (см. также: [Пресняков 1918: 137]).

Эти же мотивы звучат и в итоговом выводе исследователя. Л. В. Черепнин признает, что «далеко не все детали нарисованной... картины... безусловно достоверны. Это — опыт гипотетической реконструкции на основании не всегда бесспорной интерпретации источников. Но бесспорно... одно: освободительное движение против татаро-монгольских захватчиков, поднятое са-

¹³¹ Летописную «библиографию» восстания см.: [Черепнин 1960: 475–497; Коянская 1988: 14].

ним народом вопреки указаниям тверского князя, тенденциозно превращено позднейшими летописцами в восстание, организованное якобы этим князем» [Черепнин 1960: 497].

Можно ли принять его выводы? Е. Л. Конявской был проведен текстологический анализ летописных версий [Конявская 1984; 1988]. Ее исследование фактически приравнивает возможную достоверность обеих — «княжеской» и «народной» — версий тверского восстания. А результатом соединения различных по происхождению летописных источников стала сводная редакция повестей, сохранившаяся в Никоновской летописи [Конявская 1988: 15, 23, 25].

Текстологические наблюдения Е. Л. Конявской представляются чрезвычайно важными для понимания социальной природы и общей оценки антитатарских выступлений как в Твери, так и в Северо-Восточной Руси в целом. Они позволяют внести существенные коррективы в трактовку восстания, предложенную Л. В. Черепниным и поддержанную другими исследователями. В свете выводов Е. Л. Конявской становится ясно, что разноаспектность в изложении летописями событий 1327 г. не противоречит достоверности отраженных в них социальных коллизий. Нет необходимости противопоставлять их и искать проявления тенденциозности и недостоверности: обе версии вполне согласуются друг с другом, что чутко уловили еще составители Никоновского свода¹³². Приведем этот рассказ.

«Прииде во Тверь посолъ силенъ зело царевичъ Щелканъ Дюденевичъ изо Орды, отъ царя Азбяка; бе же сей братаничъ царю Азбяку, хотя князей Тверскихъ избити, а самъ сести на княжении во Твери, а своихъ князей Татарскихъ хотя посажати по Рускимъ градомъ, а христианъ хотяше привести въ Татарскую веру. И мало дней пребывшу ему во Твери много зла сотворися отъ него христианомъ; и приспевшу дню тръжествену, а ему хотящу своя творити въ собрании людей, уведевъ же сиа князь велики Александръ Михайловичъ, внукъ Ярославль, и созва Тверичъ, и вооружився

¹³² Согласно исследованию Е. Л. Конявской, «первоначальный вариант повествования должен быть лучше отражен в Никоновской, а в повести Рогожско-Тверского сборника и своде 1448 г. — различного рода сокращения и переработки этого варианта» [Конявская 1988: 23].

поиде на него; а Щелканъ Дюденевиць съ Татары противу его изыде, и съступишася обои въсходящу солнцу, и бишася весь день, и едва къ вечеру одоле Александр, и побежа Щелканъ Дюденевиць на сени, и зажгоша подъ нимъ сени и дворъ весь княже Михайловъ, отца Александра, и ту згоре Щелканъ и съ прочими Татары. А гостей Ординскихъ старыхъ и новопришедшихъ, иже съ Щелканомъ Дюденевицемъ пришли, аще и не бишася, но всехъ ихъ изсекоша, а иныхъ изстопиша, а иныхъ въ костры дровъ складше сожгоша. Слышавъ же сиа царь Азбякъ Ординский, и разгореся яростию велиею зело, и во мнозе скорби и печали бысть о братаниче своемъ Щелкане, и рыкаше аки левъ на Тверскихъ князей, хотя всехъ потребити, и прочее всю землю Русскую пленити, и посла на Русь по князя Ивана Даниловича Московьскаго» [ПСРЛ, т. X: 194].

Никоновская летопись, таким образом, дает наиболее полное и внутренне непротиворечивое описание тверских событий, «по частям» приведенное в других летописях.

Итак, восстание 1327 г. охватило все социальные слои «богатой» Твери: княжье, боярство, представителей церкви, народные массы¹³³. Все объединились в едином порыве сопротивления и отпора. Нет ничего неестественного в том, что активное участие в этом выступлении принимал тверской князь (одновременно являвшийся и великим)¹³⁴. Совершенно справедливо пишет Е. Л. Конявская, что «тенденция к открытым выступлениям против татар, борьбе с игом последовательно проявляет себя в политике тверских князей начиная уже с середины XIII в., когда Ярослав Ярославич открыто поддержал Андрея Ярославича во время “Неврюевой рати”. Затем его сын Михаил Ярославич в 1317 г. поверг в бегство войско Кавгадыя» [Конявская 1988: 17]. К этому можно добавить и «военную тревогу» во время «Дюденовой рати» 1293 г., когда татары не пошли на Тверь, узнав о вернувшемся князе Михаиле. Н. С. Борисов также считает, что Александр Михайлович отнюдь не безучастно взирал на происходившее. И если в начале он, «видя

¹³³ Причем «не только горожане, но и окрестные жители, т. е. крестьяне» [Черепнин 1960: 494].

¹³⁴ О том, что в восстании «по свидетельству летописи, принимал какое-то участие» Александр Тверской, писал А. А. Зимин [Зимин 1952: 64].

озлобление людий своихъ и не могы ихъ оборонити, тръпети имъ веляше» [ПСРЛ, т. XV: стб. 43, 415], то затем «он не смог остаться в стороне» [Борисов 1995: 151]. Итак, отпор в Твери имел действительно всенародный характер, как это было, к примеру, и в 1262 г. Сближает эти два безусловно важнейших события эпохи «татарщины» и еще одно обстоятельство.

Объединение всех тверичей, видимо, произошло не только на почве сопротивления обременительному сбору податей татарами и их бесчинствам, но и отпором на религиозной основе. Это обстоятельство несколько затушевано в историографии, поэтому скажем несколько слов по данному поводу.

Терпимость и лояльность монголов к различным религиям общеизвестна, это является неоспоримым фактом. Но такое отношение было присуще им тогда, когда они исповедовали свои традиционные культы. Ситуация изменяется (и довольно резко) с принятием при хане Узбеке в 1312 г. ислама в качестве государственной религии Золотой Орды. С противниками новой религии стала вестись бескомпромиссная борьба. Несогласные с переменной веры были казнены или эмигрировали¹³⁵. Что касается Руси, то какого-либо принуждения в изменении религии не прослеживается, никакого «омусульманивания» не произошло. Но вполне возможно, что такие планы (явно несбыточные) могли иметь место. Именно о таком намерении и свидетельствуют многочисленные летописные сообщения. Ничто другое, как насильственное «свержение» веры или даже слухи об этом, не могло привести к такому мощному и широкомасштабному народному взрыву¹³⁶. Тверское восстание 1327 г., таким образом, можно представить как на-

¹³⁵ Л. Н. Гумилев полагал, что эта «эмиграция захватила Русь» [Гумилев 1989: 538, 587–588, 616].

¹³⁶ «...трактовка монголо-татар как антихристианской, богопротивной силы оправдывала борьбу с ними». Впрочем, это были отнюдь не «новые политические установки», как утверждает Е. Л. Конявская. Ниже в своем исследовании она сама же опровергает это, сравнивая тверское восстание с восстанием 1262 г.: «...общим с повествованием о тверском восстании здесь оказывается оптимистический тон повествования, поношение ордынских завоевателей как “окаянных бесермен” и др.» [Конявская 1988: 16, 21].

ционально-религиозное православное движение, сплотившее все население от князя до простолюдинов¹³⁷.

И последнее. Известно, какая страшная кара постигла тверичей в отместку за это выступление. Из Золотой Орды на Тверь была направлена карательная экспедиция — «Федорчукова рать» с пятью «темниками». С нею был и Иван Калита, а также другие русские князья. Тверь и ее волость были разграблены и сожжены, пострадали и другие русские земли [ПСРЛ, т. XV: стб. 43, 416; т. X: 194]. В чем была причина такой дорогой цены, заплаченной за восстание? Ведь, как мы знаем, ничего подобного в 1262 г. на Руси не произошло. И дело, видимо, не в том, что в 1327 г. на Руси не нашлось такого защитника, как Александр Невский. В 1262 г. на Руси изгнанию, а возможно, и уничтожению подверглись «бесурмены» — мусульманские купцы. В Твери же погиб ханский посол¹³⁸. Убийство посла уже само собой наказывалось монголами довольно жестоко и бескомпромиссно. Но в Тверь приехал не просто посол, а ханский близкий родственник. Никоновская летопись называет его «братаничем» Узбека [ПСРЛ, т. X: 194], то есть племянником, А. Н. Насонов видит в нем «сына Тудана и внука Менгу-Тимура», то есть двоюродного брата Узбека [Насонов 1940: 91]. Как бы то ни было, Чол-хан был не просто послом, а представителем рода чингисидов, обладающих, по представлениям монголов, харизмой, с чем связана и божественность их власти. Следовательно, его убийство — это посягательство на самих наследников Чингис-

¹³⁷ Возможно, ордынцы имели и другие далеко идущие планы. Никоновская летопись об этом сообщает так: Чол-хан хотел «самъ сести на княжении во Твери, а своихъ князей Татарскихъ хотя посажати по Рускимъ градомъ...» [ПСРЛ, т. X: 194]. И. У. Будовниц принимает эту версию как попытку «наладить там (на Руси. — Ю. К.) какое-то непосредственное управление» [Будовниц 1956: 88, 89, 90]. Если и имели место такого рода планы, то они были явно авантюрными, что и показали события 1327 г.

¹³⁸ Обычно в качестве причин появления Чол-хана в Твери называется либо необходимость сбора дани, либо причина более обобщенного порядка. «...ордынский хан, — пишет Л. В. Черепнин, — хотел поставить великого князя под свой контроль» [Черепнин 1960: 475]. См. также: [Будовниц 1956: 88–89; 1960: 378]. Эти суждения оспорил Н. С. Борисов, предположив, что «присутствие отряда Шевкала в Твери явно указывает на его “международное” значение», то есть предотвращение возможных нападений со стороны Литвы и Ордена [Борисов 1995: 141–142].

хана, на все «Чингисово племя», представляющее весь монгольский этнос. Отсюда и столь скоротечная и беспощадная расправа с тверичами, а попутно и с другими. Именно поэтому впоследствии и казнили в Орде тверского князя Александра Михайловича.

Таким образом, вече в первое столетие зависимости от монголо-татар — самое тяжелое время для Руси — активно занималось глубоко внутренними делами: поставлением и отстранением князей, некоторыми другими аспектами общинной жизни. Касаясь вопроса княжеской власти, а ее рост, безусловно, происходил под воздействием татарского фактора, необходимо отметить и еще один фактор — как раз вечевой строй, который, наоборот, сдерживал усиление института княжеской власти в целом.

Подытоживая сведения этого периода о вече как политическом институте, представляется уместным привести слова А. М. Сахарова: «Было бы неправильным думать, что дошедшими до нас известиями исчерпываются все факты городских вечевых собраний в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII и начале XIV в. Более реально предположить, что многие сведения остались неизвестными...» [Сахаров 1959: 206]. Соглашаясь с таким выводом, добавим следующее. Думается, и приведенных фактов достаточно, чтобы говорить о северо-восточном вече данного времени как о реально действующем властном органе всего народа, чутко и остро реагирующем на любые изменения в социально-политической жизни, сохранившем и развившем с учетом новых условий традиции древнерусского периода.

Итак, в 20–30-х годах XIV в. мы не замечаем какой-либо «специальной» борьбы княжеской власти с вечем.

«Вечные колокола». Любопытны и показательны с точки зрения решения вопроса о деятельности вечевых собраний в XIV в. летописные новеллы (назовем их так) о «вечных колоколах», которые приведены в летописях под 1328, 1339 и 1372 гг. Все они наиболее полно рассмотрены и интерпретированы Л. В. Черепниным [Черепнин 1960: 498, 508, 525–526, 583], но, как нам представляется, не все его объяснения могут быть приняты.

В 1328 г. ставший великим князем «суждальский князь» Александр Васильевич после получения ярлыка вывозит из Владимира к себе в Суздаль вечевой колокол. Но на новом месте — в Сузда-

ле — он не стал звонить. Когда же колокол вернули во Владимир, то он вновь зазвонил. Новгородская первая летопись так сообщает об этом происшествии: «Сии князь Александръ из Володимера вечный колоколь святеи Богородици возилъ въ Суждаль, и колоколь не почялъ звонити, якоже былъ в Володимере; и помысли в себе князь Александръ, яко съгруби святеи Богородици, и повеле его паки вести въ Володимеръ, и привезъше колоколь, поставиши и въ свое место, и паки бысть гласъ богуугодень» [НПЛ: 469]¹³⁹.

Л. В. Черепнин комментирует эту владими́ро-суздальскую колокольную историю следующим образом. «Это было сделано, очевидно, по приказу ордынского хана, стремившегося к подавлению вечевых порядков в русских городах... В изложенном полулегендарном рассказе заключен большой политический смысл: нельзя заставить замолчать народ, устами которого говорит вечевой колокол. Суздальский князь, исполняя волю Орды, захотел добиться молчания веча, но ничего у него не вышло. Орда и князья, исполняющие ее повеления, бессильны сломить волю народа к сопротивлению своим поработителям» [Черепнин 1960: 498]¹⁴⁰.

Думается, что сведения эти скорее все-таки реальны, нежели полулегендарны. А вот трактовка их Л. В. Черепниным действительно имеет оттенок мифологичности. Во-первых, данных о том, что это делалось по указанию хана, нет, как, впрочем, нет даже намека на это. В летописях мы не найдем свидетельства о вмешательстве ордынцев во внутренние дела на Руси, разве что в межкняжеские отношения. Складывается впечатление, что ханам были глубоко безразличны порядки на русских землях. И объяснения Л. В. Черепнина исходят не из реального существа дел, а из историографического постулата об ордынской политике, во что бы то

¹³⁹ «Источниковедческий» спор А. Е. Преснякова с С. М. Соловьевым по поводу этого известия см.: [Пресняков 1918: 139–140].

¹⁴⁰ А. М. Сахаров тоже приводит этот случай, но, не комментируя его, ссылается на М. Н. Тихомирова [Сахаров 1959: 212]. Трактовка же М. Н. Тихомирова по меньшей мере довольно расплывчата. Он пишет: «В XIV в., видимо, еще хорошо знали, какой колокол на звоннице Успенского собора был вечевым» [Тихомиров 1956: 212]. Из этих слов непонятно, говорит ли автор о существовании веча во Владимире или только о «народной памяти». Л. В. Черепнин, несомненно, дает более веское обоснование.

ни стало пытающейся «удержать в повиновении русский народ» [Черепнин 1960: 498].

Во-вторых, нет оснований говорить о борьбе князей с вечевыми порядками вообще, а следовательно, и с народными массами, как это предлагает Л. В. Черепнин. Обратим внимание: летопись сообщает о снятии колокола во Владимире, но она же свидетельствует и о том, что этот «вечный колокол» был установлен в Суздале, где и произошел конфуз: колокол «не почаял звонити». Видимо, и в Суздале он предназначался для аналогичной функции — вечевового звона. Как известно, от перемены мест слагаемых сумма не меняется. В данном случае такой суммой является вечевой строй. Значит, никакой целенаправленной борьбы со стороны русского князя против вечевых институтов не было. Как же тогда объяснить возникшую в 1328 г. ситуацию?

Может быть, годится объяснение Н. С. Борисова, который видит здесь лишь «слегка прикровенный» «грабеж»: «Александр получил тогда от хана великокняжеский титул и хотел иметь у себя дома “великокняжеский” колокол» [Борисов 1995: 255]. Вряд ли здесь стоит вести речь о грабеже. Сам же исследователь чуть выше пишет о том значении, которые колокола имели на Руси [Борисов 1995: 254–255]. И в этом контексте понимать ситуацию как простой грабеж не приходится. А вот насчет «желания» князя Александра Васильевича говорится верно. Но только требуются некоторые дополнения.

Вечевой колокол перевозится из одного «столичного» города в другой — из Владимира в Суздаль. И там, и там он служил или должен был служить не столько княжеским интересам, сколько общинным (в том числе и княжеским). Мы знаем, сколь глубокой была вражда северо-восточных городских общин во второй половине XII — начале XIII в. В числе основных противников Владимира (наряду с Ростовом) выступал в то время и Суздаль¹⁴¹. Поэтому вполне возможно, что в коллизиях 1328 г. зазвучали отголоски той застарелой вражды между городскими общинами. Во всяком случае, для суздальцев момент был благоприятный, поскольку их князь стал великим, получив в придачу и сам Владимир [НПЛ: 469;

¹⁴¹ См. с. 25–35 настоящей работы.

Черепнин 1960: 497–498]. Видимо, этой-то ситуацией они и решили воспользоваться. Вместе с тем еще раз повторим, что никакой борьбы княжеской власти с вечевой здесь не просматривается¹⁴².

Следующий случай с колоколом переносит нас в сферу далеко не простых московско-тверских отношений. В 1339 г. в Орде трагически погиб тверской князь Александр Михайлович. И опять, как и в 1327 г., в Твери возникает фигура Ивана Калиты. Только на этот раз не последовало никакого разгрома и разорения. Московский князь лишь вывозит в Москву снятый с тверского Спасского собора вечевой колокол. «А князь великии Иванъ въ Тфери отъ святаго Спаса взялъ колоколь в Москву» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 51–52].

Вновь предоставим слово Л. В. Черепнину. «Иван Калита, сурово расправляясь с участниками народных движений, в 1339 г. вывез в Москву колокол, снятый с тверского Спасского собора. Этим как бы подчеркивалось желание московского князя подавить вечевые порядки (вече собиралось по звону церковного колокола) и тем самым помешать крамольным выступлениям горожан» [Черепнин 1960: 525, 508]¹⁴³. Ученый остается верным себе в объяснении причин этой акции Калиты: только борьба с вечевыми проявлениями. Однако далее события разворачиваются не так, как почти десять лет назад. В 1347 г. тверской князь Константин Васильевич велит отлить новый большой колокол для Спасского собора [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 58]. В этой связи Л. В. Черепнин задается вопросом, который, по существу, является и ответом:

¹⁴² Такие случаи имели место и в Древней Руси. Так, в 1066 г. полоцкий князь Всеслав не только сжег и разграбил Новгород, но и «колоколы съима у святыя Софие». «О, велика баше беда въ час тьи!» — скорбно восклицает по этому поводу летописец [НПЛ: 17]. В 1146 г. Изяслав Мстиславич Киевский вывез колокола из Путивля, а в 1259 г. в Холм были перевезены колокола из Киева [ПСРЛ, т. II: стб. 334, 844]. В этот же ряд можно поставить и хрестоматийно известные события, связанные с падением новгородской и псковской независимости. Вместе с тем лишение того или иного города (волости) колокола типологически находит аналог в известных фактах «разорения в межволостных войнах храмов и монастырей противника» в Древней Руси. Отметивший это И. Я. Фроянов подчеркивает, что храмы символизировали «суверенитет местных общин», а «разрушить храм врага — значит лишить его покрова Божьего» [Фроянов 1980: 282].

¹⁴³ Так же считает и А. М. Сахаров [Сахаров 1959: 208].

«Не означало ли упоминание об этом акте в летописи демонстративное подчеркивание того, что князь не может нарушить право горожан собирать вече и через вече предъявлять свои требования и претензии княжеской власти?» [Черепнин 1960: 525–526].

Под последними словами Л. В. Черепнина, придав им утвердительный смысл, можно только подписаться. Не «не означало ли», а, безусловно, речь шла о вечевых порядках, с которыми были согласны (или вынуждены были соглашаться) правящие князья.

В то же время поступок Ивана Калиты, как и суздальского князя Александра Васильевича, означал не столько попытку подавления веча, сколько констатацию очередной победы одной из сторон соперничающих городов-государств¹⁴⁴. В 1347 г., в свою очередь, Константин Васильевич, так сказать, отдает долг, символизируя возвращением колокола новое, очередное «возвышение» тверской общины.

Последняя новелла этого «цикла» рассказывает о случае, произошедшем в 1372 г. в Нижнем Новгороде. Там вдруг «позвонил самъ о собе трижды» большой колокол Спасского собора [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 100]. «Можно думать, — пишет Л. В. Черепнин, — что в иносказательной форме здесь речь идет о том, что участился пульс жизни горожан, что нижегородские посадские люди более активно стали проявлять свою инициативу в борьбе с ордынскими военными отрядами, что в какой-то мере возродились вечевые порядки, о которых возвестил якобы самопроизвольно зазвонивший большой спасский колокол» [Черепнин 1960: 583].

¹⁴⁴ Близко нашему пониманию и объяснение Н. С. Борисова. Увоз колокола в Москву — это «символическое деяние, смысл которого можно выразить словом “покорность”... Вывоз колокола... символизировал полную победу Москвы над Тверью. Этот удар должен был сломить самолюбие тверичей, заставить их смириться со своей участью побежденных. Похоже, что удар Калиты достиг цели. Летопись сообщает, что после гибели Александра Михайловича в Орде “княжение Тверское до конца опусте”. Тогда же произошел и новый массовый отъезд тверских бояр на московскую службу» [Борисов 1995: 255–256]. Н. С. Борисов с событиями 1339 г. связывает «важнейший перелом» в истории Северо-Восточной Руси: это «конец длившемуся около столетия расцвету Твери» и перемещение «центра политической и духовной жизни» из Твери в Москву [Борисов 1995: 254]. Нам представляется, что Тверь далеко не была сломлена, и события 1347 г. — тому подтверждение.

Думается, неординарность этого случая заключается не в возрождении вечевых порядков, а, наоборот, в их обычности. О них могут сообщать не только в необходимых случаях люди, но и сам колокол без людского вмешательства. В то же время не лишено смысла предположение Л. В. Черепнина о связи звона нижегородского колокола с ордынскими набегами. Только зависимость здесь не прямая, а, возможно, обусловленная магической направленностью колокольного звона. Колокольному звону, по представлениям средневековых людей, не могли противостоять нечистые силы¹⁴⁵ [Рыбаков 1896: 5]. Под последними вполне можно разуметь иноверцев-ордынцев. Именно их иноверие, как мы видели, находилось во главе угла многих антиордынских выступлений населения Северо-Восточной Руси.

Какие можно сделать выводы из рассмотренных «колокольных новелл»? Самый главный, как нам кажется, состоит в том, что в различных городах-землях Северо-Восточной Руси в 20–70-х годах XIV в. существование вечевого действия является бесспорным фактом¹⁴⁶. Рассказы о колоколах, безусловно, подтверждают мысль А. М. Сахарова, что далеко не все вечевые собрания отмечены в летописях [Сахаров 1959: 206]. Также необходимо подчеркнуть вполне мирное сосуществование и даже своеобразную взаимопомощь в функционировании вечевого и княжеского ветвей власти. Князья, как мы видели, борются не столько с вечевыми порядками, сколько с противными общинами — городами-государствами. И лишение вечевого колокола — довольно мощный аргумент общины-победителя и, соответственно, ее князя¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Возможно, с «магией звона» связан и «отказ» звонить в чужом городе владимирского колокола в 1328 г.

¹⁴⁶ Вечева деятельность в это время, по сути, признается и Л. В. Черепниным, и А. М. Сахаровым. Только они, отдавая дань существовавшей феодальной концепции, говорят об этом со всякого рода оговорками. Одна из них — это подчеркивание «возрождения вечевых порядков» в том или ином месте в то или иное время. Мы думаем, что вече как социальный институт в этот период функционировало постоянно, но постоянность, конечно, не означала непрерывности народных собраний. В вечевой практике за столетия существования выработался определенный круг задач, по мере необходимости вече и собиралось.

¹⁴⁷ Огромное значение колоколов в жизни горожан Средневековья характерно не только для Руси. Это же отмечено и для Западной Европы. «В Средние

«Вечные колокола» средневековых северо-восточных городов представлены не только свидетелями бурных событий, «современниками» которых они были, но самыми непосредственными участниками этих социальных коллизий, от судьбы которых подчас зависела судьба самих городов-государств.

Вече второй половины XIV в. От второй половины XIV в. сохранились сведения о вече, касающиеся Москвы, Владимира, Нижнего Новгорода. Во Владимире активность населения была связана с происходившей в начале 70-х годов борьбой за великое владимирское княжение между Михаилом Александровичем Тверским и Дмитрием Ивановичем Московским. Дмитрию удалось склонить владимирцев на свою сторону, а Михаил пошел в Орду. Получив там ярлык, он «поиде къ Володимерю, хотя сести тамо на великое княжение» [ПСРЛ, т. VIII: 18]. Таким образом, и здесь владимирцы стараются твердо придерживаться традиций старины: призвания и изгнания князя.

По мнению А. М. Сахарова, в Москве в 1382 г. «вечу принадлежала реальная власть в городе» [Сахаров 1959: 213]. Подтверждением этому можно считать ситуацию, когда к городу приближался Тохтамыш, а Дмитрий Иванович спешно отъехал в Кострому [ПСРЛ, т. XXV: 206–210].

С участием горожан происходило присоединение Нижнего Новгорода к Москве в 1392 г. Тогда по звону колоколов «снидесе весь градъ» и старейший боярин Василий Румянец объявил о переходе бояр на службу московскому князю¹⁴⁸ [ПСРЛ, т. XV: 446]. А в 1399 г. суздальский князь Семен вынужден был оправдываться

века колокола использовала не только церковь, но и светская власть. Мирские колокола состояли на службе городов. Важные функции городской жизни от правлялись по сигналу особых колоколов... Обладание колоколами было для города своеобразным подтверждением его вольности, права на самоуправление. Не случайно, теряя самостоятельность, города, как правило, лишались и колоколов. В годы войн и нашествий горожане прятали свои колокола от врага как ценный «идеологический товар», стремясь сохранить символ своей независимости. Запрещение свыше звонить в колокола воспринималось в Средневековье как тяжелое наказание» [Шиллинг 1985: 294].

¹⁴⁸ «Перед нами, видимо, нечто вроде вечаевого собрания», — писал А. М. Сахаров [Сахаров 1959: 213].

перед нижегородцами за то, что не защитил их от татар, вошедших вместе с ним в город [ПСРЛ, т. VIII: 72].

Пожалуй, последними по времени стали вечевые собрания периода «смуты» второй четверти XV в., которая затронула огромную территорию и задействовала широкие народные массы [Дворниченко, Кривошеев 1992]. В «смуте» не преминули «половить рыбку» и татары. В сложной и даже критической обстановке 1445 г. при угрозе татарского нашествия, когда в татарском плену находился великий князь Василий Васильевич, а город покинула великая княгиня с детьми и боярами, в Москве произошли вечевые сходки. «Граждане в велице тузе и волнении быша: могущеи бо бежати, оставивши градъ, бежати хотяху, чернь же худые люди совокупившеся начаша преже врата градная делати... а хотящихъ из града бежати начаша имати и бити и ковати; и тако уставися волнение, но вси обще начаша градъ крепити, а себе пристрой домовной готовити» [ПСРЛ, т. VI: 171].

Полагаем, что вышеприведенные факты позволяют не согласиться с А. М. Сахаровым в том, что вечевая деятельность XIV–XV вв. выявляет «лишь тенденцию развития городов к вечевому строю», но не дает «оснований утверждать о его существовании» [Сахаров 1959: 216].

Упадок вечевого строя. Исследователи неоднократно обращались к причинам упадка вечевого строя. Таковым, к примеру, в качестве внешней причины называлось монголо-татарское владычество (Н. М. Карамзин, М. В. Довнар-Запольский). Ю. А. Кизилов, исходя из западноевропейских аналогий, указывает на «консолидацию городской знати в общегородской собор», подменивший вече, и в конечном итоге формирование «городского муниципалитета, наделенного исполнительной властью» [Кизилов 1982: 32].

На наш взгляд, прекращение деятельности находит объяснение в глубинных процессах, происходивших в русском обществе того времени, связанных в том числе с изменением государственных форм. Вторая половина XV в. — это начальный период складывания единого Русского государства — государственного образования, исторически закономерно соединившего и вобравшего прежние государственные структуры — города-государства.

Близко к такому пониманию в свое время подходил В. И. Сергеевич, говоря, что «соединение многих отдельных волостей в одном Московском государстве уничтожило ту почву, на которой могли действовать вечевые собрания», ибо форма веча неприменима «к государствам со значительным объемом». Он же указывал, что усиление великокняжеской власти посредством увеличения земельных владений и следовавшего за этим усиления военной мощи (поместное войско, обязанное службой) стали факторами, приведшими к тому, что московские князья «не имеют уже надобности входить в соглашение с народом» [Сергеевич 1893: 40–41]. В констатации факта формирования категории служилого населения можно увидеть более общую причину смены политических институтов — начало формирования сословий.

Таким образом, период непосредственной (вечевой) демократии сменялся периодом, когда на авансцену русской истории должно было выйти сословное представительство. Это было подмечено еще М. А. Дьяконовым, писавшим, что расширение государственной территории, когда «личное участие каждого в решении государственных вопросов становится невозможным», приводит к тому, что «народные собрания в их первоначальной форме с правом участия для каждого свободного заменяются собраниями народных представителей» [Дьяконов 1908].

Конечно, прямой дороги от вечевых собраний к Земским соборам нет. Л. В. Черепнин, правда, отмечал определенную преемственность [Черепнин 1978: 60, 67]. Но дело, очевидно, в другом. И в вечевом строе древнерусского и татарского периодов, и в земском строе второй половины XV — XVI в. присутствует одно социальное начало, единый базис — общинный архетип. Именно на этой основе происходили в дальнейшем выступления горожан (в Москве в 1547, 1584 и 1586 гг.), а иногда даже и возврат к вечевым порядкам (во Пскове в 1650 г.) [Хорошкевич 1986: 41–42; Преображенский 1987: 254; Кулакова 1994: 270, 271].

Московские тысяцкие. Другой властный институт русского Средневековья — институт тысяцких — тоже находит свои истоки в прежнем периоде — Киевской Руси, и даже в более раннем — у восточных славян докиевского времени. Наиболее ярко в отече-

ственной историографии коллективный портрет древнерусских тысяцких нарисован И. Я. Фрояновым.

Тысяча с тысяцким существовала в рамках десятичной организации восточных славян. В XI–XII вв. древнерусские тысяцкие — это прежде всего военачальники. Наряду с военной деятельностью тысяцкие также «судили и рядили (управляли)». «Держать тысячу» означало постоянную должность. Тысяцкие занимали высокое социальное положение в системе администрации города и земли в целом, и летописец при описании тех или иных событий зачастую наряду с князем упоминает и имя тысяцкого. Тысяцкие были как княжескими, так и земскими. В первом случае они назначались князем, в последнем — выбирались общиной. Но даже если тысяцким становился «княж муж», то в условиях древнерусской действительности он, как и сам князь, превращался «в инструмент общинной власти» не только городской, но и волостной, а со временем и ее представителем [Фроянов 1980: 210–211] (см. также: [Майоров 1997]).

Тысяцкие существовали на Руси повсеместно: в Новгороде, Киеве, Белгороде, Переяславле, в Галицко-Волынской земле, наконец, на северо-востоке. Нам уже известно, что там в первой половине XII в. вместе с князем Юрием Долгоруким находился ростово-суздальский тысяцкий Георгий Симонович. Именно он организовал общественную жизнь края — «содержал княжения область», ибо сам князь занимался в основном борьбой за киевский «злат стол». А когда же наконец «седе Георгий Володимеричь Киеве», то «тысяцкому же своему Георгиеви, яко отцю предасть область Суждальскую» [ПКПМ: 5, 189]. Возможно, что наследниками тысяцкого Георгия были в XIV в. московские тысяцкие. Во всяком случае, первый московский тысяцкий Протасий Федорович пришел в последней четверти XIII в. в Москву именно из района Владимира — Суздаля [Воронцов-Вельяминов 1977].

Тысяцкие XIII–XIV вв. так же, как и их предшественники, играли «выдающуюся роль» [Кизилов 1982: 30] в общественной жизни. Так, в 1252 г. «приде Олександръ князь великий ис Татаръ в град Володимерь, и оусретоша и со кресты оу Золотых воротъ митрополить и вси игумени, и гражане, и посадиша и на столе отца его Ярослава, тисяцю предрержащю Роману Михайловичю, и весь

рядь» [ПСРЛ, т. I: стб. 473]. Следовательно, начавшаяся монголо-татарская зависимость не помешала сохранению института тысяцких в Северо-Восточной Руси. Более того, это сообщение, считает П. П. Толочко, «указывает на концентрацию в его (тысяцкого. — Ю. К.) руках всей полноты исполнительной власти не только в городе, но и в земле или волости» [Толочко 1989]. И другие источники отводят тысяцким место возле князя, подчеркивая, что от них может исходить такая же «прострожа», как и от князей. Сфера деятельности тысяцких в это время расширяется. К руководству военным ополчением и обороной, судопроизводству прибавляется теперь распределение повинностей, участие в торговом суде и в подписании княжеских договоров¹⁴⁹. Несмотря на назначение князем, тысяцкий «занимал независимое положение по отношению к князю и стоял как бы над ним» [Кизилев 1982: 30]. Непосредственной причиной такого возвышения тысяцких являлась их прямая связь с делами и чаяниями свободного населения городов. Сила тысяцких состояла в том, что они могли опереться на широкие слои горожан; «смена тысяцкого затрагивала интересы многих горожан и была важным политическим делом, а не просто сменой одного княжеского чиновника другим» [Тихомиров 1992: 67; Владимирский-Буданов 1907: 78].

Тысяцкие в XIII–XV вв. известны в больших и малых городах Северо-Восточной Руси: Москве, Твери, Рязани, Ростове, Владимире, Костроме, Кашине и др.

В Москве тысяцкими становились представители знатных бояр из родов Хвостовых и Воронцовых-Вельяминовых. При Иване Калите московским тысяцким был родоначальник Воронцовых-Вельяминовых — Протасий, а позже Алексей Петрович Хвост. Ему принадлежало село Хвостово с окрестностями, расположенное под городом (в районе современного Замоскворечья). Эта непосредственная близость владений тысяцкого к Кремлю, отмечает М. Н. Тихомиров, «делала его особенно опасным человеком» [Тихомиров 1992: 67]. При Симеоне Гордом «Олексе[й] Петрович» попал

¹⁴⁹ «Тысяцкий, — подчеркивает Ю. Г. Алексеев, — первое лицо среди светских свидетелей княжеского dokonчания (князя Семена Ивановича с братьями. — Ю. К.)» [Алексеев 1998: 13].

в опалу, ибо «вшель в коромолу к великому князю [ДДГ: 13 (№ 2)] (см. также: [Алексеев 1998: 12–13]), но после смерти Симеона он вновь занял место тысяцкого. В 1356 г. Алексей Петрович был убит при таинственных обстоятельствах. «Убиение же его страшно, и незнаемо и неведомо ни отъ кого же, точию обретеса убиень лежа на площади егда завътреню благовестять», и «бысть мятежь велий на Москве того ради убийства» [ПСРЛ, т. X: 228–229]. Убийство тысяцкого Хвоста в историографии обычно представляется результатом борьбы боярских группировок в борьбе за власть — должность тысяцкого [Алексеев 1998: 14]. Ведь, по летописи, он пострадал от своей дружины. Почти сразу же эта дружина — «большие бояре московские» — отъехала из Москвы в Рязань. Среди них — и бояре Воронцовы-Вельяминовы» [Тихомиров 1947: 67].

Вместе с тем в мятеже приняли участие не только боярские группировки, но и горожане — «мужи москвичи». «Убийство тысяцкого затронуло широкие круги москвичей-горожан, в первую очередь купцов», — писал М. Н. Тихомиров [Тихомиров 1947: 67–68] (см. также: [Михайлова 1996: 274–276]).

Московские события 1356 г. стали объектом пристального рассмотрения И. Я. Фроянова. Ученый посчитал «недостаточной мотивировку московской “смуты” 1356 г. как борьбы в среде московского боярства» за должность тысяцкого [Фроянов 1995б: 35]. За спиной бояр он увидел самого московского князя — Ивана Ивановича, который «если и не принимал прямого участия в решении судьбы Алексея Петровича, то намеренно равнодушно, или даже сочувственно относился к преступному плану “больших” бояр. Алексей Хвост, очевидно, был ему неуютен» [Фроянов 1995б: 34–35]. Вывод И. Я. Фроянова, на наш взгляд, убедителен. Но возникает вопрос — «неуютность» имела характер личной неприязни или общественное звучание? И. Я. Фроянов отмечает субъективный момент: «Хвост отличался несговорчивостью и самостоятельностью», — что не устраивало ни Симеона, ни, возможно, Ивана [Фроянов 1995б: 34–35]. Но главная причина в другом. «По нашему убеждению, — пишет исследователь, — события 1356 г. в Москве надо рассматривать с точки зрения политической борьбы вокруг вечевых институтов, в которую было вовлечено все московское общество от рядового люда до высокопоставленной знати во главе с великим

князем. Должность тысяцкого, руководившего вечевыми массами, клонилась к упадку» [Фроянов 1995б: 35]. Такое заключение нам представляется несколько преждевременным. Видимо, в 1356 г. в большей степени сказались корпоративная борьба (между боярами) и личностная «несовместимость» князей и тысяцкого. В пользу этого говорит то, что должность тысяцкого в Москве осталась и занял ее союзник Ивана Ивановича Василий Васильевич Вельяминов, вероятно, причастный к ликвидации Хвоста.

Должность московского тысяцкого была отменена в 1373 г. после смерти тысяцкого Василия Васильевича Воронцова-Вельяминова. В Москве Вельяминовы занимали, по словам М. Н. Тихомирова, «исключительно выдающееся место, породнившись с княжескими домами». Вместе с тем современники, говоря о кончине Василия Васильевича, называют его «последним тысяцким», что указывает на сознательное стремление великого князя «упразднить опасный пост тысяцкого» [Тихомиров 1947: 68–69]. Городское население было этим недоволено, поэтому были предприняты меры. Сына последнего московского тысяцкого Ивана Васильевича, которого князья опасались, «словили», привезли в Москву и в 1379 г. публично казнили. «И бе множество народа стояще, и мнози прослезиша о немъ и опечалишася о благородстве его и о величествии его» [ПСРЛ, т. XI: 45].

И. Я. Фроянов вновь отмечает политическое значение борьбы московского князя (на этот раз уже Дмитрия Ивановича) с институтом тысяцких: «Князь Дмитрий боролся не с частным лицом, а с общественным институтом», — пишет он [Фроянов 1995б: 36]. Делает он и окончательный вывод: «Ликвидация института тысяцких знаменовала... окончание соперничества двух начал власти: общинно-вечевой и монархической, в пользу последней» [Фроянов 1995б: 36] (см. также: [Алексеев 1998: 19–20]).

Думается, что и в случае с Иваном Васильевичем нельзя сбрасывать со счетов личностный фактор с явной политической подоплекой. Бежавший сын тысяцкого в конечном итоге оказывается в Орде, причем в Орде Мамай [ПСРЛ, т. XI: 43, 45]. Отсюда возможно предположение, что речь шла о внутривластной борьбе в Москве накануне открытого противостояния между протохатамышевской и промамаевой группировками.

Конечно, объективно окончательное упразднение должности тысяцкого повлияло на общинно-вечевой строй Московской земли. Но в 1370-е годы он еще не будет окончательно разрушен. Вечевая стихия, как мы знаем, проявит себя в Москве и в середине XV в.

Вместе с тем нельзя забывать, что тысяцкие были не только в Москве, но и в других землях средневековой Руси. Причем там они упоминаются и позже 70-х годов XIV в.

Тысяцкие существовали и в Твери. Известно, что тверские тысяцкие — бояре Шетневы (Михаил Шетнев, его сын Константин и внук Иван Константинович) участвовали в восстании 1327 г. [Воронин 1944; Клюг 1994: 119]. Важным для понимания значения этого института земской власти является обстоятельство, подмеченное Н. Н. Ворониным: «Тверской тысяцкий поставил свой храм не в Кремле, где были княжеская усыпальница — Спасский собор — и княжеская дворцовая церковь Михаила Архангела, а вне Кремля, на Загородном посаде “старой, богатой Твери”, как бы подчеркивая этим свою социальную связь с демократическими слоями городского населения» [Воронин 1944: 77]. Должность тысяцкого существовала в Нижнем Новгороде в 60-е годы XIV в. В 70-е годы этого же столетия тысяцкий по имени Василий был в Костроме. О тысяцких известно в связи не только с крупными городскими центрами Северо-Восточной Руси, но и с малыми городами, например в Тверской земле. По «Инока Фомы слову похвальному...», «тысяшники земские» упоминаются в середине XV в. в Кашине [Сахаров 1959: 211–212, 215].

Последнее обстоятельство обратило на себя внимание А. М. Сахарова. «Не возник ли вновь, — ставит он вопрос, — в обстановке феодальной войны институт выборных тысяцких в городах, о котором случайно сохранилось лишь это глухое упоминание? Даже если это не выборные тысяцкие, а назначавшиеся, то и это очень интересно...» [Сахаров 1959: 215]. Думается все-таки, упоминание кашинских «тысяшников земских» свидетельствует не о «возникновении вновь» института тысяцких, а о его постепенном затухании в условиях повсеместного угасания общинно-вечевого строя.

Военная организация. В исторической литературе сложилось устойчивое мнение о феодальном характере военной организации Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. Безусловно, это исходит из при-

знания того, что таковым — феодальным — было и все общество. Так, Е. А. Разин писал, что «вооруженная организация великого Московского княжества была военной организацией господствующего класса феодалов-землевладельцев» [Разин 1957: 257].

В этой связи большое значение имеют работы А. Н. Кирпичникова, на большом археологическом и летописном материале показавшего ту роль, которую играло средневековое русское ополчение [Кирпичников 1976; 1985]. Обратимся и мы к источникам.

Обычная летописная формулировка, с которой начинается рассказ о затевавшейся военной операции, звучит так: тот или иной князь «собра воя многа» — с теми или иными синонимическими изменениями [ПСРЛ, т. XV: стб. 408 («поимъ воа многы»), 478; ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 72–73, 75 («собралъ былъ рать»), 78, 85, 89 («нача съвокупляти воя»), 104, 110 («собрав всю силу»), 118, 182 и др.]. Несмотря на всю свою краткость, эта формула вобрала в себя суть военной организации на Руси XIII–XV вв. Здесь два действующих лица: князь и «вои». Князь выступает, как и в прежнее время, главным военачальником. Вместе с ним непременно выступают ополченцы — «вои». Встречается и другое наименование ополчения — полк. «Вои» и «полк», по всей видимости, лексически взаимозаменяемы. Так, в 1316 г. «князь великий Михайло, поимъ воа многы, иде къ Новгороду... и многа пакость бысть полку его» [ПСРЛ, т. XV: стб. 408].

Как происходил сбор средневековых русских ратников-ополченцев? Летописи дают нам такую информацию. Во-первых, созыв ополчения осуществляет князь. Во-вторых, «вои» могли собираться со «своея отчины» [ПСРЛ, т. XV, вып 1: стб. 72–73, 78], «по всему княжению великому» [ПСРЛ, т. XV, вып 1: стб. 89, 104], с «русских городов» и «от своих градов» [ПСРЛ, т. XV, вып 1: стб. 110], имеются и прочие указания на территориальную принадлежность [ПСРЛ, т. XV: стб. 409, 414].

А. Н. Кирпичников в этой связи отмечает, что в период зрелого Средневековья одним из главнейших принципов организации войска был территориальный. «Набор людей на военную службу осуществлялся по княжествам, вотчинам, городам. Воины подчинялись своим командирам, строились под местные знамена, носили, возможно, различные по цвету одежды или знаки отли-

чия» [Кирпичников 1985: 232–233] (см. также: [Соловьев 1988, т. 3–4: 500]). На войны, будь это столкновения между русскими городами или с внешними врагами, князья выходили «коиждо ис своих градов съ своими полки, служачи великому князю», а самостоятельные князья просто «с своими полками» [ПСРЛ, т. XXVI: 122; Тихомиров 1955б: 18]. В московско-тверской войне 1375 г. принимали участие полки суздальские, ярославские, ростовские, серпуховско-боровский, кашинский, городецкий, стародубский, белозерский, моложский и т. д. Общая численность войска городов-земель составляла 22 отряда. Еще большее количество их собралось на Куликовом поле. По подсчетам А. Н. Кирпичникова, не менее 36 городов и областей послали свои войска на Дон. Чуть менее — 29 — было представлено в походе Дмитрия Ивановича на Новгород в 1386 г. [Кирпичников 1985: 238–240].

На территориальный принцип формирования войска указывает и обозначение полков: «Москвичи», «Дмитровци», «мужи Тверичи и Кашинци», а еще ранее — «Тферичи», «Волочане», «Новоторжъци», «Зубчане», «Роживичи» [ПСРЛ, т. XV: стб. 111, 367, 476, 478, 410; т. I: стб. 483].

Как видим, в XIV в. (и позже — в XV в.) так же, как и в XI–XII вв. [Фроянов 1980: 201], существовали полки по территориальной принадлежности. При необходимости они объединялись в крупные воинские соединения.

Князья, по-прежнему оставаясь военными лидерами земель, иногда заключали договоры о союзнических действиях войск. В dokonчании 1375 г. между московскими и тверскими князьями в числе прочего оговариваются такие возможные действия: «А где ми буде, брате, поити на рать, или моему брату, князю Володимеру Ондреевичу, всести ти с нами самому на конь без хитрости. А пошлем воевод, и тебе и своих воевод послати» [ДДГ: 26 (№ 9)]. Видимо, с подобными договорами связана военная помощь, посланная в 1377 г. в Нижегородско-Суздальскую, а затем в 1378 г. в Рязанскую земли. В целом же «система включавших военные статьи договоров стала нормой взаимоотношений столицы (Москвы. — Ю. К.) сначала с уделами, а затем и с формально независимыми княжествами и землями» [Кирпичников 1985: 231, 236–237] (ср.: [Алексеев 1998: 21]).

Кроме князей руководство войском или его частями возглавляли воеводы¹⁵⁰. Так, на царевича Арапшу в 1377 г. Дмитрий Иванович послал «воеводы своя, а съ ними рать...», так же и суздальский князь с сыном Иваном и князем Семеном Михайловичем шлет «воеводы и воя многи». Военными действиями должны были руководить «старейшины или князи ихъ, или бояре старейшии и велможи, или воеводы» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 118]. Через год на Воже одним из отрядов командовал «Тимофеи околничии» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 134]. Привлекают внимание здесь «старейшины». Не скрываются ли под этим архаизмом какие-то земские военачальники?

Относительно некоторых «сборов» мы имеем более пространные известия, проливающие свет на внутреннюю «механику» войсковой организации в целом.

В 1368 г. при получении известия о походе Ольгерда (вместе с Михаилом Александровичем Тверским) «ратию къ Москве» Дмитрий Иванович «повеле въскоре россылати грамоты по всемъ городомъ, и по всему княжению великому нача съвокупляти воя, но ничто же успеха, не поспела бо тогда никотораа рать изъ дальнихъ мествъ приити. Но елико воинъ обретошас[я] тогда въ граде, сихъ отобравъ князь великий и отпусти въ заставу противу Олгерда, еже есть сторожевыи плъкъ, а воеводство приказано Дмитрию Минину, а отъ князя отъ Володимера отъ Андреевича воевода Акинфъ Федорович[ь], нарицаемый Шуба, а съ ними рать Московская, Коломенская, Дмитровская» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 88–89]. Также и в 1380 г. «князь великий же по всемъ землем посла со смирением и умилением, собирал всякия человеки в воинство» [ПСРЛ, т. XI: 51].

Другая ситуация относится к 1409 г., когда из-за хитросплетений хана Едигея в Москве возникла военная тревога. После прихода посла от Едигея «князь же и вси людие въ недоумении бывше, не башеть бо правыя вести или будетъ рать, или не будетъ. Темъ же ни воя сбирахуть и отпустиша къ Едегееви единого отъ велможъ, Юриа именемъ, давшу ему дружину, да аще будетъ рать въскоре да

¹⁵⁰ О роли и месте воевод в военной организации XIV–XV вв. см.: [Кирпичников 1985: 16–18, 21–26 и др.].

отъсылаеть». По приближении Едигея «Василии же не успе ни мала дружины собрати, градъ осади, въ немъ оставя дядю своего князя Володимера и брата князя Андрея и воеводы, а самъ со княгинею и съ детми отъеха къ Костроме» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 182].

В обоих случаях нас интересуют не столько конкретные подробности и детали (оба военных предприятия закончились неудачно), сколько то общее, что было характерно в деле организации военного похода или обороны. Здесь мы вновь должны заметить определяющую роль князя, но и «людья», принимающего на деле активное и деятельное участие в сборе ополчения. В обоих приведенных случаях князь обращаются к горожанам, а возможно, и волощанам. Как это могло происходить? Мы можем предположить, что без вечевых собраний дело не обходилось. Хотя, видимо, вече уже не так часто, как в Киевской Руси, распоряжалось народным ополчением. Но, с другой стороны, без ополчения князь не ходят в походы, не вступают в решающие сражения. Как и в XI–XII вв., «основная тяжесть войн... ложилась на плечи “воев”» [Фроянов 1980: 200].

Самостоятельность в организации активного отпора противнику пытались проявить и костромичи. Когда в 1374 г. новгородские ушкуйники подошли к Костроме, «граждане же изыдоша изъ града противу, собрашася на бои, а воевода же у нихъ бяше тоже и наместник Плещеевъ». «Горожан Костромичъ» было «много боле пяти тысущъ», а новгородцев «с полторы тысущи». Правда, ни воевода, ни «вои» не проявили лучших качеств: «виде бывшее (ушкуйники атаковали Кострому с тыла и с «лица». — Ю. К.) и убояся, нача бежати (воевода. — Ю. К.) ни самъ на нихъ ударилъ, ни рати своей повелель...» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 113–114].

Какое внутреннее деление имело место в средневековом русском войске? В этой связи Л. В. Черепнин анализирует сведения под 1374 г., когда Дмитрий Иванович идет походом против Твери. Князь «собравъ всю силу русскихъ городовъ и съ всеми князми русскими совокупяся... пошелъ ратию къ Тфери, воюя волости Тферьския... а съ нимъ князи мнози, кождо отъ своихъ градовъ... съ своими ратьми и служаще князю великому», а еще ниже летописец все войско обобщенно называет «Москвичи» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 110–111].

Л. В. Черепнин, исходя из этих данных, делает следующий вывод: «военные силы, отправленные московским правительством под Тверь, состояли из двух частей: 1) из городских ополчений; 2) из отрядов военных слуг, приведенных отдельными русскими князьями, действовавшими в союзе с великим князем московским»¹⁵¹ [Черепнин 1960: 578]. Первый вывод ученого не подвергается никакому сомнению, и он усиливает его, подчеркивая, что «торгово-ремесленное население городов Северо-Восточной Руси поддерживало московскую великокняжескую власть» [Черепнин 1960: 578]. Но вот второй его вывод никак не следует из текста летописи. О «службе» говорится только в отношении князей к «князю великому». Что же касается «отрядов военных слуг», то их не было, а были «князи кождо от своих градов с своими плъкы», то есть опять мы возвращаемся к городским ополчениям от более мелких русских городов.

И тем не менее в том, что какие-то «профессиональные» отряды, как в Древней Руси княжеские дружины, были, с Л. В. Черепниным следует согласиться. На это указывает следующий фрагмент: в неудачном сражении на Пьяне утонули «множество бояръ и слугъ и народа бещислено» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 119].

Видимо, со «служебными» княжескими отрядами и была связана «военная реформа» 1389 г., когда «был проведен новый (территориальный) принцип формирования военных сил в противоположность старому (служебному)» [Черепнин 1960: 653]. В чем он заключался? По Л. В. Черепнину, обратившему на это внимание, в следующем: «Если раньше бояре и вольные слуги отправлялись в походы независимо от места расположения своих владений, под “стягом” того князя, кому служили, то теперь они должны были подчиняться в походе воеводам того князя, на территории которого были расположены их вотчины». Л. В. Черепнин говорит по этому поводу о централизации вооруженных сил в руках княжеской власти. Но кроме этого и, видимо, главным здесь выступал все-таки фактор мобильности при сборе войска. Однако, как бы

¹⁵¹ Так же считает и А. М. Сахаров: «Кажется, что здесь особо отделены городские ополчения от обычных княжеских дружин» [Сахаров 1959: 228].

то ни было, новый порядок не состоялся [Черепнин 1960: 653–654] (см. также: [Алексеев 1998: 26–27]).

В 30-х годах XV в. в качестве военной единицы наряду с «воями» упоминается «двор». «Двор», пишет Ю. Г. Алексеев, представлял собой «совокупность служилых людей великого князя в противоположность ополчению». Но «двор» XV в. — это не новация. Ю. Г. Алексеев замечает, что в «таком смысле “двор” неоднократно упоминался и раньше», и приводит примеры из XII–XIII вв. [Черепнин 1960: 54–55].

С древнерусским войском средневековое сближает и то, что в нем практически отсутствовали сословные ограничения. Наряду с дворянами, детьми боярскими, вольными слугами территориальные отряды XIV–XV вв. состояли из представителей посадского населения — черных людей: купцов и ремесленников, «смердов», «холопов» и «челяди». Более того, утверждает А. Н. Кирпичников, именно «торгово-ремесленные слои во многом определяли состав популярных с XIV в. городских полков». «Роль демократических городских низов повышалась при экстренных мобилизациях и при созыве (начиная со второй половины XIV в.) общерусского войска» [Кирпичников 1976: 12; 1985: 234]. Так, на Куликово поле «приидоша много пешаго воинства, и житейстии мнози людие и купци со всехъ земель и градовъ» [ПСРЛ, т. XI: 56; Забелин 1881: 748–749; Тихомиров 1955б: 17]. Следовательно, русское средневековое войско, как и войско Древней Руси, не представляло собой замкнутого или привилегированного образования, оно было открыто для всех категорий населения [Фроянов 1980: 203–208; Дворниченко, Кривошеев 1992: 6].

А. Н. Кирпичников справедливо критикует тех исследователей, которые недооценивают роль ополчения в составе территориального войска. «При всей социальной пестроте войско XIV в. не было сборищем как попало снаряженных людей», это не была «плохо вооруженная и обученная толпа»¹⁵² [Кирпичников 1976: 234–235; 1985: 12].

¹⁵² Такой же видел «средневековую рать» М. Н. Тихомиров: «Средневековый ремесленник и купец, как всякий свободный человек, был боевой единицей и умел владеть оружием» [Тихомиров 1957: 96].

Действительно, из летописей мы узнаем о вооружении ополченцев. Рязанцы перед битвой с москвичами в 1371 г. говорили друг другу так: «Не емлите съ собою доспеха, ни щита, ни копия, ни иного оружия...» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 98]. Летом 1377 г. разморенное на жаре русское воинство (а «пример» показало военное руководство) «доспехи своя въскладоша на телеги а ины въ сумы, а у иныхъ сулицы еще и не насажены бяху, а щиты и копия не приготовлены»¹⁵³ [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 118]. О такого же типа вооружении свидетельствует сообщение о сражении 1378 г. на Воже, когда «наши» «бьючи ихъ, секучи и колючи» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 134] (см. также: [Разин 1957: 258]). Наконец, кроме конкретных указаний на вооружение «воев», в летописях говорится о ратниках как о вышедших «в силе тяжце» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 78]. Видимо, здесь тоже речь идет об их воинской готовности в части снаряжения и «оружности». Об умении обращаться не только с примитивным «оружием», но и с новым вооружением свидетельствуют данные об обороне Москвы в 1382 г., когда горожане «стреляюще и камениемъ шибаяще, и самострелы напязаяюще, и пороки, и тюфяки; есть же неции и самыя тья пушки пущаху на нихъ (монгольское войско Тохтамыша. — Ю. К.)» [ПСРЛ, т. XI: 75] (см. также: [Тихомиров 1957: 97]).

Таким образом, простые ратники не уступали знати и их людям ни в экипировке, ни в войсковой дисциплине, ни в умении сражаться. «Вплоть до конца XV в. пехота играет важную роль в сражениях», а основа пехоты — «ополченцы» [Кирпичников 1976: 12; 1985: 234–235].

Возможно, что часть «воев» в боевых действиях выступала на конях. Об этом есть весьма оригинальное сообщение, связанное с битвой 1376 г. под Болгаром. Защищая его, «инии выехаша на вельблудехъ, кони наши полошающе, наши же никако же устрашаются грозы ихъ, но крепко противу стаха на бои и устремишася нань единодушно и скочиша на нихъ...»¹⁵⁴ [ПСРЛ, т. XV,

¹⁵³ Н. Храмцовский также видит здесь «простых воинов» [Храмцовский 1957: 26].

¹⁵⁴ С болгарского населения была взята контрибуция. Интересно, что в летописи она расписана постатейно, что является редкостью. Великий князь Дмитрий Иванович и Дмитрий Михайлович Волынский получили по 2000 рублей, «а вое-

вып. 1: стб. 116]. В преддверии Куликовской битвы, после переправы через Оку Дмитрий Иванович беспокоился, что у него было мало «пеших рати». Обративший на это обстоятельство внимание Е. А. Разин верно заключает, что в русской рати-ополчении преобладала конница [Разин 1957: 278].

Обращаясь к проблеме «народа и войска», И. Я. Фроянов писал, что в Киевской Руси «военная сила и общественная власть еще не оторвались друг от друга, составляя единое целое» [Фроянов 1980: 185]. Безусловно, Русь XIV–XV вв. — это не Русь XI–XII вв., в том числе и в военном отношении. Но многое из того, что было отмечено для Древней Руси, сохранялось и в Московской Руси¹⁵⁵.

А. Н. Кирпичников подчеркивает, что монгольское вторжение (равно как и иные) не прервало развитие военного дела, многие элементы которого восходят к периоду Древней Руси. Думается, не будет преувеличением сказать, что организация войска XIV–XV вв. оставалась в рамках военной системы городов-государств¹⁵⁶. И лишь в XVI в. основу уже общерусской армии составит служилое войско¹⁵⁷ [Кирпичников 1976: 13]. Впрочем, поместное войско, хотя и строилось на иных принципах, нежели ополчение, оставалось притом земским войском, поскольку и сами дворяне представляли собой местную земскую власть. Что касается горожан, то они входили в войско и в последующее время¹⁵⁸.

водамъ и ратемъ 3000 рублев» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 116]. Слово «рать» тоже обозначало, как пишет С. М. Соловьев, «городовые полки», составленные из городских жителей [Соловьев 1988, т. 3–4: 500].

¹⁵⁵ В этой связи интересно наблюдение Ю. Г. Алексева об «уряживании» «коемуждо полку воеводу» прямо на поле «на глазах всего войска». «Так, вероятно... поступали князья издревле», — полагает исследователь [Алексеев 1998: 24–25].

¹⁵⁶ Выдающееся значение средневекового ополчения следовало и из того, что, по авторитетному мнению Ю. Г. Алексева, тогда «постоянной организации боеготовых войск... не существовало» [Алексеев 1998: 16, 17, 29, 53, 55 и др.].

¹⁵⁷ «Принципиальные изменения в характере военного руководства» наблюдаются уже в конце 60-х годов XV в. [Алексеев 1998: 91–92].

¹⁵⁸ «Городовые полки» набирались из горожан. «Ядром войска, — пишет Е. А. Разин, — была так называемая “московская рать”, то есть полки, укомплектованные ремесленниками, купцами и другими жителями Москвы» [Разин 1957: 296].

«ТАТАРСКИЙ СЛЕД» МОСКОВСКИХ ТЫСЯЦКИХ ВЕЛЬЯМИНОВЫХ

События, предшествовавшие Куликовской битве, в литературе принято рассматривать, как правило, с масштабным обобщением происходившего на Руси, в Орде и Литве в 60–70-х годах XIV в. Но при этом иногда растворяются детали, которые являются отнюдь не лишними при составлении общей картины кануна Куликова поля.

Один из таких сюжетов связан с московскими внутривнутриполитическими делами, которые имели и внешнеполитический выход. Речь идет об отношениях князей-Калитовичей с московскими тысяцкими.

В литературе они преимущественно трактуются как борьба за власть между московскими боярскими группировками, а также между князьями и боярами-тысяцкими. В конечном итоге, упразднив институт тысяцких, верх одерживают князья. Здесь ряд ученых видит одновременно и победу княжеской власти как монархического института над тысяцкими как представителями сохранявшегося института веча [Черепнин 1948: 20–23 и др.; 1960: 436–437, 546–548, 576–577, 586; Тихомиров 1957: 170–174; Веселовский 1969: 213–218; Скрынников 1991: 24–31; Фроянов 1995б: 32–36; Михайлова 1996: 274–276; Алексеев 1998: 19–20; Кривошеев 1999: 332–335; Хорошкевич 2003: 173].

Но в этом внутримосковском княжеско-тысяцком противостоянии замечается и несколько иной уклон, выводящий нас на ордынскую тему. В целом и о таком повороте дела писалось, но в кон-

тексте более широко, без особой акцентации [Черепнин 1948: 22, 23 и др.; 1960: 546–548; Борисов 1986: 81; Скрынников 1991: 27–31]. Вместе с тем выделение этого вопроса в самостоятельную плоскость позволяет уточнить некоторые обстоятельства, предшествовавшие Куликовскому сражению. Однако для этого необходимо вернуться на два десятилетия назад.

Под 1356 годом ряд летописей помещает следующее известие. «Тое же зимы на Москве вложишетъ дьяволъ межи бояръ зависть и непокорство, дьяволимъ наоучениемъ и завистью оубьень бысть Алексии Петрович[ъ] тысяцкий месяца февраля въ 3 день, на память святаго отца Семеона Богоприемца и Анны пророчици, въ то время егда заоутренюю благовестять, оубиение же его дивно некако и незнаемо, аки ни отъ ко[го]же, никимъ же, токмо обретеса лежа на площади». Сообщаются и некоторые обстоятельства убийства московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста: «Неции же рекоша, яко втаю светъ сотвориша и ковь коваша нань и тако всехъ общемоу доумоу, да яко же Андреи Боголюбьи отъ Кучьковичъ, тако и сии отъ своеа дружины пострада». Наконец, следует и недвусмысленный намек на заговорщиков и исполнителей преступления: «Тое же зимы по последьнемоу поути болшии бояре Московьские того ради оубиства отъехаша на Рязань съ женами и зъ детьми» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 65]¹⁵⁹. Статья 1358 г. Никоновской летописи уже называет их имена, связывая с деятельностью московского князя: «Князь велики Иванъ Ивановичъ, внукъ Даниловъ, прииде изо Орды, и перезва къ себе паки дву бояриновъ своихъ, иже отъехали были отъ него на Рязань, Михайло и зять его Василей Васильевичъ» [ПСРЛ, т. X: 230]. Л. В. Черепнин замечает, что последний, «как можно думать, — Вельяминов, бывший тысяцкий Семена Ивановича» [Черепнин 1948: 22].

Сравнивая приведенную летописную информацию с текстом договорной грамоты Семена с братьями (датируемую 1350–1351 гг.), Л. В. Черепнин предлагает понимать «характер боярских интриг как соперничество сторонников ордынской ориентации, — с одной стороны, сближения с Литвой — с другой за руководство во-

¹⁵⁹ Никоновская летопись добавляет при этом, что «бысть мятежь велий на Москве того ради убийства» [ПСРЛ, т. X: 229].

енными силами Московского княжества» [Черепнин 1948: 22]¹⁶⁰. Не случайным было и бегство Василия Вельяминова именно в Рязань, ибо «Рязанская земля была тесно втянута в орбиту влияния, с одной стороны, литовского, с другой — ордынского»¹⁶¹ [Черепнин 1948: 22–23].

Таким образом, пребывание и деятельность на посту московского тысяцкого прямым образом можно связывать с внешнеполитической ориентацией правящего московского князя. Известно, что Семен Иванович проводил политику в интересах Орды¹⁶², а «близкий ко двору князя Ивана Ивановича» боярин Алексей Петрович Хвост был «противником военно-политического руководства со стороны князя Семена Ивановича» и, не будучи еще тысяцким, но «пользуясь покровительством князя Ивана Ивановича, вел интриги против его старшего брата» [Черепнин 1948: 21]. При Семене Ивановиче тысяцким был известный по договорной грамоте Василий. «Надо думать, — полагает Л. В. Черепнин, — что это Василий Васильевич Вельяминов»¹⁶³ [Черепнин 1948: 21].

Однако «после смерти в 1353 г. Семена Алексею Петровичу удалось восстановить свое положение»¹⁶⁴. В 1357 г., как видно из летописного известия о его насильственной смерти, он был тысяцким. Можно предполагать, что в своей борьбе за власть Алексей Петро-

¹⁶⁰ В другой работе Л. В. Черепнин развил эти соображения: «...это недовольство выразилось, вероятно, во-первых, в критике московского правительства за его стремление удовлетворить денежные запросы Орды, что приводило к отягощению поборами русского населения (прежде всего горожан). Во-вторых, по всей вероятности, оппозиционным боярством ставился вопрос относительно того, что великий князь неумело руководит военными силами и это приводит его к подчинению всем требованиям Орды и вообще к пассивности в области внешней политики» [Черепнин 1960: 546].

¹⁶¹ Л. В. Черепнин также замечал, что «вероятно, у московских и рязанских бояр был предварительный сговор» [Черепнин 1960: 547].

¹⁶² Явно стущая краски, Г. В. Вернадский писал, что он «раболепствовал перед ханом, как и его отец» [Вернадский 1997а: 212].

¹⁶³ По С. Б. Веселовскому это другой Вельяминов — Василий Протасьевич, отец Василия Васильевича [Веселовский 1969: 213].

¹⁶⁴ С. Б. Веселовский пишет, что это произошло раньше, когда он «...в 1347 г. ездил с Андреем Кобылой, по поручению великого князя Семена, в Тверь к великому князю Александру за его дочь, невестой великого князя. После этого он был пожалован в тысяцкие...» [Веселовский 1969: 244].

вич находил опору в среде горожан, чему не могла не содействовать его оппозиция политическим мероприятиям покойного князя Семена Ивановича, в интересах Орды усиливавшего налоговый гнет» [Черепнин 1960: 547].

Таким образом, Алексей Петрович Хвост был противником проордынской политики московских князей, Василий Васильевич Вельяминов, напротив, ее сторонником. Л. В. Черепнин попытался и более широко подойти к вопросу: «составить представление о расстановке сил среди московского боярства». Для этого он разделил его на две группы (своеобразные «партии»). «Группа Алексея Хвоста проводила курс на укрепление Московского княжества, усиление его военных сил и постепенное освобождение его политики от опеки Орды. Группа Василия Васильевича Вельяминова, бывшего тысяцким при князе Семене, надо думать, отстаивала линию подчинения Орде и была против активизации внешней политики Московского княжества» [Черепнин 1960: 547–548].

После гибели Хвоста, оставшись без весомой опоры, Иван Иванович был вынужден смириться с ситуацией: после поездки в Орду он «решил действовать в соответствии с ордынской политической ориентацией своего предшественника» [Черепнин 1948: 23] (ср.: [Веселовский 1969: 215]). При этом, как мы видели, Василий Вельяминов был возвращен из рязанского изгнания. Должность тысяцкого возвратилась в клан Вельяминовых еще без малого на двадцать лет¹⁶⁵.

Итак, тысяцкие Вельяминовы — явные сторонники курса на сближение с Ордой. Почему? Видимо, они исходили не только из политических¹⁶⁶, но и своих торгово-экономических интересов, то есть прямой клановой выгоды¹⁶⁷. Такое объяснение, как нам

¹⁶⁵ Их предок — Протасий Федорович — был московским тысяцким еще при Иване Калите [Веселовский 1969: 212].

¹⁶⁶ «Надо полагать, что исключительное положение тысяцких в Москве определялось именно должностью, местом в структуре управления...» [Алексеев 1998: 19].

¹⁶⁷ Вельяминовы являлись и крупными землевладельцами, что отмечает-ся актовым материалом [ДДГ: 27 (№ 9)]. См. также: [Кучкин 2003: 208; Веселовский 1969: 220–223].

представляется, подтверждают события уже середины — второй половины 70-х годов.

В сентябре 1374 г. «преставися на Москве последний тысяцъ-кыи Василии Василиевъ сынъ Велиаминовича» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 108]. В следующем 1375 г. «съ Москвы о великомъ заговении (5 марта)¹⁶⁸. — Ю. К.) приехалъ въ Тверь къ великому князю Михаилу Иванъ Василиевич[ъ] да Некоматъ на христианскую напасть¹⁶⁹ на Федорове неделе послалъ ихъ въ Орду, а после ихъ о средокрестии поехалъ въ Литву и тамо пребывъ въ Литве мало время приехалъ въ Тферъ» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 109–110]. Никоновский свод поясняет, что один из бежавших — «Иванъ Васильевъ сынъ тысяцкаго, внукъ Васильевъ, правнукъ Веняминовъ» [ПСРЛ, т. XI: 22].

Конечно, Иван Васильевич Вельяминов ушел в Тверь, обиженный и недовольный тем, что не был провозглашен новым тысяцким, то есть по политическим мотивам [Борзаковский 1994: 162; Вернадский 1997а: 260; Черепнин 1960: 576; Веселовский 1969: 216; Алексеев 1998: 20]. Но упоминание его компаньона — Некомата — дает нам возможность выдвинуть и другие предположения его ухода из Москвы¹⁷⁰.

¹⁶⁸ [Прохоров 1978: 34]. Э. Клюг дает другую дату — 4 марта [Клюг 1994: 242]; см. также: [Кучкин 2003: 218].

¹⁶⁹ Согласно Московскому своду — «на крестьянскую пагубу» [ПСРЛ, т. XXV: 190]. Софийская первая летопись комментирует здесь так: «Се же писах то[го] ради, понеже оттоле възгореся огонь» [ПСРЛ, т. VI, вып. 1: стб. 445].

¹⁷⁰ «Позиция Некомата была типичной для наиболее богатых кушцов, имевших дело с Крымом. Некоторые бояре тоже сомневались в мудрости политики князя Дмитрия Ивановича. Один из них, Иван Вельяминов... бежал с Некоматом. Безусловно, были и другие, кто, оставаясь лояльными князю Дмитрию Московскому, не одобряли его действий» [Вернадский 1997а: 262–263]. Думается, что Г. В. Вернадский преувеличивал значение и влияние купечества на принятие политических решений московскими князьями. С. Б. Веселовский считает, что во всей этой интриге виноват «Брех Некомат». «Некомат был богатым человеком, имел в Московском княжестве вотчины и по своей профессии сурожанина-гостя знал хорошо дороги в Орду и в Крым, с которыми постоянно поддерживал деловые связи. Своими речами и предложением помощи в Орде Некомат соблазнил Ивана Васильевича на дерзкое предприятие — вмешаться в борьбу тверского князя Михаила с московским князем за великокняжескую власть» [Веселовский 1969: 217].

«Некомат — личность несколько загадочная», — писал Г. М. Прохоров, верно полагая, что «из его прозвища следует, что он был связан с городом Сурожем (Сугдеей, Судаком) — итальянской торговой колонией в Крыму» [Прохоров 1978: 32; Вернадский 1997а: 260]. Оставив в стороне этническое происхождение Некомата (об этом см.: [Прохоров 1978: 33–34]), отметим, что «гости-сурожане» представляли собой на Руси прежде всего верхушку международного купечества. Важное наблюдение приводил В. Е. Сыроечковский, писавший, что «торговые связи Москвы с итальянскими колониями, по всей вероятности, создались в XIV в. и были следствием ее золотоордынских связей» [Сыроечковский 1935: 18]. Отсюда и отмечаемая не без основания рядом ученых причастность их к дипломатическому делу [Сыроечковский 1935: 25–26; Преображенский, Перхавко 1997: 105–106].

Возвращаясь к Некомату, отметим, что, по Прохорову, в условиях наступившего «розмирья» Москвы с «Мамаевой ордой» он «должен был терпеть большие убытки»¹⁷¹ [Прохоров 1978: 34]. Видимо, поэтому он и пустился в бега, уповая на большую покладистость тверского князя¹⁷².

Далее события разворачиваются стремительно. «Едва ли не в день прибытия перебежчиков в Тверь, 5 марта, князь Михаил послал их в Орду к Мамаю, а сам “после их о средокрестии (т. е. в середине Великого поста, 25 марта) поехал в Литву”. Какие-то новости, принесенные Иваном Вельяминовым и Некоматом Сурожанином великому князю Михаилу Александровичу, подействовали на него так, что он тут же связался с татарами и обратился к Литве. Дальнейшие события показывают, что новостью этой было обещание

¹⁷¹ «Можно не сомневаться в том, что Некомат имел сторонников среди купеческих кругов и что затронуты были крупные купеческие интересы, по нашему предположению, интересы гостей, торговавших с Сурожем, для которых поддержание мира с Золотой Ордой было делом чрезвычайно важным, так как дорога из Москвы к Черному морю шла по золотоордынской территории» [Тихомиров 1957: 173]. «Видимо, реформа (ликвидация института тысяцких. — Ю. К.) задела и интересы крупнейшего купечества», — обобщая ситуацию, пишет А. Л. Хорошкевич [Хорошкевич 2003: 173]. Все это могло быть, но ведь никто, кроме Некомата, никуда больше не уехал.

¹⁷² По Э. Ключу, «купца Некомата могли привлечь в Тверь ключевая географическая позиция этого города и хорошие связи с Литвой» [Ключ 1994: 210].

Мамая дать ярлык на великое княжение Владимирское, которым владел тогда Дмитрий Иванович Московский, ему, тверскому князю Михаилу»¹⁷³ [Прохоров 1978: 34–35].

Ряд ученых думают так же, как и Г.М. Прохоров. Но, судя по скорости принятия и выполнения решений, прибытие беглецов в Тверь для князя Михаила Александровича не было неожиданностью. Скорее всего, их появление здесь и дальнейшие действия были тайно оговорены заранее. Тем более связанные с повышением статуса тверского князя, что не решается в одиночку. Однако в данном случае нас интересуют не княжеские дела¹⁷⁴, а сам факт

¹⁷³ Более детально эту ситуацию в свое время рассмотрел В.С. Борзаковский: «Иван Васильевич был человек, обращавшийся в тогдашнем московском боярском кругу, и потому мог знать такие обстоятельства, которые другим были неизвестны. Он мог знать и о какой-либо думе Московского князя и его бояр относительно Орды, мог также слышать о каких-либо требованиях Мамай. Все это Иван Васильевич мог передать Тверскому князю и притом в преувеличенном виде. Кроме того, в Москве тогда проживал Кашинский князь, Василий Михайлович, только что перед тем бежавший из Твери в Москву; конечно, он явился к Дмитрию Ивановичу не с какими-либо дружелюбными замыслами относительно Тверского князя, а, без сомнения, в Москве жаловался на Михаила и против него просил себе защиты у Дмитрия: может быть, даже Дмитрий его и обнадежил. И это мог передать Иван Вельяминов Тверскому князю. Трудно объяснить, почему Некомат-сурожанин также удалился в Тверь; но про него можно предположить, что он, как торговец южными товарами, мог бывать и в Орде, и в домах московских бояр; а может быть, даже и у самого Московского князя, следовательно, он также мог кое-что слышать и знать, а потом и передать Тверскому князю. Видно только, что они, приехавши в Тверь, и перетревожили, и обнадежили Михаила Александровича, потому что последний сейчас же начинает думать о новой войне и хлопотать о союзе против Москвы» [Борзаковский 1994: 162]. Позже, в начале XX в., по этому вопросу имела место и заочная дискуссия между М. А. Дьяконовым и В. Е. Сыроечковским. «Видя в Некомате-сурожанине одного из представителей такого купечества (обладавшего “известным капиталом в его денежной форме” — Ю. К.), М. А. Дьяконов предполагает, что помощь Некомата тверскому князю в деле добычи великокняжеского ярлыка в Орде заключалась в финансировании этого дела. Текст летописи не дает повода к такому предположению. С одинаковым правом мы можем допустить, что Некомат мог оказать помощь тверскому князю в силу того знания Орды и ее отношений, которое могло быть присуще купцам-сурожанам в силу их постоянных связей с Ордой» [Сыроечковский 1935: 35–36]; см. также: [Преображенский, Перхавко 1997: 102–103].

¹⁷⁴ В. А. Кучкин полагает, что с рассматриваемыми событиями связан и княжеский съезд, состоявшийся в марте 1375 г. в Переяславле. «Вполне возможно, —

отъезда сына московского тысяцкого со своим поделником в Мамаеву Орду.

«Потомъ тогда же месяца иуля въ 13 приехалъ Некомать изъ Орды съ бесерменьскою лестию съ посломъ съ Ажихожею во Тферь ко князю къ великому къ Михаилу съ ярлыки на великое княжение и на великую погыбель христианскую граду Тфери¹⁷⁵. И князь великий Михаилу, има веру льсти бесерменьской, ни мало не пождавъ, того дни послалъ на Москву ко князю къ великому Дмитрию Ивановичю, целование крестное сложилъ, а наместники послалъ въ Торжекъ и на Угличе поле ратию» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 109–110].

Новое княжеское столкновение было первым следствием удовлетворения властных амбиций Ивана Васильевича. Впрочем, сам виновник на Русь не возвратился, оставшись в Орде. Об этом свидетельствует Никоновская летопись, правда, обращаясь к чуть более поздним (1378 г.) событиям и называя Ивана Вельяминова тысяцким: «бе бо тогда Иванъ Васильевичъ тысяцкий во Орде Мамаеве, и много нечто нестроения бысть» [ПСРЛ, т. XI: 43]. Возможно, что «Мамай имел такого знающего консультанта, как Иван Васильевич Вельяминов», — отметил Г. М. Прохоров¹⁷⁶ [Прохоров 1978: 83]. Что же касается «нестроений», то, очевидно, имеются в виду и загадочные события, произошедшие в 1378 г.¹⁷⁷

«Того же лета, егда бысть побоище на Воже съ Бегичемъ, изнимаша на тои воине некоего попа отъ Орды пришедша Ивано-

пишет он, — что сам созыв съезда и был вызван этим бегством и угрозами, исходившими от посвященного во многие тайны Ивана Васильевича Вельяминова... Очевидно, что присутствовавшие на съезде русские князья должны были договариваться о каких-то совместных действиях или подтверждать прежние договоренности при изменившихся политических обстоятельствах, когда угроза военного вмешательства в русские дела Литвы и Орды становилась все более реальной» [Кучкин 2003: 218].

¹⁷⁵ Примечательно, что Софийская первая летопись слова «граду Тфери» опускает [ПСРЛ, т. VI, вып. 1: стб. 445]. А Никоновская вносит некоторое уточнение: Некомат «прииде... изъ Мамаевы Орды отъ Мамаея... съ ярлыки на великое княжение Володимерское» [ПСРЛ, т. XI: 22].

¹⁷⁶ Иван Васильевич «пользовался там званием тысяцкого» [Веселовский 1969: 217].

¹⁷⁷ Согласно С. Б. Веселовскому, «весьма возможно, что интригами Ивана Васильевича и Некомата объясняется набег татар 1378 г.» [Веселовский 1969: 217].

ва Василиевича и обретоша у него злыхъ зелей лютыхъ мешокъ, и изъпрашавше его и много истязавше, послаша его на заточение на Лаче озеро, идеже бе Данило Заточеникъ» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 135–136]. Один из списков Устюжских летописей уточняет и добавляет это сообщение Рогожского летописца: «На том же побоищи изымали попа рускаго, от Орды пришедша, и обретоша у него мех лютаго зелья. И посла его князь великий в заточенье на Лачь озеро в Каргополе, а мех з зелием сожгоша»¹⁷⁸ [ПСРЛ, т. XXXVII: 76].

Г. М. Прохоров прокомментировал это так: «В это лето напомнил о себе Иван Васильевич Вельяминов. Из Мамаевой Орды он послал в Московскую Русь своего доверенного человека, некоего попа. Того схватили и обнаружили у него “злых зелей лютых мешок”. Боярин-эмигрант хотел кого-то отравить? Попа, “много истязавше”, сослали на Лаче озеро, “иде же бе Данило Заточеник”. Неизвестно, что у него выпытали» [Прохоров 1978: 74]. Действительно, какое-либо рациональное объяснение дать этому трудно. Вызывает некоторое удивление лишь относительно мягкое великокняжеское наказание — ссылка в Каргополь¹⁷⁹.

Иное ждало его «сюзерена» — Ивана Васильевича Вельяминова. Всего через год — в 1379 г. «месяца августа въ 30 день на память святаго мученика Филикса, въ вторникъ до обеда въ 4 часъ дни оубиенъ бысть Иванъ Василievъ сынъ тысяцкаго, мечем потятъ бысть на Кучкове поле оу града оу Москвы повелениемъ князя великаго Дмитриа Ивановича» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 137].

Как обычно, более пространную информацию дает Никоновский свод. Оказывается, «того же лета поиде изъ Орды Иванъ Васильевичъ тысяцкий и, оболстивше его и преухитривъше, изымаша его въ Серпухове и приведоша его на Москву» [ПСРЛ, т. XI: 45].

Каковой могла быть цель возвращения Вельяминова? С. Б. Веселовский отмечал, что он «пробирался, вероятно, в Тверь» [Ве-

¹⁷⁸ Вологодская летопись соотносит это известие не с битвой на Воже, а с Куликовским сражением: «...и на том побоище поимали попа рускаго, а у него взяли мех, накладен зелей лютых смертоносных, и послаша его в заточение» [ПСРЛ, т. XXXVII: 167].

¹⁷⁹ По К. А. Аверьянову, Каргополь «был московским владением уже несколько десятилетий» [Аверьянов 2001: 164].

селовский 1969: 218]. «Если действия Вельяминова и на этот раз, как четыре года назад, отвечали политическим задачам Мамаю, то Вельяминов, очевидно, должен был как-то способствовать... восстановлению подчинения Руси Орде»¹⁸⁰ [Прохоров 1978: 102–103]. В этой связи Г. М. Прохорову возразил А. А. Горский: «Остается неясным, как это мог осуществить человек, изменивший московскому князю; очевидно, что посылка Вельяминова была антимосковской акцией» [Горский 2000: 95].

Что же касается гибели Ивана Вельяминова, то историки обычно отмечают, что это, во-первых, была первая публичная казнь в России, во-вторых, что с казнью последнего представителя рода тысяцких Вельяминовых укрепляется княжеская власть. Все это так. Но нет ли всей этой прослеженной нами более чем двадцатилетней вельяминовской истории другого объяснения? Не в татарских ли симпатиях тысяцких Вельяминовых кроется крах московских тысяцких как политической силы [Веселовский 1969: 218]? Не стечение ли обстоятельств привело к ликвидации существовавшего на Руси не одно столетие института тысяцких, к ослаблению традиционного земского строя в целом?

Казнен Иван Васильевич был как раз за связь с Ордой: в ней он жил последние годы, оттуда засылал «некоего попа» с «зельем». Из Орды его и выманили, поймав в Серпухове¹⁸¹, видимо, когда он тайно направлялся в Москву.

Накануне решающих событий, к которым готовилась Русь, вряд ли интриги, приведшие к откровенному предательству, могли найти поддержку. Этим обстоятельством и воспользовались Дмитрий Иванович и его окружение, ликвидируя и сам институт тысяцких, и физически потенциальных наследников тысяцкой структуры¹⁸².

¹⁸⁰ Впрочем, пишет также Г. М. Прохоров, «каковы конкретно были действия или намерения Вельяминова в 1379 г., мы не знаем» [Прохоров 1978: 103].

¹⁸¹ «К Серпухову подводила Ордынская дорога, по которой, можно думать, и проехал Иван Васильевич» [Прохоров 1978: 103].

¹⁸² Такая же участь постигла чуть позже и Некомата: в 1383 г. «убиень бысть некий брехъ, именемъ Некоматъ за некую крамолу бывшую и измену» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 149]. «Очевидно, в Москве считали этих отъездчиков особенно опасными, а потому и расправились с ними так круто», — полагал М. А. Дьяконов [Дьяконов 1912: 250].

Летописец так отреагировал на эти события: «На многи убо сатана сыны человеческиа изначала простре сети своя злодейственныа, и презорьство и гордости и неправды всели въ нихъ, и научи ихъ другъ на друга враждовати и завидети и влаstemъ не покарятися». Не молчал и народ: «И бе множество народа стояще, и мнози прослезыша о немъ и опечалишася о благородстве его и о величествии его» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 149]¹⁸³. Но не более... Русь стояла на пороге новых испытаний¹⁸⁴.

¹⁸³ «Вероятно, летописец отражает как раз настроения тех, кто, находясь на месте казни, сожалел о “благородстве” и “о величествии” казненного. Возможно, что сочувствовали И. В. Вельяминову представители крупного московского купечества вроде Некомата Сурожанина... Как раз в купеческой среде была распространена эта теория “закона любви”, смысл которой заключался в стремлении к достижению социального мира при сохранении социального равенства» [Черепнин 1960: 436–437].

¹⁸⁴ Здесь нельзя не упомянуть брата Ивана Васильевича — одного из знатнейших московских бояр Микулу Васильевича Вельяминова, избравшего другой путь служения Отечеству. Будучи коломенским наместником и воеводой передового (сторожевого) полка, он сложил голову на Куликовом поле, став одним из героев сражения [Мазуров 2001: 118–119, 154, 156–157]. Дядя Ивана Васильевича — Тимофей Васильевич — «во время Куликовского боя... стоял на Лопасне, для охраны тыла армии, вышедшей против татар» [Веселовский 1969: 216]. В походе к Куликову полю участвовало и «десять мужъ гостей московских сурожанъ», перечисленных поименно в «Сказании о Мамаевом побоище» [ПКЦ: 157, 209–210, 234, 271]; см. также: [Сыроечковский 1935: 24–25; Тихомиров 1957: 150–151; Преображенский, Перхавко 1997: 105–106].

«БАСМА ЛИЦА ЕГО»

События, связанные с окончанием даннической зависимости Руси от Орды, широко отражены в отечественной научной, популярной и художественной литературе. Мимо них не прошли и представители русского изобразительного искусства. Так, на картинах художников XIX в. Н. Шустова и А. Кившенко ярко и образно изображена сцена в кремлевских палатах, предварявшая военное вторжение на Русь хана Ахмата. На них гордо вставший с трона великий князь Иван III Васильевич разрывает и топчет ханскую грамоту, а у А. Кившенко еще и некую басму. Негодующие татарские посланники, равно как и окружение князя, хватаются за оружие. Вот-вот произойдет схватка.

Специалистам известно и изображение этой ситуации в летописном варианте — в так называемом Казанском летописце. В нем сидящим на троне Иваном III к ногам ненавистных татар брошен потоптанный чей-то портрет, по всей видимости, какого-то их почитаемого предка.

Как увидим далее, такая художественная несогласованность в представлении яблока раздора (грамота, басма, портрет) между Русью и Ордой, Иваном III и Ахматом происходит от состояния источников и их понимания историками. К этому мы и обратимся.

В изучении событий 1480 г. на Угре сложилась историографическая традиция деления источников на вполне репрезентативные и, так сказать, маргинальные. В частности, к последним обычно относят связанные с интересующим нас сюжетом известия такого

памятника русской письменности середины XVI в., как «История о Казанском царстве», или Казанский летописец. Такое отношение связано как минимум с двумя обстоятельствами: во-первых, более поздним его происхождением по сравнению с летописными и иными источниками, некоторые из которых современны событиям, и, во-вторых, с трудностью интерпретации ряда мест, поскольку их информация, как считается, плохо коррелирует с сообщениями общепринятых источников.

Вызывающий сомнения текст находится в самом начале Казанского летописца в главе, которая называется «О послехъ, отъ царя пришедшихъ дерзосне къ великому князю московскому, о ярости царева на него, и о храбрости великого князя на царя». Приведем этот текст в части, нас интересующей. «Царь Ахмать... посла къ великому князю московскому послы своя, по старому обычаю отецъ своихъ и зъ басмою, просити дани и оброки за прошлая лета. Великий же князь ни мало убояся страха царева и, приимъ басму лица его и плевав на ню, низлома ея, и на землю поверже, и потопта ногама своима, и гордыхъ пословъ его всехъ изымати повеле, пришедшихъ къ нему дерзостно, а единого отпусти жива, носяща вестъ къ царю, глаголя: “да яко же сотворилъ посломъ твоимъ, тако же имамъ и тебе сотворити, да престаниши, беззакониче, отъ злаго начинания своего, еже стужати”. Царь же слышавъ сия, и великою яростию воспалися о семъ, и гневомъ дыша и прещениемъ, яко огнемъ и рече княземъ своимъ: “видите ли, что творить намъ рабъ нашъ, и како смеетъ противитися велицеи державе нашей, безумныи сеи”. И собрався (в) Велицеи Орде, всю свою силу Срацынскую... и прииди на Русь, къ реце Угре...» [ПСРЛ, т. XIX: стб. 6–7, 200–201].

Лучшее объяснение, к которому прибегают историки, характеризуя этот фрагмент (и примыкающие к нему далее), — это то, что он представляет собой легендарное (Г. В. Вернадский, Я. С. Лурье) или фольклорное (Н. С. Борисов) изложение событий и, следовательно, не вполне надежен в качестве адекватного исторического источника.

Спора нет, фольклорно-легендарные ноты здесь звучат. Но разве и при учете этого не могут присутствовать реалии имевших место событий?

Например, дипломатические переговоры, предварявшие «стояние на Угре», — это реальность, засвидетельствованная рядом летописей. Особенно обстоятельно рассказывает нам о русских посольствах «з дарами» Успенский летописец (конца 80-х годов XV в.) и с «тешью великой» Вологодско-Пермская летопись (около 1500 г.) (см.: [Алексеев 1989: 108–111] и др.). Поэтому «нет, кажется, ничего невероятного в известии Истории, что ханские послы “пришли дерзостно” в Москву перед походом 1480 года», — отмечал Г. З. Кунцевич [Кунцевич 1905: 213].

Находящийся в сложной политической ситуации Иван III, отличавшийся осторожностью, вряд ли мог пойти на такие серьезные обострения в отношениях с Ахматом. «Едва ли он мог позволить себе такой вызов, последствием которого неизбежно должна была стать большая война с Ахматом», — пишет Н. С. Борисов [Борисов 2000: 429] (см. также: [Базилевич 2001: 111]). Думается, что это не совсем так. Весь 1480 г. (да, пожалуй, и ближайшие предыдущие и последующие) — это цепь бесконечных острейших коллизий во внутренних и внешних делах. И Иван III идет в ряде случаев на крайние меры. Так, он, несмотря ни на что, входит в чрезвычайно опасную конфронтацию со своими братьями. Почему же он не мог поступить неуступчиво и открыто враждебно по отношению к ордынцам, тем более не таким сильным, как прежде?

«Казанская история» фиксирует также то, что московский князь «гордыхъ пословъ... всехъ изымати повеле, пришедшихъ къ нему дерзостно, а единого отпусти жива». Термин «изымати» можно трактовать по меньшей мере двояко. Либо как «заточить», «арестовать», что бесспорно могло иметь место, либо как «убить», что тоже могло произойти, и так уже случалось в русско-монгольских отношениях. Достаточно вспомнить эпизод, предшествовавший битве на Калке, или тверское восстание 1328 г. Послы для средневековых монголов являли собой особы священные, представлявшие не только ханов, но и весь народ. За их гибелью (или посягательством на их жизнь) следовало суровое наказание — карательный поход и беспощадное уничтожение и знати, и людя¹⁸⁵. И неудивительно, что Ахмат «ве-

¹⁸⁵ Подробнее см.: [Кривошеев 2003б: 134–135].

ликою яростию воспалися о семь, и гневомъ дыша и прещениемъ, яко огнемъ» и немедленно двинулся на Русь.

Но убийство (или арест, избивание) послов было не единственным обстоятельством, вызвавшим гнев хана Большой Орды. Не менее отягчающим стало «потоптание басмы». Этот эпизод, равно как и сам термин «басма», также неоднократно привлекали внимание историков. Еще первый исследователь Казанского летописца Г.З. Кунцевич отметил, что это понятие «толкуется различно», и привел со ссылками ряд пояснений от «оттиска ханской ступни на воске» и «колпака с выгнутым внутрь верхом» до «изображения хана» и грамоты с ханской печатью [ПСРЛ, т. XIX: 527].

Иное толкование предложил Г.В. Вернадский. «Очевидно, — писал он, критикуя прежние объяснения, — что составитель, или переписчик повести, не имел ясного представления о символах власти, жалуемых ханами своим вассалам и слугам. Он говорит о таком знаке, как *басма* — портрет хана. По-тюркски *басма* значит “отпечаток”, “оттиск”. В древнерусском языке термин употреблялся применительно к металлическому окладу иконы (обычно из чеканного серебра). Басма-портрет тогда должна бы означать изображение лица в виде барельефа на металле. Никаких подобных портретов никто из монгольских ханов никогда не выдавал своим вассалам». Далее ученый полагает, что «составитель “Казанской истории”, по всей видимости, спутал басму с *пайцзой*; последний термин происходит от китайского *paitze* — “пластина власти”...»¹⁸⁶; «она представляла собой — в зависимости от положения того, кому она выдавалась ханом, — золотую или серебряную пластину с каким-либо рисунком, например, головой тигра или сокола, и выгравированной надписью». Резюме же Г.В. Вернадского следующее: «Это именно тот знак, который посол Ахмата должен был бы вручить Ивану III, если бы он согласился признать сюзеренитет Ахмата. Поскольку Иван III, судя по всему, отказался стать вассалом Ахмата, посол должен был вернуть пластину хану. Драматическое описание того, как Иван III растоптал пайцзу, таким образом, чистый вымысел» [Вернадский 1997б: 83–84]. Несмотря на то, что заключительный вывод является не совсем по-

¹⁸⁶ См. также: [Григорьев 1987: 35; Крамаровский 2002: 215].

нятным: можно было и не возвращать эту пайцзу в Орду, — представляется, что Г. В. Вернадский (вслед за предшественниками¹⁸⁷) указал правильный путь поиска ответа на вопрос о «басме». Так, Н. С. Борисов акцентирует внимание на значимости пайцзы как символа «власти верховного правителя Орды», имевшую «грозную надпись, требовавшую повиновения» [Борисов 2000: 429] (см. также: [Григорьев 1987: 32–36]). Поддержал он Г. В. Вернадского и в отрицании «публичного надругательства Ивана III над знаками ханской власти». «Никаких театральных жестов, напоподобие тех, что описаны в “Казанской истории”, князь Иван, скорее всего, не делал. Однако логика мифа отличается от логики трезвого политического расчета. Для народного сознания необходимо было, чтобы долгий и тяжелый период татарского ига закончился каким-то ярким, знаковым событием. Государь должен был самым наглядным и общепринятым способом выразить свое презрение к некогда всемогущему правителю Золотой Орды. Так родился миф о растоптанной “басме”» [Борисов 2000: 430].

Итак, «басма», скорее всего, была пайцзой. Каково же было ее предназначение? Пайцзы, получавшиеся «из золотоордынской канцелярии» «в качестве зримого свидетельства ханской милости» [Григорьев 1987: 35], по функциям делились на два вида: «наградные, выдававшиеся за заслуги, и подорожные — для лиц, выполнявших особые поручения ханского дома» [Крамаровский 2002: 215]. Понятно, что в нашем случае речь может идти о «наградных» пайцзах. Смысл их разъяснил А. П. Григорьев: это — «удостоверение о наличии у держателя пайцзы ханского ярлыка — жалованной грамоты на владение какой-либо собственностью или должностью» [Григорьев 1987: 35].

Но что могло быть изображено и написано на ней? Некоторые мнения нами уже были приведены. Работы ученых-востоковедов дают и иные трактовки ответа на поставленные вопросы.

О пайцзах существуют письменные упоминания, имеются и их находки. На бывшей территории Золотой Орды неоднократно на-

¹⁸⁷ Надо отметить, что «уже в начале XX в. было выяснено, что “басма” Казанской истории — это пайцза — дощечка, обычно из драгоценного металла, с вырезанным на ней кратким текстом — распоряжением правившего хана, призывавшим к повиновению» [Григорьев 1987: 33].

ходили пайцзы с именами некоторых ханов-джучидов. Как правило, «формуляры пайцз близки или идентичны и отличаются лишь именами властителей» [Крамаровский 2002: 215]. Надписи начинаются с упоминания «Вечного Неба», затем указывается имя хана и кары за возможное неповиновение. Кроме надписей на золотоордынских пайцзах выгравированы в различных видах и сочетаниях изображения солнца и луны, а на некоторых и копьевидный знак (что означает изображение древка знамени на фоне полной луны). Каково же содержание символов этих небесных светил?

М. Г. Крамаровский, на основе выводов Т. Д. Скрынниковой о «харизме-свете», связанном с культом Чингис-хана [Скрынникова 1997: 149–165], объясняет это следующим образом. Изображения солнца и луны (то есть света, неба) — это «иконографическое воплощение харизмы Чингис-хана». И далее следует важное для нас наблюдение: «Обращение к харизме великого предка... сконцентрированной в солярных символах, оказалось неизбежным для младших Чингисидов в периоды нестабильности монгольского государства конца XIII–XIV в. Солнце и луна на золотоордынских пайцзах — это знаки *одолженной* харизмы... Забота ханов о легитимности собственной власти привела их к стягиванию харизмы великого предка к собственному имени. Появление Чингисовых символов на распорядительных документах должно быть расценено как свидетельство собственной слабости золотоордынских ханов» [Крамаровский 2002: 220–221].

Как видим, этот вывод сделан для периода еще единого Джучиева улуса. Что же тогда говорить об эпохе распада золотоордынской государственности? Для того времени, когда собственно династию Чингисидов представляла только Большая Орда хана Ахмата, прямого потомка Чингис-хана?

Так мы подходим к объяснению инцидента с басмой-пайцзой. Скорее всего, то, что в «Казанской истории» обозначено как «басма лица его», было символическим изображением харизмы великого предка Ахмата — Чингис-хана (может быть, и сюда следует отнести ссылку на «старый обычай отецъ своихъ»), что не поняли, вероятно, и присутствовавшие на церемонии, а также автор или составитель произведения (а еще позднее новый автор-редактор, записавший рядом со словом «басма» понятное ему

слово «парсуна», и, наконец, иллюстратор, изобразивший басму в виде ханского портрета) [Кунцевич 1905: 216–217]. Очевидно, там была и надпись как обычно соответствующего угрожающего содержания. «Великий же князь ни мало убоясь страха царева и, приимъ басму лица его и плевав на ню, низлома ея, и на землю поверже, и потопта ногама своима». Оставляя без комментариев ситуации с оплевыванием, скажем, что все остальное вполне могло иметь место. Нас не должно смущать и то, что басма была поломана (разломана). Конечно, если пайцза была из золота или серебра, то это вряд ли возможно. Но пайцзы выполнялись не всегда из металла — были и из дерева. В истории отношений монголов с подчиненными народами имел место случай, весьма напоминающий нашу ситуацию, когда одному из правителей, «промедлившему с изъявлением покорности, монголы... выдали деревянную пайцзу» [Крамаровский 2002: 214]. Деревянную пластинку вполне можно было и поломать, и бросить на пол, и от души потоптать. Кстати, этим непочтением, в свою очередь, можно объяснить и столь гневную реакцию Ивана III.

Такое поругание святыни — одного из главных элементов ордынской государственно-родовой символики (а не надо забывать еще и пострадавших послов) — не могло пройти безнаказанно, даже если и имели место какая-то военная неподготовленность и дипломатические неувязки. И Ахмат-хан, как достойный наследник-Чингисид, пошел на Русь.

ИСТОЧНИКИ

- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 586 с.
- Житие Сергия Радонежского — Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и похвальное ему слово. СПб.: Изд. Синодальной тип., 1885. 238 с.
- Киракос Гандзакечи 1976 — *Киракос Гандзакечи*. История Армении. М.: Наука, 1976. 357 с.
- Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 619 с.
- ЛПС — Летописец Переяславля-Суздальского. М.: Унив. тип., 1851. 113 с.
- Михалон Литвин 1994 — *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: МГУ, 1994. 151 с.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 640 с.
- ПВЛ 1950 — Повесть временных лет / подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 406 с.
- ПВЛ 1996 — Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
- ПКПМ — Патерик Киевского Печерского монастыря / под ред. Д. И. Абрамовича. СПб.: Изд-е Имп. Археогр. комис., 1911. II + 275 с.
- ПКЦ — Памятники Куликовского цикла. СПб.: Блиц, 1998. 412 с.
- ПРП 1952 — Памятники русского права. Вып. 1. М.: Госюриздат, 1952. 442 с.
- ПРП 1955 — Памятники русского права. Вып. 3. М.: Госюриздат, 1955. 527 с.
- ПСРЛ, т. I — Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. М. [Б. и.], 1962. 496 с.
- ПСРЛ, т. II — Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. Густынская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. 377 с.

- ПСРЛ, т. II — Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М. [Б. и.], 1962. 938 стб. + 108 с.
- ПСРЛ, т. VI — Полное собрание русских летописей. Софийские летописи. СПб.: Тип. Э.Праца, 1853. 358 с.
- ПСРЛ, т. VI, вып. 1 — Полное собрание русских летописей. Софийская первая летопись старшего извода / подгот. текста С. Н. Кистерева и Л. А. Тимошиной; предисл. Б. М. Клосса. М.: ЯРК, 2000. 320 с.
- ПСРЛ, т. VII — Полное собрание русских летописей. Летопись по Воскресенскому списку / подгот. Я. И. Бередниковым и А. Ф. Бычковым; под ред. А. С. Норова. СПб.: Тип. Э.Праца, 1856. 345 с.
- ПСРЛ, т. VIII — Полное собрание русских летописей. Продолжение летописи по Воскресенскому списку / под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: Тип. Э.Праца, 1859. 301 с.
- ПСРЛ, т. X — Полное собрание русских летописей. Патриаршая или Никонская летопись. М.: Тип. М-ва внутренних дел, 1965. 244 с.
- ПСРЛ, т. XI — Полное собрание русских летописей. Патриаршая или Никонская летопись. М.: Тип. И. Н. Скороходова, 1965. 254 с.
- ПСРЛ, т. XII — Полное собрание русских летописей. Патриаршая или Никонская летопись. М.: Тип. И. Н. Скороходова, 1965. 266 с.
- ПСРЛ, т. XV, вып. 1 — Полное собрание русских летописей. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 1965. 504 с.
- ПСРЛ, т. XVI — Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки / под ред. А. Ф. Бычкова и К. Н. Бестужева-Рюмина. СПб.: Тип. Э.Праца, 1889. 320 с.
- ПСРЛ, т. XVIII — Полное собрание русских летописей. Симеоновская летопись / под ред. А. Е. Преснякова. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. 316 с.
- ПСРЛ, т. XIX — Полное собрание русских летописей. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: ЯРК, 2000. 368 с.
- ПСРЛ, т. XXI — Полное собрание русских летописей. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., ЯСК. 2007. 598 с.
- ПСРЛ, т. XXII — Полное собрание русских летописей. Русский хронограф. Вып. 1. Хронограф редакции 1512 года. Ред. С. П. Розанова. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911. 580 с.
- ПСРЛ, т. XXIII — Полное собрание русских летописей. Ермолинская летопись / под ред. Ф. И. Покровского. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. 342 с.
- ПСРЛ, т. XXIV — Полное собрание русских летописей. Типографская летопись. М.: ЯРК, 2000. 288 с.
- ПСРЛ, т. XXV — Полное собрание русских летописей. Московский летописный свод конца XV века / под ред. М. Н. Тихомирова. М.; Л., 1949. 464 с.
- ПСРЛ, т. XXVI — Полное собрание русских летописей. Вологодско-Пермская летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 432 с.

- ПСРЛ, т. XXXI — Полное собрание русских летописей. Летописцы последней четверти XVII в. (Мазуринский летописец. Летописец 1619–1691 годов. Летописное сказание Петра Золотарева). М.: Наука, 1968. 263 с.
- ПСРЛ, т. XXXVII — Полное собрание русских летописей. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. Л.: Наука, 1982. 228 с.
- ПСРЛ, т. XXXIX — Полное собрание русских летописей. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского / ред. В. И. Буганов, Б. М. Клосс. М.: Наука, 1994. 204 с.
- Путешествия 1957 — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.
- Сигизмунд Герберштейн 1988 — Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
- Сказание о чудесах — Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери. Б. м., б. г.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверьянов 1993 — *Аверьянов К. А.* Московское княжество Ивана Калиты. Вып. 2. М.: [Б. и.], 1993. 58 с.
- Аверьянов 2001 — *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. М.: Энциклопедия российских деревень, 2001. 239 с.
- Алексеев 1979 — *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской общины) // Исторические записки. Т. 103. М.: Наука, 1979. С. 242–274.
- Алексеев 1980 — *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Л.: Наука, 1980. 243 с.
- Алексеев 1987 — *Алексеев Ю. Г.* Духовные грамоты князей Московского дома как источник по истории удельной системы // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 18. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. С. 93–109.
- Алексеев 1989 — *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1989. 219 с.
- Алексеев 1998 — *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 352 с.
- Базилевич 1952 — *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 544 с.
- Базилевич 2001 — *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. М.: Территория, 2001. 544 с.
- Барсов 1883 — *Барсов Е. В.* Исторический очерк чинов священного венчания на царство в связи с развитием идеи царя на Руси // Чтения в Император-

- ском обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те. М.: Унив. тип., 1883. Янв. — март. Кн. I. С. 5–208.
- Бартольд 1963 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 1. М.: Изд-во вост. лит, 1963. 763 с.
- Беляев 1868 — *Беляев И. Д.* Сказание о начале Москвы // Русский вестник. М., 1868. Т. LXXIV, № 3. С. 1–26.
- Беляев 1906 — *Беляев И. Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М.: Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1905 (обл. 1906). 136 с.
- Борзаковский 1994 — *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. Тверь: ЛЕАН, 1994. 424 с.
- Борисов 1976 — *Борисов Н. С.* Отечественная историография о влиянии таттаро-монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. Вып. V. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1976. 519 с.
- Борисов 1986 — *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М.: Изд-во МГУ, 1986. 205 с.
- Борисов 1995 — *Борисов Н. С.* Иван Калита. М.: Молодая гвардия, 1995. 302 с.
- Борисов 2000 — *Борисов Н. С.* Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000. 644 с.
- Боровков 1966 — *Боровков А. К.* Опыт филологического анализа тарханских ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 25. Вып. 1. 1966. С. 13–24.
- Будовниц 1956 — *Будовниц И. У.* Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XII. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 79–104.
- Будовниц 1960 — *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 488 с.
- Буслаев 1862 — *Буслаев Ф. М.* Местные сказания Владимирские, Московские и Новгородские // Летописи русской литературы и древности. Т. IV. М.: тип. Грачева и К°, 1862. С. 3–24.
- Бычкова 1996 — *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М.: Ин-т Российской истории РАН, 1996. 175 с.
- Вернадский 1927 — *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Ч. 1. Прага: Евразийское книжное изд-во, 1927. 263 с.
- Вернадский 1996 — *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: Аграф, 1996. 448 с.
- Вернадский 1997а — *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: Аграф, 1997. 480 с.
- Вернадский 1997б — *Вернадский Г. В.* Россия в Средние века. Тверь: ЛЕАН; М.: Аграф, 1997. 352 с.
- Веселовский 1911 — *Веселовский Н. И.* Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории // Отчет о состоянии

- и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 год. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1911. С. 1–219.
- Веселовский 1916 — *Веселовский Н. И.* О религии татар по русским летописям // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. LXIV. Июль. Пг.: Сенатская типография, 1916. С. 81–101.
- Веселовский 1969 — *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 586 с.
- Владимирский-Буданов 1907 — *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб.; Киев: Издал Н. Я. Оглоблин, 1907. 699 с.
- Воронин 1935 — *Воронин Н. Н.* Владимиро-Суздальская земля в X–XII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 6–8.
- Воронин 1944 — *Воронин Н. Н.* «Песня о Щелкане» и тверское восстание 1327 г. // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 75–82.
- Воронцов-Вельяминов 1977 — *Воронцов-Вельяминов Б. А.* К истории росто-во-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия. М.: Наука, 1977. С. 124–139.
- Галкин 1939 — *Галкин В. И.* Владимиро-Суздальская Русь. Иваново: Гос. изд. Иван. обл., 1939. 212 с.
- Гордлевский 1947 — *Гордлевский В. А.* Что такое «босый волк»? // Известия АН СССР. Отдел литературы и языка. 1947. Т. VI. Вып. 4. С. 317–337.
- Горский 1882 — *Горский А. В.* О священнодействии венчания и помазания царей на царство. М.: Тип. Лаврова, 1882. 35 с.
- Горский 1984 — *Горский А. А.* Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 17–28.
- Горский 1995 — *Горский А. А.* Москва, Тверь и Орда в 1300–1339 годах // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 34–46.
- Горский 2000 — *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
- Гофман 1976 — *Гофман А. Б.* Социологические концепции Марселя Мосса // Концепции зарубежной этнологии: Критические этюды. М.: Наука, 1976. С. 96–124.
- Греков 1953 — *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
- Григорьев 1974 — *Григорьев А. П.* «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Монгке-Темюра // Востоковедение. Вып. 1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. С. 188–200.
- Григорьев 1977 — *Григорьев А. П.* Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // Востоковедение. Вып. 3. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. С. 132–155.
- Григорьев 1978 — *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 136 с.
- Григорьев 1980а — *Григорьев А. П.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. V. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. С. 15–37.

- Григорьев 1980б — *Григорьев А. П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение. Вып. 7. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. С. 155–179.
- Григорьев 1985 — *Григорьев А. П.* Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VIII. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 93–134.
- Григорьев 1986а — *Григорьев А. П.* Проблемы реконструкции содержания сборника ханских ярлыков // Востоковедение. Вып. 12. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 151–155.
- Григорьев 1986б — *Григорьев А. П.* Формуляр золотоордынских жалованных грамот // *Turcologica*. 1986. К 80-летию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. С. 76–84.
- Григорьев 1987 — *Григорьев А. П.* Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. X. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 28–89.
- Григорьев 1990 — *Григорьев А. П.* Ярлык Менгу-Тимура: реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XII. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 53–102.
- Григорьев 2004 — *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 276 с.
- Григорьев 1844 — *Григорьев В. В.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса: Гор. тип., 1844. С. 337–345.
- Григорьев 1876 — *Григорьев В. В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1876. С. 170–258.
- Гумилев 1989 — *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. 764 с.
- Гуревич 1970 — *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970. 224 с.
- Гуревич 1984 — *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры / изд. 2-е, испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 349 с.
- Дворниченко 1986 — *Дворниченко А. Ю.* Бояре западнорусских земель в XIII–XV вв. // Вестник Ленинградского университета. 1986. Сер. 2. Вып. 2. С. 26–31.
- Дворниченко 1993 — *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. 240 с.
- Дворниченко, Кривошеев 1992 — *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В.* «Феодальные войны» или демократические альтернативы? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1992. Вып. 3. С. 3–12.

- Дубов 1982 — *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 248 с.
- Дубов 1985 — *Дубов И. В.* Города, величеством сияющие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 182 с.
- Дьяконов 1908 — *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Право, 1908. 509 с.
- Дьяконов 1912 — *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси / изд. 4-е, испр. и доп. СПб.: Право, 1912. 489 с.
- Дьяконов, Якобсон 1982 — *Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 1–11.
- Дэвис 1994 — *Дэвис Н. З.* Дары, рынок и исторические перемены: Франция, век XVI // Одиссей: Человек в истории. 1992. М.: Кругъ, 1994. С. 192–203.
- Егоров 1985 — *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
- Егоров 1997 — *Егоров В. Л.* Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 48–58.
- Ермаченко 1974 — *Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, 1974. 196 с.
- Жуковская 1986 — *Жуковская Н. Л.* «Подарок-отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // Mongolica. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. 1884–1931. М.: Наука, 1986. С. 160–168.
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 200 с.
- Забелин 1881 — *Забелин И. Е.* Взгляд на развитие московского самодержавия // Исторический вестник. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1881, апрель. С. 309–344.
- Забелин 1905 — *Забелин И.* История города Москвы. Ч. I. М.: Типолитография И. Н. Кушнерев и К, 1905. 652 с.
- Закиров 1966 — *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 160 с.
- Затыркевич 1874 — *Затыркевич М. Д.* О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период. М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1874. 475 с.
- Зимин 1952 — *Зимин А. А.* Народные движения 20-х гг. XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т. IX. № 1. С. 61–65.
- Зимин 1958 — *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 275–324.
- Зимин 1962 — *Зимин А. А.* Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археографический ежегодник за 1961 год. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 28–40.

- Иванов 1975 — *Иванов В. В.* Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // *Славянское и балканское языкознание: Проблемы интерференции и языковых контактов.* М.: Наука, 1975. С. 50–79.
- Известия ГАИМК — *Известия Государственной академии истории материальной культуры.* Вып. 103. Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. Л.: ОГИЗ, 1934. 288 с.
- Ильин 1947 — *Ильин М. А.* Тверская литература XV в. как исторический источник // *Труды историко-архивного ин-та.* Т. III. Каф. истории СССР. М.: Гл. архивное упр. МВД Союза ССР. Историко-архивный ин-т, 1947. С. 17–68.
- История Москвы 1952 — *История Москвы.* В 6 т. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 777 с.
- Карамзин 1833 — *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. II. СПб.: Тип. Н. Греча, 1833. 584 с.
- Каштанов 1976 — *Каштанов С. М.* Еще раз о «куплях» Ивана Калиты // *Вопросы истории.* 1976, № 7. С. 189–191.
- Каштанов 1979 — *Каштанов С. М.* К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. 11. Л.: Наука, 1979. С. 238–251.
- Каштанов 1996 — *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XIV вв. М.: Наука, 1996. 263 с.
- Кизилов 1982 — *Кизилов Ю. А.* Городской строй России XIV–XV вв. в сравнительно-историческом аспекте // *Вопросы истории.* 1982. № 12. С. 20–33.
- Кизилов 1970 — *Кизилов Ю. А.* Земли и княжества Древней Руси: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. 17 с.
- Кизилов 1982 — *Кизилов Ю. А.* Земли и княжества Северо-Восточной Руси в период феодальной раздробленности (XII–XV вв.). Ульяновск: Ульяновский гос. пед. ин-т, 1982. 91 с.
- Кирпичников 1976 — *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 104 с.
- Кирпичников 1985 — *Кирпичников А. Н.* Факты, гипотезы и заблуждения в изучении русской военной истории XIII–XIV вв. // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования.* 1984 год. М.: Наука, 1985. С. 229–243.
- Клюг 1994 — *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485). Тверь: РИФ, 1994. 432 с.
- Ключевский 1987 — *Ключевский В. О.* Соч. В 9 т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I. М.: Мысль, 1987. 430 с.
- Ключевский 1988 — *Ключевский В. О.* Соч. В 9 т. Т. II. Курс русской истории. Ч. II. М.: Мысль, 1988. 447 с.
- Кобрин 1985 — *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М.: Мысль, 1985. 279 с.

- Кобрин, Юрганов 1991 — *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.
- Козловский 1840 — *Козловский А.* Взгляд на историю Костромы. М.: Тип. Н. Степанова, 1840. 203 с.
- Конявская 1984 — *Конявская Е. Л.* Литература Твери XIV–XV вв.: Текстология, проблематика, жанровая структура: автореф. дис ... канд. филол. наук. М., 1984. 25 с.
- Конявская 1988 — *Конявская Е. Л.* Повести о Шевкале // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. С. 14–25.
- Корсаков 1872 — *Корсаков Д. А.* Меря и Ростовское княжество: Очерки из истории Ростовско-Суздальской земли. Казань: Унив. тип., 1872. 264 с.
- Корф 1908 — *Корф С. А.* История русской государственности. Т. I. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1908. 273 с.
- Костомаров 1870 — *Костомаров Н. И.* Начало единодержавия в Древней Руси // Вестник Европы. 1870, ноябрь. С. 3–51.
- Котляр 1997 — *Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М.: Наука, 1997. С. 80–165.
- Крамаровский 2002 — *Крамаровский М. Г.* Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 212–224.
- Кривошеев 1985а — *Кривошеев Ю. В.* О социальных коллизиях в Суздальской земле 1024 г. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы социальной и классовой борьбы. Межвуз. сб. Под ред. проф. И. Я. Фроянова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 38–47.
- Кривошеев 1985б — *Кривошеев Ю. В.* Языческая обрядность и социальная борьба в Верхнем Поволжье в 1071 г. // Историческая этнография. Вып. III. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 124–131.
- Кривошеев 1987 — *Кривошеев Ю. В.* Элементы традиционного сознания в социальных противоречиях 1175 г. во Владимирской земле // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. Межвуз. сб. Под ред. проф. И. Я. Фроянова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 84–91.
- Кривошеев 1988 — *Кривошеев Ю. В.* Социальная борьба в Северо-Восточной Руси в XI — начале XIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. 211 с.
- Кривошеев 1995 — *Кривошеев Ю. В.* О средневековой русской государственности. СПб.: Б. и., 1995. 98 с.
- Кривошеев 1999 — *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. / отв. ред. проф. И. Я. Фроянов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 408 с.

- Кривошеев 2003а — *Кривошеев Ю. В.* Гибель Андрея Боголюбского. Историческое расследование. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 240 с.
- Кривошеев 2003б — *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XV вв. / отв. ред. проф. И. Я. Фроянов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 468 с.
- Кривцов 2002 — *Кривцов Д. Ю.* Рассказ о поездке митрополита Алексея в Золотую Орду в литературных источниках и историографии // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2002. С. 223–305.
- Крюков 1987 — *Крюков В. М.* Социально-экономические и ритуальные аспекты системы дарений в Древнем Китае: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 19 с.
- Крюков 1997 — *Крюков В. М.* Ритуальная коммуникация в Древнем Китае. М.: Памятники исторической мысли, 1997. 398 с.
- Кулакова 1994 — *Кулакова И. П.* Социально-политическая терминология и эволюция взаимоотношений власти и сословий в России второй половины XVI — начала XVII в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Тезисы докладов международной конференции. Ч. 1. М.: Межвуз. центр гуманит. образования МФТИ «Петр Великий», 1994. С. 264–272.
- Кунцевич 1905 — *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. 126 с.
- Кучкин 1966 — *Кучкин В. А.* Где искать яский город Тютяков? // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та. Т. XXV. История. Орджоникидзе, 1966. С. 169–183.
- Кучкин 1974 — *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М.: Наука, 1974. 291 с.
- Кучкин 1984 — *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 333 с.
- Кучкин 1991 — *Кучкин В. А.* Русь под игом: как это было? М.: Панорама, 1991. 28 с.
- Кучкин 2003 — *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. 366 с.
- Латышева, Рабинович 1973 — *Латышева Г. Л., Рабинович М. Г.* Москва и Московский край в прошлом. М.: Наука, 1973. 248 с.
- Леви-Стросс 1985 — *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 1985. 510 с.
- Лимонов 1967 — *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1967. 221 с.
- Лимонов 1978 — *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. 272 с.

- Лимонов 1987 — *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 215 с.
- Ловмянский 1978 — *Ловмянский Х.* О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и Средневековье. М.: Наука, 1978. С. 93–100.
- Лурье 1939 — *Лурье Я. С.* Роль Твери в создании Русского национального государства // Ученые записки Ленинградского университета. № 36. Сер. ист. наук. Вып. 3. Л., 1939. С. 85–109.
- Любавский 1929 — *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1929. 175 с.
- Мавродин 1960 — *Мавродин В. В.* К вопросу о роли классовой борьбы в истории феодализма в России // Вестник Ленинградского университета. 1950. № 2. С. 76–90.
- Мазуров 1995 — *Мазуров А. Б.* Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 143–154.
- Мазуров 2001 — *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.: Александрия, 2001. 542 с.
- Майоров 1997 — *Майоров А. В.* Тысяцкий и городская община Древней Руси в XI — начале XIII в. // Петербург и Россия. СПб.: Петровский фонд, 1997. С. 28–37.
- Макаров 1993 — *Макаров Н. А.* Русский Север: таинственное средневековье. М.: [Б. и.], 1993. 192 с.
- Матузова 1979 — *Матузова В. И.* Английские средневековые источники. IX–XIII вв. (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1979. 267 с.
- Миловидов 1886 — *Миловидов И.* Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1886. Кострома: типо-лит. Ф. А. Фальк, 1886. 167 с.
- Михайлова 1994 — *Михайлова И. Б.* Москва и Тверь в начале XIV в. // Исторический опыт русского народа и современность: Мавродинские чтения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 62–65.
- Михайлова 1996 — *Михайлова И. Б.* Бояре Северо-Восточной Руси во второй половине XIII–XIV веках (к вопросу об изменении социально-политической структуры общины в условиях татаро-монгольского ига) // Историческое познание: традиции и новации. Ч. 1. Ижевск, 1996. С. 268–280.
- Михайлова 2002 — *Михайлова И. Б.* «Повести о начале Москвы» — исторический источник для изучения дворянства XIV–XV вв. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 186–193.
- Мосс 1996 — *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. 360 с.

- Нагель 1997 — *Нагель Т.* Тимур-завоеватель и исламский мир позднего Средневековья. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.
- Насонов 1924 — *Насонов А. Н.* Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Исторический сборник. Вып. 1. Пг.: Наука и школа, 1924. С. 3–27.
- Насонов 1940 — *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 178 с.
- Насонов 1951 — *Насонов А. Н.* Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 262 с.
- Насонов 1955 — *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. Вып. 4. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 243–285.
- Насонов 1969 — *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М.: Наука, 1969. 555 с.
- Никольская 1981 — *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М.: Наука, 1981. 296 с.,
- Орешников 1903 — *Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике (Труды Московского нумизматического общества. Т. 3. Вып. 1). М.: Тип. и словолитня О. О. Гербека, 1903. 46 с.
- Павлов 1958 — *Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского гос. пед. ин-та. Т. 13. Вып. 13. Сер. историко-филологическая. Красноярск, 1958. С. 74–112.
- Панова 2001 — *Панова Т. Д.* Татарское подворье в Московском Кремле: миф или реальность? // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). М.: Изд. центр Ин-та российской истории, 2001. С. 23–32.
- Пассек 1870 — *Пассек В. В.* Княжеская и докняжеская Русь // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. М., 1870. С. 7–164.
- Пашин 1986 — *Пашин С. С.* Галицкое боярство XII–XIII вв. // Вестник Ленинградского университета. 1986. Сер. 2. Вып. 4. С. 15–21.
- Пашуто 1965 — *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 77–127.
- Платонов 1903 — *Платонов С. Ф.* О начале Москвы // Статьи по русской истории. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1903. С. 101–110.
- Платонов 1915 — *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории / 9-е изд., испр. Пг.: Сенатск. тип., 1915. 743 с.
- Плигузов 1987 — *Плигузов А. И.* Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Вып. III. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1987. С. 113–153.
- Полевой 1830 — *Полевой Н.* История русского народа. Т. 2. М.: Тип. Августа Семена при Мед.-хирург. акад., 1830. 472 с.
- Полубояринова 1978 — *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 133 с.

- Потестарность 1997 — Потестарность: генезис и эволюция. Бочаров В. В., Завьялова Е. К., Попов В. А. и др. / отв. ред. Попов В. А. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 1997. 213 с.
- Попе 1941 — *Попе Н. Н.* Квадратная письменность. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 166 с.
- Преображенский 1987 — *Преображенский А. А.* Классовая борьба в России XVII — начала XVIII в. и социальный опыт народных масс (к постановке проблемы) // *Феодализм в России*. М.: Наука, 1987. С. 252–266.
- Преображенский, Перхавко 1997 — *Преображенский А. А., Перхавко В. Б.* Купечество Руси. IX–XVII века. Екатеринбург: Демидов. ин-т, 1997. 297 с.
- Пресняков 1909 — *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1909. 316 с.
- Пресняков 1918 — *Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства. Пг.: Тип. Я. Башмаков и Ко, 1918. 468 с.
- Приселков 1916 — *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг.: Тип. «Научное дело», 1916. VIII, 116 с.
- Приселков 1940 — *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV веков. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1940. 188 с.
- Прохоров 1978 — *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. 238 с.
- Рабинович 1964 — *Рабинович М. Г.* О древней Москве. М.: Наука, 1964. 353 с.
- Рабинович 1982 — *Рабинович М. Г.* Не сразу Москва строилась. М.: Московский рабочий, 1982. 208 с.
- Развитие русского права 1986 — Развитие русского права в XV — первой половине XVII века / Ермошин В. В., Ефремова Н. Н., Исаев И. А. и др.; отв. ред. В. С. Нерсисянц. М.: Наука, 1986. 287 с.
- Разин 1957 — *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 2. М.: Воениздат, 1957. 654 с.
- Рапов 1997 — *Рапов О. М.* Кто срубил град Москву на Боровицком холме. М.: Рус. слово, 1997. 31 с.
- Романов 1947 — *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1947. 348 с.
- Рыбаков 1896 — *Рыбаков С. Г.* Церковный звон в России. СПб.: Печ. Е. Евдокимова, 1896. 71 с.
- Рыбаков 1982 — *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 591 с.
- Рыкин 1996 — *Рыкин П. О.* Александр Невский. Новгород и система самоуправления на Руси в 1249–1252 гг. // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли*. Новгород, 1996. С. 31–33.
- Рыкин 1997 — *Рыкин П. О.* Гибель князя Михаила Черниговского в свете традиционных монгольских верований // *Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы*. Материалы

- IV междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск: Омский гос. ун-т, 1997. С. 85–88.
- Рябинин 1986 — *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху Средневековья. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. 160 с.
- Савва 1901 — *Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и сыновья, 1901. 400 с.
- Сагалаев, Октябрьская 1990 — *Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука. Сибирск. отд-ние, 1990. 209 с.
- Салмина 1964 — *Салмина М. А.* Повести о начале Москвы. М.; Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1964. 273 с.
- Сахаров 1959 — *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. Под ред. проф. Л. В. Черепнина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. 236 с.
- Седов 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с.
- Сергеевич 1893 — *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 2. Власть. Вып. 1. Вече и князь. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. 336 с.
- Сергеевич 1902 — *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. Территория и население. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 574 с.
- Серебрянский 1915 — *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. М.: О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1915. 494 с.
- Скрынников 1991 — *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск: Наука, Сибирск. отд-ние, 1991. 397 с.
- Скрынникова 1989 — *Скрынникова Т. Д.* К вопросу о формировании монгольской государственности в XI–XII вв. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск: Наука, Сибирск. отд-ние, 1989. С. 29–45.
- Скрынникова 1994 — *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в представлении средневековых монголов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1994. 25 с.
- Скрынникова 1997 — *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: Восточная литература, 1997. 216 с.
- Соловьев 1846 — *Соловьев С. М.* Об отношениях Новгорода к великим князьям. М.: О-во истории и древностей российских, 1846. 165 с.
- Соловьев 1988 — *Соловьев С. М.* Соч. в 18 кн. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. 797 с.; кн. II. История России с древнейших времен. Т. 3–4. М.: Мысль, 1988. 765 с.
- Сыроечковский 1935 — *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 124 с.
- Тайлор 1989 — *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
- Татищев 1995 — *Татищев В. Н.* Собр. соч. в 8 т. Т. II и III. История Российская. Ч. 2. М.: Ладомир, 1995. 688 с.

- Татищев 1996 — *Татищев В. Н.* Собр. соч. в 8 т. Т. V и VI. История Российская. Ч. 3 и 4. М.: Ладомир, 1996. 784 с.
- Теория государства 1995 — Теория государства и права. Ч. 1. Теория государства. М.: Юристъ, 1995. 455 с.
- Терещенко 1848 — *Терещенко А. В.* Быт русского народа. Ч. 1. СПб.: Тип. воен.-учеб. заведений, 1848. 507 с.
- Тизенгаузен 1884 — *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.: изд. на иждивение гр. С. Г. Строганова, 1884. 564 с.
- Тизенгаузен 1941 — *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 308 с.
- Тихомиров 1947 — *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1947. 224 с.
- Тихомиров 1950 — *Тихомиров М. Н.* Сказания о начале Москвы // Исторические записки. Т. 32. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 233–241.
- Тихомиров 1955а — *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М.: Госполитиздат, 1955. 279 с.
- Тихомиров 1955б — *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 года // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 11–25.
- Тихомиров 1956 — *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. 478 с.
- Тихомиров 1957 — *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1957. 319 с.
- Толочко 1989 — *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. Киев: Наукова думка, 1989. 256 с.
- Толочко 1992 — *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. 224 с.
- Топоров 1972 — *Топоров В. Н.* «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М.: Наука, 1972. С. 217–280.
- Топоров 1982 — *Топоров В. Н.* Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования (1981). М.: Наука, 1982. С. 3–60.
- Трепавлов 1993 — *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. М.: Наука, 1993. 168 с.
- Усманов 1979 — *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.
- Федоров-Давыдов 1973 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973. 180 с.
- Флоря 1982 — *Флоря Б. Н.* Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начала XVI в. Политическая и культурная деятельность // Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья. София: Изд-во на Българската акад. на науките, 1982. С. 103–117.

- Фроянов 1974 — *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории / отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 169 с.
- Фроянов 1980 — *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории / отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 256 с.
- Фроянов 1984 — *Фроянов И. Я.* О понятии «село» в Древней Руси // Вестник Ленинградского университета. Сер. История, язык, литература. Л., 1984. Вып. I. С. 18–24.
- Фроянов 1992 — *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 280 с.
- Фроянов 1995а — *Фроянов И. Я.* Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 703 с.
- Фроянов 1995б — *Фроянов И. Я.* О возникновении монархии в России // Дом Романовых в истории России. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. С. 20–46.
- Фроянов 1991 — *Фроянов И. Я.* К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Межвуз. сб. Под ред. проф. Г. Л. Курбатова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 57–93.
- Фроянов, Дворниченко 1988 — *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.
- Фрэзер 1980 — *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
- Хорошкевич 1986 — *Хорошкевич А. Л.* Городские движения на Руси второй половины XIII — конца XIV в. // Социально-экономическое развитие России. М.: Наука, 1986. С. 38–48.
- Хорошкевич 2003 — *Хорошкевич А. Л.* Московское княжество в XIV столетии. Некоторые особенности развития // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. В 2 т. Т. 2. Тула: Тульский полиграфист, 2003. С. 146–191.
- Хорошкевич, Плигузов 1990 — *Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И.* Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XIV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество, государство в феодальной России. М.: Наука, 1990. С. 84–103.
- Храмцовский 1857 — *Храмцовский Н.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: [Б. и.], 1857. 128 с.
- Черепнин 1948 — *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. I. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 472 с.
- Черепнин 1960 — *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.
- Черепнин 1977 — *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1977. С. 179–203.
- Черепнин 1978 — *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 420 с.

- Черепнин 1965 — *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 128–278.
- Шамбинаго 1936 — *Шамбинаго С. К.* Повести о начале Москвы // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 3. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. С. 59–98.
- Шиллинг 1985 — *Шиллинг М.* Колокола-памятники, колокола мира и нецерковные колокола в ГДР // Колокола. История и современность. М.: Наука, 1985. С. 294–302.
- Экземплярский 1891 — *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Т. 2. СПб.: Изд. гр. И. И. Толстого, 1891. 474 с.
- Якубовский 1932 — *Якубовский А. Ю.* Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л.: Изд-во и тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1932. С. 3–52.
- Янин 1983 — *Янин В. Л.* «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. С. 98–107.
- Spuler 1943 — *Spuler B.* Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland. 1223–1502. Leipzig: O. Harrassowitz, 1943. 556 s.

II

МОСКВА

и Церковь в эпоху
Средневековья

ВЛАДИМИРСКАЯ ЕПАРХИЯ И МОСКВА

Истоки складывания «особых» отношений московских князей и высших иерархов Русской церкви, сыгравших столь значимую роль в формировании будущего российского единства, надлежит искать во временах намного более древних, нежели период возвышения Москвы. Это объясняется в том числе и тем, что на протяжении долгого времени этот упомянутый летописью лишь под 1147 г. город оставался на периферии политических процессов Северо-Восточной Руси, а затем, наконец, серьезно усилившись, оказался, по сути, включенным в уже сложившуюся систему власти, в которой разные институты (вече, князь, церковь, позже — ордынский фактор и др.) взаимно дополняли и уравнивали друг друга.

Историки не однажды высказывали мысль о том, что большое значение в определении «лидерства» потомков Ивана Калиты среди прочих представителей разраставшегося Рюрикова рода сыграла благоприятная по отношению к ним позиция митрополитов, резиденция которых на северо-востоке в начале XIV в. располагалась во Владимире, а затем была перенесена в Москву. Именно от древней Клязьминской столицы унаследовала Москва свое значение церковного центра. Однако чтобы понимать суть процессов, позволивших последней получить значение такого центра, следует разобраться с вопросом о причинах возникновения центра епархии в самом Владимире, который на рубеже XIII–XIV вв. приобрел и статус резиденции русского митрополита.

Нелишним будет напомнить, что для создания отдельной для Северо-Восточной Руси митрополии серьезные усилия прилагал еще Андрей Боголюбский, добиваясь санкции на это от Константинопольского патриарха. Успехом этот замысел увенчаться не мог: в Царьграде ревностно следили за соблюдением собственных интересов, а потому попытка Андрея Боголюбского добиться в 1162 г. от патриарха санкции на создание на Руси второй митрополии с центром во Владимире-на-Клязьме, к которому этот князь особенно благоволил, оказалась обреченной на провал [Воронин 1962: 22–50]. Разрешения на эту акцию не последовало, так как в Византии не желали создавать второй центр митрополии, еще более удаленный, чем Киев, видимо, справедливо решив, что подобная мера ослабит зависимость Руси от патриарха в церковном отношении.

Итак, митрополия во Владимире создана не была, более того, в течение всего XII — начала XIII в. он даже не имел своего епископа, оставаясь (как и малозначимый в то время городок Москва) в церковном отношении подчиненным Ростовскому архиерею. Ситуация изменилась во время междоусобных войн между сыновьями Всеволода Большое Гнездо, разгоревшихся сразу по смерти в 1212 г. их грозного отца. Кстати, тогда же на страницах летописей все чаще начинает упоминаться Москва.

Началось все с того, что в 1207 г. Всеволод отправил на Ростовский стол старшего из своих сыновей Константина. Это являлось во многом знаковым моментом: впервые за долгое время в городе вновь появился собственный князь. Владимирцам тогда, возможно, казалось, что повода для беспокойства нет: княжич будет «смотреть из отцовской руки» и не станет проводить не согласованной с ним политической линии. Однако на деле все оказалось гораздо сложнее.

Через несколько лет Всеволод, почувствовавший близкое окончание земного пути, призвал к себе во Владимир Константина, второго по старшинству сына Юрия и других наследников, чтобы объявить им свою последнюю волю и утвердить их «рядом» (договором) с владимирским вечем. По завещанию отца Константин должен был перейти во Владимир, а Юрий — в Ростов. Однако реакция Константина оказалась неожиданной: он отказался при-

ехать по призыву родителя. При этом старший Всеволодович заявил через посланцев, что рассчитывает получить власть над обеими частями княжения. Конечно, при этом он преследовал цель вновь выдвинуть на первый план Ростов, несколько лет пребывания в котором заставили князя по-иному оценить политическую ситуацию на северо-востоке Руси. Разумеется, Всеволод был возмущен, а владимирцев такой вариант просто пугал: они уже привыкли к своей ведущей роли в регионе и не желали никому уступить.

А потому по инициативе великого князя в 1211 г. договор весьма представительное собрание жителей Владимирской земли заключило с другим его сыном — Юрием. Причем это было не рядовое народное собрание. Всеволод постарался сделать так, чтобы на нем были представлены жители *всей земли*, включая сельскую округу, население которой не всегда находило время для участия в вечевых сходах: «созва [Всеволод] всехъ боярь своихъ съ городовъ и съ волостей, и епископа Иоанна [Ростовского], и игумены, и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди и да сыну своему Юрию Володимерь по себе и води всехъ ко кресту, и целоваша [крест] вси людие на Юрии...» [ПСРЛ, т. VII: 117]. Вероятно, что тогда же в качестве одного из «довесков» к великому княжению Юрий получил и Москву [Кучкин 1984: 100].

Какова же была социальная природа этого собрания? В большинстве своем историки единодушны: здесь имел место собор сословных представителей. Так, Л. В. Черепнин, основываясь на летописных данных, полагал что «при Всеволоде... возникает новый сословный орган, отдаленно напоминающий будущий Земский собор» [Черепнин 1974: 39]. При этом становится очевидным, что трактовка собрания 1211 г. как собора исходит из понимания ими общества Северо-Восточной Руси как общества классового, феодального. Общества, где все дела вершит аристократическая феодальная верхушка во главе с князем или боярами в той или иной модификации.

На первый взгляд может показаться, что поступок Всеволода Большое Гнездо был экстраординарным, исключением из правила, не свойственным для Руси. Однако некоторые похожие примеры мы все же можем найти в истории. Вполне логично прове-

сти параллель между собранием, созданным Всеволодом для подтверждения прав именно своего младшего сына, с аналогичным мероприятием Ярослава Осмомысла, князя Галицкого, желавшего передать свое наследие сыну от наложницы, Олегу Настасьичу, в ущерб законному отпрыску Владимиру. Немало доброго сделал этот князь для Галича за три с половиной десятка лет своего правления, а потому, видимо, считал возможным для себя обратиться к народу с подобной просьбой. Почувствовав приближение смерти, Ярослав в 1187 г. «созва мужа своя и всю Галичкою землю позва же и сборы вся и манастыря и нищяя и силныя и худыя». И у такого представительного собрания князь просил разрешения оставить после смерти Галич Олегу, что и было ему в конечном итоге обещано под присягой [ПСРЛ, т. II: стб. 656–657]. Подобным же образом поступил и Всеволод.

Также в этой связи можно вспомнить события 1175 г., когда после гибели Андрея Боголюбского было созвано аналогичное общеволоостное собрание для определения будущей судьбы великокняжеского стола [Фроянов 1995: 656–658] (см. также: [Фроянов 1980: 651–652]). Видимо, таковой была сложившаяся на Руси практика решения подобного рода вопросов: князь мог изменить порядок наследования, но для этого он должен был получить санкцию от народного собрания, представлявшего всю землю-княжение. Равным образом необходима была подобная санкция для решения судьбы княжеского стола в случае отсутствия очевидных наследников, как произошло, например, в 1175 г. во Владимире.

Представляется, что во многом в контексте противостояния Владимира и Ростова следует рассматривать и открытую в 2015 г. уникальную надпись на стене Спасо-Преображенского собора в Переяславле, сюжет о которой вошел в один из новостных репортажей центрального телевидения (телеканал «Россия»). Текст надписи содержит сообщение об убийстве князя Андрея в 1174 г.: «Месяца июня 29 убиень бысть князь Андреи своими паробкы, овому вечная памят, а симъ — вечная мука». Далее следует перечень убийц, сохранившаяся часть которого включает как упомянутых летописью, так и лиц, ранее историкам неизвестных. Предположение, согласно которому аналогичные надписи были сделаны и на храмах других городов Северо-Восточной Руси, выглядит

вполне логичным. Однако при этом следует обратить внимание на то, что одной инициативы властей (и светских, и церковных) для этого было недостаточно. Официальный характер надписи сомнений не вызывает, но жители городов (члены городской общины) относились к своим храмам весьма ревностно, что исключало волюнтаризм и в данном случае. Потому такая акция, на какие бы конкретно города она ни распространялась, должна была иметь поддержку среди прихожан — все тех же свободных общинников. Не исключено, что подобные граффити могли появиться не сразу после убийства Андрея Боголюбского, а значительно позднее — во втором десятилетии XIII в., когда северо-восток был охвачен новой волной междоусобиц, следовавших после смерти Всеволода Большое Гнездо. В тот период противоречия между Владимиром и Переяславлем, с одной стороны, и Ростовом — с другой, вновь обострились, и память об Андрее, умалившем значение Ростова, могла стать своего рода идеологическим знаменем.

Итак, мы можем констатировать, что поступок Всеволода не был чем-то совершенно из ряда вон выходящим, однако мира земле он не принес, и новый конфликт братьев-соперников начался буквально с последним вздохом великого отца. Юрий являлся теперь великим князем Владимирским. С этим не мог смириться ни Константин, ни стоявшие за его спиной жители Ростова, все еще думавшие вновь подчинить себе Владимир. В этом была главная предпосылка для последующих усобиц, и именно это делало политическую ситуацию в Северо-Восточной Руси до крайности неопределенной. Положение усугубило еще и то, что другие князья предпочли также извлечь выгоды из этого спора, примкнув к той или иной стороне.

Первоначально военные действия были достаточно вялыми и больше напоминали бряцанье оружием. Уже в 1212 г. Юрий ходил ратью к Ростову, но все завершилось миром. Через некоторое время князья-противники встретились недалеко от Юрьева-Польского. Этот «снем» (съезд) должен был способствовать выработке компромисса. Но достигнуть его ввиду непримиримости сторон было крайне сложно, а потому противостояние продолжилось. В нем все более активно участвовали младшие Всеволодовичи. Один из них — Владимир, получивший первоначально после смерти отца Юрьев, по наущению Константина попытался закрепить

в Москве. Другой — Святослав, напротив, покинул Константина и получил от Юрия освободившийся Юрьев-Польский.

В 1213 г. Константин снарядил экспедицию против Костромы. Город был сожжен, а жители его уведены в плен. Противники же старшего из сыновей Большого Гнезда совершили поход под Ростов, где также нанесли ощутимый урон местным жителям. Но опять дело до поры завершилось миром, скрепленным крестным целованием [ПСРЛ, т. VII: 118]. Однако можно предположить, что мир этот был более выгоден Юрию и Ярославу, поскольку сразу после его заключения братья отправились под Москву, для того чтобы выбить засевшего там Владимира Всеволодовича, что и было ими осуществлено (Владимир вынужден был уйти в Переяславль Южный, где во время нападения половцев попал в плен и несколько лет провел в степи [ПСРЛ, т. VII: 119]). Видимо, одним из условий того договора было как раз возвращение Москвы под влияние Юрия, вот на этом основании и можно утверждать о большей выгоде от соглашения для Владимирского князя [Фроянов 1995: 696]. Но это вовсе не было полной победой, так как Ростов не утратил свой военный потенциал, хотя, видимо, ростовцам стало окончательно ясно, что переломить ситуацию собственными силами у них пока возможности нет.

Еще со времени зарождения отечественной исторической науки в этом разгоревшемся после кончины Всеволода споре за власть усматривали, прежде всего, *личный* конфликт в великокняжеской среде. В. Н. Татищев даже поместил в своем труде часть переписки, которая якобы имела место между Юрием и Константином и смысл которой как раз именно в частной ссоре за старшинство, подогреваемой советами бояр (см.: [Татищев 1995: 187]). Данное сообщение вызывало, впрочем, недоверие еще у Н. М. Карамзина [Карамзин 1991: 578], но, действительно, трудно не согласиться с тем, что мотивы личного ущемления должны были сыграть не последнюю роль в развитии этого противостояния. Однако, конечно же, более важным было другое: объективными причинами назревавшего конфликта был не спор братьев-князей, а борьба друг с другом Ростова и Владимира — двух частей некогда единой Ростово-Суздальской земли. И. Я. Фроянов в своих работах наглядно показал, что за спиной Константина стояла община Ро-

стова, желавшего остановить возвышение «мизинного» Владимира. Равным образом притязания Юрия опирались на силу великокняжеской столицы — города на Клязьме. И Всеволодовичи, злоумышляя друг против друга, прежде всего находились в рамках политического курса, определявшегося интересами «своих» городов [Фроянов 1995: 691–697]. Во всех межкняжеских спорах нельзя не видеть решающее участие и значение ростовцев, владимирцев, переяславцев. Не оставались в стороне также и жители более мелких городов, например, Москвы, представители которой, видимо, уже тяготились зависимостью от Владимира-на-Клязьме, а потому охотно приняли к себе независимого от великокняжеской столицы князя Владимира Всеволодовича, который ориентировался на союз с Константином (читай: с Ростовом). Таким образом, Москва — один из примеров младших городов-пригородов, которые, почувствовав собственный потенциал, стремились играть на политической сцене много бóльшую, нежели прежде, роль. Москва активно включится в эту борьбу и станет ее безусловным лидером, но произойдет это уже на новом историческом этапе.

В результате подобного рода противоречий между городами-землями Северо-Восточной Руси в этот период произошло дробление Ростовской епархии на две новых — собственно Ростовскую и Владимирскую. Особенностью русских епархий была их достаточно большая площадь и сравнительная стабильность границ. Однако в XIII в. прежний Ростовский архиерей Иоанн почел за лучшее удалиться на покой, а вместо него поставлены были два епископа во Владимир и Ростов. Летопись под 1214 г. сообщает: «Иоанн, епископъ Суждальскый отписася епископыи всея земля Ростовская и пострижеса в чернеце в монастыри в Боголюбомъ» [ПСРЛ, т. I: стб. 438].

Что же толкнуло архиерея на такой шаг? Для начала несколько слов скажем о жизни самого Иоанна. До своего поставления на кафедру в 1190 г. он был духовником Всеволода Большое Гнездо¹. На основании некоторых наблюдений Е. Е. Голубинский посчитал, что

¹ «Посла благоверныи христоролюбивыи великыи князь Всеволодь... г Киеву... к митрополиту Никифору отца своего духовнаго Иоанна на епископство...» [ПСРЛ, т. I: стб. 408].

новый архиерей, возможно, был выходцем из белого духовенства [Голубинский 1997а: 354].

Примечательно, что, прибыв на северо-восток из Киева после хиротонии, Иоанн посетил прежде всего Ростов, затем Суздаль и, наконец, Владимир. То есть архиерей подчеркнул значение города на берегу озера Неро как центра собственной епархии. Впрочем, возможно, что для этого есть и более простое объяснение: маршрут епископа проходил по Днепру и далее по Волге, то есть Ростов был ему ближе по пути. Любопытен, однако, факт, что в тот период по странному стечению обстоятельств в Ростове оказался и сам великий князь: «тогда сущю великому князю Ростове в полюдьи...» [ПСРЛ, т. I: стб. 408].

Нужно сказать, что борьба за первенство между центрами Северо-Восточной Руси велась и в идеологической сфере, а для того времени это означало в сфере религиозной. В Ростове еще в 1164 г. во время строительства нового храма были обретены мощи святого Леонтия — одного из первых местных архиереев [ДП: 126]. Теперь же епископ Иоанн позаботился об установлении местного праздника этого святого. Кроме того, Иоанн сам написал службы вновь прославленному подвижнику [Голубинский 1998а: 60–61] (см. также: [Ключевский 1989: 10–11 и др.]). Интересно, что празднование это закрепилось на тот момент лишь в Ростове, и даже во Владимире, который формально являлся частью епархии Иоанна, оно первоначально, видимо, не прижилось [Голубинский 1997б: 390, 390–391; Хорошев 1986: 63].

Но неправильно представлять ситуацию таким образом, что Иоанн думал лишь о Ростове. Епископ пытался лавировать. Стараясь соблюсти некий баланс интересов общин Ростова и Владимира, Иоанн даже составил два канона Леонтию Ростовскому. В первом из них, предназначенном для чтения во Владимире, «культ Леонтия мыслился подчиненным главному богородичному культу»; в то же время второй, «ростовский», вариант канона был «откровенно проникнут местной ростовской тенденцией» [Воронин 1963: 37]. В летописях мы найдем и другие факты заботы архиерея о собственном авторитете в Клязьминской столице. Так, в 1194 г. по инициативе епископа были «обновлены» соборные церкви Владимира и Суздаля (последнюю даже покрыли оло-

вом) [ПСРЛ, т. I: стб. 411]. И это далеко не единственный пример такого рода.

Однако самую важную услугу Иоанн оказал жителям Владимира вовсе не строительными акциями. Как было видно из приведенной чуть выше летописной цитаты, в 1211 г. он присутствовал на том самом общеволостом вече, которое согласилось с решением Всеволода Большое Гнездо передать великокняжескую столицу Юрию. Постановления того схода были неприемлемы для Ростова, интересы которого выражал Константин. Более того, представители этого города, вероятно, вовсе отказались принять участие в расширенном вече всей земли, так как понимали, что все равно окажутся в политической изоляции и не смогут добиться положительного для себя исхода дела (см.: [Фроянов 1995: 694]). А вот архиерей, кафедра которого находилась в Ростове, посчитал для себя возможным участвовать в этом мероприятии. Конечно, при этом он едва ли протестовал и против желания великого князя лишиться старшинства Константина. Ведь его с Всеволодом связывали давние и, скорее всего, теплые отношения. Как могли расценить такое поведение ростовцы? Разумеется, как несоблюдение их собственных политических интересов.

Возьмем на себя смелость предположить, что во время обострения отношений между Всеволодовичами Иоанн вообще по большей части (если не постоянно) находился во Владимире или других городах, подвластных противникам Константина. Доказательством может служить то, что летопись, сообщив об участии епископа в похоронах Всеволода, умалчивает о его присутствии при совершении обряда пострига сыновей Константина Василько и Всеволода. Это касается и строительных акций Константина, которые летопись никак не связывает с Иоанном [ПСР, т. I: стб. 437]. В то же время церемония пострига, видимо, предусматривала присутствие архиерея: во всяком случае, сам Иоанн участвовал в 1192 г. в постриге, совершенном над Юрием Всеволодовичем, его имя упомянуто и в связи с постригом Ярослава (1194 г.) [ПСРЛ, т. I: стб. 409, 411].

Вывод, который можно сделать из вышеизложенного, заключается в том, что ростовцы, а значит и выразивший их мнение князь, едва ли доверяли своему владыке. С другой стороны, не могли пол-

ностью положиться на Иоанна и жители Владимира — ведь он по-прежнему оставался Ростовским архиереем, юридически центром его владений был Ростов, а потому он, конечно же, не мог игнорировать интересы одной части своей паствы в угоду другой. Лавировать здесь также едва ли представлялось возможным — ведь дело шло к настоящей войне между областями Северо-Восточной Руси. Владимиру нужен был свой епископ. Предпосылки для создания новой епархии с центром в великокняжеской столице окончательно созрели.

Примерно то же можно сказать и о Ростове: здесь также были заинтересованы в том, чтобы местный архиерей пекся прежде всего о выгодах их города. Кроме этого, Иоанн был слишком тесно связан с Юрием: когда-то он участвовал в его постриге, кроме того, у него были особые отношения с Всеволодом, а значит, ему была особенно дорога последняя воля князя. А это уже прямо противоречило интересам Ростова. Потому не было ничего странного в том, что Иоанн оставил кафедру. В летописании по большей части сообщается, что сделал он это добровольно. Однако, скорее всего, на Иоанна было оказано какое-то давление с целью вынудить его покинуть кафедру². Видимо, решение об отречении было принято им опять же в период нахождения во Владимире или одном из городов Юрия, свидетельством чему может служить тот факт, что прежний архиерей выбрал для жизни монастырь, лежащий в землях, подконтрольных Юрию (в летописях по этому поводу находим два варианта: Боголюбская обитель [ПСРЛ, т. I: стб. 438] либо Суздальский монастырь Козьмы и Домиана [ПСРЛ, т. VII: 119; т. XXIV: 86]. Примечательно, что Иоанн, пожелав не возвращаться в Ростов, не выбрал для проживания и монастырь во Владимире. Вероятно, оставаться в городе ему было неудобно из-за недоверия населения по причине его прежних связей с Ростовом. Ждать же поддержки от ростовцев и Константина тем более не приходилось.

Таким образом, была открыта дорога для разделения Ростовской епископии, что стало очередным витком эскалации конфлик-

² «Летописец Переяславля Суздальского» прямо говорит о том, что Иоанн был изгнан владимирцами [ЛПС: 112].

та, который в итоге вылился в Липицкую битву. У Юрия уже был на примете собственный кандидат во Владимирские архиереи — игумен Владимирского монастыря Рождества Богородицы Симон — один из образованнейших людей своего времени. К тому же князя с ним связывали неформальные отношения — новый епископ был прежде духовником его матери (см.: [ПСРЛ, т. I: стб. 424]). Интересно, что и Константин также добился поставления в епископы Ростова собственного духовника Пахомия [ПСРЛ, т. I: стб. 438]. «И оттоле, — как сказано в одной из летописей, — разделися: нача бытии в Ростове епископ, а в Володимери и въ Суздаде другой» [ПСРЛ, т. XXIV: 86–87].

Исход междоусобной борьбы предопределило вмешательство в конфликт Новгорода, войско которого, возглавляемое знаменитым Мстиславом Удалым, выступило на стороне Константина и ростовцев. После поражения Юрия и его союзников 21 апреля 1216 г. на Липицком поле владимирский архиерей Симон должен был вместе с князем покинуть Владимир и отправиться в Городец Радилон, хотя едва ли его фигура была совершенно неприемлема для Константина Всеволодовича. Во всяком случае еще до решающего столкновения Симон посещал Ростов, в частности, он принимал участие в похоронах епископа Ростовского Пахомия [ПСРЛ, т. I: стб. 439], который, как и Симон, некоторое время был монахом Киево-Печерской обители («...черньчсвтовавъ преже добре исправлено лет 5 в Печерьском монастыре...» [ПСРЛ, т. I: стб. 439]). Возможно, при этом Владимирский епископ выполнял и какое-то дипломатическое поручение Юрия, стремясь примирить враждовавших братьев. Это позволяет нам утверждать, что политическая позиция Симона в ходе развивавшегося по нарастающей конфликта Всеволодовичей была достаточно гибкой.

Но уже вскоре после Липицкой битвы братья сумели достигнуть соглашения: Юрий вернулся с берегов Волги, он получил в управление Суздаль и стал наследником великого княжения Владимирского. И вновь Симон сопровождал князя («Того же лета посла Костянтин Всеволодичъ по брата своего Георгия на Городецъ, зова его к собе во Володимерь; он же прииде к нему с епископом своим Симоном и с боляры своими. Константин же урядися с на том: “По моем животе Володимерь тебе, а ныне поиди в Суздаль”»

[ПСРЛ, т. XXV: 115]). Конечно, тогда не была закрыта и вновь образованная Владимирская епархия: решение таких вопросов находилось сугубо в юрисдикции митрополита, к тому же едва ли такой оборот дела мог прийти по душе владимирцам (а Константин княжил именно во Владимире). Возможно, желание жителей великокняжеской области вернуть своего архиерея стало дополнительным побудительным мотивом для примирения братьев. Симон, таким образом, получил возможность вновь на практике вступить в управление собственной епархией. В 1218 г. Константин умер, Юрий стал великим князем, и уже через год после смерти старшего Всеволодовича во Владимирском Рождественском монастыре была освящена новая церковь [ПСРЛ, т. I: стб. 444] (напомним, что именно из этой обители вышел для принятия Владимирской кафедры Симон). При знаменательном событии присутствовал не только великий князь, но и его брат Ярослав. Был здесь и игумен монастыря Митрофан.

В 1226 г. Симон Владимирский скончался. Вместо него в 1227 г. был поставлен опять же выходец из Рождественского монастыря Митрофан. Очень любопытны обстоятельства его хиротонии. В ней принял непосредственное участие прибывший из Киева митрополит Кирилл, вместе с ним в таинстве участвовали четыре епископа [ПСРЛ, т. I: стб. 449].

Митрофану, как и его предшественнику на кафедре, придется достаточно активно участвовать в политической жизни. В 1229 г. на Руси чуть было не разгорелась новая усобица, которая могла стать еще более жестокой, чем предыдущее противостояние Всеволодовичей. До Ярослава Всеволодовича Переяславского вдруг дошла весть о том, что его старший брат и великий князь Юрий замышляет в отношении него нечто недоброе. Те же опасения разделяли и княжившие в Ростовской земле три их племянника — сыновья старшего сына Всеволода Большое Гнездо Константина: «Того же лета Ярослав оусумнеся брата своего Юргя, слушая некихъ льсти. И отлучи от Юргя Костянтиновичи 3 (троих. — *Р. С.*): Василька, Всеволода, Володимера, и мысляшет противися Юргю, брату своему» [ПСРЛ, т. I: стб. 452]. Над Северо-Восточной Русью нависла угроза масштабной войны. Однако на этот раз все обошлось: 7 сентября 1229 г. князья собрались на съезд в Суздале

и смогли разрешить все спорные вопросы полюбовно («Но Богъ не попусти лиху быти. Благоразумныи князь Юрги призва ихъ на снем в Суждаль, и исправивше все нелюбье межю собою») [ПСРЛ, т. I: стб. 452]. Это был канун Рождества Пресвятой Богородицы, а на следующий день князья встретили праздник у епископа Митрофана («празднествовавшие Рождество Святыя Богородица оу священнаго епископа Митрофана, бывше весели и одарены с мужи своими и розъехашася» [ПСРЛ, т. I: стб. 452]), и вряд ли мы ошибемся, полагая, что торжества проходили в Рождественском монастыре. Есть все основания утверждать, что Владимирский архиерей выступил посредником на этих переговорах, в ходе которых, вероятно, выяснилось, кто именно сеял вражду между князьями.

В тот же день, когда проходил «снем», то есть 7 сентября 1229 г., состоялся и суд над бывшим епископом Ростовским Кириллом, незадолго до того удалившимся по болезни в один из монастырей Суздаля. Роль третейского судьи была поручена Ярославу. Что ставилось в вину ушедшему на покой архиерею, нам неизвестно. Летопись сообщает лишь то, что он был обвинен «некакою тяжею», и о конкретном значении этой туманной формулировки остается только гадать. Впрочем, вполне логично сделать вывод, что именно от Кирилла исходили слухи о кознях великого князя Юрия, направленных против своей «братии», и что за распространение необоснованных предположений архиерей и поплатился. В пользу такой версии свидетельствует и то, что Ростовские князья были как раз среди тех, кто опасался измены от великого князя. После этого они, разумеется, не могли выступать в роли объективных судей, не мог этого сделать и Юрий, так как именно против него в первую очередь была направлена «лесьть». Оставался Ярослав. Ему-то и был поручен «арбитраж».

Приговор Ярослава был суровым. Кирилл, считавшийся одним из самых богатых архиереев, полностью лишился своего имущества. Однако принял он это наказание со смирением Иова и решил постричься в схиму [ПСРЛ, т. I: стб. 452].

В следующем году по просьбе Константиновичей Митрофан отпустит на Ростовскую кафедру архимандрита Владимирского Рождественского монастыря, также носившего имя Кирилл [ПСРЛ, т. I: стб. 453]. Обратим внимание, что новый архиерей Ростова был

выходцем из той же обители, в которой подвизались Симон и Митрофан Владимирские.

Не забывал Митрофан и о собственно внутрицерковных делах. В 1230 г. он в торжественной обстановке встречал тело убитого за год до этого в Волжской Булгарии за исповедание христианства «новаго мученика Христова» Авраамия. Святого предали земле в Княгинином монастыре Владимира [ПСРЛ, т. I: стб. 452–453]. В том же году «потщаньем священного епископа Митрофана» начата была роспись церковь Богородицы в Суздале [ПСРЛ, т. I: стб. 455].

В 1230 г. архиерею представилась еще одна возможность выступить в качестве посредника в княжеском политическом споре. На сей раз речь шла о противостоянии между Ярославом Всеволодовичем и Михаилом Всеволодовичем Черниговским, предметом которого был, скорее всего, Новгород. Видимо, Михаил нарушил крестное целование, когда решил вокняжиться в Новгороде, и вот теперь должна была начаться очередная усобица. Однако Черниговский князь не желал доводить дело до кровопролития. По его инициативе во Владимир прибыло весьма представительное посольство, возглавлял которое сам митрополит Кирилл. Его сопровождали епископ Черниговский Порфирий и игумен киевского монастыря Спаса на Берестове Петр Акерович. Для встречи делегации был вновь собран княжеский съезд, на котором присутствовали оба сына Всеволода Большое Гнездо и их племянники Константиновичи — ростовские владетели. Разумеется, архиереям оказали самый почетный прием. Летопись не упоминает в связи с этими событиями Митрофана, но, вне всяких сомнений, он должен был присутствовать в это время во Владимире и участвовать в переговорах, ведь не мог же он игнорировать присутствие митрополита! Убежденный увещеваниями представителей духовенства (и в том числе Митрофана) Ярослав «взя мирь с Михаиломъ» [ПСРЛ, т. I: стб. 455–456]. Митрофану будет суждено управлять епархией вплоть до монгольского нашествия, в ходе которого Владимир подвергнется разорению, а епископ вместе с семьей великого князя погибнет в дыму на хорах Успенского собора, внутри которого варвары разложат костер.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ, МОСКВА И МОНГОЛЫ

Татаро-монгольское нашествие пронеслось по землям Руси, сметая все на своем пути. Погибло множество народа, ряд городов превратился в развалины, огромное число людей было уведено в рабство. Церковь, как и другие общественные институты древнерусских земель-государств, серьезно пострадала в результате татарского вторжения. Источники пестрят фактами, доказывающими это (см., напр.: [ПСРЛ, т. I: стб. 460–465]). Описание гибели церковных служителей приобрело в летописях характер клише, но за этим, без сомнения, стояли реальные события [Охотина 1989: 158]. Данные летописей подтверждает и археология (см., напр.: [Жарнов 2003: 55]). Учитывая все это, сложно согласиться с мнением, что церковная организация «несмотря на тяжелейшие бедствия, потрясшие страну, выжила без особых потерь...» [Хорошев 1986: 73].

В материальном плане особо чувствительной для церковной жизни стала потеря книг и утвари (деревянные храмы можно было довольно быстро отстроить вновь) [Голубинский 1997в: 16]. Разорены были и территории, право сбора доходов с которых принадлежало иерархии. Так, в 1239 г. захватчики «град святяга Богородица Гороховецъ пожгоша» [ПСРЛ, т. I: стб. 470]. Особенно серьезный урон причинен был монастырям: многие из них оказались разграбленными, а их братия вырезана. Это надолго задержало развитие иночества и монастырского хозяйства [Будовниц 1966: 47].

Судьба высших иерархов была различна: некоторые из них вдохновляли народ на борьбу с завоевателями. Так, например, епископ Владимирский Митрофан призывал паству оборонять свой город [ПСРЛ, т. II: стб. 779–780]. Другие не решились разделить судьбу паствы. Е. Е. Голубинский полагал, что если признать обязанностью епископов вдохновлять народ на борьбу, «то летописи не дают право нам сказать, чтобы епископы наши оказались на высоте своего призвания...» [Голубинский 1997в: 14]. Покинул свой город перед нашествием епископ Рязани [НПЛ: 75, 287; ПСРЛ, т. I: стб. 515]. При этом для ухода иерархов из обреченных на разорение городов существовали и некоторые разумные доводы. Конечно, гибель для владыки вместе с защитниками русских городов была почетна, но кто бы ставил священников, если бы на Руси совершенно не осталось епископов [Голубинский 1997в: 15]? В областях, где епископы погибли, долгое время особенно остро ощущался недостаток в священниках [Голубинский 1998б: 86].

Незадолго до разгрома татарскими войсками Киева туда пришел из Никеи митрополит Иосиф, грек по национальности [НПЛ: 74, 285; ПСРЛ, т. I: стб. 514]. Далее о нем нам ничего не известно. Его имя не упоминается в связи с падением Киева, он просто пропал без вести. Мнение, что Иосиф бежал из Руси, кажется весьма вероятным [Будовниц 1960: 324; Охотина 1989: 158; 1990: 68; Хорошев 1986: 73; Алексеев 1988: 66]. Кроме страха перед надвигавшейся монгольской угрозой Иосифом могли руководить дипломатические расчеты: Византия желала иметь с ханами мир и даже династическое родство [Карташев 1993: 290].

Русская митрополия издавна действовала на принципах самоуправления, однако с таким важным исключением, как назначение ее главы из Константинополя. В какой-то степени это обуславливалось тем, что в разобщенной на практически суверенные земли-государства Руси свой митрополит неизбежно должен был столкнуться с некоторыми трудностями в установлении власти над *всеми* русскими землями-государствами [Будовниц 1960: 406]. Но все же не это было главным, ведь трудно поверить, что в течение нескольких столетий не находилось русского по происхождению иерарха, способного подняться над местечковыми интересами какого-то одного княжения и завоевать авторитет на всей Руси.

Более важным, видимо, было другое. Греки были *заинтересованы* в том, «чтобы иметь всегда в Киеве надежного и доверенного представителя, который будет соблюдать интересы патриарха и мерить их с интересами местной власти не в ущерб патриархии» [Шапов 1989а: 168]. Сохранение контроля над Русской церковью было чрезвычайно важно для константинопольских властей. К тому же византийский император видел себя универсальным правителем всех православных стран, а значит, и Руси (см.: [Рапов 1988: 176; Цыпин 2004: 310–311]). Конечно, из этого вовсе не следует, что греческие василевсы имели какую-либо возможность непосредственно влиять на политическую ситуацию в Русской земле. Но все же и русские князья, и духовенство, и народ чувствовали свой, если можно так выразиться, духовный вассалитет от императора и осознавали себя и свою страну как принадлежность единой православной ойкумены, во главе которой стоял властитель Константинополя³.

Теперь же уход никейского ставленника дал Руси возможность поставить на митрополию соотечественника. Первую попытку предпринял Михаил Всеволодович Черниговский, провозгласив митрополитом Петра Акеровича — игумена монастыря Спасана-Берестове [Пашуто 1948: 302], «не считаясь с дезертировавшей греческой властью» [Карташев 1993: 293]. При этом князь должен был мириться с тем, что границы его власти совпадали с границами власти Петра: нового пастыря не признал Даниил Романович, его кандидатура не получила поддержки и в Северо-Восточной Руси [Пашуто 1948: 302].

Верховным пастырем Руси стал другой человек — Кирилл, ставленник Даниила Галицкого. Ипатьевская летопись называет его митрополитом еще под 1243 г. [ПСРЛ, т. II: стб. 794]. В 1250 г. Кирилл был «послан Данилом и Васильком на поставление митрополюе Руской»⁴ [ПСРЛ, т. II: стб. 809] в Nikeю (Константинополь еще с 1204 г. находился под властью католиков). Греки не протестовали, что объясняется их замешательством и бегством Иосифа

³ См. об этом подробно: [Алексеев 1994].

⁴ Е. Е. Голубинский относил дату отъезда Кирилла к 1246 г., ученый полагал, что Даниил Галицкий не хотел посылать своего кандидата к грекам, не уладив отношений с татарами [Голубинский 1997в: 53, 54].

[Мейендорф 2000: 365]. Византийские власти были вынуждены возвести Кирилла на высший церковный пост Руси, создав тем самым прецедент.

Изначально церковная власть Кирилла не могла распространяться на севернорусские земли, но после утверждения от патриарха он решил поехать на север Руси. Его предшественники этого не делали. Вообще частые разъезды по подвластным землям — особенность правления митрополита Кирилла [Голубинский 1997в: 55], хотя подобные поездки в те времена были очень затруднительными и даже опасными. Что же заставляло Кирилла совершать эти дальние путешествия? Очевидно, что новый русский митрополит первоначально хотел распространить свою власть на север Руси, ведь Киев потерял прежнее значение. Возможно, что в тот момент в Днепровской столице первоиерарх просто не смог бы найти даже подходящего его сану пристанища [Барсов 1878: 423]. На севере же можно было получить и финансовую поддержку. Кроме того, митрополит вершил свой апелляционный суд, что было его долгом и одновременно источником дохода (за совершение суда полагались кормления) [Карташев 1993: 291]. Первоиерарх завел тем самым новую форму апелляционного суда: теперь не к нему ехали, а он сам объезжал свою паству [Голубинский 1997в: 56, 57]. Здесь можно увидеть аналогию с полюдьем — объездами князьями своих земель⁵ [Кривошеев, Соколов 2002: 159–160]. Кирилл был хорошо знаком с этим явлением, он понимал, что оно утратило свои языческие признаки (их постепенная утрата шла уже с рубежа XI–XII вв.)⁶, и решил использовать полюдье для нужд своей кафедры. Для преемников Кирилла путешествия по подвластным землям станут нормой.

Нельзя забывать, что киевским князем в тот период был Александр Невский, получивший от татар «Киев и всю Русьскую землю» [ПСРЛ, т. I: стб. 472]. А. П. Григорьев полагает, что титул князя Киевского был нужен Александру Ярославичу, так как он имел «дальний политический прицел — переместить церковный центр

⁵ Мысль о такой аналогии принадлежит Ю. В. Кривошееву и приводится нами с его разрешения.

⁶ Подробнее о полюдье см.: [Фроянов 1996: 448–484].

в Северо-Восточную Русь», что позволило ему позже «взять под свою руку Киевского митрополита Кирилла» [Григорьев 1990: 55]. В это время на Руси начал складываться союз Даниила Галицкого и Андрея Ярославича, направленный против татар. Эта коалиция была скреплена браком Андрея Ярославича с дочерью Даниила, венчал молодых сам Кирилл [ПСРЛ, т. I: стб. 472]. Значит, перед нами еще одна причина поездки пастыря на север: он был посредником в заключении союза между князьями — сторонниками вооруженной борьбы с монголами. Вероятно, в то время Кирилл был врагом татарской власти [Охотина 1900: 75], и мы видим, что он при первом своем появлении «выступил на Суздальской земле как политик, явно связанный с Галицким князем» и его планами [Флорья 2004: 163–164].

Находясь на севере, митрополит в сопровождении епископа Кирилла Ростовского посетил Новгород, где поставил архиепископом Далмата [НПЛ: 80, 304; ПСРЛ, т. I: стб. 472]. С этого времени посещения митрополитами Волховской столицы будут повторяться, причиной чего было среди прочего усиление роли Новгорода в политико-экономическом раскладе сил на Руси. Такое усиление стало возможным, в частности, благодаря тому, что город сумел избежать разорения в 1238 г. Как известно, двигавшиеся по Селигерскому пути монголы не дошли до Новгорода около ста верст. Последним пунктом, уничтоженным захватчиками, стал сопротивлявшийся две недели Торжок, защитники которого так и не дождались помощи с берегов Волхова. Историки указывали на разные причины, по которым Торжок, как и другие русские земли, был предоставлен новгородцами своей судьбе. Сейчас же мы, несколько отвлекаясь от основной темы, обратим внимание на еще один примечательный факт: в Новом Торге к 30-м годам XIII в. активно обозначались сепаратистские тенденции, «город, видимо, притягивал всех недовольных новгородской городской общиной» [Фроянов, Дворниченко 1988: 177–178]. А потому Новгород в 1238 г. не был особенно заинтересован поставить все на карту ради Торжка, разорение которого к тому же должно было надолго перечеркнуть сепаратистские устремления его жителей.

Однако «возвратимся на прежнее». Прибытие в город митрополита, да еще в сопровождении епископа Ростовского, было, ко-

нечно, само по себе далеко не рядовым событием. К тому же с заступничеством одноименного обоим архиереям святого — Кирилла Иерусалимского — новгородцы связывали избавление от войск Бату-хана [Янин 2004а: 207]. Это должно было усилить впечатление, произведенное на жителей приездом иерархов.

В самом Новгороде в 40–50-е годы XIII в. в условиях постоянной военной угрозы особенно возрос авторитет Александра Невского. Не будет преувеличением сказать, что этот князь был вскормлен новгородцами, подобно тому, как за полтора столетия до того так же воспитывался на берегах Волхова сын Владимира Мономаха Мстислав. Однако особенно авторитет Ярославича укрепили военные победы. Именно благодаря им князь сумел добиться особых властных прерогатив [Янин 2003: 203–206].

Александру Невскому сразу же удалось выстроить конструктивные отношения и с митрополитом Кириллом. Во время визита последнего в Новгород князь сумел расположить к себе первоиерарха собственными антикатолическими воззрениями, что обеспечило ему в будущем поддержку главы Русской церкви [Григорьев 1990: 58]. Сам Кирилл почувствовал опасность сближения с папской курией в Никее (там же он, вероятно, получил и строгие антипапские инструкции от патриарха) [Карташев 1993: 293]. Митрополит изменил свои первоначальные взгляды, и у него теперь не могла вызывать симпатии ориентация Даниила Галицкого на союз с Римом.

Так впервые после вторжения войск Батыя была заложена основа для политического взаимодействия русского первоиерарха и севернорусского великого князя, и неважно, что Александр на тот момент формально был киевским правителем: реально его интересы и судьба (как и судьбы его потомков) были связаны с северо-востоком.

Ко времени прибытия митрополита в церковном управлении Владимирской Руси сложилась особая ситуация. Гибель епископа в великокняжеской столице сделала духовным центром земли Ростов, чей владыка Кирилл остался в живых благодаря своевременному уходу из города. До татарского нашествия Ростов проигрывал своему прежнему пригороду Владимиру в противостоянии, но в 1238 г., после ухода монгольских войск с северо-востока Руси,

у Ростова появилась возможность взять реванш, и епископу Кириллу Ростовскому, волей случая оказавшемуся старшим иерархом Северо-Восточной Руси, отводилась здесь особая роль.

Прежде всего, действуя в интересах Ростова, он перенес тело убитого на реке Сить великого князя Юрия Всеволодовича в Ростов, нарушив тем самым сложившуюся традицию захоронения великих князей в Успенском соборе Владимира. Весьма возможно, что ростовцы вслед за этим рассчитывали и на перенос политического центра в их город. Видимо, с этим связано и начало летописной работы при дворе епископа Кирилла, в то время как во Владимире после монгольского разорения летописание находилось в затяжном кризисе⁷. Но всем этим планам не суждено было сбыться: Ярослав Всеволодович настоял на перезахоронении тела погибшего брата, постаравшись разрушить планы ростовцев. Интересно, что еще в период вооруженной борьбы Константина и Юрия Всеволодовичей, выражавших интересы Ростова и Владимира соответственно, Ярослав выступил на стороне последнего. Приезд же на северо-восток митрополита лишил Ростов и значения церковного центра, ибо по прибытии первоиерарха епископ Кирилл автоматически терял власть над великокняжеской столицей.

Как известно, антитатарская коалиция русских князей потерпела крах. Вернувшегося из Орды великим князем Владимирским Александра Ярославича встречал у Золотых ворот Владимира «митрополит и вси игумени и гражане» [ПСРЛ, т. I: стб. 473]. Вероятно, Кирилл окончательно понял тщету усилий сбросить власть ханов в данное время. Поддержка митрополита, безусловно, должна была оправдать действия Александра в глазах народа [Алексеев 1990: 48]. В будущем Ярославич убедит в лояльности Кирилла ханскую власть (как добьется и реабилитации своего брата Андрея) во время своих поездок в Орду.

Митрополит Кирилл окончил свой земной путь в 1280 г., причем умер во время пребывания в одном из городов северо-востока — в Переяславле-Залесском [ПСРЛ, т. VII: 174–175]. В его правление были заложены основы отношений ханов Орды и русского

⁷ О летописании при Ростовской епископской кафедре см. подробно: [Приселков 1996: 147].

духовенства. Будучи ставленником Даниила Галицкого, митрополит Кирилл, по-видимому, изначально разделял и его внешнеполитические взгляды, то есть был сторонником союза с католическим Римом против татар. В Никее, стремившейся освободить Константинополь, во время поставления он получил строгие антипапские инструкции [Карташев 1993: 293] (греки еще до захвата своей столицы относились к латинянам крайне отрицательно [Лебедев 1998: 9–40], испытав к этому времени от них даже больше бед, чем от турок [Соколов 2003: 65–66; 177, 180–181]). Невозможность же сопротивления Орде разъяснил ему Александр Невский, который убедил ордынцев в лояльности митрополита. Так был сформирован внешнеполитический курс Русской церкви в начальный период зависимости от Орды. Этот курс было суждено развивать его преемникам.

Через три года после смерти Кирилла «поставлен бысть на Русь митрополит гречин, именем Максим» (1283 г.) [ПСРЛ, т. VI, вып. 1: стб. 359; т. VII: 176; т. XXV: 154; т. XXXIX: 95] (ср.: [Горский 1996: 87]). На этот раз Константинополь нашел кандидата на Русскую кафедру в среде византийских клириков: отношения Руси с монголо-татарами наладились, и теперь были желающие стать ее митрополитом. Византия была заинтересована в получении средств из Руси, а обеспечить это мог скорее митрополит-грек, чем русский [Мейендорф 2000: 392]. Возможно, Царьград еще при жизни Кирилла дал понять нежелательность избрания верховного пастыря из среды русских клириков, а может быть, и сами русские не решились на такое избрание в условиях нормализации церковной жизни после разорения, учиненного войсками Бату-хана в 1237–1240 гг. [Голубинский 1997в: 90]. В общем, правильным будет признать, что это избрание не было неожиданностью.

Оказавшись на Руси, Максим немедленно отправился в Орду. Вернувшись оттуда, он призвал к себе в Киев русских епископов, а уже в 1285 г. приезжал на север Руси и посещал Новгород [ПСРЛ, т. X: 161, 162; НПЛ: 326]. Можно утверждать, что Максим изначально воспринял установленную его предшественником практику частых объездов митрополии.

Однако вскоре эти объезды пришлось прекратить: после очередного набега одного из монгольских отрядов Русский перво-

иерарх принял окончательное решение перебраться на северо-восток (1299/1300): «Митрополитъ Максимъ не терпя Татарьско насилья оставя митрополью и збежа ис Киева и весь Киевъ розбежался а митрополит иде ко Брянску и отоле иде в Суждальскую землю и со своим житьем» [ПСРЛ, т. I: стб. 485]. В то время вообще усилился поток переселенцев из опустошаемой татарами Южной Руси, среди беженцев было немало представителей разрушенных княжеских дворов, пополнявших ряды бояр Северо-Восточной Руси [Алексеев 1998: 9]. В течение этого потока попал и митрополит. Причем его переезд в какой-то степени должен был стимулировать и общее переселение на север Руси. Ведь как верно по сути, но с использованием современной терминологии писал Б. А. Романов: «К концу XII в. церковник уже практически чувствовал себя чем-то вроде представителя туристбюро, регулирующего этот поток людей, которые обращались к нему за благословением на дальний путь» [Романов 1947: 202].

Максим добрался до Владимира 18 апреля [ПСРЛ, т. VI, вып. 1: стб. 365; т. VII: 182]. Значит, татарское разорение древней русской столицы пришлось на зиму. Это вполне естественно: зима — наиболее благоприятное время для военных походов монголов (вспомним, что Северо-Восточную Русь Бату-хан громил именно зимой). Владимирский епископ Симеон получил Ростовскую кафедру [ПСРЛ, т. I: стб. 528]. Вряд ли такой поворот событий вызвал неприязнь между митрополитом и епископом. Уже на следующий год Максим и Симеон (а также Андрей Тверской) вместе ходили в Новгород для поставления нового владыки Феоктиста вместо почившего Климента [НПЛ: 91, 330].

Новгородский летописец сохранил для нас чрезвычайно любопытную деталь. Сообщая об избрании на кафедру архиепископа Феоктиста и введении его на владычный двор, летопись дает пояснение: «донде уведають кде митрополит» [НПЛ: 90, 330]. Это свидетельствует об обстановке, которая сложилась после бегства Максима из Киева: он вынужден был скитаться по Руси, и на Севере было даже неизвестно его местонахождение. Опасность, угрожавшая русскому иерарху, была вполне реальна (позже в сходной ситуации окажется митрополит Петр в Брянске, он смог спастись, укрывшись от монголов в церкви [ПСРЛ, т. VII: 185; т. X: 177;

т. XVIII: 87; т. XXV: 159; т. XXXIX: 97]). Это свидетельство того, что ярлыки зачастую «не работали» во время набегов татар. Но все же и Максим, и его люди спаслись от татарского погрома и смогли покинуть Киев. Вероятно, ярлыки хана все-таки несколько сдерживали монгольских воинов. Не случайно, как нам думается, митрополит Петр позже укрылся в церкви, которую татары разорять не стали. А что могло их остановить, кроме страха перед ханом? Во время похода Бату-хана церкви не щадили, теперь же ситуация меняется.

Перенос резиденции митрополита стал первым шагом к распаду единства Русской митрополии. Северо-Восточная Русь была более надежным прибежищем для митрополита, чем Южная, в том числе из-за склонности князей-южан к контактам с Римом [Мейендорф 2000: 397–398]. Галицкие князья, в свою очередь, не могли смириться с тем, что Владимир становился единственным церковным центром [Павлов 1894: 3]. В списках митрополий, подчиненных Константинополю в XIV в., читаем: «Галич, епископия России, возведена в митрополию императором кир Андроником Палеологом при святейшем патриархе кир Афанасии в 6811 г.» [Соколов 1913: 216]. Судя по грамоте польского короля Казимира к патриарху (1370 г.), первым Галицким митрополитом был Нифонт [Павлов 1894: 7]. «Перенесение (митрополии. — Р. С.) было лишь делом нужды и своего рода неволи, а не сознательной политики» [Соколов 1913: 201]. Действительно, еще в 1295 г. Максим поставил во Владимир Симеона вместо смещенного по неизвестной причине Иакова [ПСРЛ, т. I: стб. 527–528]. Значит, переезжать тогда он еще не собирался [Голубинский 1997в: 94–95]. Едва ли прав Н. С. Борисов, предполагая, что перенос кафедры был заранее продуман [Борисов 1986: 38].

Переезд первоиерарха на север способствовал включению церкви в политическую борьбу [Сахаров и др. 1989: 71; Щапов 1989б: 70]: Максим придерживался протверской ориентации, что в начале XIV в. уже начинало означать и выступление в качестве противника устремлений Московских князей. Митрополиту, конечно, нравились благочестие тверских князей и их почтение к византийским церковным традициям [Борисов 1999: 90]. Л. Н. Гумилев полагал даже, что перенос кафедры во Владимир выглядел как

демонстрация лояльности церкви к Орде из-за поддержки Максимом Михаила, которому симпатизировал Тохта-хан [Гумилев 1992: 380].

Усилению Твери способствовало ее сравнительное малое разорение во время погрома Бату-хана [Клюг 1994: 51–52]. В 1238 г., защищая Тверь, погиб один из сыновей Ярослава Всеволодовича [НПЛ: 55; ПСРЛ, т. XV: стб. 369] — свидетельство того, что горожане оказали достаточно серьезное сопротивление захватчикам [Штыков 2004: 47]. Однако все же многие из жителей Тверской земли сумели избежать смерти или плена, укрывшись в окрестных лесах [Клюг 1994: 51]. Кроме того, к западу смещалось население Переяславской земли, часть которой до поры составляла Тверь. Связано это было с тем, что восток Переяславского княжения пострадал от татар особенно сильно⁸ [Штыков 2004: 48–49]. На рубеже XIII–XIV вв. усилившееся Тверское княжение привлекало к себе все более пристальное внимание верхов древнерусского общества — бояр. Первая крупная боярская группа прибыла сюда, очевидно, в тревожных 1293–1294 гг. Вторая, более значимая и по численности, и по представительности, — после смерти великого князя Андрея Городецкого [Штыков 2006: 72]. Все это, безусловно, усилило военно-политический потенциал Тверской земли и позволило со временем проводить более агрессивную внешнюю политику [Штыков 2006: 73].

Для идеологического обоснования своих политических устремлений Михаил Ярославич Тверской позаботился о составлении собственного летописного свода⁹. Не оказал ли князю в этом деле помощь и приехавший на север Руси митрополит Максим? Первоиерарх мог содействовать в получении необходимых для этого списков летописных записей из разных земель Руси¹⁰, ведь он «имел возможность беспрепятственно получать летописный материал из местных епархий» [Насонов 1969: 247]. Во всяком случае, удобный момент для просьбы предоставить подобный список из новгородской владычной библиотеки представился Максиму

⁸ Миграции населения позволили выдвинуться и другим центрам, в частности Москве (см.: [Кучкин 1996: 12]).

⁹ См. о своде 1305 г. подробно: [Приселков 1996: 159–164].

¹⁰ Об источниках свода 1305 г. см.: [Приселков 1996: 160–161].

во время поставления в архиепископы Феоктиста. Кстати, на берега Волхова митрополит ездил вместе с Тверским архиереем. Симпатизировать митрополиту должны были и в Рязани — хорошие отношения с местной кафедрой установились у него после решения вопроса о Черном Яре (об этом мы еще скажем ниже). Значит, Максим мог обратиться к ее властям с тем же: выслать материалы местного летописания. Таким образом, первоиерарх способствовал созданию нового крупного летописного свода Северо-Восточной Руси, в центре внимания которого оказывалась усиливавшаяся Тверь.

Владимир в то время терял свое значение, причем не только как центр земли, но и как собственно город: его хозяйство, по свидетельствам, полученным археологами, было в кризисе (см.: [Жарнов 2003: 50, 52, 53, 57]). Поддержать престиж города могла бы лишь передача его стола в собственность какой-либо одной княжеской ветви (так как великие князья, зная, что Владимир можно в любое время потерять, заботились главным образом о своем родном городе — своей отчине). Максим же не проявил здесь дальновидности и поддержал старый порядок в ущерб новому (передачу власти по боковой ветви княжеского рода, а не по нисходящей). А между тем митрополиту было бы выгодно опереться на сильную власть князя [Соколов 1913: 202–203].

Перенос митрополии, конечно, имел более серьезные причины, чем просто очередное разорение Киева татарами, он, как мы видели, соотносился с общей миграцией населения на северо-восток. Этот шаг давно назревал: его, безусловно, подготовили частые визиты первоиерархов — Кирилла и Максима. И если первый из них колебался между севером и югом, второй сделал окончательный выбор, но, как показала история, выбор этот был не совсем выверен: Максим «не мог отгадать, что Владимир со своей областью есть средство для князей, а не цель, ему нужно было избрать сильнейшего из борющихся, а борьба продолжалась» [Карпов 1864: 26].

В 1303 г. состоялся «снем» князей в Переяславле, на котором присутствовал и Максим [Приселков 1950: 351; ПСРЛ, т. XVIII: 86]. В результате съезда было выработано соглашение: спорный Переяславль остался за Юрием Московским, но с условием его перехода

в руки наследника Андрея Городецкого на великокняжеском столе [Кучкин 1984: 129–131]. По мнению Н. С. Борисова, «можно думать, что... именно митрополит Максим нашел компромисс, позволивший хотя бы на время избежать войны между князьями» [Борисов 1995: 48]. А. А. Горский считает, что на итоги переговоров повлияло подкрепление Даниилом Александровичем каким-то образом своих притязаний в Орде и нежелание ханов слишком усиливать городецкого князя [Горский 2000: 42]. На наш взгляд, эти версии не являются взаимоисключающими: митрополит вполне мог найти данное *мирное* решение, всех устраивающее (в том числе татар) и одновременно требующее от всех (кроме ордынцев) каких-то уступок (которые в будущем каждый планировал компенсировать). Вместе с тем московский князь как политик разумный, конечно, старался защитить свои интересы в Орде, и это (наряду с его собственной силой) заставляло с ним считаться. Получал свои выгоды и Андрей Городецкий: противоречия Москвы и Твери после этого стали непреодолимыми. Безусловно, решение съезда было согласовано с ханской ставкой, но одного авторитета хана было для князей, видимо, недостаточно и для большей надежности договора отнюдь не лишним стало присутствие митрополита. Это свидетельствует о политической значимости русского первоиерарха.

После смерти Андрея Александровича Городецкого в 1304 г. законным правителем становился Михаил Тверской. Его соперником был Юрий Данилович. Митрополит употребил силу своего убеждения, чтобы удержать Юрия от борьбы за власть и от визита в Орду: «Блаженнии и приснопамятнии митрополити киевскыи и всея Руси Максимъ съ многою мольбою браняшет ити в Орду, глаголя: “Азь имаюся тебе с великою княгинею Оксиньею, материю князя великаго Михаила, чего восхощешь изъ отчины вашей то ти дать”» [ПСРЛ, т. VI, вып. 1: стб. 376]. Э. Клюг обосновал достоверность этого известия о вмешательстве митрополита, которая была поставлена под сомнение некоторыми историками [Клюг 1994: 100, 133]. На фоне этого выглядит странным мнение Р. Пайпса о том, что митрополит в это время предпочитал прочим городам Москву и лишь из «желания держать формальный нейтралитет» принял решение поселиться после ухода из Киева во Владимир [Пайпс 1993: 91–92].

Такие действия иерарха были вполне логичны: после переезда на север он сблизился с Андреем Александровичем и теперь действовал в интересах его союзника Михаила. Юрий же давал уклончивые ответы митрополиту, видимо, ссора с ним в его планы не входила. При этом неправильно видеть в действиях Максима только лишь политическую подоплеку: видимо, немалое значение имело и его простое желание не допустить нового кровопролития в результате междоусобия. Первоиерарх в данном случае выполнял свой долг пастыря [Штыков 2004: 89–90]. Возможно, именно убеждения Максима сыграли свою роль, когда Юрий в Орде отказался от великокняжеского стола в пользу Михаила, хотя и постарался насколько возможно минимизировать потери и отказался от спора за власть лишь в тот момент, «когда ставки взлетели до небывало высокой черты» [Борисов 1999: 92–94]. За традиционный порядок престолонаследия выступили и бояре покойного великого князя Андрея, переехавшие к Михаилу. Именно они должны были побуждать Тверского князя настойчиво добиваться в Орде великокняжеского достоинства [Черепнин 1960: 460–461]. Подчеркнем, что это был первый случай после нашествия Бату-хана, когда высшая церковная власть фактически оказалась в тесном союзе с князем нового политического центра, активно набирающего силу [Штыков 2004: 90].

В 1305 г. митрополит Максим скончался [ПСРЛ, т. I: стб. 528]. Его похоронили во Владимире, чем было подчеркнуто значение этого города как нового церковного центра. А на северо-востоке Руси тем временем развивалось противостояние двух новых центров — Твери и Москвы. Первый из них пока уверенно удерживал первенство, но и соперник не собирался сдаваться. Сыновья Даниила Александровича копили силы для будущей борьбы, в которой позиция митрополитов — преемников Максима — сыграла далеко не последнюю роль.

МОСКВА И МИТРОПОЛИТЫ

Поставление нового митрополита — Петра — не обошлось без недоразумения. Об этом повествует его житие, составленное епископом Ростовским Прохором (ср.: [Кучкин 1982: 63-67; Клосс 2001: 15–18]). Некий Геронтий выступил в качестве его соперника. Если верить сообщению жития, то он действовал по собственной инициативе. Но едва ли могло так случиться, что без чьей-то санкции «дерзну Геронтий игумен подъяти сан святительский, возмя ризницу, и рипидию, и многиа иконы, и сановники, якоже подобает святителю, и ону икону святую Богородицу, юже написа угодник Божий Петр, еще сый игумен. Пойде в Костянтин град...» [Жития святого митрополита Петра: 415]. Без сомнения, Геронтия поддерживала светская власть города Владимира и как минимум часть духовенства, «иначе трудно объяснить, как никто ему не возбранил распоряжаться митрополитскою ризницею и утварью и как решились сопутствовать ему церковные сановники, т. е., вероятно, митрополичьи бояре» [Макарий (Булгаков): 19–20]. А. В. Карташев справедливо характеризовал поездку без законных полномочий в сопровождении митрополичьих чиновников как «прямо невозможное дело» [Карташев 1993: 298]. Кто же конкретно представлял эту светскую власть? Митрополит Макарий предпочел дипломатично уйти от данного вопроса [Турилов 1995: 519]. А ведь не сложно догадаться, что за спиной неудачливого кандидата стоял Михаил Тверской, которому был необходим союзник для

борьбы с Москвой и помощник в возвышении Твери. Михаилу Ярославичу, «без сомнения, хотелось видеть на митрополичьем престоле человека, который был бы ему обязан этим саном» [Борзаковский 1994: 99–100]. В то же время Михаил, видимо, не надеялся на перенос митрополии в Тверь, иначе он сделал бы ставку на Тверского епископа. Бесперспективность такой попытки была очевидна: в Константинополе не мог бы вызвать сочувствия перенос митрополичьей кафедры из города в город по прихоти князя, тем более что с момента предыдущего перехода прошло не так много времени. Великий князь опирался на прецедент, созданный поставлением Кирилла [Голубинский 1997в: 100–101, 104–105]. Конечно, Михаил хотел «сохранить в своих руках такое влиятельное средство политической борьбы, каким была церковь» [Хорошев 1986: 93]. Он хорошо понимал силу митрополита, поставленного в Константинополе и имевшего статус иностранного дипломата, признанного татарами, с исключительной властью которого не могли соперничать ни епископы, ни князья [Мейендорф 2000: 393].

Петр же был кандидатом Юрия Львовича Галицкого, желавшего получить архиерея для своей митрополии, образовавшейся еще до смерти Максима [Павлов 1894: 6–9]. При этом Михаил Тверской посылал своего протеже по примеру Галича, а не наоборот. Именно этим возможно объяснить опережение Петром Геронтия в прибытии в Царьград [Соколов 1913: 221]. Возможно, именно медлительность Геронтия в итоге и решила исход всего дела [Борзаковский 1994: 247]. Галицкий кандидат получил высокий сан без особых проблем. Прибывшему же чуть позже Геронтию патриарх отказал, предварительно испытав кандидата, «*но весь сан (курсив наш. — Р.С.) взяв и дасть Петру митрополиту...*» [Жития святого митрополита Петра: 415]. Вероятно, власти Константинополя решили ликвидировать разделение Русской церкви, поэтому Геронтий и не получил власти. Вполне вероятно, что кандидат Владимира по поручению своего князя настаивал на прекращении разделения и его аргументы были использованы против него. Кроме того, Юрий Львович оказывался пострадавшей стороной: он терял дорогую его сердцу церковную независимость, и назначение «его» претендента на митрополи-

чью кафедру было своего рода компенсацией [Карташев 1993: 299]. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что Петр мог понравиться патриарху «своим подвижническим жаром и преданностью делу православия» [Борисов 1999: 120].

Р. А. Седова на основании сведений, содержащихся в «Прологе» XVII в., предположила, что кандидатуру Петра в Константинополе поддержали и представители Москвы. В этом памятнике упомянуты «все князи руси», просившие за Петра. В их число, по мнению исследовательницы, должны были входить и московские князья. Это обстоятельство и сделало неприемлемой для Михаила Тверского кандидатуру Петра [Седова 1993: 12–13]. Едва ли так было в действительности. Поддержка Москвы, даже если она и была, не могла тогда оказать заметного воздействия на решение патриарха. Да и сближение самого митрополита с Москвой (с Иваном Калитой) начинает прослеживаться с Переяславского собора. Близких же отношений с Юрием Даниловичем у него вообще, по видимому, не было [Соколов 1913: 253].

В 1308 г. Петр приехал в Киев, а через год добрался и до Владимира [ПСРЛ, т. VII: 185]. Приехав на Русь, Петр пытался «встать над схваткой» — умерить усобицы, стать миротворцем [Седова 1993: 17]. Его политическая роль, как и его ближайших предшественников, должна была заключаться прежде всего в том, чтобы стараться гасить назревавшие усобицы. Но ему часто приходилось сталкиваться с непониманием своих намерений. Вполне естественно, что прибытие Петра не могло привести в восторг тех, кто желал видеть на его месте Геронтия, об этом говорит и источник: «Неких подгнети (лукавый. — Р. С.) не хотети того пришествия» [Житие митрополита Петра: 210]. Конечно, Михаил понимал, что успех его кандидатуры не гарантирован: ведь вполне логично было предположить, что Константинополь не пожелает отправить на Русь местного по происхождению митрополита [Штыков 2004: 91–92]. В таком случае, вероятно, Михаил мог и смириться, однако поставление первоиерарха помимо его воли, видимо, оскорбило князя, что, в свою очередь, повлекло за собой последующее противостояние с митрополитом. Тверской князь, таким образом, не сумел оценить огромное значение переезда Петра — ставленника южнорусского князя. Ведь это, по сути, означало новую победу

севера Руси над югом. Вместо этого он своим враждебным отношением оттолкнул от себя митрополита и заставил его искать других покровителей [Приселков 1996: 180–181].

Скорее всего, именно следствием такого враждебного отношения Ярославича к Петру стал донос епископа Тверского Андрея на Петра. Мотивы этого могли быть разными. Не стоит сбрасывать со счетов и фактор простой зависти, именно в его пользу говорит сообщение источника: «Позавиде дьявол, вложи в сердце вражду Андрею, епископу Тферьскому, послати хулу на святого Петра митрополита Афанасию патриарху» [Жития святого митрополита Петра: 415], но в то же время шансов стать митрополитом Андрей не имел: епископов на митрополию не переводили, да и у Михаила был иной кандидат — Геронтий [Соколов 1913: 228]. Однако, думается, главные побудительные мотивы были все же иные, и «почин в оппозиции митрополиту не принадлежит Андрею» [Клибанов 1960: 103], который, видимо, просто выполнял волю своего князя Михаила.

Вместе с политическими причинами свою роль сыграло и недовольство действиями митрополита по укреплению внутрицерковной дисциплины [Борисов 1999: 131]. Обвинения, выдвинутые против Петра, были довольно серьезными: патриарх послал для разбора дела «единого от клирик своих». Не позже 1311 г.¹¹ [Макарий (Булгаков): 24] в Переяславле был созван собор для обсуждения наветов на митрополита. На нем присутствовали епископы Ростовский Симеон, Тверской Андрей, игумен Прохор, сыновья Михаила Дмитрий и Александр «и иные князи мнози, вельможи, и воеводы, и множество преподобных игумен и ерей» [Жития святого митрополита Петра: 415–416]. Место для проведения

¹¹ П. П. Соколов датировал собор 1310–1311 гг. [Соколов 1913: 229]. Э. Клюг пришел к выводу, что собор состоялся не позже конца 1309 — начала 1310 г., так как среди его участников упомянут посланец патриарха Афанасия, чье патриаршество завершилось уже в сентябре 1309 г. [Клюг 1994: 135]. Но «в древнейшем житии митрополита Петра... говорится о приезде к святителю посланца патриарха Афанасия и об участии “клирика от Костянтинаграда” в Переяславском соборе, но не говорится о том, что это одно и то же лицо. Собор состоялся не позднее марта 1311 г., когда митрополит и епископ Андрей совместно поставляли епископов» [Турилов 1995: 520].

собора было выбрано неслучайно: митрополит не хотел его созыва ни в Твери, ни во Владимире — великокняжеской столице [Голубинский 1997в: 107]. Из Жития святого митрополита Петра, составленного Киприаном, можно заключить, что Переяславль выбрал посол патриарха. Это указывает на поддержку Петра Константинополем [Мейендорф 2000: 441; Житие митрополита Петра: 210], поскольку симпатии переяславцев были на стороне Москвы и интриги, направленные против неугодного Твери иерарха, сочувствия у них вызывать не могли.

Вероятно, суть обвинений заключалась во взимании ставленнических пошлин [Голубинский 1997в: 108–109]: обвинения высших иерархов в симонии часто совпадали с периодами напряженности в отношениях светских и духовных властей [Алексеев 2002: 301]. Конечно, о симонии как средстве нажиться речь в данном случае идти не может. Здесь имеется в виду другое — получение законного корма за поставление. Вероятно, на Руси нашлись «свободомыслящие» люди, которые полагали, что любая плата за поставление — грех, и к таким людям принадлежал епископ Андрей [Голубинский 1997в: 110]. Исследователи обычно указывают, что посланец Царьграда на месте разобрался и сделал вывод о законности действий митрополита, епископ же Андрей не понес наказания за клевету как искренне заблуждавшийся по вопросу о том, что считать симонией. Нам представляется более верным мнение Л. Н. Гумилева о том, что решающее значение сыграла на соборе позиция, занятая народом [Гумилев 1992: 381]. Его волю выражали участвовавшие в соборе светские лица, и именно среди них были сторонники Петра¹² [Голубинский 1997в: 113], хотя поддержка Константинополя, конечно, тоже сыграла свою роль.

¹² А. С. Хорошев соглашается, что «победа была достигнута поддержкой светских лиц во главе с московскими Даниловичами», но помимо этого сыграла свою роль боязнь духовенства усилить свою зависимость от великокняжеской власти в случае ее победы над первоиерархом [Хорошев 1986: 94]. М. Н. Тихомиров замечал, что «низвержение Петра задевало интересы многочисленного духовенства, трогать которое избегали даже золотоордынские ханы» [Тихомиров 1999: 40]. А. И. Клибанов полагал, что свержения митрополита церковными низами не допустили светские участники собора [Клибанов 1959: 193–194; 1960: 100].

Это столкновение сделало непримиримой вражду Михаила Тверского и Петра. Авторитет великого князя был ущемлен неудачной попыткой «свалить» митрополита [Гумилев 1992: 381]. Епископ Симеон, который, скорее всего, выступил на стороне обвинения, был вынужден покинуть свою кафедру. Его место занял верный Петру Прохор, архимандрит монастыря святого Спаса в Ярославле [ПСРЛ, т. VII: 186; т. X: 178; т. XVIII: 87]. Значительно позже, уже после гибели в Орде Михаила Тверского, Прохор выступит в качестве посредника для примирения Юрия Даниловича и Александра Михайловича [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 40; т. XV: стб. 412]. Пока же митрополит подтвердил свои права: он совершил визит в Тверь, где епископ Андрей должен был вместе с ним участвовать в поставлении Прохора [ПСРЛ, т. XV, вып. 1 стб. 36; т. XV: стб. 408]. Едва ли совместная хиротония нового владыки могла сгладить противоречия Тверской кафедры и митрополита, скорее, это была демонстрация власти митрополита. Вместе с тем Петр показал возведением на кафедру Прохора, что не собирается заменить северных иерархов на своих людей из Южной Руси.

По свидетельству В.Н.Татищева, московскую делегацию на Соборе в Переяславле возглавлял Иван Данилович Калита¹³ [Татищев 1996: 72] (Юрий Данилович, вероятно, устремился вслед за Михаилом Тверским в Орду¹⁴ [Борисов 1999: 131]). Именно в этот момент и могли начать устанавливаться неформальные отношения русского верховного пастыря и Ивана Калиты. Так Михаил Ярославич доставил в лице митрополита союзника не себе, а враждебной Москве [Голубинский 1997в: 113]. Петр должен был завести тесные связи со своим «родным» князем Галицким, не найдя опоры в великом князе Владимирском, но он мог получить инструкции в Византии стараться избегать зависимости от латинской польской короны, а пребывание во Владимире втягивало его в гущу общественно-политической жизни Северо-Восточной Руси [Карташев 1993: 301].

¹³ Г.Ф.Карпов полагал, что о пребывании Ивана Даниловича на соборе свидетельствуют и некоторые косвенные данные Жития святого митрополита Петра [Карпов 1864: 40].

¹⁴ О пребывании в Орде Михаила говорит Житие митрополита Петра [Житие святого митрополита Петра: 416].

Со времени собора митрополит мог осуществлять свои властные права как общего для всех русских земель епископа¹⁵. В его поездках по своей митрополии главную роль играли не фискальные цели (хотя и они имели место), а желание привести в порядок церковные дела и нравственность общества [Соколов 1913: 233–234]. Для поездок был и еще один повод — нежелание долго оставаться во Владимире, городе враждебного Михаила Ярославича [Карташев 1993: 302].

Последний, впрочем, не извлек уроков из произошедшего и выдвигал новые обвинения против Петра. До нас дошло послание к этому князю патриарха Нифонта, где патриарх в ответ на обвинения Петра в разрешении браков между родственниками и в симонии просит прислать ему митрополита для суда, в случае если тот сам не захочет явиться¹⁶. Это была вторая попытка великого князя «убрать» со сцены неудобного иерарха, но патриарх (правил в 1312–1315 гг.) не успел исполнить желание русского правителя [Голубинский 1997в: 113–115; Карташев 1993: 300–301]. На Руси сохранилось статус-кво, а епископ Андрей вынужден был сложить свой сан. Вместо него был поставлен Варсонофий [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 36; т. XV: стб. 408–409], в его хиротонии участвовал, вероятно, и Новгородский архиерей Давид, приезжавший в Тверь с дипломатическими целями [Кучкин 2003: 48]. Северо-Восточная Русь, таким образом, совершенно сплотилась под властью митрополита. Здесь стал заметен и стратегический просчет тверских князей: они поторопились завести у себя епископию, в то время как в столице формирующегося государства должен был жить митрополит, а не епископ [Соколов 1913: 250].

¹⁵ «Святый же святитель паче нача учити не токмо по градом, но и вся си в странах (курсив наш. — Р. С.)» [Жития святого митрополита Петра: 416].

¹⁶ Кроме того, сохранилось послание инока Акиндина к Михаилу Тверскому, в котором он убеждает князя искоренить симонию, понимая под ней и законные пошлины (см.: «Два послания к великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому: Константинопольского патриарха Нифонта I и русского инока Акиндина — о поставлении на мзде (против митрополита Петра)» [РИБ: стб. 147–158 (первая пагинация)]). А. И. Клибанов считал Акиндина участником собора в Переяславле [Клибанов 1959: 194; 1960: 101].

Вскоре после окончания собора Петр имел возможность отблагодарить своих московских доброжелателей: он отмежевался от Дмитрия Михайловича, не позволив напасть на Новгород (или Нижний Новгород?)¹⁷ [ПСРЛ, т. VI, вып. 1: стб. 370–371; т. VII: 186; т. XVIII: 87; т. XXVII: 55, 237, 322; т. XXXIX: 97]. По мнению А. В. Суэтина, в данном случае решающее значение имело то, что по завершении собора в Переяславле митрополит «затаил обиду» на великого князя и «нанес ответный удар», отказав в благословении его сыну [Суэтин 1999: 169]. Впрочем, Петр, конечно же, мог руководствоваться при этом не только политическими, но и миротворческими соображениями: его долгом как пастыря было постараться сохранить мир [Борисов 1995: 77].

Имя митрополита Петра связано с переносом резиденции русских первоиерархов в Москву. Объяснение этого важнейшего в русской истории события всегда волновало историков. Н. М. Карамзин полагал, что Петр полюбил «красивое месторасположение» этого города и его «доброе князя» [Карамзин 1992: 129]. Митрополит Макарий высказал примерно такое же мнение [Макарий (Булгаков): 25]. На самом деле Петра с Москвой связывали давние симпатии. Они возникли еще со времени Переяславского собора. Вероятно, митрополит жил подолгу в Москве, чаще, чем во Владимире [Голубинский 1997в: 136–137] (уютно чувствовать себя в городе, где правил Михаил Тверской, он не мог [Мейендорф 2000: 442]). Об этом говорит и киприановское Житие святого митрополита Петра: «И начат большее инех мест жити в том граде» [Житие митрополита Петра: 211].

Вообще, правильным будет признать, что эта акция митрополита была закономерной, ее *постепенно* подготовили разъезды по Руси Кирилла и Максима и осуществленный последним перенос центра митрополии во Владимир. Петр сразу же понял, что средоточие политической и общественной жизни находится на севере Руси, «а совокупность событий, случившихся при нем, указала на место как на такое, где он должен утвердиться» [Карпов 1864: 26]. Этим местом стала Москва. Так Петр откорректировал тот вы-

¹⁷ Подробный анализ этих событий см.: [Кучкин 1984: 209–211; Борисов 1999: 131–136].

бор, который на рубеже XIII–XIV вв. сделал его предшественник Максим.

Окончательное же решение быть похороненным в этом городе Петр принял незадолго до своей кончины, как это можно понять из текста его жития, и именно с этим связано строительство каменной церкви (см.: [Голубинский 1997в: 138; Жития святого митрополита Петра: 416]). Успенский собор должен был не только символизировать храм Успения во Владимире [Седова 1993: 19], он должен был показать связь нового духовного центра Руси с культом Богородицы, характерным для Руси XII–XIV вв. Его строительство демонстрировало, что не прервалась «традиция, берущая начало в Киево-Печерском монастыре и продолжавшаяся через Владимир в Москве, а потом и в других городах» [Щапов 2004а: 119]. Даже само место расположения новой московской Успенской церкви — на высокой горе, на крутом речном берегу — соответствовало установившемуся на Руси с древнейших времен обычаю¹⁸ [Лихачев 1985: 21]. Отметим и то, что восприятие традиций, идущих от Киевщины, для Москвы как части Владимирской епархии должно было иметь многолетние корни: уже первый правящий архиерей этой кафедры — Симон — имел, как было сказано выше, тесную связь с Печерской обителью. Эта тенденция сохранялась и в более поздние времена: упомянем здесь лишь еще одного выходца из той же монашеской общины, знаменитого своими литературными произведениями (проповедями), — Серапиона, занимавшего Владимирскую кафедру в 1274–1275 гг.

Вероятно, Иван Данилович уговорил митрополита выбрать свой город местом для погребения [Голубинский 1997в: 139], да и Петр, возможно, сам каким-то образом почувствовал выдвижение Москвы. При этом не следует забывать, что формального перенесения кафедры не было. Просто Петр выбором места своей могилы, так сказать, морально воздействовал на преемников. Последующие митрополиты совсем не обязательно должны были следовать его примеру, однако случилось именно так, на что и делался расчет. При этом достаточно трудно сказать, были ли санк-

¹⁸ О развитии на Руси культа Богородицы вообще и Ее Успения в частности см. подробно: [Лихачев 1985:17–23].

ционированы действия Петра Константинополем [Мейендорф 2000: 443]. На наш взгляд, какие-то консультации с патриархом митрополит должен был провести.

В Москве Петр мог рассчитывать и на расширение своих владений от пожалований Калиты [Кучкин 1982: 68]. И. Е. Забелин полагал, что князь передал для жительства Петру свой дворец [Забелин 1990: 66]. Видимо, Иван Московский действительно был достаточно благочестивым и щедрым правителем. В своем завещании он не забыл упомянуть духовенство. Из того же документа мы знаем, что преемник Петра Феогност точно обладал недвижимостью: «А что есмь купиль село Петровское, и Олексинское, Вседобричь, и Павловское на Месе, половину есмь купиль, а половину есмь сменил (курсив наш. — Р. С.) с митрополитом...» [ДДГ: 10]. Таким образом, митрополиту уже было чем меняться. Однако земельные владения митрополитов еще долго оставались скромными, а потому преувеличивать их не стоит: данные для XIV в. о наличии недвижимости у русских первоиерархов очень скудны. Да и митрополичий двор в Москве по-настоящему был устроен лишь во времена правления выходца из местного боярства Алексея [Юшко 2002: 181, 190, 192].

Митрополит заботился о единстве Русской митрополии, и поэтому нужно было подыскать место для новой ее столицы: Владимир был удален от Южной Руси, и его значение постоянно падало. Вероятно, выбор в пользу Москвы был сделан не сразу. Тверь не подходила по политическим и географическим причинам (удаленность от Киева, отсутствие удобного пути туда). Митрополит выбрал Москву не только из-за ее князей, но, в первую очередь, из-за ее выгодного положения [Борисов 1999: 200–201]. После смерти Юрия Даниловича, чей нравственный облик оставлял желать лучшего, Петр решил соединить свою жизнь с Москвой, которая отошла в руки Ивана Калиты [Карпов 1864: 28; Соколов 1913: 256–257]. Важным мотивом этого выбора был переход великого княжения к Тверским князьям (свирепому Дмитрию Михайловичу, а затем к его брату Александру). Тверь вообще не выпускала из виду борьбу за великокняжеский Владимир. Именно с перспективой такой борьбы произвел между сыновьями раздел своей отчины Михаил Ярославич [Кучкин 1984: 185, 187]. Теперь

же Петр резонно опасался новых происков против себя [Борисов 1986: 45–46].

Похороны Юрия Даниловича стали еще одним средством повысить престиж Москвы. В них участвовали кроме самого митрополита епископы Варсонофий Тверской, Прохор Ростовский, Григорий Рязанский, архиепископ Моисей Новгородский [НПЛ: 97, 340]. Формальным поводом для такого собора стала, конечно, хиротония Моисея. Петр хотел собрать епископов именно в Москве, возможно, он несколько затянул поставление, дабы оно совершилось в наиболее выгодное время [Забелин 1990: 72–73]. Об этом могут свидетельствовать слова летописи об избрании Моисея: «Тогда же сдумавше новгородци и игумене и попове и весь Новъгород, возлюбиха вси Богом назнамена Моисия... и возведоша и на сени, и посадиша и въ владычни дворе, *дондеже позоветь его митрополитъ* (курсив наш. — Р. С.)». Слова «дондеже позоветь его митрополитъ» — не летописный штамп, они отразили реальную ситуацию. В 6782 (1274) г. новгородцы Климента «по преставелнии Далматове послаша в Киево ставится», в 6807 (1299) г. возвели на кафедру Феоктиста «донде уведаютъ, где митрополитъ», в 6838 (1330) г. избранного Василия Калику «посадиша и въ владычни дворе, дондеже послють к митрополиту». А в 6867 (1359) г. владыка Алексей ждал «дондеже позовет его митрополитъ» для посвящения в сан, так как первоиерарх был тогда в Киеве [НПЛ: 97; 90, 323, 99, 365]. Как видим, летопись фиксировала причины ожидания кандидата или его немедленный отъезд для хиротонии. Значит, кандидат Великого Новгорода вынужден был *ждать*, пока его призовет к себе Петр, который смог извлечь из этого поставления максимальную выгоду для Москвы, собрав в ней небольшой собор епископов, принявших участие в похоронах князя Юрия Даниловича. Подчеркнем, что покойный Московский князь имел перед Новгородом немало заслуг, и участие архиепископа в его похоронах было, скорее всего, искренним выражением скорби горожан. Это отразилось и на тоне летописных записей: «Убилъ бо и бяше въ Орде князь Дмитрии Михайлович (Юрия Даниловича. — Р. С.) безъ цесарева слова; не добро же бысть и самому: еже бо сееть человекъ, тоже и пожнеть» [Забелин 1990: 73; НПЛ: 97].

Тем не менее все эти обстоятельства едва ли позволяют утверждать, что митрополит пытался «сделать» из Юрия Даниловича мученика за веру, даже покровителя Москвы (см.: [Борисов 1999: 180–181]). Обстоятельства гибели Юрия были известны: он был убит в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, вероятно, недалеко от храма, в котором совершалась праздничная служба, что, конечно, придавало его кончине особенный характер, но смерть, в отличие от Михаила, он принял точно не «за други своя». К тому же ее внезапный характер мог вызвать невыгодные для Москвы слухи о том, что князь не успел покаяться в грехах (таких покойников хоронить по церковному обряду было нельзя, лишь в XVI в. митрополит Макарий коренным образом изменил положение, установив «общую память» для всех погибших и умерших без покаяния¹⁹. Поэтому речь шла, скорее, не о прославлении усопшего, а о его реабилитации в глазах народа.

Участие Юрия в междоусобиях, в том числе в борьбе против Михаила, также не было секретом, однако Петр в этом случае обратил внимание на особенную вину Дмитрия, лично поднявшего меч на родича, назначив дату погребения тела его жертвы на первую субботу Великого поста, когда еще были свежи воспоминания о недавно прошедшем празднике Прощеного воскресенья. Разумеется, это стало сильным укором и самому Дмитрию Михайловичу, и тверскому княжескому дому в целом.

Для идеологического обоснования политических притязаний любой земли в средневековой Руси служило составление летописных сводов. И если Юрий Данилович в этом смысле сделал некоторое упущение — летопись при нем в Москве не велась, то Иван Калита постарался этот пробел восполнить. Понимая важность этого мероприятия, Петр, перебравшись в Москву, предоставил в распоряжение московских книжников свой собственный летописец, который был использован в дальнейшем для создания первого Московского свода 1340 г.²⁰ [Приселков 1996: 182–184]. Вооб-

¹⁹ Подробно см.: [Алексеев 2002: 96–99].

²⁰ Л. Л. Муравьева, утверждая возможность начала ведения «записей из жизни московских князей» во времена Юрия Даниловича, на наш взгляд, несколько искусственно удревняет зарождение московского летописания [Муравьева 1983: 135].

ще, примерно со времени переноса митрополии в Москву можно говорить о появлении московского великокняжеско-митрополичьего летописания [Приселков 1996: 184], которое, имея первоначально в большей степени местное значение, к последней четверти XIV в. стало выходить на общерусский уровень [Лурье 1976: 64].

В конце 1325 г. митрополит Петр скончался²¹. Присутствие на похоронах епископа Луцкого Феодосия говорит о вхождении в юрисдикцию Петра и Галицкой земли [Макарий (Булгаков): 26; ПСРЛ, т. VII: 200]. Тело владыки было предано земле в Москве, что сообщало величие и святость будущей столице Российской державы. Это было крупной удачей: «то, чего тщетно добивался Андрей Боголюбский для Владимира в XII в., московские князья получили с самого начала своей политической деятельности» [Щапов 2004а: 118–119]. Спор за преобладание между Москвой и Тверью был решен с утверждением Феогностом, преемником Петра, своего местопребывания в Москве [Тихомиров 1999: 39]. Кроме того, противодействие Твери ставленнику Константинополя повлекло за собой поддержку Византией Москвы [Мейендорф 2000: 442]. Как верно указал Г. М. Прохоров, «церковное и духовное сплочение Великой Руси вокруг Москвы предшествовало сплочению политическому» [Прохоров 2000: 43].

Перед смертью митрополит назначил себе преемника — архимандрита Федора [Жития святого митрополита Петра: 416], относительно личности которого историками выдвигались разные точки зрения [Седова 1993: 26; Макарий (Булгаков): 364; Голубинский 1997в: 145–146; Григорьев 1997: 31]. В этом Петр опередил свое время. Кандидаты, назначенные самими митрополитами, будут получать сан позже (святой Феогност, святой Алексей, который пытался также завещать свой сан Сергию Радонежскому). П. П. Соколов полагал, что Федор был кандидатом в митрополиты Галицкие от Любарта-Дмитрия Волинского²² [Соколов 1913: 262–264]. Но это отнюдь не исключает ориентации на Москву в делах Северной Руси [Павлов 1894: 12], потому Петр и признал его сво-

²¹ Подробно о дате смерти митрополита Петра см.: [Борисов 1999: 201–209].

²² В. А. Кучкину такие выводы о личности Федора показались «в высшей степени сомнительными» [Кучкин 1982: 68].

им преемником. По-видимому, он надеялся, что Федор станет единым митрополитом вся Русь и будет проводить намеченную им политику на севере, то есть можно утверждать, что фигура Федора была компромиссной для юга (Любарта) и севера (Ивана Калиты). В одиночку, не будучи великим князем, московский князь практически не имел шансов провести «своего» кандидата в Константинополе.

Поставление назначенного Петром себе в преемники Федора не состоялось. Новым митрополитом в 1328 г. стал грек Феогност [ПСРЛ, т. X: 195]. Противодествовать кандидатуре Федора имел все основания Александр Михайлович Тверской, но все же едва ли это сыграло решающую роль при выборе Константинополя. Главным, на наш взгляд, для патриарха было не допустить освобождения Руси от верховной церковной власти греков. Восстание 15 августа 1327 г. фактически лишило Тверского князя верховной власти на Руси (см.: [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 42–44]). Последующие события было легко предугадать: Федорчукова рать стала естественным финалом народного выступления, в огне которого «сгорели остатки политических амбиций Михайловичей» [Борисов 1999: 223]. Поставление Феогноста состоялось в конце 1327 — начале 1328 г., так как в мае 1328 г. новый митрополит был уже на Руси [Голубинский 1997в: 147], а к этому времени в Византии не могли не знать о тверских событиях, и считаться с волей князя Александра уже не имело смысла.

В 1328 г. митрополит прибыл в Северо-Восточную Русь²³ [ПСРЛ, т. I: стб. 531]. Здесь перед ним встал выбор: поддержать или нет Москву? Ставка на Тверь в тот момент, безусловно, была бы политически бессмысленной. Феогност совсем не обязательно должен был стать и союзником Ивана Даниловича, ведь у последнего был соправитель — Александр Васильевич Суздальский, во владении которого оказался и Владимир [НПЛ: 469]. Такой раздел был совершен по инициативе Узбек-хана — возможно, татары опасались нового неповиновения слишком сильных князей

²³ В. Г. Васильевский на основании «Записей о поставлении русских епископов» пришел к выводу, что Феогност приехал на север Руси позже, в конце 1329 г. [Васильевский 1888: 450, 453–454].

владимирских [Горский 2000: 62]. Средством избежать этого они выбрали традиционное для них разделение владения на две части, подобно тому как было поделено великое княжение между Александром и Андреем Ярославичами (см.: [Рыкин 2000]). Вполне логичным выглядело переселение русского первоиерарха во Владимир, и пример святителя Петра не мог служить препятствием к этому. Митрополит даже, видимо, посетил великокняжескую столицу прежде Москвы [Кричевский 1996: 97; ПСРЛ, т. X: 195]. Но случилось иначе. Каковы причины этого? Нам представляется верным мнение И. Ф. Мейендорфа о признании византийскими дипломатами политики «потакания» Орде правильной [Мейендорф 2000: 444]. Впрочем, характерной чертой московского курса это, видимо, еще не стало. Юрий Данилович, как показал А. А. Горский, отнюдь не являлся пособником татар и зачастую выражал им неповиновение, хотя устранение их власти, безусловно, его целью не было [Горский 2000: 56–58]. И Феогност выбирал между князьями — мирниками ханов на месте сам.

Иван Калита привлек его, скорее всего, своим благочестием [Соколов 1913: 278]. Никифор Григора писал об этом князе со слов митрополита: «Он смотрел на епископа не как на земного человека, но как на какого-то ангела, только что слетевшего с неба. Ибо всегда, когда видел приносящим его Богу святые Дары, он, встав на колени, лобызал собственными устами его следы и осыпал его дорогими подарками и почестями. И другие его подданные, видя это, подражали ему и старались превзойти в этом один другого. А чье благочестие не было явным и Богу, и всем, и каждому из сотоварищей, тот признавался ниже всех»²⁴. Совсем не обязательно такое благочестие имело целью политические выгоды, которые просто вытекали из этого положительного качества Ивана Даниловича (ср.: [Карпов 1864: 28; Соколов 1913: 279]). В том же, что митрополит не жил в своем кафедральном городе, не было ничего странного: подобным образом поступали и великие князья [Макарий

²⁴ Цит. по: [Соколов 1913: 278–279]. Заметим, что позиции христианства в Москве были изначально сильны. Она как город сравнительно молодой вообще, по-видимому, не имела традиций языческих верований. Во всяком случае, археологические изыскания не обнаружили их материальных следов, относящихся к XII–XIII вв. [Панова 2003: 101].

(Булгаков): 26] (видимо, не проживал во Владимире и Александр Васильевич Суздальский, свидетельством чего может служить попытка перевоза им колокола из великокняжеской столицы²⁵ — см.: [НПЛ: 469]).

Феогност не мог не быть доволен расширением каменного церковного строительства в Москве, что повышало ее престиж [Голубинский 1997в: 148–150]. Этому содействовала благоприятная внешне- и внутривосточная обстановка на Руси в то время. Н. С. Борисов полагает, что роль митрополита в организации этих строек невелика. По мнению историка, он проявил «поразительное равнодушие» к подобным акциям великого князя [Борисов 1986: 58, 3]. Но если это и так, то тем приятнее было приобретать новые каменные церкви в виде дара, не вкладывая в это средств митрополии, не отягчая себя организационными заботами. Это стало еще одним примером благочестия Ивана Калиты, готового на материальные жертвы для церкви, которые в то же время повышали и его авторитет.

Н. С. Борисов справедливо уделял большое внимание именам святых, которым посвящались строящиеся храмы и память которых праздновалась в день закладки или освящения соборов. Но объяснения ученого, касающиеся строительных акций Ивана Даниловича, на наш взгляд, иногда нуждаются в некоторых корректировках. Мы остановимся лишь на тех мыслях историка, которые вызывают у нас возражения. Так, по мнению исследователя, каменная церковь Иоанна Лествичника, созданная в 1329 г. [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 45], должна была «стать своего рода памятником Ивану Калите и его семейству» [Борисов 1986: 58–59]. Конечно, это утверждение обоснованно. Но не меньшее (если не большее) значение могла иметь возможность привлечь к себе симпатии монашества. Сам Н. С. Борисов ищет создателей идеологии ранней Москвы именно в среде иноков [Борисов 1986: 56]. Значение Иоанна Лествичника для развития монашеской жизни переоценить сложно: его труд, написанный на основе личного опыта и опирающийся на традицию «Богодуховенных отцов», есть «систематическое описание нормального монашеского пути по ступеням духовного

²⁵ Подробнее об этом см. с. 119–122.

совершенства» [Флоровский 1992: 179]. Это не могло не вызывать симпатии иночества²⁶. Тем же возможно, по нашему мнению, объяснить и закладку придела Поклонения веригам апостола Петра на память Максима Исповедника, в котором «святоотеческая мистика достигает своего верховного предела, своей “акмэ”»²⁷ [Климков 2001: 136]. Н. С. Борисов полагает, что имя покровителя митрополита Максима должно было привлечь переселенцев из Южной Руси [Борисов 1986: 59–60]. Действительно, увеличение населения было чрезвычайно значимым для экономического преуспевания (именно это помогло так усилиться Твери) [Кучкин 1984: 167]. Но судьбу святого, чья память праздновалась в день закладки придела, по нашему мнению, напоминала скорее жизнь митрополита Петра: он также подвергался нападкам и несправедливому суду, боролся с нападками на веру²⁸ [Флоровский 1992: 196–197]. Это могло лишний раз напомнить о недавно умершем русском первоиерархе, похороненном в Москве, и стать дополнительным доводом в пользу его святости. Такое объяснение дня закладки соотносится с посвящением самого придела (Поклонения веригам апостола Петра), который должен был стать, по словам Н. С. Борисова, «памятником не столько апостолу, сколько первому Московскому митрополиту» [Борисов 1986: 59].

Не согласны мы и с предположением Борисова о завещании митрополитом Петром средств на постройку храма Иоанна Лествичника, переданных им перед смертью Протасию Вельяминову [Борисов 1995: 200]. Слова жития «И вда ему влагалище на устрой церкви и на поминание своеа памяти и прочаа дома церковныя призва (приказа? — Р. С.)» [Жития святого митрополита Петра: 416] говорят о средствах, переданных умирающим на построй-

²⁶ В своей работе Н. С. Борисов и сам обратил внимание на значение Иоанна Лествичника как одного «из отцов христианского монашества». Подход исследователя к проблеме стал более гибким: «В истории постройки церкви Иоанна Лествичника общехристианские образы и символы тесно переплетались с личными, относящимися только к семье Ивана Калиты» [Борисов 1999: 249, 251].

²⁷ Творения Максима Исповедника окажут большое влияние на Григория Паламу и оформление исихазма [Климков 2001: 98–99, 174, 196–197 и др.].

²⁸ Н. С. Борисов считал, что «такая параллель носит слишком общий характер» [Борисов 1999: 254].

ку незаконченного Успенского собора. Такое объяснение, на наш взгляд, более логично.

Свою политическую деятельность на севере Руси Феогност вынужден был начать, как выразились бы сейчас, с непопулярных мер. Ему пришлось помочь Ивану Калите добиться удаления из Пскова Александра Тверского, на которого гневался Узбекхан в 1329 г.²⁹ [НПЛ: 342]. Митрополиту, вероятно, было сложно принять решение об интердикте, ведь Александр Михайлович страдал за восстание, которое «можно представить как *национально-религиозное православное движение* (курсив наш. — Р. С.), сплотившее все население (Твери. — Р. С.) от князя до простолюдинов» [Кривошеев 2015: 327]. Существует точка зрения, что митрополит поступил в данном случае, руководствуясь лишь просьбами великого князя. Например, А. Л. Хорошкевич полагает, что Феогност действовал «по наущению Калиты» [Хорошкевич 2003: 164]. А Л. В. Черепнин, затушевывая значимость самостоятельной позиции митрополита, писал: «...Иван Калита (! — Р. С.) в борьбе с ним (с Александром. — Р. С.) использовал и такое мощное средство, как идеологическое и политическое воздействие Церкви». И далее: «Меры, принятые Иваном Калитой (! — Р. С.), оказались достаточно эффективными» [Черепнин 1960: 499]. Как видим, о сколько-нибудь значимой роли Феогноста в событиях 1329 г. речь вообще не идет. Н. С. Борисов, напротив, оспорил утвердившееся мнение о желании Феогноста оказать отлучением Пскова услугу Москве и ее князю, он, по мысли исследователя, лишь выступал «как лицо, зависимое от ордынского “царя”» [Борисов 1986: 63]. Подобным же образом и И. В. Белозеров считает, что «это событие (отлучение Пскова. — Р. С.) свидетельствует... о возможности значительного влияния ордынских ханов... на политику Руси» [Белозеров 2002: 21].

Представляется, что оба этих утверждения нуждаются в дополнительном уточнении. Ведь и сам Калита пришел к Пскову не ради каких-то своих выгод. Он также выполнял лишь волю хана, цель и у него, и у Феогноста была одна: не допустить разорения Руси очередным монгольским набегом. Иван Данилович не думал об

²⁹ Подробно о походе на Псков см.: [Борисов 1999: 274–283].

изгнании Александра насовсем, ему было важно лишь успокоить Узбек-хана, жаждавшего мести. Было ясно, что Александр вернется в Псков, об этом недвусмысленно говорил хотя бы тот факт, что там осталась его жена [ПСРЛ, т. V, вып. 2: 23, 91; Черепнин 1960: 500]; но это не смутило Калиту, которого интересовало одно — установление мира на Руси (последующие годы его правления это показали), и было бы вовсе нелепо, если это не нравилось бы митрополиту. Н. С. Борисов писал, что Александр, вернувшись, провёл в Пскове еще не один год, не имея неприятностей от Феогноста [Борисов 1986: 63], но ведь и от Ивана Даниловича особых неприятностей в этот период у него также не было.

Видимо, не только князь, но и сами новгородцы просили митрополита применить свою власть в отношении псковичей [Борисов 1999: 247, 276–277]: они тоже не хотели пострадать от монголов, да и самостоятельность Пскова не могла прийти им по душе. «...по ходу обстоятельств видно, что псковичи приняли и решились его (Александра. — Р. С.) защищать не из какого-то чувства сострадания к изгнаннику, но они имели тут в виду свои ближайшие интересы» [Борзаковский 1994: 255]. Потому всем мероприятиям, направленным против Пскова, содействовал архиепископ Моисей, который мог иметь симпатии к Ивану Даниловичу лично и Москве после своей хиротонии в этом городе [Черепнин 1960: 502], а особенно после помощи Калиты в избежании татарского разорения во время Федорчуковой рати [Борисов 1999: 280–281], в ходе которой пострадали лишь Новоторжские волости, принадлежавшие Александру Михайловичу как великому князю Владимирскому [Кучкин 1984: 155]. То есть Моисей в данном случае руководствовался не только личными привязанностями, но и выражал волю новгородцев. А это означает, что на Руси существовали другие, кроме Калиты, достаточно влиятельные силы, желавшие удаления Александра из Пскова.

Едва ли верно мнение Б. В. Кричевского, что отлучение было наложено лишь после того, как была получена информация о невозможности взятия Пскова дошедшими до Опоки сводными русскими войсками. Чтобы понять неприступность Пскова, не нужно было ходить в Опоку: это и так было очевидной истиной (достаточно вспомнить о результатах усилий немцев и ли-

товцев). Скорее, Калита обратился к митрополиту, просто узнав о *желании* псковичей отстаивать своего князя до конца. Вместе с тем представляются ценными наблюдения Б. В. Кричевского о дополнительных побудительных мотивах действий митрополита. Для Византии было характерно неотделение государства от церкви, а государственную власть представлял тогда именно Иван Калита (и, добавим, Александр Суздальский). Кроме того, существовал прецедент — поддержка Москвы Петром [Кричевский 1996: 100, 103].

В качестве резюме необходимо отметить, что политические таланты Калиты позволили ему завершить Псковскую кампанию «с наименьшими потерями для всех ее участников» [Борисов 1999: 283], в том числе и для Александра Тверского, не потерявшего ничего (если не считать, конечно, морального ущерба в результате отлучения от церковного общения). Это была, если можно так выразиться, самая «талантливая» усобица во всей истории Руси монгольского времени. Но без помощи митрополита Феогноста избежать кровопролития, конечно, не удалось бы. Псковичи умели защищать свою землю, и немало людей сложило бы свои головы в борьбе. При всем этом объективно митрополит оказал услугу Москве, хотя, возможно, это и не было его целью.

Вернувшись из Новгорода, Феогност отправился вскоре на Волынь и в Галицию. Сюда, на юг, к Феогносту приходили послы Ивана Даниловича с просьбой разрешить строительство неподалеку от своего двора церкви Св. Спаса Преображения и перенести туда же монастырь из-за Москвы-реки [ПСРЛ, т. X: 203–204; ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 45–46]. Князь постарался как можно более возвеличить новую обитель сравнительно с другими, для чего предоставил ей большую материальную помощь, а ее глава получил сан архимандрита, что было редкостью [Борисов 1986: 61]. Причем архимандрития в Москве была не просто титулярной, за ней стояли какие-то «реальные административные функции главы московских монастырей...» [Щапов 1989а: 162]. По нашему мнению, целью этих действий было привлечение симпатий монашества. Кроме того, «основание монастыря при княжеском дворе имело то немаловажное удобство, что оно позволяло князю всегда быть в курсе всех монастырских дел, выявлять среди монахов

толковых и преданных людей для замещения различных церковных должностей» [Борисов 1986: 61]. Иноческие обители были очагами просвещения, учености на Руси, и потому «учреждение монастыря в стенах Кремля равнялось в известном смысле учреждению просветительского училища» [Забелин 1990: 79]. Кроме того, есть весомые основания предполагать, что именно при этом монастыре получило развитие московское летописание, которому Иван Калита уделял особенное внимание [Муравьева 1983: 153–144].

С другой стороны, перевод архимандритии ближе к княжескому двору дал повод Я. Н. Щапову полагать, что это событие означало важную веху на пути подчинения монашества Московскому княжескому дому. Более того, ученый даже соотносил его с ликвидацией должности тысяцкого в 70-х годах XIV в. как вехой в подчинении посада [Щапов 1989а: 162]. Такой подход, на наш взгляд, сильно преувеличен, поскольку и митрополичья власть, и подчиненное ей черное духовенство в этот период продолжали сохранять прежнее положение, которое было еще достаточно независимым по сравнению с реалиями будущего.

Феогност, действительно, едва ли изначально был причастен к этой акции князя [Борисов 1986: 60], но без его санкции как епископа данной области основать монастырь было нельзя. Митрополиту было выгодно существование богатой обители, да еще в подконтрольной лично ему земле. Объективно это, безусловно, было выгодно и Москве. Феогност вновь сыграл на руку Калите, который так умело делал выгодные для себя предложения, что митрополит не мог от них отказаться (отлучение Александра, строительство храмов, а теперь основание (или перенос?) обители). Архимандрит Иоанн, возможно, был переведен в Спасский монастырь из Ростовского Антониева монастыря, это, конечно, также требовало санкции митрополита [Борисов 1999: 366–367]. Иван Данилович понимал силу русского иночества, и неудивительно его желание не противопоставлять себя ей, а, наоборот, постараться использовать ее в своих целях (вспомним о постройке церкви Иоанна Лествичника и дне закладки придела Поклонения веригам св. апостола Петра). Разумная политика в отношении монахов позволила Москве уже при внуке Калиты Дмитрии сделаться цен-

тром реформы монастырской жизни, осуществленной митрополитом Алексеем³⁰.

В 1330/1331 г. был пострижен в схиму архиепископ Моисей Новгородский, восемь месяцев город был без владыки. В итоге был избран Григорий (в монашестве Василий) Калика, который и отправился к митрополиту на Волынь за поставлением [НПЛ: 99, 342–343]. Едва ли отставка Моисея была прямым следствием возмущения новгородцев его участием в акции против Александра Тверского, как полагает Б. В. Кричевский. Действительно, интердикт был событием неординарным и вызывал неоднозначную реакцию [Кричевский 1996: 101], новгородцы могли опасаться применения в будущем отлучения против них самих. Но в то же время архиепископ, сотрудничая с митрополитом, лишь осуществлял волю Новгорода, ведь в источниках нет сообщений о поддержке им Александра. Напротив, новгородская рать сопровождала Калиту в его походе на Псков [НПЛ: 98, 342] (принютив у себя Александра Михайловича, псковичи тем самым бросили вызов не только Орде и другим русским князьям, но и Новгороду). Другое дело, что интердикт стал воплощением на практике исключительных прав митрополита, который, прибыв в Новгород, присвоил себе функции местного архиепископа. Феогност мог также вершить в городе свой суд, чем в будущем будут так недовольны новгородцы [Соколов 1913: 280–281]. Это определило неоднозначное отношение горожан, вызвало некоторое недовольство владыкой, и отношение к Москве стало более осторожным. Видимо, чрезмерное сближение архиепископа с Иваном Калитой достаточно сильно раздражало новгородцев [Черепнин 1960: 502]. Кроме того, личность Моисея стала ненавистна псковичам, и у многих могло возникнуть желание успокоить их удалением владыки [Борисов 1999: 280–281]. Вероятно, отставка Моисея была связана с внутриобщинной борьбой внутри города, которая «затрагивала не только все слои новгородского общества, но и все органы республиканского управления, включая церковную иерархию» [Хорошев 1980: 58–59] (во главе враждующих группировок стояли при этом боя-

³⁰ Подробно о монастырской реформе митрополита Алексея см.: [Клосс 2002: 60–65 и др.].

ре). Моисей, скорее всего, не обладал достаточным политическим чутьем, чтобы комфортно чувствовать себя в борьбе сторонников и противников Москвы; он не мог разрешить и тупиковую ситуацию, вызванную притязаниями, с одной стороны, митрополита на универсальную власть над Русью, с другой — новгородцев на церковную автономию. Желание Пскова соблюсти при этом собственные интересы делало клубок противоречий еще более запутанным. Василий Калика стал проводить более осторожную политику в отношении Москвы. Им был заложен новый «город камень», что было важной мерой по укреплению новгородской обороноспособности. И едва ли вызов владыки к митрополиту для поставления в сан прервал строительство (ср. [Борисов 1995: 214]), оно продолжилось и в отсутствие Василия Калики, во всяком случае под 6841 г. (1333) летопись сообщает о завершении строительства «города каменного», продолжавшегося «два лета» [НПЛ: 343, 345].

Итак, новый архиепископ отправился к митрополиту для хиротонии. Но в пути его ждали неожиданные препятствия. Он вместе со свитой был задержан Гедимином — великим князем литовским — и отпущен лишь в обмен на обещание дать его сыну Нариманту некоторые пригороды Новгорода «в отчину и в деденоу» [ПСРЛ, т. IV, ч. 1: 263–264; ПСРЛ, т. VI, вып. 1: стб. 404]. Во время нахождения «в гостях» у Гедимины Василий Калика мог изучить расклад сил в Литве [Борисов 1999: 289]³¹. Затем уже во Владимире Волынском Василий Калика столкнулся с притязаниями Пскова на открытие собственной кафедры, возможно, он обязался не противиться этому в период своего пленения.

Псковичи постоянно стремились выйти из-под власти Новгородского архиепископа. Их не устраивали как личности конкретных владык, так и сам механизм их власти. В XIV в. это не раз приводило к столкновению между Псковом и новгородскими архиереями, но получить своего епископа «младший брат» Волховской столицы так и не смог [Костомаров 1994: 438]. Вот и просьба поставить Арсения не нашла поддержки у Феогноста,

³¹ Едва ли верно мнение Н. С. Борисова об инсценировании пленения самим Василием [Борисов 1999: 290], хотя, конечно, он использовал свой арест для консультаций с Гедимином.

тем самым он отблагодарил Новгород за содействие в изгнании Александра Тверского. Не помогло и то, что Александр Тверской, княживший тогда в Пскове, сумел заручиться поддержкой Гедимины, интересам которого соответствовало церковное обособление новгородского «младшего брата» [Борзаковский 1994: 257]. Однако самой важной причиной для отказа Пскову было то, что дробление епархий могло неблагоприятно сказаться на сложившемся иерархическом устройстве Русской церкви [Костомаров 1994: 426, 438–439]. Псковичам не помогла и поддержка литовских князей. На обратном пути архиепископ едва не был задержан князем Федором Киевским, в плен попал митрополичий протодиакон Ратслав, имя которого упоминается, кстати, в «Отрывках» В. Н. Бенешевича [Приселков, Фасмер 1916: 20]. Но для самого Василия все обошлось, и владыка благополучно вернулся, хотя в городе уже ходили печальные слухи о его судьбе³² [НПЛ: 343–344; ПСРЛ, т. IV, ч. 1: 263–265; т. VI, вып. 1: стб. 404–406].

Вообще, Василий Калика предстает перед нами со страниц новгородской летописи как талантливый дипломат. Мы не можем согласиться с тем, что он придерживался какой-то конкретной политической установки: он не был ни ярым сторонником Москвы (см.: [Казакова, Лурье 1955: 36]), ни ее последовательным противником (см.: [Клибанов 1960: 140]); более гибкий, он прекрасно умел лавировать, извлекая пользу для Великого Новгорода. А ведь внешнеполитическую ситуацию того времени нельзя назвать спокойной. «Тишина великая» на Руси требовала финансовых вливаний в Орду. Это порождало противоречия с Москвой, в спор вмешивалась Литва, постоянно стремился увеличить свою независимость Псков. Да к тому же внутри самого Новгорода в XIV в. стало отчетливо заметно социальное противостояние. И в этой ситуации в полной мере раскрылся талант владыки Василия как политика. Ниже мы увидим, в чем конкретно это выразилось.

Иван Калита постоянно наступал на новгородские вольности. «В его действиях явственно заметны черты, ставшие со временем

³² Создатель НПЛ убрал из рассказа о поездке Василия сведения о высокой цене проезда на Волынь [Кричевский 1996: 109].

традиционными для московских князей: неторопливость, последовательность, тщательное идейное обоснование». Он стремился представить новгородцев изменниками общерусскому делу, подобно тому, как в будущем это не без успеха будет делать Иван III [Борисов 1999: 285]. Но у него был достойный противник — Василий Калика, один из самых талантливых русских дипломатов XIV в.

В 1332 г. (6840), вернувшись из Орды, Иван Данилович потребовал у Новгорода «серебра закамского», захватил Бежецкий Верх и Торжок. Новгородцы стремились урегулировать конфликт: Калиту звали в город на стол. Василий Калика заблаговременно принял оборонительные меры (был построен каменный город). Затем архиепископ отправился к Калите в Переяславль, прилагая все возможные усилия для разрешения конфликта («...и много моли его владыка, что бы миръ взялъ, и не послуша» [НПЛ: 345]), когда это не удалось, он начал осторожно давить на Москву: посетил Псков и крестил там княжича Михаила Александровича. Как видно из поездки на берега Великой, архиепископу хватило мудрости не держать зла на псковичей за их попытку церковного отделения от Новгорода. И в будущем Василий Калика будет стараться не терять налаженный контакт с Псковом и скрывавшимся там тверским князем, сына которого через несколько лет он станет лично обучать грамоте [НПЛ: 354]. Однако едва ли из этого следует делать вывод, что «с Тверью у Василия Калики были особые и близкие отношения» [Панченко 1987: 93]. Просто новгородский архиепископ избегал строить внешнюю политику, ориентируясь лишь на один вектор силы на Руси. В случае внешнеполитического кризиса это могло позволить избежать изоляции. Тогда же из Литвы приехал Наримонт Гедиминович, конечно, это событие было подготовлено архиепископом во время визита в Псков. Однако важно учитывать, что Калита в свое время выкупил Наримонта из татарского плена, а потому он был сравнительно близок Ивану Даниловичу, и его призвание оставляло Новгороду возможность для примирения с Москвой [Борисов 1999: 292–293]. Продолжалось и совершенствование оборонительной системы Новгорода («город каменныи покрылъ владыка» [НПЛ: 346]). Но все эти мероприятия проводились так, чтобы не порывать окончательно

с Москвой, а лишь для усиления своих позиций в политическом торге с ней.

В 1333 г. митрополит вновь вернулся на северо-восток: «прииха митрополит Феогнасть в Русь, бывъ въ Цесариграде и в Орде» [НПЛ: 346]. Он побывал в Москве [ПСРЛ, т. X: 206], но для того, чтобы нанести ему визит, Василий Калика выбрал иное место — Владимир. Почему же встреча двух иерархов произошла именно здесь, на берегах Клязьмы? Ответ очевиден: Владимир был более нейтральной территорией, а его значение официального центра митрополии подчеркивало и нейтралитет самого Феогноста в столкновении интересов Ивана Калиты и Новгорода, которое и началось-то во время его отсутствия в Северной Руси. Тем самым сохранявшийся особый статус Владимира позволил первоиерарху лучше исполнить посреднические функции. К тому же прекрасный повод для приезда архиепископа к Феогносту давала хиротония Афанасия Сарайского [Васильевский 1888: 451].

Сохраняя подчинение митрополиту, Василий Калика выбивал из рук Калиты идеологическое оружие. Представить новгородцев изменниками православию тот уже не мог. Необходимо также учитывать, что, заинтересовав митрополита (архиепископ ездил к митрополиту не с пустыми руками, а «со многими дары и съ честью» [ПСРЛ, т. X: 207]), было легче найти компромисс с великим князем. Вскоре Калита помирился с Новгородом, скорее всего, Феогност содействовал миру. Это примирение вызвало военные столкновения с Литвой, Московский князь оказал помощь в войне с ней, а затем пригласил в Москву архиепископа, оказав ему всяческие почести [НПЛ: 346–347]; кстати, самого Феогноста на севере Руси в тот момент, вероятно, не было, так как существуют указания на то, что в сентябре 1335 г. он находился в южной части митрополии. Видимо, этим объясняется молчание летописей о присутствии первоиерарха при встрече Новгородского владыки и Калиты [Васильевский 1888: 452, 456].

В 1336–1337 гг. на сцену общерусской политики вернулся Александр Тверской. Совершив поездку из Пскова в Тверь (повидимому, для выяснения обстановки), он собирался ехать в Орду. Его послы к митрополиту добились снятия с него церковного отлучения, и Александр отправился в дальний путь. Это не было

авантюрой, почва для прощения мятежного князя была подготовлена: в 1335 г. вернулся из Орды Федор Александрович [ПСРЛ, т. X: 207], который, безусловно, обсуждал с монгольскими властителями возможность реабилитироваться для своего отца.

Едва ли Иван Калита строил иллюзии по поводу того, что, находясь на Руси, Александр станет для него более уязвимым (см.: [Борзаковский 1994: 260]). Борьба с соперником, вернувшимся в свою отчину, могла потребовать напряжения всех сил Московской земли. И потому, зная об опасности, исходившей из Пскова, Иван Данилович пытался организовать поход против этого города, но его отговорили новгородцы. Не удалось воспрепятствовать возвращению тверского князя и с помощью поездки в Орду, которую предпринял московский князь в 1336 г. [ПСРЛ, т. X: 207]. Хан был готов к прощению Александра.

Положение могло изменить вмешательство Новгорода, но переговоры с архиепископом в ходе его визита в Москву в 1335 г. результата, видимо, не дали, и денег Иван не получил. Это было политическим просчетом, но новгородцы с крайней неохотой шли на какие-либо новые выплаты великому князю. Василий Калика, видимо, понимал ошибочность отказа Калите и в то же время ясно осознавал невозможность получения согласия горожан на внеплановые платежи. Чтобы оттянуть развязку, Москве не было отказано прямо, иначе летопись не сохранила бы сообщения об оказании владыке чести. Но в итоге избежать нового конфликта с Москвой не удалось.

«Прелюдией» «к политическому “воскресению”» Тверского князя стало его возвращение в лоно церкви. Но стоит ли вслед за Н. С. Борисовым на основании этого делать вывод об открытом выступлении митрополита против Москвы [Борисов 1986: 67] или полагать, что Александр стремился «обеспечить сочувственное отношение к своим политическим планам со стороны церковных кругов» [Черепнин 1960: 506]? Наверное, нет. «Воскресение» Александра было уже вполне подготовлено визитом в Орду Федора Александровича, оно стало лишь вопросом времени. К тому же с решением покориться хану исчезло какое-либо юридическое основание для продолжения действия отлучения князя от церкви и не принять его покаяние значило полностью себя дискредити-

ровать, а в этом был не заинтересован и сам Иван Калита. Какая была ему польза от сотрудничества с митрополитом, не имевшим нравственного авторитета в народе? Московский князь это понял и, скорее всего, давления на Феогноста оказывать не стал. Этим он к тому же подчеркнул покорность воле хана.

Где же было принято покаяние Александра? Москва, разумеется, отпадает. Скорее всего, во Владимире. На это указывает, как нам кажется, и летопись: «И посла (Александр. — Р.С.) бояръ своихъ къ Феогнасту митрополиту, благословения деля и молитвы, и приимъ отъ него благословение и молитву и *отъ всехъ святитель* (курсив наш. — Р.С.)». Но для чего был собран такой собор «всехъ святитель»? Ответ находим в той же летописной статье, но чуть выше: «Того же лета преставися священныи епископъ Антонии Ростовскый и по немъ поставленъ бысть въ него место Гаврииль епископъ Ростову» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 48, 47]. Вероятно, архипастыри были собраны для совершения хиротонии, и, конечно, Владимир был самым удачным местом для этого; видимо, именно здесь был рукоположен Гавриил, а также получил прощение через своих бояр Александр. Официальный центр митрополичьей епархии как нельзя более подходил для этой цели: Феогност подчеркивал свое положение пастыря, стоящего над распрями и выполнявшего свой долг, как при проклятии Тверского князя, так и при его прощении.

Справедливо, на наш взгляд, объяснение пастырским долгом Феогноста и отпевание им тел Александра и его сына, убитых в Орде в 1339 г. [Кричевский 1996: 112–113; ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 51]. Эта акция не свидетельствовала о конфликте с московским князем, который не мог и не хотел потребовать от митрополита отказа от исполнения своих обязанностей. Кстати, произошло это отпевание вновь во Владимире [ПСРЛ, т. XV: стб. 420]. И снова митрополит использовал особый статус этого города: встреча *здесь* тела князя означала лишь желание *первого* из русских иерархов отдать последние почести почившему князю. Участие в похоронах в Твери могло быть истолковано как выражение симпатий к этому городу. Встреча тела где-то еще, кроме Владимира, была бы не столь торжественной и запоминающейся. Так Феогност выполнил свой долг, пресекая церемонией отпевания любые

толки о подчинении его московским князьям, и одновременно не связал себя с проигрывающей тверской партией, сумев не поссориться с Москвой.

Как мы уже сказали, Новгород не помог Калите против Александра, и это вызвало конфликт. С данным конфликтом Л. В. Черепнин — как нам кажется, справедливо — связывал выступление «крамольников» против новгородского архимандрита Иосифа, произошедшее в том же году («том же зимы»), что и «размирение» Ивана Даниловича с Новгородом [Черепнин 1951: 116–117; 1960: 505]. «Наважениемь диаволимъ сташа простая чадь на анхимандрита Есифа, и створиша вече, запроша Есифа въ церкви святого Николы; и седоша около церкви ночь и день коромолници, стрегуще его» [НПЛ: 347]. Дело в том, что Калита особенно опекал Иосифа, в частности, он наделил его монастырь определенными земельными льготами на Волоке. При этом князь уже предвидел скорое противостояние с Волховской столицей — на это указывают слова грамоты: «А коли розмирье князю великому съ Новымгородомъ, а тогда ихъ (жителей сел Юрьевского монастыря. — Р. С.) въ безадщину не ставити, ни обидети ихъ въ то время...»³³ Л. В. Черепнин полагал, что пожалование Калиты Юрьевским монахам было вызвано желанием Ивана Даниловича «укрепить свои позиции в пределах Волока Ламского», князь сознательно, как считал историк, стремился усилить позиции своей администрации на Волоке и тем самым увеличить собственные великокняжеские права в самом Новгороде [Черепнин 1951: 116–117]. Соглашаясь с политической подоплекой данного пожалования, мы все же полагаем, что главной целью Калиты было вовсе не завоевание прочных позиций княжеской администрации на Волоке, обеспечить которое эта грамота, конечно, не могла: перемещение населения, пусть даже привлекаемого льготами, требовало немало времени, да и гарантии, что всех поселившихся на монастырской земле удастся подчинить княжеской администрации, конечно, не было. А вот получить собственных влиятельных сторонников в лице монахов

³³ Грамота великого князя Ивана Даниловича Юрьеву монастырю на землю на Волоке [ГВНП: 143].

Юрьевского монастыря и его архимандрита эта грамота, безусловно, позволяла.

Архимандрит Новгорода обладал значительной властью, он был зависим от владыки лишь в церковно-канонической сфере, то есть обладал широкой административной автономией от архиепископа. Значительна была роль архимандрита и в городском управлении: ему подчинялось черное духовенство³⁴. Иван Калита, конечно, понимал важность налаживания отношений с Юрьевским архимандритом и братией монастыря, на это, видимо, и были направлены его пожалования. Все это вызвало недовольство «крамольников»³⁵, «простой чади»; иначе говоря, если данная гипотеза верна, низшие социальные слои общества в тот момент были особенно настроены против Москвы и ее сторонников. Вероятно, поэтому Иосиф и потерял власть, его заменил прежний архимандрит Лаврентий, и лишь после смерти последнего, произошедшей через год, Иосиф опять сумел вернуться в Юрьевский монастырь [НПЛ: 100, 347, 349].

Н. А. Казакова и Я. С. Лурье связывали злключения архимандрита Иосифа с набиравшим силу критичным отношением к церкви широких слоев древнерусского общества. На наш взгляд, это выступление «крамольников» доказывает не столько наличие антиклерикальных настроений, сколько опровергает тезис самих исследователей о том, что «новгородская церковь непосредственно стояла у руля государственного управления» (см.: [Казакова, Лурье 1955: 37, 21]). Как видим, «руль» в руках иерархов держался не так уж и прочно.

Между тем конфликт с Иваном Калитой продолжался и нужно было искать какой-то выход. Архиепископ рассчитывал на поддержку Пскова, так как «младший брат» должен был оценить отсутствие противодействия со стороны Новгорода Александру Михайловичу. Но этого не произошло: псковичи не дали суда владыке. Видимо, они надеялись с помощью «своего» князя совсем освободиться от власти «старшего брата». Псков вообще всегда

³⁴ Об институте архимандритов в Новгороде см.: [Янин 2004б].

³⁵ Летописные крамольники — «объединявшиеся для совместных акций и тем самым противоречащие традиционным принципам вечевого представительства плебейских кругов Новгорода» [Петров 2003: 242].

умело разыгрывал карту церковного суда архиепископа: он принимал его или нет. А суд этот был только по церковным вопросам и для клириков (хотя в его юрисдикцию входили и некоторые области гражданского права), то есть в *политическом аспекте* его роль была ограничена, хотя и достаточно велика. В обмен на признания суда Псков мог выторговывать себе что-то из политических выгод, и здесь архиепископ — крупнейшая фигура в управлении Новгородом — объективно оказывался на стороне псковичей: ведь он, как никто другой, был заинтересован в церковном суде над Псковом.

Новгород подвергся нападению «немцев» (шведов). Литва не помогала, Наримонт прислал лишь наместников и своего сына, которого также вскоре отозвал. Новгород оказался в изоляции. Со шведами вскоре был заключен мир, но было ясно, что северная метрополия более теряет от разрыва с Калитой, чем приобретает. В этой ситуации архиепископ стремился сохранить свой авторитет, для этого он вел за свой счет работы в Новгороде [НПЛ: 348–349].

Иван Данилович умер, не примирившись с гордым городом. Правда, незадолго до смерти он почти уже достиг мира с Новгородом, но потребовал помимо обычного «выхода» «запрос цесаревъ, чего у мене цесарь запрошалъ», и это вызвало новый виток борьбы [НПЛ: 350–351]. Новгородцы все еще не хотели признать свое поражение и отказывались от сверхлимитных выплат. Сын Калиты Симеон действовал напористо и решительно, подобно своему отцу, и новгородцы пошли-таки на попятный. И вновь в их посольстве к великому князю мы видим Василия Калику. Видимо, и в период напряженности в московско-новгородских отношениях он занимал гибкую позицию, позволившую ему сохранить благожелательное отношение Москвы. Митрополит также присутствовал на переговорах в Торжке, без сомнения, он внес свой вклад в примирение, причем этот вклад совсем не обязательно заключался в угрозе Новгороду интердиктом. Несправедливые отлучения, имевшие в виду лишь чьи-то узкие политические цели, или постоянные угрозы их применения очень быстро понизили бы авторитет и митрополита, и его интердиктов.

Была ли столь гибкая позиция архиепископа Василия предательством интересов города? На этот вопрос следует дать отрица-

тельный ответ. Разрыв с Москвой оставил Новгород один на один со шведами, Псковом, гипотетически ставил под угрозу татарских ратей. Тверской же князь и Литва ничем реально городу не помогли. Процесс консолидации земель вокруг Москвы оставлял одну возможность для «северной республики»: стараться ослабить свою зависимость от нового центра исподволь. Ведь если не со времени гибели Михаила Ярославича [Михайлова 1994: 65], то уж во всяком случае после Федорчуковой рати возвышение Москвы стало необратимым. Повернуть историю вспять было невозможно, как невозможно было остановить все усиливавшуюся централизацию. Это хорошо видно, если можно так выразиться, с высоты веков, но и Василий Калика, видимо, понимал это, находясь в самой гуще событий. Н. С. Борисов справедливо писал о новом подходе Ивана Калиты к отношениям с Новгородом. Такая политика «гибкого компромисса» предопределила активное участие в переговорных процессах митрополита как некой «третьей силы». «Опытный дипломат константинопольской школы, Феогност как нельзя лучше мог исполнить роль посредника» [Борисов 1999: 303–304]. И, конечно, такая роль не могла не нравиться русскому первоиерарху. Это позволяло Василию Калике использовать церковные каналы для достижения своих (то есть новгородских) целей. Примирение с Симеоном было получено на выгодных Новгороду условиях («...доконцаша миръ по старымъ грамотамъ, на всеи воли новгородчкои, и крестъ целоваша...»), что могло быть результатом усилий митрополита. Не случайно на будущий год он посетил город «со многими людьми; тяжко же бысть владыце и монастыремъ кормомъ и дары» [НПЛ: 353]. Такова была плата за помощь в переговорах. Б. В. Кричевский полагает, что митрополит поддержал великого князя, а затем использовал ослабление Новгорода для поправления своего материального положения [Кричевский 1996: 114]. Такой подход, на наш взгляд, несколько прямолинеен. Дипломатическая помощь адресована была обеим сторонам, новгородцам было важно получить наиболее выгодные условия мира, а содействие этому давало Феогносту возможность и моральное право собрать свой законный «корм». В то же время его гипотетическое противодействие новгородцам в ходе переговоров с Москвой могло их только обозлить и помешать митрополиту в сборе денег.

Новгород отнюдь не был разгромлен, и он не стал бы терпеть никакого «сверхлимитного» насилия над собой в виде дополнительных «контрибуций» для Феогноста. Василий Калика предпочитал уступки в церковных вопросах политическим, тем более что митрополит имел право власти над Новгородом. Но такое положение не нравилось гордым новгородцам. Духовенство занимало важнейшую нишу в политическом устройстве города-государства, и любые его притеснения со стороны вызывали неудовольствие народа. При этом совсем не обязательно митрополичьи разбирательства были неистинными (ср. [Соколов 1913: 291]), людям не по нраву было само замещение функций их владыки кем-то другим. Естественно, что митрополит, напротив, считал себя вправе вершить суд, где ему будет угодно, и получать соответствующие «кормы» (особенно если вспомнить о кидемониальной теории). Кроме того, у Феогноста было много сопровождающих, что еще более усугубляло финансовые и моральные издержки новгородцев. Вообще, архиепископу было сложно вести свои дела с митрополитом, который требовал от него подчинения, а новгородцы, наоборот, хотели независимости от первоиерарха. Архиепископ зависел и от них, и от митрополита. Он был между двух огней и имел мало пространства для политического маневра.

Но Василий Калика нашел выход. В 1346 г. он отправился в Москву за князем и одновременно посетил митрополита, который на месте дал свое благословение (Симеон поедет в Новгород без Феогноста) [НПЛ: 358]. Едва ли в финансовом плане архиепископ что-то выиграл, скорее даже наоборот, ему пришлось внести довольно серьезные сверхплановые платежи. Но он достиг важных политических выгод: ему были пожалованы крестчатые ризы (эти ризы имели для новгородцев огромное значение, и в дальнейшем новгородцы будут чрезвычайно ревностно оберегать право на это отличие для своего владыки), не нарушался суверенитет владычного суда, что не могло не вызвать удовлетворения у граждан Новгородской земли. Это было дипломатической победой Василия Калики: довольны остались и митрополит, и паства, а такого согласия добиться было нелегко. Возможно, архиепископ смог здесь как-то использовать в своих целях влияние на первоиерарха великого князя.

В 1352 г. Василий Калика отправился по призыву псковичей в охваченный эпидемией чумы город. Вернуться живым ему было не суждено: он умер на обратном пути³⁶ [НПЛ: 100, 362]. Конечно, поездка в Псков в тех условиях требовала огромного мужества, и архиепископ нашел в себе силы до конца выполнить свой пастырский долг. При этом визит Василия, естественно, приносил и политические выгоды Волховской столице, ибо это должно было улучшить отношения с его «младшим братом».

Псковский мор, перекинувшийся позже на всю Русь, показал, насколько изменилось религиозное сознание людей. Многие в ожидании скорой гибели от страшного недуга раздавали «имение свое отдающее въ милостыню церквям и монастырем, попом, духовным отцам и нищим... Ови от богатства села давахоу святым церквям или монастырем, друзии же во озере ловища, и сады или что от имени своих, тем хотяче себе имети в память вечную» [ПСРЛ, т. V: 21]. Практика передачи имущества «на помин души» обозначила связанный с углублением христианизации переход от сознания религиозного оптимизма, свойственного Древней Руси, к мысли о необходимости серьезных усилий для собственного спасения. «Передача значительных материальных средств на помин души церквям и монастырям — ярчайшее свидетельство начала колоссальных изменений в сознании неофитов, еще вчера радостно уверенных в гарантированности собственного спасения» [Алексеев 2002: 62].

Вернемся к рассмотрению деятельности митрополита Феогноста. Важным моментом в укреплении положения Москвы стала канонизация митрополита Петра в 1339 г. После прославления «гроб святого Петра... стал твердым краеугольным камнем для нее в ее стремлении к политическому возвышению» [Голубинский 1997в: 152]. Феогностом руководило желание прославить чудеса угодника, не забывал он, конечно, и о помощи Москве [Голубинский 1997в: 151; 1998а: 67]. Действительно, «именно применению канонизации (не только Петра. — *Р.С.*) Москва в некоторой степени была обязана переносом митрополичьей кафедры из Владимира в Москву» [Хорошев 1986: 92]. Вместе с тем митрополит

³⁶ О море в Пскове см.: [ПСРЛ, т. V, вып. 1: 21–22].

преследовал сугубо церковные цели: была сделана попытка упорядочить процедуру прославления святых для общерусского почитания (это относилось к юрисдикции патриарха, у которого испрашивалось благословение), повышался статус самого Русского митрополита, так как святым был объявлен его непосредственный предшественник [Кричевский 1996: 55]. Кроме того, с открытием Галицкой митрополии Феогност оказался более привязан к Северо-Восточной Руси, а значит, и к Москве, что также способствовало прославлению Петра [Соколов 1913: 283], а происхождение святого из Галиции могло хоть как-то способствовать сближению Северной и Южной Руси [Хорошев 1986: 98]. Канонизация, бесспорно, стала событием «большого идеологического и политического значения»³⁷ [Кучкин 1982: 71] и, разумеется, должна была способствовать будущему объединению Руси вокруг Москвы [Хорошкевич 2003: 165]. В летописях можно проследить закономерность в представлениях общества того времени: Бог мог удостоить тот или иной город могилой святого епископа, а мог, наоборот, лишить горожан такой привилегии за какие-либо грехи. В этом заключалось сакральное значение переезда митрополита в Москву и захоронения его потом в этом городе [Щапов 2004б: 99].

Канонизация Петра не сопровождалась открытием мощей святого [Голубинский 1998а: 67–68]. Видимо, Феогност не желал в тот момент из-за возможных эксцессов проводить освидетельствование мощей. С этим связано, вероятно, и сохранившееся в «Отрывках» В. Н. Бенешевича извлечение из Поучения, согласно которому нетленность останков — совершенно не обязательный признак святости [Приселков, Фасмер 1916: 6, 21]. Конечно, канонизация Петра «не была единоличным деянием Феогноста», а была подготовлена чудесами у гроба святителя, местной канонизацией на Соборе 1327 г.³⁸, строительством каменного храма над его могилой [Борисов 1986: 63–64]. Ей содействовали и другие иерархи, например, Прохор Ростовский. Феогност, обратившись в Константино-

³⁷ Почитание митрополита выгодно отличалось от почитания местного князя, так как имело больше шансов распространиться по русским землям [Кучкин 1982: 75].

³⁸ О соборе во Владимире между 9 января и 12 апреля 1327 г. см.: [Кучкин 1982: 72–74].

поль, возвел почитание Петра на новый, более высокий уровень. Усопший митрополит стал общерусским святым, и отныне любая хула на него, а значит во многом и на его поступки, которые часто были выгодны потомкам Даниила Александровича, должна была носить характер святотатства. Москва же в таких условиях становилась «местом паломничества и поклонения для всех русских людей» [Абрамович 1991: 22].

В 1342 г. хан Джанибек, выдав Феогносту новый ярлык, ограничил права духовенства — «попытался внести новый порядок в отношения ханской власти к Русской церкви». Его ярлык говорил лишь о свободе от пошлин, не упоминая даней, и, как следствие, не содержал ссылок на узаконения Чингисхана. Были и другие ограничения: суд митрополита перестал быть независимым, не упоминалась свобода от постоя [Приселков 1916: 72–78]. Все это согласуется с сообщениями летописи: «Того же лета приде из Орды отъ царя Чанибека Феогнасть, митрополтъ Киевский и всеа Руси, ходил о причте церковнемъ... Неции же Русстии человеци оклеветаша Феогнаста митрополита ко царю Чянибеку, яко “мно-го безчисленно имать дохода, и злата, и сребра и всякого богатства, и достоить ему тебе давати во Орду на всякъ годъ полетныа дани”». Царь же проси у митрополита полетныхъ даней; митрополить же не вдадеса ему въ таковая. Царь же про то дрѣжа его в тесноте, митрополить же царю, и царице и княземъ роздаде 600 рублевъ; и тако отпусти его царь со всеми его сущими на Русь, и прииде здравъ со всеми своими» [ПСРЛ, т. X: 215]³⁹.

Видимо, именно во время пребывания в Орде Феогност был вынужден в том числе пересмотреть прежние решения относительно спора между Сарайским и Рязанским епископами за территорию Червленого Яра. Теперь эти земли были отданы Афанасию Сарайскому [Шенников 1987: 14–15]. Впрочем, данный факт не обязательно может объясняться только лишь давлением на митрополита со стороны хана. Феогност оказался в очень сложной ситуации и был заинтересован в поддержке епископа Сарая, разбиравшие-

³⁹ См. также [ПСРЛ, т. VII: 209; т. XXIII: 107; т. XXV: 175]. Рогожский летописец и Симеоновская летопись не говорят о выплате Феогностом «посулов» в 600 руб. [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 54–55; т. XVIII: 94].

гося в тонкостях ханского двора. К тому же владыка мог ссудить Феогносту необходимую сумму денег для подарков хану Джанибеку и его приближенным. Н. С. Борисов полагает, что злключения митрополита стали следствием происков великого князя Симеона [Борисов 1986: 68], но этому противоречат сообщения некоторых летописей о возвращении из Орды митрополита прямо в Москву [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 54; т. XVIII: 94; т. XXIII: 107]. А еще через два года «греци, митрополичи писци, Феогностовы» украсили росписью главный храм Москвы — Успенский [ПСРЛ, т. XVIII: 94]. Это еще одно свидетельство сохранения благожелательного отношения митрополита к Москве. Стал бы это делать Феогност, если бы действительно оказался жертвой интриг Симеона? Скорее всего, нет. На наш взгляд, можно говорить лишь о возможном *тайном* противодействии московского князя митрополиту, таком, что Феогност о нем даже не догадался.

Потому мы предлагаем другую реконструкцию действий хана, разумеется, отдавая себе отчет в ее гипотетичности. Хан Джанибек мог сам, без наущения князей, попытаться ограничить льготы церкви, и Феогносту был выдан ярлык соответствующего содержания. Но митрополит остался недоволен и каким-то образом выразил свой протест (разумеется, в пассивной форме), видимо, это имеет в виду летопись под фразой: «митрополить же не вдадеса ему въ таковая». В конце концов Феогност добился успеха, опираясь на узаконения Чингисхана (летописи говорят о том, что дело закончилось единовременной выплатой 600 руб.) [Голубинский 1997в: 157]. Не исключено, что Феогност постарался опереться и на ярлыки предшественников Джанибека: «[Феогност] положи же ярлыки жаловальные первыхъ царь предъ царемъ, какъ жаловали первыхъ митрополитовъ, какъ и самъ жалование прося у царя» [ПСРЛ, т. XX: 181]. Но изменять существующий ярлык хан, конечно, не стал, однако признал льготы церкви на словах. Такое решение могло быть легким для него, ведь речь не шла об общем увеличении дани, говорилось лишь о включении церковных людей в то «тягло», которое несла вся Русь [Соколов 1913: 298]. В пользу версии, что привилегии церковных людей были сохранены, свидетельствует и то, что летописи едва ли могли умолчать о неудачной поездке митрополита

к хану и отмене или существенном сокращении налогового иммунитета [Веселовский 1917: 125].

Однако широкие льготы церкви существовали теперь лишь благодаря традиции: в ярлыке Джанибека они обозначены не были. Это позволило нарушать права духовенства, что и вызвало появление грамот Тайдулы 1347 и 1351 гг. Сам Симеон не удержался от соблазна ограничить в свою пользу церковный суд [Соколов 1913: 298; Приселков 1916: 79–81; ПРП: 466–467, 468–469], тем более что его отец признал за митрополитом юрисдикцию в таком объеме, о котором не мечтал ни один из предшественников Феогноста [Соколов 1913: 281–283]. Новгородская летопись обвиняет в настрое хана против митрополита неких «калантаев» [НПЛ: 357]. Это могли быть сборщики податей. Татарскую дань собирали в своих землях удельные князья, а потом ее отвозил в Орду великий князь. Удельные князья и могли стать доносчиками на митрополита, который к тому же был ими нелюбим за поддержку Москвы [Голубинский 1997в: 156; 156]. Однако не стоит преувеличивать их роль: главными факторами было усиление самого Ордынского государства и усиление влияния в нем ислама [Плигузов, Хорошкевич 1988: 122; 1990; Кричевский 1996: 118–119].

Симеон едва ли был заинтересован в ущемлении прав церкви. На наш взгляд, справедливо мнение Б. В. Кричевского: «Богатство Русской православной церкви, поддерживающей великого князя, являлось одним из гарантов устойчивости его власти» [Кричевский 1996: 118–119] (впрочем, настолько, что Симеон не возражал увеличить великокняжескую юрисдикцию за счет церковной). Некоторое охлаждение отношений Феогноста с Московским князем после смерти Калиты (в том числе и из-за уменьшения митрополичьей юрисдикции, о чем говорилось выше) не привело, однако, к разрыву. В 1347 г. по просьбе Симеона было наконец восстановлено единство Русской митрополии⁴⁰. Для доказательства прав

⁴⁰ «Вот и теперь об этом деле доносит моему царскому величеству благороднейший великий князь Руси, любезный сродник моего царского величества, кир Симеон и, вместе с другими тамошними князьями, просит, чтобы моим царским хрисовулом те епископии (Малой Руси. — *Р. С.*) снова подчинены были упомянутой святейшей митрополии Киевской, как было прежде» [Хрисовул императора Иоанна Кантакузина: 528].

Феогноста канцелярия митрополита подготовила выписку о поставлениях епископов как в северные земли Руси, так и на Галицию, и на Волынь, соответствующий перечень был отправлен патриарху [Васильевский 1888: 457]. Поводом для посольства в Константинополь стало получение разрешения на третий брак Симеона [Голубинский 1997в: 161; Соколов 1913: 300–301], хотя большее значение имело даже не оно, а санкционирование расторжения второго, ибо бывшая супруга старшего Калитича Евпраксия Федорова была жива (князь отослал ее к отцу в 1346 г.) и впоследствии даже вышла замуж [ПСРЛ, т. VII: 210]. Была также прозондирована почва относительно назначения преемника Феогноста — ведь для Симеона имело смысл хлопотать о единстве митрополии лишь при условии выдвижения выгодного ему кандидата [Соколов 1913: 301]. Таковым и являлся сын московского боярина Федора Бяконта Алексей, который, возможно, был связан личной дружбой с отцом Симеона Иваном Калитой и выступал в роли личного советника по церковным вопросам [Григорьев 1997: 30–31]. Как видим, цели митрополита и князя были взаимовыгодными: единая Русская митрополия с приемлемым для Москвы политическим курсом и улаживание семейных дел Симеона. Именно этим можно объяснить тот факт, что хотя отношения светского и духовного владык в то время «не могли быть особенно сердечными», они все же находили возможности для компромисса⁴¹ [Соколов 1913: 301].

Разлад было наметился после третьего брака Симеона, о котором, если верить Рогожскому летописцу, он не уведомил митрополита, и тот затворил церкви: «А женился князь великии оутавися митрополита Феогнаста, митрополить же не благослови его и церкви затвори, по олна посылали въ Царьгородъ благословения просить» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 57]. Феогност, возмущенный пренебрежением к себе и требованиям церкви, показал тем самым свою власть и одновременно объективность: интердикт на этот раз был направлен не против врагов великого князя, а против са-

⁴¹ Имели место какие-то переговоры или консультации Феогноста с Симеоном. Об этом свидетельствует летопись: «Того же лета пресвященный Феогнасть, митрополить Киевский и всея Руси, посоветова нечто духовне съ сыном своимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ, и тако послаша въ Царьградъ къ патриарху о благословении» [ПСРЛ, X: 218].

мого московского властителя, нарушившего церковные установления. Силу иерарха почувствовали на себе и клирики, способствовавшие этой свадьбе: например, пострадал Стефан — брат Сергия Радонежского и духовник великого князя [Борисов 2001: 115]. Скорее всего, митрополит не сомневался и в поддержке патриарха. Симеон же в такой ситуации имел все поводы для беспокойства: его сын мог оказаться незаконнорожденным, то есть лишенным в глазах духовенства законных прав наследника. Кроме того, рушилась политическая московско-тверская система, направленная против Литвы, которую Симеон пытался создать этим браком [Борисов 1986: 69]. Потому и была найдена взаимовыгодная форма для посольства в столицу Византии. К слову, грекам не могло не польстить обращение Симеона к центру православия в трудной матримониальной ситуации [Кричевский 1996: 120]. Просьбы к Константинополю подкреплялись материальными подношениями: были выделены средства на ремонт рухнувшей в 1345 г. восточной апсиды собора Св. Софии [Голубинский 1997в: 162], видимо, в сборе денег принял участие и Феогност, который имел право привлечь к этому и других епископов, в том числе наиболее богатого из них — Новгородского.

Объединению митрополии благоприятствовала позиция Любарта Гедиминовича, который теперь искал сближения с Москвой [Соколов 1913: 303] (в 1349/1350 г. он женится на племяннице Симеона [ПСРЛ, т. VII: 215; т. X: 221]). Да и сам патриарх Исидор (1347–1349), по-видимому, питал особое расположение к Руси. Во всяком случае об этом прямо говорит Стефан Новгородец⁴², посетивший Константинополь как раз в период правления Исидора (в 1348 или 1349 г.⁴³). В 1349 г. Феогност вернулся из Волыни, где он входил в управление землями, вернувшимися под его руку [Павлов 1894: 17]. Ситуация там была сложная из-за насаждения католицизма Казимиром Польским [ПСРЛ, т. X: 221], который обращал православные храмы в костелы, мотивируя это тем, что прежде так и было [Соколов 1913: 310–311]. Феогност мог также

⁴² «И ту виде нас святыи патриархъ Царяграда, ему же имя — Исидор, и целовахом в руку его, *понеже бо вельми любитъ Русь* (курсив наш. — Р.С.)» [ПЛДР: 30].

⁴³ Обоснование датировки см.: [Дмитриев 1987: 447].

способствовать браку Любарта с дочерью Константина Ростовского.

В 1353 г. митрополит Феогност «постави наместника своего старца Алексея въ епископы въ Володимерь; любяше его зело и дрѣжаше у себе во дворе, иже наместникъ бе у него. И тако при своемъ животе учини его владыкою, а по своемъ животе благослови его въ свое место на великий столъ на митрополью Киевскую и всея Руси», затем он вместе с великим князем отправил посольство в Константинополь «да не поставитъ имъ инаго митрополита на Русь кроме сего преподобного старца Алексея...» [ПСРЛ, т. X: 226]. П. П. Соколов справедливо полагал, что это назначение было уже одобрено Константинополем [Соколов 1913: 318]. Видимо, санкционировала поставление будущего первоиерарха и Орда (во всяком случае проблем с получением подорожной для проезда в Царьград у Алексея не возникло, а в ее тексте он уже был назван митрополитом [ПРП: 470, 479–480]).

События ускорила хиротония некоего Феодорита в митрополиты Киевские Тырновским патриархом [Павлов 1894: 34]. Выдвижение Алексея было, очевидно, согласовано с Константином Васильевичем Суздальским⁴⁴. Этот князь не вступал в открытую борьбу за великое княжение с Москвой, так как понимал, что в тех условиях надежд на успех у него было немного. Однако он постоянно стремился усилить свою землю, расширить ее территорию. В этой связи и нужно рассматривать духовную политику Суздальско-Нижегородского княжения, которому для укрепления своих позиций нужен был собственный архиерей [Абрамович 1991: 22–23]. В период до 1347 г. Суздаль добился учреждения отдельной епископской кафедры⁴⁵ [Голубинский 1998б: 29], а теперь, перед отъездом в Византию, московского кандидата в митрополиты Константин Васильевич мог оговорить и подчинение Нижнего Новгорода и Городца епископу Суздаля (позже это осуществит Алексей) [Соколов 1913: 319]. Видимо, тогда же было принято решение о создании новой епархии с центром в Коломне. Вероятно,

⁴⁴ «В неделю бысть снемъ на Москве князю Семиону и князю Костянтину Васильевичю про причеть церковныи» [ПСРЛ, т. IV, ч. 1: 282].

⁴⁵ Вероятно, отделение Суздальской епархии произошло в 1330 г. с поставлением Даниила (см.: [Васильевский 1888: 452]).

сделано это было на случай неудачи Алексея в Константинополе. Действительно, как мы видели, за полвека до этого в столице Византии потерпел фиаско кандидат Михаила Тверского Геронтий. В случае подобного исхода дела Москва как область, находившаяся под непосредственным управлением митрополита, рисковала оказаться подчиненной архиерею, который, возможно, будет отрицательно настроен по отношению к ее князьям. Чтобы этого не допустить, и была создана в Московской земле новая кафедра — Коломенская. Скромные размеры новой епархии явно не соответствовали ее значению в Русской митрополии [Мазуров 2001: 179–181, 218–221], что связано, в первую очередь, со стратегическим значением самой Коломны.

П. П. Соколов предположил, что через Константина Суздальского новгородцы пытались осуществить свои притязания на церковную автономию. Агитируя за этого князя (хотя и без успеха) в Орде, они, конечно, имели в виду множество возможных политических и экономических выгод. Одновременно была послана жалоба на митрополита в «Цесарьгород къ цесарю и к патриарху». Связь посольств к хану и в Византию не подлежит сомнению, вероятно, одной из целей этих акций было обеспечение более легкого осуществления реформы посадничества, возможность проведения которой в то время изучал посадник Онцифор Лукич. По-видимому, идеи Онцифора разделял и архиепископ Моисей⁴⁶ [Янин 2003: 270]. Но все же главным побудительным мотивом этих двух посольств, скорее всего, было желание максимально ослабить политическую зависимость Новгорода от Москвы и церковную от митрополита.

В то время как раз умерли Феогност и Симеон Гордый, таким образом, момент для изменения расстановки сил на Руси был самым благоприятным. Новгород к тому же имел неплохие отношения со своим «младшим братом», доказательством чего может служить визит Василия Калики в Псков за год до этого во время эпидемии [НПЛ: 363, 362]. Могло показаться, что политика лавирования Василия Калики в отношениях с Москвой себя изжила. Вторичное

⁴⁶ О реформе посадничества 1354 г. и ее ближайших последствиях подробно см.: [Янин 2003: 262–287].

возведение на кафедру Моисея, далеко не гибкого как дипломата, возможно, было частью «вполне продуманного плана освобождения от митрополичьей юрисдикции» [Соколов 1913: 331]. Новый владыка, вероятно, постарался учесть допущенные в первое архиепископство ошибки. Выводы, которые он сделал, были, видимо, несколько прямолинейны. Моисей сразу постарался доказать свое желание отстаивать интересы города антимосковскими внешнеполитическими акциями (посольства в Орду и Константинополь). Вообще, весь его внешнеполитический курс после повторного занятия кафедры «приобретает резко антимосковскую направленность» [Казакова, Лурье 1955: 38]. Для идеологического обоснования такой позиции Моисей использовал укрепление культа иконы Божьей Матери «Знамение», значение которого как раз с середины XIV в. перерастает внутрицерковные рамки и становится общен Новгородским [Буров 1994: 180–181].

Противодействие Феогносту со стороны Новгородского архиепископа могло быть вызвано неблагословением митрополита, который желал получить плату за поставление архиепископа. Основания для этого были: ведь, покидая кафедру, владыка принял схиму, и возвращаться после этого ему воспрещали канонические правила. Моисей же не считал себя обязанным ждать благословения, чтобы занять кафедру во второй раз. Новгородский владыка решил одним ударом разрубить гордиев узел политических проблем северной метрополии. Здесь, на наш взгляд, сказалась его склонность решать дипломатические задачи слишком прямолинейно, в отличие от Василия Калики, умевшего лавировать. Такие действия были явным политическим просчетом: получив моральное удовлетворение от временной победы, архиепископ (да и сам Новгород) ничего не выиграл практически, тем более что были все основания для повышенных требований к возвратившемуся Моисею⁴⁷. Значительно больше пользы из временного ослабления Москвы после смерти Симеона Гордого и Феогноста можно было извлечь не явным противодействием ее планам и конфронтацией,

⁴⁷ См. второе правило Святого собора, бывшего в храме Премудрости Слова Божия [ПСПС: 869–873].

а вымогая уступки и льготы методом осторожного дипломатического шантажа.

Однако в первое время казалось, что в целом политика Моисея приносит плоды: возвращение Алексея задержалось, Константин Суздальский хотя и не получил старшинства, но и «размирение» с Иваном Московским не повлекло никаких санкций («И пребыша без мира новгородци с великимъ княземъ полтора года, *нь зла не бысть никакого же* (курсив наш. — Р. С.)»). Послы из Константинополя доставили Моисею «ризы крестъцаты, и грамоты с великимъ пожалованием» [НПЛ: 363, 364], что означало подчинение непосредственно Царьграду [Соколов 1913: 365–370].

Со временем, однако, стало ясно, что добиться независимости от митрополита и Москвы Моисей не смог: власть Москвы укреплялась, а с берегов Босфора пришло разъяснение к ранее полученным грамотам, уничтожавшее их суть (автономию от Русского митрополита). В Константинополе не могли предоставить независимость от митрополита Новгородскому владыке без особенно важных причин, ибо это нарушало «принцип иерархической подчиненности», «составлявший сущность порядка церковного строения» на Руси той эпохи [Костомаров 1994: 426]. Моисей понял, что достиг не столь многого, как думалось сначала, и, видимо, терял опору своей власти, а лавировать, как Василий Калика, не умел [Хорошев 1980: 71]. Это и заставило его окончательно покинуть кафедру.

А из византийской столицы тем временем вернулся после поставления новый митрополит.

МОСКОВСКИЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ И ЦЕРКОВЬ

Правление митрополита Алексея (1353–1378 гг.) пришлось на очень сложный и одновременно очень важный период истории нашего Отечества. Именно тогда окончательно определился центр, вокруг которого объединятся некогда разрозненные русские земли. Кто сможет сплотить их вокруг себя: Москва, Тверь или, может быть, литовские князья, присоединявшие к своему постоянно крепнувшему государству новые и новые города, бывшие когда-то частью Руси Киевской? Окончательного ответа на этот судьбоносный вопрос история в те годы еще не дала, впереди были десятилетия борьбы; и роль в этой борьбе митрополита — духовного владыки, имевшего огромный нравственный авторитет, — была совершенно особенной.

В период правления Феогноста церковь стала намного более независимой по отношению к обществу, в то же время она сохраняла независимость и от великокняжеской власти. Свидетельство тому — интердикты, наложенные на Псков и Москву. Политика Ивана Калиты в отношении митрополита была очень взвешенной: он старался не испортить с ним отношения, умел привлечь его на свою сторону, устраивая дело так, что его акции не только не противоречили интересам Феогноста, а наоборот, были выгодны для первоиерарха. Симеон Гордый был менее щепетилен, но и ему в конечном счете пришлось считаться с силой власти высшего духовенства. Такому положению способствовала и независимость

главы Русской церкви при поставлении от светской власти: Константинополь выбрал Феогноста по собственному усмотрению, видимо, совершенно не считаясь с мнением русских князей. Положение его преемника в этом смысле было более сложным, ведь Алексей был удостоен хиротонии во многом благодаря поддержке московского светского властителя. К тому же новый митрополит происходил из рода, тесно связанного с Московским княжеским домом.

Личность Алексея особенно любопытна уже потому, что это первый митрополит, о жизни которого до его возведения в высокий сан у нас имеется достаточно подробная информация. Сведения о нем содержатся в летописях, но особенно важным в этом отношении является его житие. Именно оттуда мы узнаем многие факты биографии митрополита, разумеется, при этом необходимо учитывать специфику этого памятника, предназначенного прежде всего для панегирического восхваления святого Алексея. И тем не менее обратимся к тексту жития.

Будущий первоиерарх родился в семье переехавшего из Чернигова московского боярина Федора Бяконта и его супруги Марии. На русских землях того времени из-за постоянной угрозы татарских набегов происходили миграции, главный вектор которых был направлен с юга на более безопасный северо-восток, вероятно, именно с этим было связано и переселение родителей митрополита.

Точный год рождения святителя достоверно неизвестен (скорее всего, можно говорить о временном промежутке 1293–1298 гг.). Младенец получил двойное имя Алферий-Симеон (это являлось обычной практикой в древности), а крестным отцом его стал, если верить преданию, сын Московского князя Даниила Александровича Иван, вошедший впоследствии в историю под прозвищем Калита (впрочем, агиограф в данном случае, видимо, перепутал Ивана Калиту с его отцом Даниилом Александровичем, который, скорее всего, и был приемником Алексея [Григорьев 2004: 75–76]). Конечно, это очень важное свидетельство значимости положения боярина Федора при Московском дворе.

С раннего детства Алферий увлекался чтением, рассказы о подвижничестве святых людей глубоко западали в его сердце. Уже в возрасте двенадцати лет он стал серьезно задумываться о смысле

жизни и путях спасения души. Родители скоро заметили перемену в характере сына: он стал молчалив, сторонился игр с товарищами, еще больше внимания уделял книгам и пробовал упражняться в посте и молитве. В пятнадцать лет в нем окончательно созрело желание принять иночество. Наконец, двадцатилетним юношей он постригся в Богоявленском монастыре, получив в монашестве новое имя — Алексей.

Совершая иноческие подвиги, не оставлял он и ученых занятий, постоянно совершенствуя знание Писания и богословия. Так прошли еще двадцать лет его жизни. В итоге молва об образованном и благочестивом монахе, являвшемся к тому же сыном знатного боярина, достигла великого князя Московского Симеона Ивановича и митрополита, вынужденного в силу своего служения часто совершать поездки по городам Руси. Феогност приблизил способного инока к себе, сделал своим наместником, перепоручив ему многие дела. В течение двенадцати лет Алексей оставался митрополичьим управителем, за эти годы его смог ближе узнать и князь Симеон.

А. П. Григорьев допустил, что Симеон Иванович и раньше был хорошо знаком с Алексеем. По предположению ученого, будущий митрополит даже мог быть крестным отцом князя и, возможно, передал ему собственное имя, полученное при крещении. Как бы то ни было, сомневаться в близости Алексея и старшего сына Калиты не приходится.

Шли годы, и все чаще стареющий Феогност задумывался о собственном преемнике. Кто станет во главе Русской церкви? Решать этот вопрос было не в его власти, но за ним оставалось право попытаться повлиять на Константинополь, по крайней мере, он мог как-то выразить собственную волю. Видимо, прежде всего поэтому незадолго до смерти Феогност рукоположил Алексея во епископы Владимирские. Это было недвусмысленно выраженным желанием митрополита сделать своего многолетнего наместника наследником собственной власти, ведь уже более полувека, начиная с 1300 г., Владимирская епархия находилась в непосредственном митрополичьем управлении. Конечно, такой шаг был согласован с князем, который видел в московском происхождении Алексея залог будущей поддержки церковью именно Москвы.

Дабы окончательно снять все вопросы о «наследнике» Феогноста, в Константинополь было снаряжено специальное посольство, которое добилось обещания назначить митрополитом Алексея. При этом императору, как было сказано чуть выше, была передана значительная сумма на восстановление поврежденного собора Св. Софии.

В 1353 г. после смерти от пришедшей на Русь чумы митрополита Феогноста и великого князя Симеона Алексей стал собираться в дорогу, в далекий Константинополь, чтобы стать русским первоиерархом. В тот период второй сын Калиты Иван вел борьбу за великокняжеский ярлык в Орде. Вот как описывает события той поры Новгородская Четвертая летопись: «Того же лета князи в Орду пошли, сперся о великом княжении, а Новгородцы послаша свои посоль... прося великого княжения Константиноу Васильевичу Суздальскому; и не послуша ихъ царь и дасть великое княжение князю Ивану Ивановичю». Возможно, что в поездке в Сарай московского князя сопровождал и Алексей. Это дало ему возможность получить от ханши Тайдулы подорожную на проезд в Византию (1354 г.), а также подтвердить льготы для духовенства у хана Джанибека. Разумеется, при этом Алексей должен был содействовать победе московской партии [Григорьев 2004: 79–80]. Так, уже в самом начале своей деятельности он открыто выразил собственные политические симпатии.

Полученная в Орде подорожная являлась фактически и свидетельством того, что татарские власти также были не против рукоположения Алексея: в тексте документа он уже именовался митрополитом. Казалось, что хиротония в таких условиях станет простой формальностью. Но на деле все оказалось значительно сложнее.

В Византии после смерти Симеона не были уверены в том, что Москва достаточно прочно удерживает власть, и, конечно, знали о претензиях Константина Васильевича Суздальского на великое княжение. К тому же на берега Босфора с жалобами на уже покойного Феогноста прибыли послы от архиепископа Новгородского Моисея, недовольного некоторыми требованиями митрополита.

В самом Константинополе как раз в это время было очень беспокойно из-за разгоревшегося противостояния высших властей. Патриарх Каллист открыто предъявил обвинение импера-

тору Иоанну VI Кантакузину в присвоении денег, переданных русским посольством на ремонт собора Св. Софии. Все это задерживало поставление, предлогом была необходимость тщательной проверки качеств кандидата, но в итоге Алексей после годового ожидания все же стал митрополитом. Хиротонию над ним совершил новый патриарх Филофей, назначенный вместо смещенного Каллиста. Алексея обязали при этом не реже одного раза в два года посещать Константинополь самому или присылать за инструкциями надежных людей.

Помимо этого Алексей добился от патриарха признания за Владимиром-на-Клязьме статуса митрополичьей резиденции. До тех пор Киев оставался официальным местом пребывания русских первоиерархов, хотя начиная с 1299 г. они жили постоянно на северо-востоке: сначала во Владимире, а затем — с 20-х годов XIV в. — в Москве.

Русская митрополия включала в то время в свой состав земли как собственно русских княжений, так и старинные территории Древней Руси, подчинявшиеся ныне Литве, правителя которой не устраивала зависимость его православных подданных от митрополита, живущего в Москве. А потому Литовский князь Ольгерд, язычник по вероисповеданию, добился раздела митрополии и рукоположения своего протеже Романа в митрополиты Литовские (1355 г.).

Соперник Алексея происходил из знатного рода старой противницы Москвы Твери. Роман постоянно стремился округлить свои владения, и для окончательного разграничения юрисдикций Алексей вынужден был в 1356 г. вновь ехать в Константинополь. Главным предметом спора двух иерархов стало почетное обладание древним Киевом, и Алексею удалось добиться решения по этому поводу в свою пользу. Исполненный досады Роман покинул берега Босфора, даже не взяв благословения у патриарха. Не смирился он с решением Константинополя и позже: стараясь завладеть властью над как можно большим количеством земель, Роман вторгался на территории, подчиненные Алексею. Он служил в храмах Киева, добирался аж до Твери, где его радушно встретили князья, но «не почтил» местный епископ (1360 г.). Лишь с кончиной Романа в 1362 г. разделение Русской митрополии наконец закончилось.

Алексей же, опираясь на постановления Константинополя, посетил в 1358 г. Киев, и это стоило ему свободы: в Днепровской столице Руси он был пленен Ольгердом. Лишь через два года ему удалось выбраться из этой ловушки и бежать на северо-восток, в Москву, которая как раз в то время находилась в чрезвычайно затруднительном положении.

В 1359 г. скончался Иван II Красный, и у власти оказался его девятилетний сын Дмитрий (годы княжения в Москве — 1359–1389 гг.), будущий победитель полчищ Мамай на Куликовом поле, получивший за это прозвище Донской. Однако до той славной победы еще должны были пройти целых двадцать лет, а пока сразу после смерти отца сложно было предвидеть блестящую будущность малолетнего князя и его положение казалось более чем шатким. К тому же серьезно осложняли дела и начавшиеся усобицы внутри самой Орды. Все это привело к тому, что ярлык на великое княжение Владимирское ускользнул из рук Москвы. Его получил Дмитрий Константинович Суздальский (род. около 1323 — ум. 1383 г.) — потомок родного брата Александра Невского Андрея Ярославича.

Положение митрополита к тому моменту укрепились, стало более стабильным. Позади остались его константинопольские мытарства, связанные с утверждением в митрополичьем достоинстве и соперничеством с Романом Литовским. В 1357 г. было получено подтверждение льгот церкви от нового ордынского хана Бердибека, ярлык которого был выдержан в более выгодном для православного духовенства стиле, чем аналогичный документ, полученный в свое время Феогностом от Джанибека: в его тексте вновь была закреплена свобода от даней [Приселков 1916: 78]. Вообще, для Алексея как главы Русской церкви было очень важно поддерживать нормальные отношения с Ордой, зависимость от которой оставалась для Руси тяжелой политической реальностью. Забыть об этом было невозможно: монгольская власть постоянно напоминала о себе. Однажды митрополиту пришлось совершить путешествие в далекий Сарай по просьбе самого хана. Поводом для этого стала глазная болезнь хатуни (жены хана) Тайдулы. По молитве святителя произошло ее чудесное исцеление. А в 1371 г. митрополит сопровождал до Коломны направлявшегося в Орду великого князя Дмитрия Ивановича.

Возвратимся, однако, на «прежнее». В сложившихся после смерти Ивана Красного условиях Алексею не оставалось ничего, как только признать нового великого князя — Дмитрия Константиновича. Конечно, митрополит сохранял свою приверженность московской династии, но выбора у него не было: княжич Дмитрий Иванович в силу слишком юного возраста едва ли мог противостоять своему Суздальскому собрату.

Видимо, Дмитрий Константинович, вокняжившись во Владимире, рассчитывал на то, что к нему из Москвы переберется и митрополит, однако этого не произошло: Алексей предпочел остаться рядом с могилами своих предшественников Петра и Феоноста. В его руках сосредоточились многие нити управления Московской землей. Часто историки говорят даже о регентстве Алексея при малолетнем князе. Действительно, еще Симеон Гордый в своем завещании призывал преемников опасаться советов «лихих людей» и слушать «отца нашего владыку Алексея». Все это, конечно, должно было способствовать резкому увеличению политического авторитета первоиерарха. При этом едва ли так уж важно, являлся ли он главой правительства при Дмитрие Ивановиче или нет. Важнее было то, что митрополит оказался *непосредственно* причастен к светскому управлению. Много позже Константинопольский патриарх Нил напишет о роли Алексея в воспитании княжича: «...митрополит прилагал все старания, чтобы сохранить дитя (Дмитрия Ивановича — *Р. С.*) и удержать за ним страну и власть...» [РИБ: стб. 166 (вторая пагинация)].

Практика непосредственного участия главы духовенства в управлении, когда государственная власть не могла по каким-то причинам нормально функционировать, была обычной для Византии. Однако на Руси на пути ее осуществления возникла большая трудность: Дмитрий Иванович ведь не был правителем всей Руси [Мейендорф 2000: 463]. Вольно или невольно, но Алексей теперь отдает приоритет решению светских проблем [Кричевский 1996: 146], иногда прибегая для этого к церковным средствам. Но одновременно с этим митрополит неминуемо должен был позиционировать себя сторонником лишь одной властной силы на северо-востоке Руси — Москвы. А потому и некоторые его акции вызвали непонимание у неподвластной Московскому князю паствы.

Нельзя, безусловно, при этом сбрасывать со счетов и ту роль, которую сыграло в сложившейся после смерти Ивана II ситуации народившееся московское боярство. Конечно, на него малолетний князь также в полной мере мог опереться. Именно в результате усилий опытных бояр, а среди них, повторим еще раз, если не первое, то уж во всяком случае и далеко не последнее место занимал митрополит, в 1362 г. московские послы получили наконец от хана Амурата ярлык на Владимирское княжение для юного Дмитрия Ивановича. Это было знаковым моментом: более князя московского дома никогда не упустят власти над великокняжеским Владимиром, хотя попытки оспорить такое положение вещей в правление Дмитрия будут предприниматься сначала со стороны Суздаля, а затем со стороны Твери. Но всякий раз возросшая сила нового политического центра будет сводить на нет все подобные замыслы врагов Москвы.

Впрочем, Дмитрий Константинович Суздальский недолго противился потере великого княжения — это позволило ему использовать Москву как союзницу в борьбе со своим братом Борисом, который владел в то время Нижним Новгородом. Москва не обманула его надежд, и помощь ее носила не только военный, но и, если можно так выразиться, духовный характер. В 1365 г. Алексей наложил на жителей Нижнего отлучение: местный архиерей, также носивший имя Алексей, был отстранен от власти над городом, здесь не совершались церковные службы и обряды. Когда это не помогло, с увещеваниями к Борису по поручению митрополита отправился Сергей Радонежский, убеждавший князя покориться и уступить старшему брату (см.: [Борисов 2001: 108–110]). И только после того как эти меры не принесли желаемого результата, Москва применила силу, что наконец и позволило добиться цели: «Князь же великий Дмитрий Иванович... вдасть силу старейшему на меньшого брата, князь же Дмитреи Константинович еще къ тому въ своеи отчине в Суждали събравъ воя многы, въ силе тяжце поиде ратью къ Новугороду къ Нижнему и егда доиде до Бережца и ту срете его братъ его молодъший... съ бояры своими, кланяся и покоряяся и прося мира, а княжения ся съступая» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 78]. Таким образом, митрополит столкнулся с ситуацией, когда его интердикты не принесли немедленного политического результата. Позже подобного рода случаи будут повторяться.

В своем политическом курсе Алексей следовал прежде всего интересам Москвы. Этим он коренным образом отличался от своих предшественников. Петр и даже Феогност хотя и были сторонниками князей Московского дома, но все же старались сохранить некоторый, по крайней мере видимый, нейтралитет. Теперь же ситуация меняется: Алексей выступает полностью на стороне одной из спорящих за власть над Северо-Восточной Русью сторон, а именно на стороне Москвы.

Митрополит наказывал епископов, смевших выступать против Московских интересов. Ближайшие предшественники Алексея подобного себе не позволяли. Например, по-видимому, с давлением митрополита Петра связаны отставки епископов Прохора Ростовского и Андрея, но причиной тому было их противодействие самому Петру, даже более того, интриги против него, а вовсе не политические пристрастия к тому или иному князю. Алексей же при случае не забывал напомнить своей пастве: «Не ведаете ли, что все русское земли владыки подъ моею властью суть и въ моей воли? И язъ ихъ ставлю отъ благодати Пресвятого Духа». Все это не могло не вызывать неудовольствия и роняло духовный авторитет митрополита.

В этой связи пример Алексея Суздальского и Нижегородского, пострадавшего в 1365 г., не был каким-то исключительным случаем. Разобравшись с нижегородскими проблемами, Дмитрий Донской и его приближенные должны были обратить особое внимание на Тверь. В ту пору там возникли серьезные политические противоречия между дядей и племянником — Василием Михайловичем Кашинским и Михаилом Александровичем Тверским. Москва поддерживала первого из них. Митрополит уполномочил местного архиерея Василия выступить в качестве третейского судьи. Однако решение его оказалось неожиданным для первоиерарха: оно было не в пользу Василия. В результате в 1367 г. епископ был вызван в Москву для совершения уже над ним митрополичьего суда, следствием этого для владыки стал, как сказано в Никоновской летописи, «проторъ великъ».

Михаил Александрович вынужден был удалиться в Литву к своему могущественному шурина великому князю Ольгерду. В Тверь вошел его дядя Василий. Однако это не означало окончания ус-

бицы. Михаил сумел вернуть утерянную было Тверь. Противостояние продолжилось. Для преодоления кризисной ситуации решено было обратиться к посредничеству Москвы. При этом Михаил Александрович, резонно опасавшийся за собственную безопасность, отправился туда для переговоров, лишь заручившись гарантиями неприкосновенности от митрополита (1368 г.). Но на деле эти гарантии не были выполнены: переговоры зашли в тупик, и Михаил здесь оказался на положении пленника. Впрочем, заключение его не сломило, и жаждавший возмездия по отношению к Дмитрию Ивановичу князь был отпущен. При этом в сердце князя осталась глубокая обида и на Алексея. «Князь же Михайло Александрович Тверский о томъ вельми сжалися, и не любезно бысть ему сие, и негодоваше о семъ, и положи то в-ызмену, и въ ненависть подвижесе, и размирие про то начатъ имети къ великому князю Дмитрию Ивановичю; гневашажесе и жаловашесе наипаче на митрополита, глаголя: “Колику любовь и веру имехъ паче всехъ къ митрополиту сему, и онъ толико мя посрами меня и поруга”».

Следствием московского вероломства по отношению к Тверскому князю стала война с Литвой, начавшаяся в 1368 г. Это была так называемая первая литовщина. Она прервала установившуюся после 1328 г., то есть со времени получения великого княжения Иваном Калитой, сорокалетнюю «тишину великую». Захватчики дошли до белокаменных стен Москвы, отстроенных лишь за год до этого, ограбили окрестности города и, не решившись начать штурм или осаду, удалились восвояси, уводя огромный полон. Через два года, в 1370 г., нашествие Ольгерда повторилось. Но вновь Литва не отважилась штурмовать каменные кремлевские укрепления. Оба раза в Москве «затворились» вместе с остальными людьми великий князь Дмитрий и митрополит. Они ободряли горожан, вселяли в них уверенность в благополучном исходе. При этом роль Алексея вообще оказалась особенной: митрополит все активнее вмешивался в политику. Выступавших против Москвы на стороне Ольгерда русских князей он подвергал отлучению за нарушение договоров. Такие действия получили одобрение в Константинополе: патриарх признал правоту главы Русской церкви и призвал всех князей к борьбе с «огнепоклонником» Ольгердом (см.: [РИБ: стб. 117–120]). Для Руси это было новостью: ранее первоиерархи

не вмешивались так открыто в междоусобицы, это вызывало недовольство. Потому совсем не случайными были слова Ольгерда, обращенные к патриарху: «По твоему благословию, митрополит и до ныне благословляет их (москвичей. — *Р. С.*) на пролитие крови. И при отцах наших не бывало таких митрополитов, каков сей митрополит!» Возмущенный Литовский князь, не желая зависеть от тенденциозных решений Алексея, прямо требовал особого митрополита не только для земель, находящихся под властью Литвы, но и для Твери и Нижнего Новгорода [РИБ: стб. 138].

Для дискредитации самого Ольгерда митрополит Алексей провел канонизацию замученных по его приказу в 1347 г. за исповедание христианства трех литовцев — Антония, Иоанна и Евфстафия (Кумец, Нежило и Круглец). Это прославление святых было признано Константинополем [Мейендорф 2000: 465].

Вскоре патриарх Филофей вынужден был изменить свои взгляды: жалобы усилившегося Ольгерда и Михаила Тверского на откровенно промосковскую настроенность Алексея и требования поставить для Литвы особого митрополита сыграли свою роль. Патриарх пригрозил Алексею судом и приказал найти компромисс. Византии, на которую с неослабевающей силой давило турецкое завоевание, нужно было сохранить свое влияние над как можно большим количеством земель в Восточной Европе. А потому ссориться с Литвой, овладевшей к тому времени многими старинными русскими землями, для Царьграда никакого резона не было. Это вынуждало Филофея несколько скорректировать политику в отношении Москвы: в результате Алексея с Ольгердом удалось примирить.

Таким образом, можно констатировать, что митрополит вновь не достиг желаемого результата с помощью духовного воздействия на паству. Думается, что причиной неудач была слишком очевидная политическая подоплека отлучений, а потому нежелание подчиняться им находило понимание в обществе земель-княжений, на которых они налагались. По той же причине оставалась спокойной и совесть самих отлучаемых, их действия направлены были только против Москвы, они не угрожали разорением всей Руси, как было в случае с Александром Тверским, укrywшимся в Пскове. Потому, на наш взгляд, правильным будет утверждение о том,

что с усилением роли Алексея как одного из действующих лиц на русской политической сцене неминуемо падал его духовно-нравственный авторитет в народе, а это, в свою очередь, приводило к тому, что менее авторитетными становились и его интердикты.

Позиции Алексея ослабило и выделение из состава его владений в 1371 г. Галицкой митрополии, произведенное по настоянию короля Польши (1333–1370) Казимира III, угрожавшего в случае отказа перекрестить всех православных в католичество. Патриарх вынужден был поддаться на этот, по сути, шантаж со стороны польского правителя. Возглавил вновь образованную митрополию епископ Антоний. Патриарх в своем послании к Алексею, как бы оправдываясь, постарался объяснить мотивы собственного решения, обращая внимание на ультимативность требований Казимира и пеня на небрежение Русского первоиерарха к западной части митрополии. Подчеркнем, что создание новой митрополии не избавило православное население этих мест от притеснений со стороны польской шляхты, напротив, оно стало одним из первых шагов в организации многовекового преследования на религиозной почве в отношении «схизматиков», проживавших на подвластных польским королям землях.

Однако по-прежнему оставались неразрешенными противоречия, связанные с деятельностью митрополита Алексея, на самой Руси. Для того чтобы разобраться в ситуации на месте, Филофей послал в Москву в 1373 г. своего келейника и доверенного человека — Киприана. Киприан вел переговоры со всеми заинтересованными сторонами, благодаря его посредничеству произошло некоторое сближение Москвы и Твери. В 1374 г. Алексей посетил Тверь, где участвовал в поставлении нового епископа Евфимия, Михаил же отказался от титула великого князя, на который он получил право согласно ордынскому ярлыку. Воспользоваться этим правом он уже не мог, так как на пути его стояла военная мощь усилившейся Москвы.

Не забывал Киприан и о собственных интересах: он захотел обеспечить для себя наследование власти Алексея. Ему удалось наладить отношения с Ольгердом, к которому он отправился после посещения Северо-Восточной Руси. Собрав свидетельства того, что его хиротония была бы для многих очень желательна, Кипри-

ан вернулся в Константинополь и был рукоположен в 1375 г. в митрополиты Киевские и Литовские, при этом делалась оговорка, что после смерти Алексея он займет его место. Такой поворот событий был крайне выгоден для Ольгерда, давно желавшего иметь «своего» митрополита. Реакция Литовского князя на поставление Киприана свидетельствует о том, что неправильно было бы в данном случае все сводить к желанию посланца Филофея получить личные выгоды. Сделанное Киприаном можно считать дипломатическим успехом: проблемы нарушения единства митрополии «ему удалось свети к личным счетам с престарелым человеком (Алексеем. — *P. C.*)». Как показало будущее, правители Литвы не были категорически против подчинения Московскому митрополиту, лишь бы им не являлся ненавистный для них Алексей [Прохоров 1978: 45].

Совершенно иная реакция на эту хиротонию была в Москве. Дмитрий Иванович просто негодовал. Как писал позже сам Киприан, в Москве «патриарха литвиномъ назвали, царя также, и всечестный сбор вселенский» [Послание митрополита Киприана: 422]. Однако сам новопоставленный митрополит не падал духом. Прибыв в Литву, он пытался подчинить себе и Великий Новгород, где всегда тлело недовольство митрополичьей и великокняжеской властью, но в ответ на грамоту, посланную из Литвы, новгородцы посоветовали обратиться прежде в Москву: «Пошли к великому князю, если он примет тебя митрополитом всей Русской земли, то и нам будешь митрополитом» [НПЛ: 374].

Рукоположение Киприана ставило в затруднительное положение великого князя Дмитрия Ивановича. Перспектива получить митрополитом протезе Ольгерда была просто пугающей: ведь это могло означать, что влияние церкви, которое прежде так часто выручало Москву в трудную минуту, теперь могло оказаться на стороне противников объединения русских земель вокруг нее. Однако авторитет самого Дмитрия Ивановича был уже настолько высок, что он мог позволить себе не согласиться с волей Константинополя. Потому великий князь решает назвать преемника Алексею сам, его выбор пал на собственного духовника, коломенского священника-мирянина Митяя (Михаила).

Митяй обратил на себя внимание великого князя, когда тот однажды посетил Коломну. Священник стал духовником Дмитрия

Ивановича и его ближайших бояр, а затем получил должность печатника (то есть хранителя печати). Однако для продолжения церковной карьеры Митяю необходимо было принять монашеский постриг, он всячески этому противился, так как, видимо, не хотел связывать себя слишком суровыми иноческими обетами. И все же великий князь сумел настоять на своем: Митяй был пострижен и в 1376 г. стал архимандритом придворного Спасского монастыря Дмитрий Донской явно думал возвести своего любимца на митрополичью кафедру после ожидаемой смерти престарелого Алексея.

При этом воля самого митрополита, утверждавшего, что негоже «новуку» (новонаначальному иноку) руководить церковью, в расчет не принималась, как игнорировался и скрытый ропот остального духовенства. Алексей осознавал, что он слишком прочно связан с Московским князем и, как результат, слишком зависим от него. Потому у первоиерарха не было возможности сопротивляться возросшему в силу ряда причин, рассмотренных выше, влиянию князя на церковь. Вместе с тем как пастырь, действительно заботившейся о благе церкви, Алексей должен был что-то предпринять. И выход им, казалось, был найден: он решил сделать своим преемником Сергия Радонежского. Видимо, открыто противиться этому Дмитрий Иванович не мог: авторитет «игумена всея Руси», о личности которого речь впереди, в тот период был уже чрезвычайно высок, не считаться с этим князь не мог. Однако Сергей отказался от высокой чести, ибо, приняв на себя бремя митрополичьей власти, он неминуемо вступил бы в открытую политическую борьбу, причем, возможно, на сей раз как противник великого князя. Ведь противодействие устремлениям последнего обязательно повлекло бы за собой конфронтацию, а это вообще рушило всю устанавливавшуюся почти столетие систему отношений московских князей с митрополитами и с монашеством и могло в перспективе даже привести к новым усобицам. Брать на себя ответственность за все это Сергей не желал, но свои принципы радонежский игумен отстаивал последовательно, в том числе и противодействуя Митяю — креатуре Дмитрия Ивановича.

Алексею же в таких условиях не оставалось ничего другого, как согласиться на просьбу великого князя о благословении Митяя. К тому времени произошли изменения и в Константинополе: по-

сле свержения очередного императора патриарх Филофей, поставивший Киприана, оказался в заточении. Потому-то московские послы, зондировавшие почву относительно будущей хиротонии Митяя, нашли на берегах Босфора полное понимание.

Когда посольство вернулось на Русь, митрополита Алексея уже не было в живых. Он скончался 12 февраля 1378 г. и был похоронен в Чудовом монастыре, основанном им самим.

Стиль правления митрополита Алексея, максимально сблизившегося с московским правительством в силу субъективных причин (происхождение, малолетство великого князя), конечно, соответствовал византийскому идеалу «симфонии» властей, но он не отвечал реальной исторической ситуации, существовавшей на северо-востоке Руси в третьей четверти XIV в. Здесь по-прежнему сохранялась система городов-государств, а соответственно, сохраняла достаточно сильное влияние община, не ушли в прошлое и древние вечевые традиции. Наконец, власть князя московского не только не распространялась на всю Русь, но была далека от монархического идеала и в своей собственной земле — Москве. А потому попытка выработать какой-либо общий политический курс светского и духовного властителя была явно поспешной.

Участие митрополита Алексея в делах управления Московской землей отнюдь не было вызвано эволюционным развитием церкви как политического института, оно стало форс-мажорным обстоятельством, которое возникло вследствие ранней смерти Ивана Красного и близостью Алексея к московскому боярству. Но, как бы то ни было, именно такое стечение обстоятельств позволило церковной организации в решающий момент выступить на стороне нового быстрорастущего политического центра в Северо-Восточной Руси — Москвы. После митрополита Алексея, с помощью которого Дмитрий Иванович сумел серьезно укрепить позиции своей земли, окончательно был снят вопрос о том, вокруг какого княжества произойдет в будущем объединение Руси в единую державу.

Негативным же результатом такого положения стало резкое усиление влияния князя на поставление митрополитов. После 1378 г. на митрополичьем престоле началась «чехарда»: князь имел тогда возможность непосредственно влиять на выбор первоиерар-

ха, но никак не мог извлечь из этого ощутимую выгоду, а потому вынужден был менять митрополитов.

Однако, рассуждая обо всем этом, нельзя забывать о том, что сам Алексей исполнял обязанности пастыря, в том числе и в тех моментах, которые были тесно связаны с политикой, с глубоким сознанием долга; он нес свой нелегкий крест, воспринимая при этом служение Отечеству как часть сужения Богу. Потому им и было положено столько сил на прекращение разделения русских земель, на сплочение их вокруг нового центра — Москвы. Пусть для объединения еще не пришло время, но Алексей уже тогда осознавал, что именно в консолидации залог успеха Руси. Далеко не всеми современниками такая политика была оценена по достоинству, зато с высоты прошедших веков ясно видна ее оправданность: именно единство (пусть временное) помогло Дмитрию Ивановичу одержать славную победу на Куликовом поле, что стало предвестием освобождения земли Русской от иноземной зависимости и ее объединения в единое государство — Россию.

В области собственно церковного управления пребывание на митрополичьей кафедре Алексея ознаменовалось проведением монастырской реформы, под которой понимается перевод иноческой жизни на общежитийную основу (киновию). Именно во времена Алексея на Руси резко растет количество монастырей, большинство из них как раз и были общежитийными. Б. М. Клосс, проследив ареал распространения новых общежитийных монастырей, пришел к выводу, что они появлялись, как правило, на территориях, для которых архиереем являлся сам митрополит. Конечно, в этой области существенную помощь первоиерарху оказывали монахи-подвижники, но все же действия митрополита были здесь определяющими.

Помимо этого новый уклад монастырского бытия приносил и политический эффект: многочисленные, сами обеспечивающие себя и связанные строгой дисциплиной обители более подходили для условий, в которых начинался процесс консолидации земель. А потому и в этой, казалось бы, сугубо церковной области Алексей не мог обойтись без того, чтобы приспособить идею преобразования монашеской жизни к нуждам московской политики. Впрочем, здесь иначе он действовать, скорее всего, просто не мог: ведь в сво-

их нововведениях он должен был опираться именно на тех, кому доверял, и, разумеется, таковые люди находились прежде всего на подотчетной ему территории. Странники проводимой Алексеем реформы, в свою очередь, выступая на стороне митрополита, объективно оказывались на стороне Москвы в борьбе за верховенство Руси.

Рассуждая о времени митрополита Алексея и иноческой жизни в ту эпоху, совершенно невозможно не вспомнить о выдающейся личности Сергия Радонежского. До сих пор мы сознательно оставляли за скобками личность «игумена всея Руси», не только сумевшего снискать прижизненную славу и посмертное почитание за свои духовные подвиги, но и оказывавшего достаточно сильное влияние на судьбоносные политические процессы, происходившие в Русской земле во второй половине XIV в. Подчеркнем, что влияние это зиждилось исключительно на духовно-нравственном авторитете, ведь в руках этого человека не было собственно властных рычагов — ни церковных, ни тем более светских. И все же его слово подчас означало для современников даже больше, чем воля великого князя. Потому нет ничего удивительного, что сообщения об этом человеке, как мы увидим ниже, содержат в себе массу сведений полуполюгендарного характера, поверить в которые наш современник может с трудом, тем более что один из основных источников наших знаний о Сергии — его житие, составленное Епифанием Премудрым по всем канонам агиографического жанра, то есть с описанием сопровождавших жизнь главного героя чудес. Мы не будем спорить с древним автором или пытаться опровергнуть его. В конце концов, в каждом чуде можно усмотреть какое-то рациональное зерно или же просто принять произошедшее на веру, а потому разумнее всего в данном случае оставить выбор за читателем. Перейдем же к рассказу о жизни подвижника.

Родился Сергей в семье некоего ростовского боярина Кирилла и его жены Марии. Год рождения его точно неизвестен: либо 1314-й, либо 1322-й (первая дата более вероятна; вообще в хронологии начального этапа жизненного пути Сергия Радонежского существует некоторая путаница, связанная с состоянием источников). При крещении мальчик получил имя Варфоломей. Житие сообщает, что, еще будучи в материнской утробе, святой указал на свое бу-

дущее предназначение: однажды во время воскресной литургии, на которой присутствовала беременная Мария, мальчик трижды подал голос. Появившись на свет, младенец будто бы отказывался принимать грудь матери, если та не соблюдала пост в положенные дни. Чуть позже он уже сам отказывался пить в постные дни молоко. В средневековой Руси традиционно детей мало-мальски обеспеченных родителей с семилетнего возраста отдавали для обучения «книжной премудрости». Так же произошло и с Варфоломеем, начавшим учиться вместе с братьями Петром и Стефаном. Здесь возникла трудность: грамота мальчику почему-то никак не давалась. Не помогали ни брань родителей, ни наказания учителя, ни насмешки товарищей. Непонятно, как вообще могла сложиться судьба будущего инока «всей Руси», если бы не произошло чудо: однажды в поле мальчик повстречал старца, по молитве которого вдруг получил способности к изучению грамоты.

В пятнадцатилетнем возрасте Варфоломей должен был вместе с родителями переселиться из Ростовской земли на одну из окраин владений московского князя — Радонеж. Произошло это из-за оскудения Ростова от налоговых тягот, которыми усиливавшаяся Москва облагала попадавшие в сферу ее влияния территории. В результате некогда богатый и занимавший у себя на родине достаточно высокое положение Кирилл вместе со всем семейством вынужден был обосновываться на новом месте.

Впрочем, земные печали уже не так сильно тревожили сердце юноши, в нем укреплялось желание принять иноческий постриг. Родители не препятствовали этому, однако настояли на том, чтобы Варфоломей дождался их смерти, ведь другие сыновья к тому времени уже женились и не могли оказать им необходимую помощь. Вскоре Кирилл и Мария скончались, наследство полностью перешло к младшему брату Петру (Стефан к тому времени овдовел и ушел в монастырь), а Варфоломей наконец получил возможность воплотить в жизнь свою мечту — стать монахом. Но пока он не чувствовал себя достаточно подготовленным для этого.

К тому же простое выполнение обетов казалось Варфоломею недостаточным: его привлекала жизнь в «пустыне» по примеру древнейших подвижников; нет, он не стремился к полному отшельничеству, просто ему казалась неправильной принятая на

Руси практика устройства обителей неподалеку от городов. Так повелось со времени принятия христианства, и до поры в этом был смысл: необходимо было вести проповедь среди языческого населения, а делать это удобнее всего было там, где этого населения было больше всего, то есть в городах. Но проходили века, христианство прочно вошло в жизнь русских людей, более того, церковь была очень мощной политической силой, а потому все актуальнее становилась идея монашеского удаления от мира в прямом смысле. В последующие столетия эта идея будет реализована, вдали от людских жилищ будут появляться новые и новые монастыри, но это потом, а пока кто-то должен был стать первым, кто-то должен был указать путь другим. Этим первым и суждено было стать Сергию Радонежскому.

Около 1337 г. он решает вместе со старшим братом Стефаном отправиться в лесную глушь, для того чтобы найти уединение. Они прошагали десятки верст в поисках подходящего места. Наконец, они увидели холм на берегу небольшой речушки, на котором и решили обосноваться. Это была очень живописная гора Маковец, неподалеку бил ключ, откуда можно было брать воду.

Прежде всего, была сооружена келья и небольшая церковь, которая использовалась пока как часовня. Через некоторое время Стефан решил покинуть брата, он ушел в Московский Богоявленский монастырь, и Варфоломей остался совсем один. Это был самый трудный период на пути его духовного совершенствования. Автор жития описывает многочисленные искушения, нашествия бесов, требовавших от святого бежать с Маковца. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и трудности чисто бытового характера (заготовка дров, припасов и т. д.), которые преследовали отшельника. Однако ничто не могло поколебать решимости Варфоломея, он мужественно переносил все тяготы, а свою скудную трапезу в течение года делил поровну с медведем, который повадился приходить к келье подвижника и всякий раз находил оставленный для него кусок хлеба.

Тем временем жизнь постепенно входила в определенный ритм: отшельник иногда получал провизию от младшего брата Петра и из отдаленных селений, была освящена во имя Святой Троицы построенная братьями церквушка, изредка приходил священник —

иеромонах Митрофан — для совершения литургии, а через некоторое время (7 октября 1341 г.) над Варфоломеем был совершен наконец и монашеский постриг, он получил при этом имя Сергий.

Слава о столь строгом подвижнике стала доходить до других монахов, некоторые из них стали приходить к Сергию для беседы, кто-то решил и вовсе остаться подле него, дабы разделить уединение. Вокруг святого собралось двенадцать человек братии, для каждого были сооружены кельи, которые были обнесены тыном. Так и зародился знаменитый Троицкий монастырь. Для совершения литургии приглашался священник со стороны, не было даже своего игумена (Сергий, ссылаясь на свои молодые лета, отказывался взять на себя управление монастырем)! Проблему на некоторое время решил приход иеромонаха Митрофана, который и стал игуменом, но через год он умер и братия настояла на том, чтобы Сергий принял руководство братией. Ему в ту пору было лишь тридцать лет. Однако еще на протяжении целых десяти лет он не имел священнического сана.

Монастырь продолжал расти, постепенно вокруг него стали строить свои жилища и миряне, даже дорога, которая вела из Москвы в северные города, несколько изменила свое направление — ближе к обители. Это позволило снять вопрос снабжения братии. Заселение прилегавших к Маковцу территорий — яркий пример так называемой «монастырской колонизации» — процесса, который в течение последующих двух-трех столетий наберет достаточно мощные обороты. В ходе освоения новых пространств на Русском Севере инок и крестьянин постоянно будут идти рука об руку. Неслучайно, что земледельцы, которых интересовали свободные пригодные для пахоты земли, следовали за монахами. В. О. Ключевский писал об этом: «Не всегда возможно указать, где которое из обоих движений шло впереди другого, где монахи влекли за собой крестьян и где было наоборот, но очевидна связь между тем и другим движением». Как видим, и здесь Сергий фактически был первопроходцем.

Кроме этого, в Троицком монастыре было введено еще одно очень важное новшество: именно отсюда началась так называемая общежитийная реформа, о которой мы упомянули выше. Первоначально устройство быта в обители на Маковце было таким же,

как и в прочих монастырях Руси той эпохи, то есть здесь господствовало «особножительство» — порядок, при котором каждый монах имел свою келью, сам заботился о своей пище (в том числе и о ее приготовлении). Об этом свидетельствует Житие Сергия Радонежского, в котором сообщается, что сам игумен однажды в особенно голодные дни заработал на хлеб, пристроив сени к келье одного из братьев. Сергей осознал, что такая практика есть нарушение заветов подвижников древности, тем более что и на Руси «общежитие» не являлось совсем уж новостью: об его устройении заботился еще Феодосий Печерский (XI в.), но с течением времени в русских монастырях утвердился другой тип иноческого жития — идиоритма, то самое «особножительство». Теперь же Сергей решается на достаточно сложный шаг: переустроить в своем монастыре жизнь по новому типу, на основе «общего жития». Это вызвало ропот среди некоторых его товарищей. Однако нашлись и союзники, среди них оказался митрополит Алексей и даже вселенский патриарх Филофей, приславший Сергию в знак своего благословения крест.

Такое внимание сильных мира сего к нововведениям в Троицком монастыре было отнюдь не случайно: дело в том, что обители, устроенные на принципах киновии, более централизованны, они в большей степени могут быть управляемы из единого центра (так как каждый из братьев лишен какой-либо хозяйственной самостоятельности). Это могло способствовать централизации страны в целом. Кроме того, «общежитие» открывало путь к укреплению экономической силы обители, ведь имущество теперь принадлежало не индивиду, а монастырю в целом, что в свою очередь давало возможность интенсивно развивать хозяйство и приобретать главное богатство — землю. Подобная реформа позволяла в перспективе сосредоточить в руках монашества и церкви весьма крупные богатства (прежде всего земельные), что в действительности и произошло в течение второй половины XIV — XVI в. Из Сергиева монастыря «общежитие» распространилось по всей Руси. Конечно, этого не могло произойти без санкции высшей церковной власти, и правы исследователи, подчеркивающие, что непосредственным инициатором монастырской общежитийной реформы выступал, прежде всего, митрополит Алексей [Клосс 2002:

60], но справедливо и то, что митрополит едва ли достиг бы своей цели, если бы не опирался на авторитет Радонежского игумена и его учеников, подготовивших в конечном счете аскетическое и монастырское возрождение Руси [Смолич 1997: 49–50].

Появление общей собственности позволило шире развивать благотворительность монастыря. Сергей и здесь выступал пионером. Как писал историк Русской церкви Е. Е. Голубинский: «Благотворительность эта могла иметь место только в монастырях общежитных, но не особножитных (по весьма понятной причине). А так как монастыри общежитные начались в Северной Руси только с Сергия, то и благотворительность могла начаться только с него». Забота о «бедных и убогих» была предметом постоянного попечения игумена Троицкой обители.

Новый устав изменил и внешний облик монастыря: появились общая трапезная, поварня, некоторые другие хозяйственные постройки. Сам Сергей давал пример смирения: носил едва ли не самую плохую одежду, никогда не позволял себе каких-то послаблений.

На такой прочной основе и зиждился огромный духовный авторитет Сергия. К тому времени он уже был достаточно известен и митрополиту, и великому князю. Несколько пошатнуло положение игумена возвращение в монастырь его старшего брата Стефана, который всячески старался подчеркнуть свое первенство. К тому же вокруг последнего сплотились все недовольные строгостями введенной недавно киновии. В результате Сергей даже был вынужден покинуть обитель, Он основал новый Благовещенский монастырь при впадении реки Киржач в Клязьму. Но братия не желала расставаться с настоятелем. На Киржач потянулись посольства, однако Сергей оставался непреклонен. Ситуацию разрешило личное вмешательство митрополита, обеспокоенного происшедшим. Алексей своею властью приказал Сергию вернуться, обещав убрать из монастыря всех недовольных его деятельностью. Подвижник повиновался, но при этом вновь основанный им монастырь сохранился: игуменом там стал ученик преподобного Роман. Со временем Сергей и его последователи основали еще множество других обителей. По словам В. О. Ключевского, «колонии Сергиевой обители, монастыри, основанные учениками пре-

подобного или учениками его учеников, считались десятками, составляли почти четвертую часть всего числа новых монастырей во втором веке татарского ига, и почти все эти колонии были пустынные монастыри, подобно своей метрополии». Конечно, это имело очень важное значение для последующей истории России.

Прочные отношения сложились у Сергия и с великим князем Дмитрием Ивановичем, у которого он крестил двоих сыновей — Юрия (1374 г.) и Петра (1385 г.). В Троицком монастыре была сооружена надвратная церковь Дмитрия Солунского — святого покровителя великого князя. При этом духовное общение Дмитрия Ивановича и Сергия иногда переходило в политическую сферу.

Так произошло в 1365 г., когда понадобилась помощь союзнику великого князя Дмитрию Константиновичу, родной брат которого Борис не желал уступить Нижний Новгород.

Общеизвестен также сохранившийся в источниках факт благословения Сергием Дмитрия Ивановича в 1380 г. на сражение с полчищами Мамаю на Куликовом поле. Для беседы с преподобным великий князь лично приезжал в монастырь. Дабы показать явно свою поддержку выступавшему в поход русскому войску, игумен отправил с Дмитрием двух монахов, которых постриг в схиму, — Александра Пересвета и Андрея Ослябю. Оба этих инока были известны народу, до ухода от мира они занимали весьма важное положение в обществе, и их появление под боевыми знаменами в «духовном доспехе» — одеянии схимников — должно было вселить дополнительную уверенность в победе и способствовать сбору ополчения.

Необходимо оговориться, что в последние десятилетия историки критично относились к сообщению источников о приезде Дмитрия к Сергию за благословением перед сражением и об участии в Куликовской битве иноков, под сомнение был поставлен даже сам факт этих событий. Однако оказалось, что скепсис исследователей по этому поводу все же не имел под собой достаточных оснований (см.: [Борисов 2001: 182–187]).

Куликовская битва, начавшаяся утром 8 сентября 1380 г., происходила за сотни километров от обители Святой Троицы. Но позже братия монастыря вспоминала, что Сергей знал обо всех ее подробностях, как будто видел происходящее. Он молился за

победу соотечественников, здесь же поминал по именам павших, а когда на берегах Непрядвы и Дона все было кончено, объявил о победе русского оружия.

Вернувшись в Москву, Дмитрий Донской немедленно поехал к Сергию. Он благодарил старца за помощь, они вместе молились за павших. Тем самым было положено начало традиции посещения Сергиевой обители высшими лицами Российского государства. В последующие столетия правители России питали к Троицкому монастырю особенный пиетет. Почти каждый из них побывал тут как паломник.

Однако отношения Дмитрия Донского и Сергия вовсе не были безоблачными, иногда между ними происходили и некоторые недоразумения. Связаны они были, прежде всего, с непростой ситуацией в управлении Русской церковью, которая сложилась после смерти митрополита Алексея (1378). Как было сказано чуть выше, великий князь желал видеть его преемником Митяя (Михаила), совсем незадолго до этого принявшего иноческий постриг. Это вызывало недовольство духовенства, скорее всего, не был сторонником князя в этом вопросе и Сергей, однако открыто против все же не выступал, более того, он отказался претендовать на митрополичий сан, к чему его незадолго до смерти склонял Алексей. «Прости меня, владыко, — отвечал Сергей на это предложение митрополита, — ибо от юности не был златоносец, в старости же тем более хочу в нищете пребывать» [Житие Сергия Радонежского: 376–375].

В 1382 г. монахи Троицкого монастыря вместе с настоятелем должны были спастись бегством от нашествия нового грозного завоевателя Тохтамыша, сумевшего скрытно подойти к Москве и обманом овладеть ею (1382). В качестве временного убежища Сергей выбрал Тверь.

В 1385 г. Сергию еще раз довелось сыграть посредническую роль в межкняжеском конфликте. На сей раз его путь лежал в Рязань, к давнему противнику Москвы князю Олегу. Поход оказался успешным: старец сумел склонить противника Дмитрия к заключению мира, которое положило начало нормализации отношений прежних врагов. Спустя несколько лет князья даже породнились: дочь Дмитрия вышла замуж за сына Олега.

Конечно, Сергей действовал тогда в интересах Москвы, понимал это и Олег. Но все же игумену, как сказано в Никоновской летописи, «кроткими словесы и речми и благоуветливыми глаголы» удалось склонить его к заключению договора, за что Сергей «достойно хвалим быть и славен и честен от всех» [ПСРЛ, т. XI: 86–87]. Это пример того, что, прежде всего, именно *авторитет* священнослужителя (а не его положение) заставлял прислушиваться к его голосу. Мы видели, что явно пристрастные интердикты митрополита Алексея оставались зачастую гласом вопиющего в пустыне, а кроткие увещевания игумена могли принести вполне реальные плоды.

Сотрудничество Сергея и Дмитрия Донского продолжалось вплоть до смерти последнего, последовавшей 19 мая 1389 г. Имя Радонежского игумена упомянуто среди прочих свидетелей, присутствовавших при составлении завещания великого князя.

Сам Сергей к тому времени тоже чувствовал приближение конца своего жизненного пути. Все больше давала знать о себе немощь старости. За полгода до кончины, которую он предвидел, игумен передал управление монастырем своему ученику Никону. 25 сентября 1392 г. Сергей Радонежский скончался, его тело было предано земле внутри монастырского Троицкого храма. Всю жизнь он стремился к спасению собственной души, но, достигнув высот духовного совершенства, не мог оставаться в стороне от политических реалий той эпохи. Вероятно, великий подвижник тяготился этим, блеск и суета мира были для него все-таки абсолютно чужды, и прикасался он к этому крайне неохотно, но когда ему все же приходилось это делать, его нравственная сила немедленно превращалась в силу материальную и позволяла разрешать даже трудно решаемые задачи.

Не иссякло влияние преподобного на общество и после его кончины, в полной мере сохранила и даже преумножила свое значение и основанная им обитель. Еще при жизни Сергию были видения, в которых Богородица обещала процветание созданному им монастырю, и после смерти старца эти пророчества сбылись в полной мере. В 1422 г. в ней в камне была отстроена Троицкая церковь, расписанная чуть позже Андреем Рублевым (фрески до наших дней не сохранились). При постройке храма были обрете-

ны мощи Сергия. Его местное почитание как святого, разумеется, началось сразу же после кончины, а не позже 1449–1450 гг. последовало и общерусское прославление. Это еще больше способствовало росту авторитета монастыря. В последующие века все здания здесь были переделаны в каменные. Как уже было сказано, великие князья и цари не однажды посещали эти места. От их щедрот, да и от вкладов рядовых богомольцев преумножалось богатства, достигшие со временем огромных размеров.

Не однажды окрестности Маковца становились ареной драматических и судьбоносных для истории России событий. Именно здесь был схвачен в 1446 г. Василий II, отсюда его под конвоем отправили в Москву, на двор его двоюродного брата Дмитрия Шемяки, для того чтобы совершить над ним страшную экзекуцию — ослепление. Здесь замаливал грехи Иван IV. Особенно благоволил к обители Борис Годунов, и есть действительно что-то судьбоносное, что в ее ограде нашла последнее упокоение вся его семья. В период Смуты с сентября 1608 по январь 1610 г. монахи и немногочисленное войско выдерживали осаду польско-литовских интервентов, именем святого Сергия братия призывала народ на борьбу с захватчиками. В 1689 г. в обители нашел прибежище от стрелецкой угрозы Петр I, именно здесь он собирал верные себе полки, что в конечном итоге и позволило ему одержать победу над сестрой Софьей. В 1742 г. Елизавета Петровна возвела Троицу в ранг лавры.

Величие созданного Сергием монастыря сказалось на его судьбе и в XX в. Закрытый в 1919 г., он стал одной из первых открытых обителей после изменения курса советского правительства по отношению к церкви в 1943 г. Уже в 1946 г. в Троице-Сергиевой лавре вновь торжественно отмечали Пасху.

После смерти Алексея будущность Русской митрополичьей кафедры, казалось, была predetermined. Митяй жил на митрополичьем дворе, пользовался всеми знаками власти первоиерарха, и для закрепления высокого митрополичьего сана ему оставалось лишь съездить к патриарху для хиротонии, которая, как представлялось, будет не более чем простой формальностью. Немного подточили спокойную уверенность Митяя и великого князя Дмитрия действия Киприана. Тот летом 1378 г. постарался добиться

передачи в его руки власти, принадлежавшей когда-то митрополиту Алексею. Ведь, как мы помним, изначально предполагалось, что Киприан станет наследником святителя. Как можно было добиться этой цели? Он решает действовать решительно и ехать в Москву. Ведь не осмелится же князь применять к нему — архиерею — репрессии! Для того чтобы привлечь на свою сторону духовенство и паству, Киприан обратился предварительно с посланием к наиболее авторитетным монахам-подвижникам — Сергию Радонежскому и его ученику и племяннику Федору Симоновскому.

Узнав об этих замыслах, Дмитрий Иванович приказал установить заставы на дорогах и не пропустить Киприана к столице, но тот окольными тропами сумел-таки добраться до Москвы. Однако здесь его ожидал отнюдь не радушный прием: он и его слуги были арестованы, ограблены и изгнаны с позором. В защиту великого князя, поступившего так с иерархом, можно сказать, что он действовал так же, как когда-то поступили с митрополитом Алексеем в Литве. К тому же в Москве в Киприане видели только лишь ставленника Ольгерда Литовского.

И тем не менее оппозиция княжескому ставленнику Митяю по-прежнему оставалась сильной. Возможно, это задерживало его на Руси. Летом 1379 г. в Москве был созван собор епископов для решения вопроса о поставлении Митяя в архиерейский сан (иногда в литературе можно встретить утверждения о том, что собор этот вообще должен был возвести Митяя в митрополичий сан без санкции Царьграда). Однако единодушия среди русских епископов не было. Резко против кандидатуры Митяя выступил Дионисий Суздальский, отказавшийся идти под благословение нареченного митрополита. Между архиереями, если верить летописи [ПСРЛ, т. XI: 39–40], произошла достаточно серьезная перепалка. К тому же Дионисий, видимо, и сам думал о поездке к патриарху, где он мог рассчитывать на получение митрополичьего сана. Чтобы этого не допустить, князь решил задержать Дионисия, однако тот дал слово остаться на Руси, его поручителем выступил сам Сергий Радонежский. Митяй же тем временем выехал в Константинополь. Сразу после этого Дионисий нарушил собственное слово и отправился вслед за своим противником в столицу Византии.

Суздальский епископ, в отличие от «новука»-Митяя, прошел долгую школу иноческого послушания, есть основания полагать, что постриг он принял в Киево-Печерском монастыре, затем жил анахоретом в окрестностях Нижнего Новгорода. У него были ученики, ставшие впоследствии известными подвижниками, например, Евфимий Суздальский. Архиерейская хиротония была совершена над ним в 1374 г. Дионисий способствовал идеологическому обоснованию антиордынской борьбы, которая в итоге вылилась в смертельную схватку на Куликовом поле, в частности, как показано в работах Г.М. Прохорова, по его настоянию существенно была переработана вошедшая в состав созданной в 1377 г. Лаврентьевской летописи Повесть о нашествии Батые. Князя, погибшие в ходе первого ордынского похода на Русь, здесь были представлены как святые герои-мученики, кроме того, в Повести содержался «почти неприкрытый призыв к освободительной антитатарской борьбе» [Прохоров 1988: 188].

Авторитет Дионисия позволил ему выступить категорически против планов великого князя относительно будущего митрополии. Причем именно демарш епископа Суздальского, по сути, сорвал соборное поставление Митяя в архиереи. Теперь же поехавший на свой страх и риск в Византию Дионисий рассчитывал не допустить его хиротонии и в Константинополе.

Меж тем, отправляясь в путь, Митяй собрал огромную свиту. Великий князь снабдил его всеми необходимыми документами. К тому же с собой у путешественников были подписанные князем, но не заполненные листы-хараты. Их надлежало использовать в случае крайней нужды для составления каких-либо документов, в которых могла возникнуть необходимость. Пройдя через Рязанские пределы, Митяй оказался во владениях золотоордынского правителя. Здесь он получил ярлык хана Тюляка, подтвердивший прежние льготы Русской церкви. Далее посольство морем отправилось к берегам Византии. Но когда на горизонте уже был виден Константинополь, Митяй скоропостижно скончался.

Перед послами возник вопрос о том, что же делать дальше. И тут кто-то из них решил использовать подписанные князем, но незаполненные документы. На них была составлена прось-

ба поставить в митрополиты входившего в состав посольства Пимена.

Разумеется, в Константинополе не могли не знать о подлоге. К тому же здесь находились и Киприан, и Дионисий Суздальский, которые не могли не сообщить истинного положения вещей. Однако уличать русских во лжи на патриаршем соборе греки не стали, заметив только, что уже есть готовый митрополит — Киприан. Тогда послы использовали остальные незаполненные харатьи для займов крупных сумм у ростовщиков и с помощью взяток добились-таки своей цели. В июне 1380 г. Пимен был провозглашен митрополитом, Киприан же при этом был лишен Киева, ему оставалось довольствоваться лишь Малой Россией и Литвой, к тому же Пимен в случае его смерти мог претендовать на власть над митрополией «Киевской и всея Руси».

Казалось, вопрос решен. Но здесь возникло новое обстоятельство. Дмитрий Иванович вовсе не желал принимать первоиерарха, которого фактически выбрали русские послы, без каких-либо консультаций со своим князем. На этом фоне даже кандидатура прежде ненавистного Киприана уже не казалась ему столь неприятной. Позиции князя к тому же еще более усиливала одержанная в сентябре 1380 г. победа на Куликовом поле. Дмитрий Донской решает пригласить Киприана и отправляет за ним в Киев весьма представительное посольство, возглавил которое духовник великого князя Федор Симоновский. В мае 1381 г. митрополит прибыл в Москву.

Именно к периоду возвращения Киприана на кафедру относится составление им особой редакции Жития митрополита Петра, жизненный путь которого чем-то напоминал его собственную судьбу. В текст было введено пророчество о будущей силе и величии Москвы при условии следования ее правителей догматам православия. Житие вошло в качестве составной части в службу митрополиту Петру, написанную также Киприаном. В ней содержалось выражение радости по поводу одержанной победы над врагами-агарянами, под которой подразумевался триумф русского оружия на Куликовом поле [Прохоров 1978: 113–114].

Вскоре были получены известия о том, что из Царьграда возвращается самочинно поставленный Пимен. Князь приказал аре-

стовать его в Коломне и отправить в заточение в Чухлому. Патриарх Нил, прослышав о таком обращении с рукоположенным им митрополитом, писал князю с просьбой одуматься, удалить от себя Киприана и принять-таки Пимена, но до поры до времени Донской не реагировал на эти просьбы.

Ситуацию изменило нашествие Тохтамыша на Москву в 1382 г. Перед приходом завоевателя великий князь ушел в Кострому, вероятно, для сбора сил. В городе оставалась его семья и митрополит. Но и они также почли за лучшее покинуть город. Киприан удалился в Тверь, с которой Москва долгое время перед этим соперничала за влияние на Руси. Далее митрополит проследовал в Новгород, а затем вновь вернулся в Тверь. Тохтамыш тем временем сжег Москву, а Дмитрий Иванович, вернувшись в разоренный город, заявил, что не желает более иметь дело с не оправдавшим его доверия митрополитом. Киприан должен был удалиться в Киев. Вместо него приглашен был прежде униженный князем Пимен. Но, видимо, простить ему самоуправства Дмитрий все же не мог, а потому через несколько месяцев, уже в 1383 г., Пимен вновь подвергся опале и был удален.

Вместо него князь решил возвести на митрополичью кафедру Дионисия Суздальского, когда-то столь яростно противодействовавшего Митяю. Как было отмечено выше, Дионисий отправился в Царьград вместе со своим противником. Он знал о внезапной смерти Митяя, фактически стал свидетелем несправедливого постановления Пимена и после этого еще некоторое время оставался в Византии. После возвращения Дионисия на Русь Дмитрий решает именно его в сопровождении собственного духовника Федора Симоновского вновь послать в Константинополь для утверждения в сане митрополита. Так Дионисий второй раз оказался на берегах Босфора и был рукоположен в митрополиты тем же патриархом Нилом, который прежде возвел в сан Пимена. Однако к описываемому времени Нил полностью отмежевался от прежнего русского первоиерарха и даже отправил для суда над Пименом двух своих клириков.

Но и на этом дело не окончилось. В 1384 г., возвращаясь на родину, Дионисий был задержан в Киеве Владимиром Ольгердовичем. А через год, так и не освободившись из плена, Дионисий умер.

Патриаршие клирики же сумели достигнуть Москвы, и здесь ими было проведено разбирательство относительно Пимена. Последний был объявлен виновным в том, что принял митрополичий сан незаконно, и был низложен. Но согласиться с таким решением Пимен не мог и дважды в мае 1385 г. и в 1389 г. отправлялся искать правды в Константинополь. Во время последнего путешествия он был по дороге арестован собственными кредиторами, которым задолжал еще во времена поставления в митрополиты. Заплатив им некоторую сумму, он сумел освободиться. Но дойти до Царьграда ему было все же не суждено: в сентябре 1389 г. он умер в Халкидоне.

Еще ранее этого события коренным образом изменилась ситуация на Руси. В мае 1389 г. умер Дмитрий Иванович Донской. Это должно было позволить Киприану, с которым у покойного князя никак не складывались отношения, занять-таки митрополичью кафедру в Северо-Восточной Руси. Новый великий князь Василий I Дмитриевич согласился его принять, и уже в начале марта 1390 г. состоялся его торжественный вход в Москву. Все обставлено было очень торжественно: первоиерарха сопровождали несколько русских епископов (в числе прочих — Федор Ростовский, племянник Сергия Радонежского и прежний настоятель Симоновского монастыря) и два греческих митрополита.

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УНИЯ И МОСКОВСКАЯ АВТОКЕФАЛИЯ

Став наконец митрополитом де-факто, Киприан постарался обратить самое пристальное внимание на внутрицерковные дела. Прежде всего, он созвал всех архиереев для утверждения собственной власти и прекращения беспорядка в духовном управлении. В том же 1390 г. митрополит в сопровождении двух греческих митрополитов и двух русских епископов, среди которых был и Стефан Пермский, о котором речь впереди, ездил в Тверь для суда над епископом Евфимием Висленем, фактически отстраненным к тому времени от власти князем Михаилом Александровичем. Напомним, что в 1373 г. Киприан лично участвовал в рукоположении этого архиерея. Теперь же против епископа свидетельствовали князь, духовенство и миряне. Итогом суда стало лишение Евфимия сана [ПСРЛ, т. XI: 126].

Возникали у Киприана сложности и с авторитетными представителями черного духовенства. В частности, имеется известие о том, что Евфимий, основатель знаменитого ныне Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале, не желал признавать его митрополитом. К сожалению, подробностей той истории не сохранилось.

Предметом постоянной заботы Киприана было установление правильного богослужения. По его указанию с греческого был переведен служебник, составленный по инициативе патриарха Филофея. Великий князь препятствовал возношению во время богослужения молитвы о патриархе и императоре. Митрополит корректно

сделал так, что об этом стало известно в Константинополе, в результате Василий Дмитриевич получил патриаршую грамоту, в которой князю было сделано, если можно так выразиться, мягкое внушение (1393). Таким образом поминовение властителей Византии — духовного и светского — на Руси было восстановлено. Способствовал Киприан и отправке русской финансовой помощи слабеющей под постоянными ударами врагов империи, в одной из патриарших грамот он был прямо назван «другом ромеев» (1400) (см. «Грамоту патриарха Матфея к митрополиту Киприану о милостыне в пользу Царьграда, теснимого неверными» [РИБ: стб. 316]).

Особенное беспокойство у Киприана должна была вызывать ситуация в Новгороде, жители которого не хотели давать митрополиту права апелляционного, или так называемого месячного, суда. Как мы могли убедиться, на берегах Волхова все время старались уменьшить зависимость своего духовенства от русского первоиерарха. Это было особенно важно в связи с тем, что архиепископ играл ключевую роль в системе управления Великого Новгорода. И в период нестроений в Русской церкви новгородцам удавалось ограждать себя от притязаний митрополитов.

Это противостояние происходило на фоне борьбы Москвы за влияние на Волховскую столицу. Конфликты великокняжеской власти с Великим Новгородом уже давно стали традиционным явлением. Наверное, не будет слишком большим преувеличением утверждение, что на протяжении десятилетий, даже веков ни одному великому князю не удавалось сохранить безоблачных отношений с этим вольным городом, тщательно следившим за соблюдением собственных интересов. Не удалось избежать этого и Василию Дмитриевичу. Поводом для взаимных претензий как раз и стал вопрос о праве суда митрополита.

Еще в 1385 г. новгородцы на вече дали друг другу обязательство не принимать митрополичьего апелляционного суда. Киприан, отправляясь из Константинополя на Русь, заручился от патриарха Антония грамотой, в которой содержались увещевания по отношению к Великому Новгороду. Однако документ этот желаемого действия не произвел.

Убедившись в невозможности доказать новгородцам собственную правоту, Киприан в 1392 г. решает отправиться на бе-

рега Волхова лично. Здесь ему был оказан радушный прием. Две торжественные литургии были отслужены в древнем Софийском соборе. Наконец, после третьей митрополит решился напомнить о своем праве месячного суда. Но новгородцы ответили, что их связывает крестное целование судиться только у своего архиепископа. Компромисс найден не был, и разгневанный Киприан уехал ни с чем, придав город церковному отлучению [ПСРЛ, т. IV, ч. 1: 370–372].

Немедленно после этого первоиерарх донес обо всем случившемся патриарху. Новгородцы, уверенные в собственной правоте, также отправили посольство в Константинополь, требуя признания за собой неподсудности митрополиту, запрета ему вызывать к себе новгородского владыку и, вероятно, освобождения от наложенного Киприаном интердикта. Однако Царьград последовательно выступал сторонником централизованной церковной власти. В двух посланиях, отправленных на берега Волхова, патриарх требовал подчинения митрополиту и подтверждал наложенное на город отлучение.

Положение Новгорода серьезно осложнилось в результате вмешательства в дело Василия Дмитриевича. Причем к требованиям первоиерарха великий князь прибавил собственные — увеличение финансовых выплат в его пользу. В 1393 г. начались военные действия, вылившиеся во взаимный грабеж: москвичи разорили Торжок, 70 человек были выведены оттуда в Москву и после жестоких пыток публично казнены; новгородцы же ограбили северные владения великого князя: Устюжну, Устюг и другие города. Но в итоге был заключен мир на условиях Москвы: выплаты увеличены, а митрополит вернул себе право суда в Новгороде. Впрочем, это вовсе не означало, что проблема была таким образом исчерпана: новгородцы отказались от взятых на себя обязательств, и тяжба разгоралась с новой силой. Дело доходило даже до более чем трехгодичного заключения в 1401 г. прибывшего в Москву по требованию Киприана новгородского архиепископа. Но и это не помогло Киприану добиться восстановления потерянных прав в области судопроизводства над Волховской столицей [ПСРЛ, т. IV, ч. 1: 373–374, 390].

Однако это были просто мелочи в сравнении с опасностью, которая исходила в это время с востока. Там начинал свой второй

поход в степи Восточной Европы грозный завоеватель Тамерлан (Тимур). Когда-то он оказал помощь Тохтамышу в его борьбе с узурпатором Мамаем, и при содействии Тамерлана и без того ослабленный поражением на Куликовом поле Мамай был разбит, бежал к генуэзцам в Крым и был ими предан смерти. Тохтамыш же тогда овладел западной частью Золотой Орды. Однако после этого он забыл о помощи, оказанной ему когда-то Тамерланом. К тому же его усиление многим в Великой степи не нравилось, в том числе Едигею, хану кочевавших в междуречье Яика и Волги мангитов.

Все это привело к вторжению Тимура в 1391 г. в ордынские пределы. Двигаясь к востоку от Каспия, его войска дошли до Яика, к ним присоединялись по пути союзники, а далее началось преследование отступавшего Тохтамыша. В районе Самарской Луки произошло решающее сражение, в котором Тохтамыш был разбит, но сумел бежать. Тамерлан же около месяца пировал в знак своей победы на поле битвы, после чего удалился в Среднюю Азию [Вернадский 1997: 277–279].

Однако все это еще не означало политической смерти Тохтамыша. Он сумел вернуть власть в 1392 г., кстати, в этот сложный момент ханскую ставку и посетил Василий I, на сей раз нашедший здесь самый радушный прием: ордынскому правителю тогда очень нужен был крепкий тыл. Результатом визита стало признание за московским князем права на Нижний Новгород [Вернадский 1997: 279–280].

С момента основания в 1221 г. этот город стал ключевым пунктом для всей русской торговли по Волге. Кроме того, Нижний находится при устье Оки, в которую впадает Москва-река. Таким образом, захватив этот пункт, Василий I получал контроль над всем водным путем от Москвы до Волги, то есть фактически до волжских границ с Ордой. Однако городом еще предстояло овладеть.

Ханская грамота вовсе не означала, что нижегородцы во главе со своим князем Борисом Константиновичем подчинятся без боя. Однако осада, война совсем не входили в планы московского князя. Василий прибегнул к хитрости. Он вступил в переговоры с боярами Нижнего Новгорода. Среди них наиболее влиятельным был некий Василий Румянец, с ним и удалось «договориться». Борис же ничего не подозревал о предательстве его ближайшего вельможи, который

действовал, конечно, не в одиночку. Румянец убеждал своего князя в верности всех бояр, в готовности умереть за него, в общем, как мог усыплял бдительность своего господина. Тем временем, к городу подошли московские послы в сопровождении ханского посланника. Румянец убедил Бориса открыть ворота, говоря, что в окружении верных дружинников и бояр тому нечего опасаться. Однако, когда москвичи вошли в город, все переменялось: нижегородского князя объявили низложенным, а в ответ на упреки Румянец цинично заявил: «Мы уже не с тобой, но на тебя». Борис с семьей был схвачен и заточен в темницу, а через год умер. Василий чуть позже вошел в Нижний и взял его под свою власть, посадив в нем собственного наместника [ПСРЛ, т. XII: 147–148]. Князя нижегородской ветви еще долго не могли примириться с потерей своей вотчины и вели бесплодные и кровопролитные войны за ее возвращение. Хотя это были, скорее, акты возмездия, а не войны, ибо тщета усилий в этом направлении была очевидной. Хотя ущерб от таких акций был, разумеется, немалым [Абрамович 1991: 54–57].

В 1395 г. Железный Хромец, как прозвали Тимура, вновь напомнил о себе. На этот раз его войско прошло к западу от Каспия через Дербент, у Терека после жестокой битвы Тохтамыш был окончательно разбит. А его враг постарался разорить все города Орды. Двигаясь к северу, он дошел и до русских границ. Его воины взяли и уничтожили город Елец на Быстрой Сосне (правый приток Дона). Впереди лежал путь на Москву...

Могла ли Русь противостоять завоевателю, перед которым бесильна оказалась вся Азия? Едва ли. Конечно, включить в сферу своей политической власти русские земли Тамерлан тоже вряд ли рассчитывал. Ведь они расположены слишком далеко от Самарканда, из которого Железный Хромец управлял созданной им империей. Однако разорение, которым неминуемо сопровождалось бы его вторжение на Русь, было бы страшным. Конечно, Василий I собрал войско, занявшее оборону на берегу Оки, сдаваться без боя никто не думал, но шансы на победу в этом самом бою были, в общем-то, невелики. К тому же русские помнили времена Бату-хана, когда так же ни один народ не мог противостоять натиску монголов.

Потому нет ничего странного в том, что все думали о спасении только лишь с помощью Божией. В этих условиях, чтобы ободрить

народ, великий князь и митрополит приняли решение о переносе иконы Владимирской Божьей Матери, написанной, по преданию, евангелистом Лукой, из Владимира в Москву. Когда-то, в XII в., этот образ из Южной Руси был принесен Андреем Боголюбским, и теперь предстояло его вновь перенести. Естественно, что все обращались с горячими молитвами к иконе и просили Богородицу о заступничестве. Вообще, почитание Богородицы было очень распространено на Руси с древнейших времен. И теперь именно с Ее заступничеством народ связывал свои надежды на избавление. Икона была установлена в Успенском соборе Московского Кремля.

Тамерлан тем временем продолжал движение по верховьям Дона, все ближе подходя к Москве. Однако внезапно он решает остановиться, а после и вовсе начать отступление (конечно, никто не помышлял о его преследовании). Что могло побудить завоевателя к такому шагу? Исследователи называют разные причины: боязнь наступавшей осенней распутицы, растянутые коммуникации, неизвестность исхода битвы с русскими воинами и т. д. [Вернадский 1997: 280–283]. Летопись, однако, дает другое объяснение. По ее сведениям, в тот день и час, когда Москва встречала икону Богородицы, Тимур, дремавший в своем шатре, увидел во сне Богородицу, которая была окружена воинами. После этого он отдал приказ отправиться в обратный путь. А церковь в память об этом событии установила праздник в честь Владимирской иконы Божьей матери 26 августа по старому стилю.

Таким образом удалось избежать опасности с востока. Но нельзя было забывать и об угрозе с запада. А там дела обстояли совсем не благополучно. В 1395 г. великий князь литовский Витовт обманом сумел овладеть Смоленском. Это не могло не беспокоить Василия. Смоленск ему формально, конечно, не принадлежал, там были свои князья. Но это был тревожный сигнал: Литва усиливалась. Тем не менее противостоять этому сын Дмитрия Донского не мог, а потому он предпочел отправиться для переговоров со своим тестем Витовтом во вновь завоеванный им Смоленск. Там были определены границы сфер влияния. Кстати, великого князя сопровождал и Киприан, который после этого посетил и Киев. Позже митрополиту придется еще побывать в Литве. Во время путеше-

ствия 1404–1406 гг. он посетит Вильну и Киев и будет с большой честью принят Витовтом.

После этого у великого князя начались новые, ставшие уже привычными конфликты с Новгородом, на сей раз из-за Двинских земель. Кроме того, Василий успешно воевал на Средней Волге против ордынских земель, расположенных на землях Волжской Булгарии. Однако Орда была все еще очень сильна, свидетельством тому стало поражение Витовта, которое он потерпел от татар на берегах Ворсклы в 1399 г. Это, кстати, на время позволило вернуть Смоленск его наследственным владельцам, но уже в 1404 г. город вновь оказался в руках литовцев, и только в 1514 г. после продолжительных войн его удалось вернуть под власть России. А между тем напряженность между Русью и Литвой все нарастала, и скоро дело дошло до прямого столкновения. Поводом для этого стала агрессия Витовта против Пскова. Однако вскоре в 1408 г. был заключен мир на реке Угре, именно этот приток Оки и стал границей между Литвой и Русью. Это было выгодно Руси, ибо к Москве отошли некоторые земли и города, и в числе прочих Козельск. Тот самый «злой город», что в 1238 г. на семь недель задержал продвижение войск Бату-хана.

Но митрополит Киприан свидетелем тому уже быть не мог. В 1406 г. он скончался, и митрополичья кафедра в очередной раз оказалась вакантной.

Несколько слов необходимо сказать о литературной деятельности Киприана. Его перу принадлежит отредактированное Житие митрополита Петра. Митрополит уделял пристальное внимание переписке книг, составлению летописей. В частности, нет никаких сомнений в том, что именно он стал инициатором составления Троицкой летописи, работа над которой была окончена, когда его самого уже не было в живых (Б. М. Клосс высказал предположение, что непосредственным создателем памятника был знаменитый Епифаний Премудрый) [Клосс 1998: 241–255]. Киприану в административном отношении подчинялись все епархии Руси, а потому он имел возможность получить в собственное распоряжение летописный материал из любого города. Троицкая летопись открыла собой эпоху митрополичьего летописания (см.: [Насонов 1969: 247–248]). Исследователи, особенно в период зарождения

отечественной исторической науки, иногда даже преувеличивали деятельность Киприана в литературной сфере. В частности, историк XVIII в. В. Н. Татищев приписывал периоду правления этого митрополита Степенную книгу — важнейшее произведение, относящееся, как стало ясно позже, к гораздо более позднему XVI столетию.

После смерти митрополита Киприана Василий Дмитриевич отправил в Царьград посольство с просьбой к патриарху поставить митрополита-грека. Почему он поступил именно таким образом, не пытаясь возвести на кафедру кого-то из русских клириков? Киприан ли противился тому или сам великий князь опасался, что представленный им кандидат никогда не будет признан в Литве? Точный ответ дать невозможно, остается лишь строить предположения. Как бы то ни было, русское посольство достигло берегов Босфора. Здесь просьба Василия была, разумеется, удовлетворена. Выбор патриарха пал на Фотия, получившего власть над всей митрополией. При этом было отказано литовскому князю Витовту, приславшему собственного кандидата в митрополиты Литовские — полоцкого архиерея Феодосия, грека по происхождению.

В нашем распоряжении имеются некоторые известия о жизни Фотия до его поставления на Русскую кафедру. Почерпнуть их можно из грамоты, написанной самим митрополитом незадолго до кончины, текст ее сохранился в пересказе летописей.

Итак, до своей хиротонии Фотий и не помышлял о таком высоком служении. Он находился под духовным руководством старца Акакия, который пользовался авторитетом у патриарха и императора. Однажды этот подвижник, возведенный к тому времени в сан митрополита, послал по какому-то делу своего ученика Фотия в Константинополь, где как раз находились послы Василия I, просившие поставить им митрополита. Патриарх остановился на Фотии, который и был рукоположен 1 сентября 1408 г.

Двигаясь на Русь в сопровождении послов императора и патриарха, новый первоиерарх посетил Киев, который тогда принадлежал Литве. Здесь ему пришлось задержаться на несколько месяцев, для того чтобы урегулировать отношения с Витовтом, недоброжелательным отказом в Византии его кандидату. Фотий дал обещание Литовскому князю посещать его владения как можно чаще (позже

Витовт утверждал даже, что первоиерарх вообще обязался перенести центр митрополии в его владения). В любом случае Фотию удалось добиться признания его власти со стороны Витовта. Далее его путь лежал в Москву, до которой он добрался только на пасху 1410 г.

По приезде Фотий столкнулся с тем, что хозяйство митрополита находилось в плачевном состоянии. Вот как он вспоминал об этом на закате жизни: «Как есми пришел на сию... митрополию после брата своего Киприана, митрополита Киевскаго и всеа Руси, и не нашел есмь в дому церковнем митропольством ничтоже: все запустело и изнурено и в неведомо разыдесея» [ПСРЛ, т. XII: 14].

Нужно сказать, что те годы были для Руси в целом тревожные. Как раз незадолго до прибытия Фотия в 1408 г. произошло очередное внезапное нападение татар. Совершил его Едигей, полчища которого дошли до Москвы и обложили ее осадой. Великий князь тогда ушел из города на север в Кострому собирать войско, оставив вместо себя своего двоюродного дядю — героя Куликовской битвы Владимира Андреевича Серпуховского по прозванию Храбрый. Под его руководством жители готовились к обороне, но в переполненном городе оказались и мародеры, которые постарались использовать общее бедствие для грабежа. Все окрестности Москвы были выжжены и разграблены. Едигей отрядил часть своих воинов для разорения всей великокняжеской области, в результате огромное число людей было убито или попало в плен. В довершение всего Едигей, не имевший возможности долгое время стоять под городскими стенами, сумел, прибегнув к хитрости, взять откуп с укрывшихся в московской крепости.

Неудивительно, что во время такого бедствия пострадали и митрополичьи имения и имущество. Фотий постарался вернуть то, что было незаконно украдено. При этом он действовал строго и жестко. Это даже вызвало конфликт с великим князем, которому поступали жалобы от тех, кто уже привык пользоваться церковным имуществом как своим и не желал его возвращать. Митрополит, в свою очередь, обращался к князю с требованием содействовать возвращению утраченного церковью имущества и причитавшихся ей доходов с него. Ссора с Василием I была не-

долгой, да это даже была и не ссора, а только некоторое охлаждение. При этом нужно сказать, что деятельность митрополита в этом направлении была достаточно успешной и очень многое ему удалось вернуть.

В 1411 г. митрополит Фотий отправился во Владимир и едва не оказался в руках разбойников. Состоявший из русских и татар отряд в пятьсот человек во главе с татарским царевичем Талычем и воеводой одного из нижегородских князей, озлобленных на Москву, совершил нападение на этот город, рассчитывая, конечно, захватить первоиерарха, вероятно, с целью получения выкупа. Однако Фотий ушел незадолго до этого в одно из своих близлежащих сел, погоня, снаряженная вслед за ним, не принесла успеха, а потому шайке пришлось довольствоваться только грабежом. При этом один из приближенных митрополита, ключарь Успенского собора Патрикий, грек по происхождению, пришедший на Русь вместе с Фотием, совершил подвиг и принял мученическую смерть: ему удалось укрыть от врагов наиболее ценную часть утвари собора, и он, несмотря на страшные пытки, не открыл место, где были спрятаны эти богатства.

В 1414 г. перед Фотием возникла новая серьезная проблема. Великий князь Литовский Витовт постарался вывести Литву и земли, ей подвластные, из-под его подчинения. Для этого он добился от местных епископов составления грамоты, в которой Фотий обвинялся в пренебрежительном отношении к литовским епархиям. После этого им был отправлен в Константинополь собственный кандидат для поставления в митрополиты Литовские. Фотий пытался найти компромисс, он отправился к Витовту, думал даже в случае необходимости ехать искать правды еще далее — в Константинополь, но по пути был арестован литовцами, ограблен и отправлен обратно. Дело осложнялось еще и недовольством некоторых в Москве политикой Фотия по сбережению церковных ценностей; это привело к тому, что некоторые служители митрополичьего двора вынуждены были бежать в Литву и теперь всячески старались настроить Витовта против первоиерарха.

Кандидатом Витовта стал Григорий Цамблак, представитель знаменитой болгарской фамилии и, возможно, родственник (племянник) митрополита Киприана. К тому моменту Григорий уже заре-

комендовал себя в качестве выдающегося церковного деятеля, организатора и талантливого литератора и проповедника. Незадолго до кончины в 1406 г. Киприан для каких-то целей вызывал его к себе в Москву, но кончина митрополита не позволила состояться той поездке. Знаком Григорий был и с митрополитом Фотием, их встреча состоялась во время пребывания последнего в Киеве в 1409 г.

Добиться поставления своего митрополита в Константинополе Витовту не удалось, патриарх отказался выполнить данное требование, более того, на литовского кандидата наложено было церковное наказание. И тогда литовский князь в 1415 г. заставил подвластных ему епископов на соборе в Новогрудке сделать это самостоятельно. Собор обосновал свое решение в окружной грамоте. Изложил в особой грамоте собственную позицию и Витовт. Фотий в ответ на это обратился с призывом к западной части своей митрополии не подчиняться Цамблаку, при этом он благо-разумно не задевал Витовта, обратившись с обличениями лишь против вышедших из-под его контроля епископов.

В 1418 г. Григорий по поручению князя во главе весьма многочисленной делегации принимал участие в организованном папой римским знаменитом соборе в Констанце (именно на этом соборе был осужден на мучительную казнь — сожжение на костре — Ян Гус). Сделано это было с целью зондирования почвы относительно возможности сближения с Римом. Это дало повод противникам Григория выдвинуть против него обвинения в принятии католических «ересей»⁴⁸.

И все же возникшее таким образом разделение митрополии достаточно быстро закончилось в конце 1419 — начале 1420 г. после смерти Григория Цамблака. Витовт вновь примирился с Фотием, и инцидент был исчерпан. После этого митрополит не раз обозревал епархии, находившиеся под властью Литвы. Вернувшись после одной такой поездки в Москву, он скончался в 1 (?) июля 1431 г.

Фотий оставил обширное литературное наследие. Ему приписывается тридцать пять грамот и поучений. При нем была продолжена начатая Киприаном работа по созданию летописей.

⁴⁸ См. подробнее о Григории Цамблаке: [Трифенова 1988].

Ранее митрополита, в 1425 г., умер великий князь Василий I Дмитриевич. В его правление Русь добилась важных успехов и потерпела серьезные поражения. В целом нужно признать, что этому князю удалось главное: сохранить курс на объединение земель вокруг нового центра. Этот политический вектор поддерживала все более тесная с течением времени связь Русской церкви с выкристаллизовавшимся на северо-восточных землях единым государством. Мы видели, что и митрополичья власть оказывалась все более тесно связанной с великокняжеской — светской — властью. Особенно интенсивно, в силу определенных причин, о которых мы говорили выше, этот процесс шел во времена митрополита Алексея. Сдерживающим фактором в данном случае, пожалуй, являлось стремление правивших из Москвы первоиерархов сохранить под своей юрисдикцией *все* территории, составлявшие когда-то Древнюю Русь. Вторая четверть XV в., когда внутри Московского княжеского дома разгорелась столь яростная борьба, должна была изменить многое и в положении митрополитов, получивших теперь фактически полную автономию от Константинополя. Впрочем, обо всем по порядку.

Василию I наследовал его десятилетний сын Василий II. Немедленно разгорелся спор за власть между ним и его дядей Юрием Дмитриевичем Звенигородским. Поводом для этого конфликта стало завещание Дмитрия Ивановича Донского. Согласно ему великим князем должен был стать его старший сын Василий. Это и был Василий I. Но у самого наследника в тот момент не было сына. А потому Донской предусмотрел коллизию, связанную с возможной ранней смертью своего сына, назначив на этот случай ему преемника — следующего по старшинству отпрыска Юрия. В 1415 г., через 26 лет после кончины Дмитрия Донского, у Василия I родился сын, который войдет в историю под именем Василия II. Однако Юрий Дмитриевич продолжал считать себя преемником великокняжеской власти и отказался присягнуть племяннику.

Некоторые основания на это у него были. Вспомним, что с древнейших времен великое княжение передавалось как раз от брата к брату, а не от отца к сыну. И вот теперь предстояло окончательно решить, какой порядок наследования возобладает: родовой или семейный.

Первое время противостояние дяди и племянника носило скрытый характер и до войны дело не доходило. К тому же у Василия был могущественный покровитель — его дед по матери, литовский князь Витовт. В 1430 г. последний умирает, и позиции малолетнего князя становятся более шаткими.

Немалой была заслуга в сохранении мира и митрополита Фотия. Сразу после кончины Василия I он отправил от своего имени посла — Акинфа Ослебятева — в Звенигород к Юрию Дмитриевичу с призывом прийти в Москву для присяги племяннику. Однако тот предпочел не покоряться и бежать в Галич, предъявив тем самым собственные претензии на власть. Тогда митрополит лично отправился к нему в тот же Галич для заключения мира. Однако Юрий Дмитриевич соглашался лишь на перемирие, к тому же митрополиту не по душе была организованная для него встреча: огромную толпу в овчинах, стоявшую перед городом, он воспринял как «глум» над собой. Юрий Дмитриевич соглашался лишь на перемирие, и тогда Фотий, не дав благословения, отправился в обратный путь. Однако сразу после его ухода в Галиче начался мор, что было воспринято как кара Божья за неуважение к власти святителя; в результате Юрий Дмитриевич вынужден был лично догонять Фотия и убеждать его вернуться. В итоге ему пришлось согласиться и на заключение мира [ПСРЛ, т. XII:1–3].

Через год в 1431 г. митрополит Фотий, последовательно отстаивавший принцип единодержавия, умер, и, как замечал А. А. Зимин, в течение последующих полутора десятилетий первоиерархи не принимали деятельного участия в разгоревшейся усобице за великое княжение. Архиереи же в большинстве своем оказались на стороне Василия II в силу тесных связей их епархий с Москвой. Его соперники, Галицкие князья, не имели на подвластных им территориях собственных епархий, что ослабляло их позиции в споре за власть [Зимин 1991: 83–84].

Тем временем конфликт Василия Васильевича и его дяди Юрия Дмитриевича приобретал все большую остроту. Для разрешения спора князья даже ездили в Орду, и в итоге решение хана оказалось в пользу племянника.

Однако такой оборот событий не означал прекращения взаимной вражды. Более того, она переросла в «горячую» стадию:

началась настоящая война. Юрий Дмитриевич сумел дважды — в 1433 и 1434 гг. — захватить Москву, но внезапно скончался, и его племянник вновь вернул утраченное [ПСРЛ, т. XII: 15–20].

Такие заботы, возможно, заставили Василия II и его приближенных на время отложить хлопоты о поставлении нового митрополита в Константинополе, хотя кандидат уже был избран: епископ Рязанский Иона уже стал местоблюстителем, заняв место митрополита, и под 1433 г. он упоминается как «нареченный в митрополию Русскую» [АИ: 70].

С другой стороны, нельзя забывать о том, что часть исконно русских земель находилась в тот момент под властью Великого княжества Литовского и светские властители этих земель — князья литовские — желали иметь на зависимых им территориях собственных, неподвластных Москве митрополитов. В 1433 г. епископ Смоленский (а Смоленск также был покорен Литвой) Герасим отправился для поставления в митрополиты в Константинополь. Он был выдвинут князем Свидригайло. Причем, судя по сообщению новгородских и псковских летописей, протезе Литвы получил хиротонию как митрополит Русской земли. Е. Е. Голубинский не доверял этим известиям и полагал, что более вероятно передача власти Герасиму лишь над землями, подконтрольными Литве [Голубинский 1997в: 417]. В противоположность этому в исследовании А. А. Зими́на показано, что летописи в данном случае вполне заслуживают доверия [Зимин 1991: 84]. Впрочем, как бы то ни было, уже в 1435 г. Свидригайло заподозрил Герасима в измене и приказал сжечь его на костре.

После смерти Герасима великий князь Василий II решает отправить в Константинополь собственного кандидата Иону. Однако в Царьграде решили по-иному. Там уже был выбран собственный ставленник — Исидор. Его хиротония была совершена еще до прибытия Ионы, а потому миссия Рязанского епископа не могла увенчаться успехом. Ему лишь было обещано, что после смерти Исидора именно он будет поставлен в митрополиты. Иона смирился, и в 1437 г. оба иерарха вернулись в Москву.

Несколько слов необходимо сказать о личности нового русского митрополита Исидора. По происхождению он был греком, вероятно, его родиной являлся Пелопоннес. Он получил прекрасное

образование, интересовался античной культурой, обладал выдающимся талантом дипломата. Не был он и «новуком» в монашеской среде: до получения высокого сана Исидор нес обязанности игумена в одном из монастырей Константинополя.

Такой выбор нового первоиерарха вовсе не был случаен. Дело в том, что Византия в тот период уже с трудом сдерживала натиск турок. Без помощи извне выстоять было невозможно. А потому император Иоанн Палеолог в борьбе с грозным врагом надеялся на союз с Западом. Для того чтобы достигнуть соглашения, необходимо было войти в контакт с католической церковью. Уже шла подготовка к собору, который мог бы устранить существовавшее с 1054 г. печальное явление: разделение церкви. В 1433 г. на проходивший в Базеле собор императором была отправлена целая делегация, в состав которой вошел и Исидор, с целью подготовки почвы для будущего «соединения церквей». Разумеется, в целом нельзя не признать общей позитивности этих устремлений: установление церковного единства не может не быть благой целью. Сами греки пытались убедить себя, что они сумеют доказать католикам их неправоту и одержат победу в богословском диспуте. Однако подобного рода надежды были слишком наивными. В тот период получалось так, что Византия выступает в роли просителя, потому отстоять свои интересы в диалоге с Западом ей было крайне сложно. Император не мог не понимать этого, не мог не видеть этого и такой умный человек, как Исидор. Едва ли они рассчитывали переспорить «латинян». Однако необходимо было сохранить лицо, пойти на принципиальные уступки в вопросах веры так, чтобы это имело как можно меньший резонанс. И вот для того, чтобы облегчить соглашение, патриарх и постарался сделать так, что Русскую церковь возглавил человек, чья лояльность идеям объединения даже на тяжелых условиях была бы заранее известна.

Е. Е. Голубинский подчеркивал, что до поры до времени сомнений в православных взглядах Исидора ни у кого не возникало. Более того, на него как на наиболее подготовленного богослова возлагались особые надежды [Голубинский 1997в: 421–425]. Что ж, тем большим было разочарование, ждать которого оставалось совсем недолго. Скорее всего, нужно признать правильным мнение,

согласно которому вновь возведенный на Русскую кафедру человек изначально готов был к компромиссу с Римом, но при этом тщательно скрывал собственные взгляды.

Впрочем, все эти тонкости в Москве пока, видимо, были не очень понятны. Хотя великий князь и был недоволен тем, что его кандидат в Константинополе не был поставлен, он тем не менее с почетом принял Исидора, «не хотя рушити изначальной старины» (цит. по: [Макарий (Булгаков): 71]). Наверное, Василий II надеялся, что ему удастся найти с новым митрополитом взаимопонимание. Однако его сразу же насторожили разговоры нового первоиерарха о Восьмом Вселенском соборе, на который он собирался отправиться согласно воле императора и патриарха, изложенной в переданном великому князю послании. Великий князь не желал этого, но запретить Исидору осуществить задуманное не мог. Более того, митрополит взял с собою весьма представительную свиту числом около ста человек, среди которых был и епископ Суздальский Авраамий. И уже в 1437 г. вся эта делегация пустилась в дальнюю дорогу в итальянскую Феррару, куда отправившись морем также Константинопольский патриарх Иосиф и император Иоанн.

Путь проходил через Тверь, Новгород, Псков, Ригу, Любек, Германию. В русских городах митрополит сумел получить дополнительные средства, которые были так необходимы в дороге, да и на самом соборе. В августе 1438 г. русские добрались до Феррары. Формально собор еще не был открыт, но здесь уже развернулись бурные дискуссии, носившие предварительный характер. Папа Евгений IV и его сторонники старались убедить православных принять католические догматы. Европейские государи, находившиеся на стороне «антипапского» Базельского собора, проигнорировали собор в Ферраре, а между тем в их участии греки были особенно заинтересованы; это затягивало начало официальных заседаний. В итоге решено было приступить, не дожидаясь светских властителей, и 8 октября 1438 г. собор начал свою работу.

Главные предметы споров — филиокве, чистилище, опресноки. Исчерпав логические доводы, понтифик стал прибегать к более доступному методу «внушения»: он приказал урезать со-

держание сторонникам православия. В начале 1439 г. заседания собора были перенесены во Флоренцию. Здесь первоначально выдача содержания была восстановлена, но затем его вновь стали урезать.

Потеряв терпение от бесконечных прений, папа выдвинул ультимативное требование: принять к Пасхе 1439 г. (5 апреля) все условия католиков или уезжать ни с чем. Для достижения поставленных целей в ход было пущено золото и угрозы. Пошел на попятную Виссарион Никейский, показал свое истинное лицо и Исидор. В том числе и благодаря его усилиям удалось убедить умиравшего патриарха Иосифа в необходимости принятия унии. Не желавшего согласиться с ним епископа Авраамия Суздальского Исидор приказал заключить под недельный арест. Вообще, до поры Исидор держался несколько в тени, предоставив возможность выступать от имени православных наиболее последовательному его стороннику митрополиту Марку Эфесскому. Однако когда дошло до келейных консультаций с греками, Исидор выдвинулся на первый план, убеждая всех покориться и принять выдвинутые условия. Что заставило его действовать подобным образом? Деньги, честолюбие или желание попытаться спасти гибнущую Византию, как полагал Е. Е. Голубинский [Голубинский 1997в: 442]? Едва ли мы когда-нибудь получим ответ на этот вопрос. Да на самом деле это не так и важно, главное другое: Исидор определился со своим выбором и стал сторонником католицизма. На стороне Рима по понятным причинам был император. Затем сдались и остальные иерархи — все, кроме Марка Эфесского, оставшегося непреклонным до конца. 5 июля 1439 г. акт о заключении унии был подписан. В таком исходе велика была заслуга Исидора. По словам А. В. Карташева, «в состоявшемся акте Флорентийской унии русскому митрополиту Исидору принадлежит не какая-нибудь заурядная роль, а первостепенная роль инициатора и главного его устроителя» [Карташев 1993: 353].

После окончания собора Исидор получил сан кардинала-превизитера и звание легата от ребра апостольского в Литве, Ливонии, Руси и некоторых местностях Польши. В некоторых источниках имеются сведения о том, что Исидор был настроен очень оптимистично относительно перспектив унии. Он обещал папе добиться

ее утверждения на Руси. Уверенность в этом ему могла внушить сравнительная легкость, с которой на сторону католического Запада удалось склонить участников собора во Флоренции. Собственный талант проповедника и образование позволяли митрополиту надеяться на то, что проблем с убеждением русской паствы как в Литве, так и собственно на Руси не возникнет. Однако на деле все оказалось намного сложнее.

В конце 1439 г. Исидор оправился в обратный путь, проходивший через Венецию морем до Хорватии, далее Загреб, Будапешт, Краков, Галицию и Литву. Проезжая через Будапешт в начале 1440 г., он обратился с посланием к окормляемой им пастве, в котором сообщал о совершившейся унии. Митрополит убеждал в истинности католической веры, призывал посещать костелы, приобщаться в них. Аналогичный призыв посещать православные храмы прозвучал и к католикам. По пути Исидор служил совместно с католическим духовенством, в том числе в костелах. При этом в Москву он явно не спешил. Оказавшись в итоге в августе 1440 г. в Вильне, он вновь посещает Южную Русь и лишь в марте 1441 г., на Вербной неделе, добирается до столицы Северо-Восточной Руси.

Такая задержка объясняется не столько страхом перед возможным неприятием унии Василием II, стремлением дать возможность привыкнуть к ней как к свершившемуся факту, но и желание укрепить ее позиции в Польше и Литве. Сделать это было совсем не просто. Не все признавали власть папы Евгения IV, местное духовенство, как католическое, так и православное, оказалось равнодушно к соединению церкви. Исидор, видимо, пытался переломить ситуацию [Зимин 1991: 91–92].

В Москве к тому времени уже, конечно, знали о решениях Ферраро-Флорентийского собора: Исидор сам позаботился об этом, рассылая послания. Кроме того, еще из Венеции от него бежали два спутника — Симеон Суздалец и тверской боярин Фома, следом за ними, опережая митрополита, прибыли на Русь и другие его спутники. Русские имели возможность за несколько лет, прошедших с момента окончания собора, узнать о том, что среди греков не было единодушия по поводу унии, о том, что ее не приняли духовенство и миряне, об отрицательном отношении к ней фон-

ских монахов. Однако великий князь опять же не торопился принять какое-то решение и выжидал, ведь фактически вопрос стоял о конфликте с патриархом и императором. Исидор же тем временем совершил по латинскому обряду собственный вход в Успенский собор и службу, на которой поминал папу. После этого он с амвона объявил о совершившемся «соединении» церквей. Митрополит был немедленно обличен в соглашении с католическим Римом. Обвинителем выступил Авраамий Суздальский и митрополичий дьяк Карло, также присутствовавший во Флоренции [1997в: 444–456].

После этого у Василия II не было выхода: сделать вид, что ничего не произошло, он не мог, так как это вызвало бы волнение в обществе, которое, разумеется, чутко реагировало на такое изменение обряда. После трехдневных раздумий великий князь приказал взять митрополита под арест и поместить его в Чудов монастырь. Решено было созвать иерархов для суда над ним. Увещевания на Исидора не действовали. С другой стороны, великий князь оказывался в очень сложном положении: как бы то ни было, он держал под арестом иерарха, который был законным образом поставлен в Константинополе. Формально судить его должен был патриарх, а не епископы, или, по крайней мере, собор, на котором присутствовали бы представители патриарха. Да и вообще, неизвестно было, как в целом иерархия отнесется к осуждению главы Русской церкви. Выход был лишь один: сделать так, чтобы суд этот не состоялся. Однако для этого необходимо было заставить Исидора бежать. Тем самым он как бы признавал себя виновным и одновременно избавлял великого князя от необходимости применять радикальные меры, что было крайне неразумно в условиях и без того не совсем прочного положения Василия II.

На митрополита оказано было достаточно сильное давление, его запугивали, грозили самыми страшными казнями. И наконец нервы Исидора не выдержали: осенью того же 1441 г. он решился на побег вместе со своим учеником Григорием. Василий Васильевич, видимо, только этого и ждал, он даже не думал снаряжать погоню. Митрополит спокойно достиг Твери. Однако и в Твери он не нашел поддержки — князь Борис Александрович также распорядился приставить к нему караул, и отсюда Исидор получил воз-

можность уйти [Абелинцева 2009: 125–129]. На сей раз его путь лежал в Литву, а затем еще далее — в Рим. С верным и последовательным служением Риму отныне будет связана вся его жизнь. В 1458 г. он даже получит от папы сан Патриарха Константинопольского, впрочем, характер этого сана был, разумеется, чисто номинальным.

Таким образом, у Василия II были развязаны руки для хиротонии собственного митрополита. Однако шаг этот был очень серьезным и ответственным. Не в первый раз русские князья пытались добиться поставления митрополитов собором местных епископов, еще при Ярославе Мудром в XI в. именно так стал первоиерархом знаменитый Илларион. Однако такого рода попытки всегда заканчивались ничем: греки добивались восстановления своих прав, кроме того, на Руси всегда находились люди, указывавшие на незаконность подобного рода практики.

Василий II составил послание в Царьград, в котором повествовалось о «ереси» присланного ими митрополита и обосновывалась возможность поставления нового первоиерарха на Руси из русских кандидатов собором русских архиереев [АИ: 71–75]. Тем более что подходящий кандидат уже был — все тот же Иона, которого опередил в 1437 г. Исидор. В реальности подобного рода посольство было не более чем дипломатической уловкой: на Руси, конечно, были прекрасно осведомлены относительно стремления к укреплению унии со стороны властей Византии. Все это позволяло выиграть время. Московские послы так и не добрались до Константинополя, во всяком случае нам ничего не известно о его результатах, а Иона так и оставался до поры в сане епископа Рязанского.

Здесь самое время остановиться подробнее на происхождении человека, которому прочили сан главы Русской церкви. Информацию об этом опять же можем почерпнуть из памятника агиографического характера — жития. Родиной Ионы были окрестности Солигалича. Его отец — Федор Одноуш — имел в этих землях вотчину. В двенадцать лет он стал послушником в одном из монастырей Галича или близлежащей к нему области. Его послушанием была переписка книг, что свидетельствует о достаточной образованности будущего архиерея. Кроме того, имеются сведения о том,

что уже в начале своей духовной карьеры Иона показал себя ревностным сторонником строгого следования предписаниям иноческой жизни. Постриг он принял в Симоновом монастыре, где он имел возможность встречаться с митрополитом Фотием, посвятившим его в епископы Рязанские. При этом в житии имеется указание на то, что Фотий, посещая однажды Симоновскую обитель, загодя предсказал будущую великую судьбу Ионы [ПСРЛ, т. XXI: 505–506].

Меж тем на Руси продолжалась жестокая борьба за власть между внуками Дмитрия Донского. Друг с другом воевали дети двух сыновей героя Донского сражения: Василий II Васильевич и Дмитрий Шемяка, сын скоропостижно скончавшегося в 1434 г. Юрия Дмитриевича. В 1446 г. Василий II был обманом захвачен во время посещения Троице-Сергиева монастыря, передан в руки своего соперника Дмитрия Шемяки, овладевшего Москвой, и ослеплен. Дети Василия Иван (будущий Иван III) и Юрий сопровождали тогда отца в его паломнической поездке, но в суматохе, связанной с арестом великого князя, верные люди успели укрыть княжичей, и их немедленно отправили под Юрьев, а затем еще далее — в Муром [ПСРЛ, т. XII: 67–70].

Сыновья Василия нашли там вполне надежный приют, город готовился к возможной осаде. Все это сулило победителю много сложностей. Казалось, что дело решено и победа достигнута. Ведь Василий II после совершения над ним жестокой экзекуции был отправлен под надежный надзор в Углич, его мать Софья Витовтовна вынуждена была уехать еще дальше в Чухлому. Но сыновья его врага оставались по-прежнему на свободе. Решиться на поход против Мурома и осаду города Шемяка, видимо, не имел возможности, так как ему еще надлежало завоевать симпатии населения в Москве. Тем не менее ему было необходимо каким-то образом заполучить княжичей в свои руки. И тогда Шемяка решил прибегнуть к помощи Ионы Рязанского, к епархии которого относился Муром. Он обещал оставить детей в покое, выделить плененному кузену и его семье особый удел, однако при этом просил епископа о том, чтобы тот забрал Васильевичей из Мурома: «Яз рад их жаловати, отца их выпущу и вотчину дам довольну» [ПСРЛ, т. XXV: 266]. Иона, которому, согласно некоторым данным, при

этом сделан был намек на возможность занятия им митрополичьей кафедры, взял мальчиков «на свою епитрахиль», то есть под собственные гарантии, и отправил их в Переяславль. И в итоге они действительно были отправлены к отцу в Углич. Иона же стал жить на митрополичьем дворе. Однако выполнять вторую часть собственного обещания — обеспечить брата уделом — Шемяка не спешил, и семья его соперника оставалась в заточении.

Это вызвало резкое неудовольствие епископа Ионы. Он все время напоминал о том слове, которое дал ему князь. Архиепиеей требовал выполнения данных обещаний. Он просил освободить Василия и его домочадцев. Это подогревало и народное недовольство. Здесь Иона, без сомнения, показал себя как честный и верный долгу человек. В итоге Шемяка должен был уступить. Он отправился в Углич, где в торжественной обстановке освободил из темницы семью своего врага. Братья каялись друг перед другом, обещали более не нарушать мира. Василий вместе с женой и детьми отправился в Вологду, определенную ему в качестве отчины.

Вообще, Шемяка как мог стремился закрепить собственный успех. Он понимал, что ему особенно важно найти опору в среде духовенства. Именно с этим связана его уступка требованию Ионы, с этим же связаны пожалования монастырям, сделанные им. Среди обителей, получивших разного рода вклады и льготы от нового великого князя, были нижегородский Благовещенский, Чудов и, конечно, Троицкий монастыри.

Для урегулирования политического кризиса и юридического оформления собственной победы Дмитрий Юрьевич решил опять же прибегнуть к помощи церкви. По его инициативе созваны были «епископы и архимандриты со всея земли и честныя игумены и прозвитеры», у этого почтенного собрания князь стал «прощения просити и каятися греха своего». Иерархи призвали его искать примирения с Василием. Вместе с духовенством Шемяка отправился в Углич, где между братьями произошла сцена взаимного прощения. Василий целовал крест на том, чтоб впредь не искать великого княжения, а Дмитрий взамен выпустил его из-под ареста и дал ему в удел Вологду [ПСРЛ, т. XXIII: 153].

Однако Шемяке оставалось недолго править в столице: уже в следующем 1447 г. он должен был вновь оставить ее. При этом

Василий II в церковной среде с самого начала нашел поддержку собственной борьбе. Игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон принял на себя грех нарушения крестного целования, данного незадолго до того в Угличе, сняв тем самым клятву с Василия [ПСРЛ, т. XXIII: 153]. Однако и Шемяка не думал покоряться брату, и вновь церковь выступила на стороне его противников. В декабре 1447 г. было выпущено послание русских иерархов к Шемяке с призывом подчиниться Василию, угрожавшее в случае отказа анафемой [АИ: 75–83]. Под этим документом стояла и подпись Ионы, но пока, опять же, лишь как епископа Рязанского.

И все же чем больше времени проходило с момента бегства Исидора, тем более очевидна становилась абсурдность ситуации, когда на Руси не было своего митрополита. Посольства в Константинополь смысла не имели, так как там продолжали считать законным митрополитом именно Исидора, а в Москве его кандидатура была неприемлема. Выход был один: выбирать первоиерарха на соборе местных архиереев.

Епископы собрались в Архангельском соборе Кремля. Итогом стало избрание именно Ионы, тем более что необходимые канонические основания для этого, безусловно, имелись. Наконец, 15 декабря 1448 г. в Успенском соборе состоялось и само поставление [ПСРЛ, т. XII: 74]. Так был окончен период в несколько веков, на протяжении которого митрополиты на Русь приходили из Константинополя. Для того чтобы этот порядок был изменен, должны были возникнуть определенные предпосылки. К середине XV в. они возникли: с одной стороны, ослабла Византия, с другой — усилились русские земли, окрепла и власть великого князя московского.

Нужно сказать, что поставление это было не всеми принято даже в пределах власти русских князей. Как и в прежние времена, резкое урезание прав патриарха казалось кое-кому недопустимой «новиной». Так, не сразу признал Иону митрополитом Пафнутий Боровский, и только после наложенного на него наказания смирился и принял благословение от Ионы.

Изменилось со временем отношение к Ионе и в Константинополе. Столица восточного христианства пала под ударами турок 29 мая 1453 г., и это сделало признание поставленного на Руси

митрополита более простым делом. Во-первых, патриархом стал противник объединения с Западом Геннадий, во-вторых, Константинополь теперь как никогда нуждался в материальных средствах и на Русь все чаще приезжали послы патриарха.

Поставление Ионы не означало немедленного разделения в отношении церковного управления русских земель, находившихся под властью Польши, Литвы и Москвы. Перед тем как пойти на созыв собора 1448 г., великий князь провел консультации с великим князем Литовским и королем Польши Казимиром. А в 1451 г. Иона и сам посетил Вильно (имеется косвенное, но достаточно твердое известие и о других визитах первоиерарха в Литву [Голубинский 1997в: 492, 499]).

Тем временем не утихала борьба Василия II с Дмитрием Юрьевичем. И великий князь постоянно чувствовал за собою поддержку церкви: митрополит Иона посылал к сторонникам Шемяки увещательные грамоты, а его самого отлучил от церкви [АИ: 86–92, 101–103]. Но и эти меры не приносили решающего успеха: интердикты подобного рода не имели уже прежнего веса, ибо достаточно ясна была их политическая подоплека. Конфликт внутри Московского великокняжеского дома окончился лишь со смертью Шемяки в 1453 г. в Новгороде и с приведением под власть великого князя Волховской столицы после заключения Яжелбицкого мира 1456 г.

Важным мероприятием внутрицерковной жизни, относящимся ко времени Ионы, стало прославление в лике святых митрополита Алексея. Еще в 1431 г. во время строительства новой церкви в Чудовом монастыре обретенны были мощи святителя, оказавшиеся нетленными. Но только при митрополите Ионе произошло прославление этого святого. Установление памяти Алексею, проводившему последовательно промосковский курс, означало окончательное закрепление за Москвой статуса церковного центра Руси. Впрочем, оспаривать такое положение столицы теперь возможно было только извне.

Новой трудностью, которая вдруг встала перед митрополитом Ионой, оказалось поставление в 1458 г. в Риме на те земли, которые находились под властью Казимира, митрополита Литовского Григория — того самого ученика Исидора, с которым они вместе

бежали когда-то из Москвы. Не принять его Казимир не мог, не было выбора и у епископов, живших в Литве и Польше. Таким образом, митрополия оказалась разделенной. Более того, вскоре из Литвы к великому князю пришло послание, в котором предлагалось принять вместо преклонного летами Ионы Григория как митрополита всея Руси.

В ответ на это в конце 1459 г. в московском Успенском соборе у гроба митрополита Петра собрались почти все епископы, оставшиеся верными Ионе. Они обещали и впредь не отступать от своего митрополита и не признавать после его смерти Григория или кого-либо присланного на Русь со стороны. Подтверждено было решение выбрать первоиерарха здесь, на Руси [АИ: 108–110]. Этот собор обратился к епископам Литвы не принимать Григория, те же призывы направлял и сам Иона [АИ: 110–114], но изменить ситуацию это уже не могло. Разделение в каноническом отношении Русской церкви стало свершившимся фактом.

А вскоре митрополит Иона завершил свой земной путь. 31 марта 1461 г. его не стало.

Немного оставалось жить и великому князю. Так много претерпевший Василий изнемогал здоровьем. Он был не так уж и стар, но силы его были уже на исходе. Перед смертью он хотел принять иночество, однако его отговорили, указав на то, что спасения можно достигнуть и не принимая монашества. Великий князь умер 17 марта 1462 г.

Наследовал Василию II его старший сын Иван III Васильевич, которому суждено было объединить многие земли вокруг Москвы и фактически положить начало единому Российскому государству.

ИСТОЧНИКИ

- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. 1334–1598. СПб.: Тип. заготовления гос. бумаг, 1841. 551 стб., 43 с.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 408 с.
- ДП — Сказание о Леонтии Ростовском // Древнерусские предания (XI–XVI вв.) / под ред. В. В. Кускова. М.: Советская Россия, 1982. С. 142–160.
- Житие митрополита Петра — Житие митрополита Петра // Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л.: Наука, 1978. С. 204–215.
- Житие Сергия Радонежского — Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. VI: XIV — середина XV века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. С. 254–411.
- Жития святого митрополита Петра — Жития святого митрополита Петра и самый текст одного из них, написанный епископом Прохором // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. 3. История Русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отдел первый. Состояние Русской церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период домонгольский (1240–1448) / науч. ред. А. А. Турилов. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1995. С. 414–417.
- ЛПС — Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1241 и 1219 гг.). М.: Унив. тип., 1851. 113 с.
- Макарий (Булгаков) — Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. 3. История Русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отдел

- первый. Состояние Русской церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период домонгольский (1240–1448) / науч. ред. А. А. Турилов. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1995.
- НПЛ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова; отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.; Л.: Наука, 1950. 692 с.
- ПЛДР — Хождение Стефана Новгородца // Памятники литературы Древней Руси XIII в. / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачев. М.: Художественная литература, 1981. С. 25–115.
- Послание митрополита Киприана — Послание митрополита Киприана игуменам // Библиотека литературы Древней Руси. Т. VI: XIV — середина XV века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 1999. С. 412–423.
- ПРП — Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина М.: Госюриздат, 1955. 527 с.
- ПСПС — Правила Святых Поместных соборов с толкованиями. М.: Паломник; Сибирская благовонница, 2000. 875 с.
- ПСРЛ, т. IV — Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
- ПСРЛ, т. XI — Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновой летописью. Изд. 3-е. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.
- ПСРЛ, т. XII — Полное собрание русских летописей. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновой летописью. Изд. 3-е. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.
- ПСРЛ, т. XXI — Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Вторая половина. Книга Степенная царского родословия. Ч. 2. СПб.: Тип. Н. А. Александра, 1913. 718 с.
- ПСРЛ, т. XXIII — Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. 256 с.
- ПСРЛ, т. XXV — Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 464 с.
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. VI. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1908.
- Хрисовул императора Иоанна Кантакузина — Хрисовул императора Иоанна Кантакузина // Мейендорф И. Ф. История церкви и восточно-христианская мистика / сост. и общ. ред. И. В. Мамаладзе. М.: Ин-т ДИ-ДИК, Православ. Свято-Тихон. богослов. ин-т, 2001. С. 528–529.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамович 1991 — *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 192 с.
- Алексеев 1988 — *Алексеев В. И.* Роль церкви в создании Русского государства после распада Киевской Руси // Юбилейный сборник в память 1000-летия Крещения Руси. 988–1988. Джорданвилл: Тип. прп. Иова Почаевского в Джорданвилле (США), 1988. С. 51–69.
- Алексеев 1990 — *Алексеев В. И.* Роль церкви в создании русского государства (период от нашествия татар до Ивана III). Нью-Йорк: Nyack, 1990. 308 с.
- Абелинцева 2009 — *Абелинцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 472 с.
- Алексеев 1994 — *Алексеев Ю. Г.* Россия и Византия: конец ойкумены // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. 1994. С. 12–25.
- Алексеев 1998 — *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. 347 с.
- Алексеев 2002 — *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб.: Алетей, 2002. 347 с.
- Барсов 1878 — *Барсов Т. В.* Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью. СПб.: Тип. П. А. Ремезова, 1878. XII + 578 с.
- Белозеров 2002 — *Белозеров И. В.* Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII–XIV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 27 с.
- Борзаковский 1994 — *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. Тверь: ЛЕАН, 1994. 423 с.
- Борисов 1986 — *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 205 с.
- Борисов 1995 — *Борисов Н. С.* Иван Калита. М.: Молодая гвардия, 1995. 302 с.
- Борисов 1999 — *Борисов Н. С.* Политика Московских князей (конец XIII — первая половина XIV в.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 391 с.
- Борисов 2001 — *Борисов С. Н.* Сергей Радонежский. М.: Молодая гвардия, 2001. 298 с.
- Будовниц 1960 — *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 488 с.
- Будовниц 1966 — *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. (по Житиям святых). М.: Наука, 1966. 392 с.
- Буров 1994 — *Буров В. А.* Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М.: [Б. и.], 1994. 248 с.
- Васильевский 1888 — *Васильевский В. Г.* Заметки о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в Ватиканском греческом сборнике // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 2. С. 445–463.
- Вернадский 1997 — *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь: Леан; Москва: Аграф, 1997. 480 с.

- Веселовский 1917 — *Веселовский Н. И.* [Рец. на кн.] М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916 // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 3–4. С. 116–129.
- Воронин 1962 — *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг (из истории русско-византийских отношений XII в.) // Византийский временник. Т. XXI. 1962. С. 29–50.
- Воронин 1963 — *Воронин Н. Н.* «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. Т. XXIII. М., 1963.
- Голубинский 1997а — *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. I. Период первый, киевский, или домонгольский. Первая половина тома [Репр. изд.]. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1997. 968 с.
- Голубинский 1997б — *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. I. Период первый, киевский, или домонгольский. Вторая половина тома [Репр. изд.]. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1997. 926 с.
- Голубинский 1997в — *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома [Репр. изд.]. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1997. 919 с.
- Голубинский 1998а — *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской церкви [Репр. изд.]. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1998. 597 с.
- Голубинский 1998б — *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Вторая половина тома. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1998. 616 с.
- Горский 1996 — *Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3. С. 74–92.
- Горский 2000 — *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
- Григорьев 1990 — *Григорьев А. П.* Ярлык Менгу-Темур: реконструкция содержания // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. XII. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 53–102.
- Григорьев 1997 — *Григорьев А. П.* Ярлык Бердибека от 1357 г. митрополиту Алексию (реконструкция содержания) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XVII. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. С. 25–73.
- Григорьев 2004 — *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков Русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 269 с.
- Гумилев 1989 — *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Т-во Клышников, Комаров и К°, 1992. 510 с.

- Дмитриев 1987 — *Дмитриев Л. А.* Стефан Новгородец // Словарь книжников и книжности Древней Руси, XI — первая половина XIV в. Вып. 1 / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С. 447–448.
- Жарнов 2003 — *Жарнов Ю. Э.* Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 г.» // Русь в XIII в. Древности темного времени / отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 48–58.
- Забелин 1990 — *Забелин И. Е.* История города Москвы. М.: Столица, 1990. 651 с.
- Зимин 1991 — *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.
- Казакова, Лурье 1955 — *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные и еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 544 с.
- Карамзин 1991 — *Карамзин Н. М.* История государства Российского / отв. ред. А. Н. Сахаров. Т. II–III. М.: Наука, 1991. 833 с.
- Карамзин 1992 — *Карамзин Н. М.* История Государства Российского / отв. ред. А. Н. Сахаров. Т. IV. М.: Наука, 1992. 477 с.
- Карпов 1864 — *Карпов Г. Ф.* Очерки из истории российской церковной иерархии // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1864. Кн. 3. С. 1–101.
- Карташев 1993 — *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. I. М.: Терра, 1993. 686 с.
- Клибанов 1959 — *Клибанов А. И.* К изучению генезиса еретических движений в России // Вопросы истории религии и атеизма. Т. VII. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 186–217.
- Клибанов 1960 — *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 411 с.
- Климков 2001 — *Климков О. С.* Опыт безмолвия. Человек в мирозерцании византийских исихастов / под общ. ред. Б. В. Маркова. СПб.: Алетейя, 2001. 284 с.
- Клосс 1998 — *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М.: Языки русской культуры, 1998. 564 с.
- Клосс 2001 — *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 488 с.
- Клосс 2002 — *Клосс Б. М.* Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в истории России XI–XX вв. Исторические очерки. М.: Наука, 2002. С. 57–80.
- Клюг 1994 — *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.) / пер. с нем. А. В. Чернышова; общ. ред. П. Д. Малыгина, П. Г. Гайдукова. Тверь: РИФ, 1994. 431 с.
- Ключевский 1989 — *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник [Репр. изд.]. М.: Наука, 1989. 509 с.
- Костомаров 1994 — *Костомаров Н. И.* Русская республика. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова, Вятки). М.: Чарли; Смоленск: Смядынь, 1994. 544 с.

- Кривошеев 2015 — *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 452 с.
- Кривошеев, Соколов 2002 — *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Русская церковь и Ордынские власти (вторая половина XIII — первая четверть XIV в.) // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 156–184.
- Кричевский 1996 — *Кричевский Б. В.* Русские митрополиты: (Церковь и власть XIV в.). СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т пед. мастерства, 1996. 204 с.
- Кучкин 1982 — *Кучкин В. А.* Сказание о смерти митрополита Петра // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XVIII. М.; Л.: Наука, 1982. С. 59–79.
- Кучкин 1984 — *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 350 с.
- Кучкин 1996 — *Кучкин В. А.* Москва в XII — первой половине XIII в. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 3–13.
- Кучкин 2003 — *Кучкин В. А.* Договорные грамоты Московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. 366 с.
- Лебедев 1998 — *Лебедев А. П.* Исторические очерки состояния Византийско-Восточной церкви от конца XI до середины XV в. От начала Крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г. / науч. ред. М. А. Морозов. СПб.: Алетейя, 1998. 383 с.
- Лихачев 1985 — *Лихачев Д. С.* Градозащитная семантика успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля: Материалы и исследование / отв. ред. Э. С. Смирнова. М.: Наука, 1985. С. 17–23.
- Лурье 1976 — *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV в. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1976. 284 с.
- Мазуров 2001 — *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Александрия, 2001. 542 с.
- Мейендорф 2000 — *Мейендорф И. Ф.* Византия и Московская Русь. Очерки по истории церковных и культурных связей в XIV в. // Мейендорф И. Ф. История церкви и восточно-христианская мистика / сост. и общ. ред. И. В. Мамаладзе. М.: Ин-т ДИ-ДИК, Православ. Свято-Тихон. богослов. ин-т, 2001. 576 с.
- Михайлова 1994 — *Михайлова И. Б.* Москва и Тверь в начале XIV в. // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения: Материалы к докладом. 10–12 октября 1994 г. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. С. 62–65.
- Муравьева 1983 — *Муравьева Л. Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV в. М.: Наука, 1983. 295 с.

- Насонов 1969 — *Насонов А. Н.* История русского летописания. XI — начало XVIII в. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 555 с.
- Охотина 1989 — *Охотина Н. А.* Изменения в положении Киевской митрополии в условиях монголо-татарского ига (середина — вторая половина XIII в.) // *Религия мира: история и современность.* Ежегодник. 1987. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1989. С. 157–175.
- Охотина 1990 — *Охотина Н. А.* Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // *Церковь, общество и государство в феодальной России:* сб. ст. / отв. ред. А. И. Клибанов. М.: Наука, 1990. С. 67–84.
- Павлов 1894 — *Павлов А. С.* О начале Галицкой и Литовской митрополии и о первых тамошних митрополитах по византийским источникам XIV в. М.: Универ. тип, 1894. 40 с.
- Пайпс 1993 — *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 427 с.
- Панова 2003 — *Панова Т. Д.* Москва и монгольское нашествие: характер культурного слоя Кремля XIII в. // *Русь в XIII в. Древности темного времени* / отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 97–101.
- Панченко 1987 — *Панченко А. М.* Василий Калика // *Словарь книжников и книжности Древней Руси, XI — первая половина XIV в.* / отв. ред. Д. С. Лихачев. Вып. 1. Л.: Наука, 1987. С. 92–95.
- Пашуто 1948 — *Пашуто В. Т.* Киевская летопись 1238 г. // *Исторические записки.* Т. XVI. М., 1948. С. 273–305.
- Петров 2003 — *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечаевого уклада. СПб.: Абышко, 2003. 351 с.
- Плигузов, Хорошкевич 1988 — *Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л.* Отношение Русской церкви к антиордынской борьбе в XIII — XIV в. (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков Русским митрополитам) // *Вопросы научного атеизма.* Вып. 37: Православие в истории России. М., 1988. С. 117–130.
- Плигузов, Хорошкевич 1990 — *Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л.* Русская церковь и антиордынская борьба XIII–XV в. (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // *Церковь, общество и государство в феодальной России.* Сб. ст. / отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1990. С. 84–102.
- Приселков 1916 — *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг.: Тип. «Научное дело», 1916. 116 с.
- Приселков 1996 — *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.
- Приселков 1950 — *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция содержания / отв. ред. К. Н. Сербина. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 516 с.
- Приселков, Фасмер 1916 — *Приселков М. Д., Фасмер М. Р.* Отрывки В. Н. Бенешевича по истории Русской церкви XIV в. Пг.: Тип. Императорской Акад. наук, 1916. 23 с.

- Прохоров 1978 — Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л.: Наука, 1978. 238 с.
- Прохоров 1988 — Прохоров Г. М. Дионисий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. А–К. Л.: Акад. наук СССР. ИРЛИ, 1988. С. 187–191.
- Прохоров 2000 — Прохоров Г. М. Этническая интеграция в Восточной Европе в XIV в. (от исихастских споров до Куликовской битвы) // Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы: Ст. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2000. С. 5–43.
- Рапов 1988 — Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Приятие христианства. М.: Высшая школа, 1988. 414 с.
- Романов 1947 — Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1947. 343 с.
- Рыкин 2000 — Рыкин П. О. Дуальная система власти на Руси при Александре Невском (антропологический подход) // Михайловский замок: Историко-литературный журнал. 2000. № 3. С. 141–157.
- Сахаров и др. 1989 — Сахаров А. М., Зимин А. А., Корецкий В. И. Церковь в обществе развитого феодализма (XIV–XVI вв.) // Русское православие: веки истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Изд-во полит. лит., 1989. С. 71–152.
- Седова 1993 — Седова Р. А. Святитель Петр, митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси / науч. ред. Г. М. Прохоров. М.: Русский мир, 1993. 199 с.
- Смолич 1997 — Смолич И. К. Русское монашество: происхождение, развитие, сущность // Смолич И. К. Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. Приложение к «Истории Русской церкви». М.: Церк.-науч. центр «Православ. энцикл.», 1997. 606 с.
- Соколов 1913 — Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1913. 588 с.
- Соколов 2003 — Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб.: Изд-во О. А. Абышко, 2003. 460 с.
- Суэтин 1999 — Суэтин А. В. Междукняжеская борьба в Северо-Восточной Руси (середина XIII — первая четверть XIV вв.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1999. 201 с.
- Татищев 1995 — Татищев В. Н. История российская. Ч. 2. Собр. соч. Т. II–III. М.: Ладомир, 1995. 688 с.
- Татищев 1996 — Татищев В. Н. История российская. Ч. 3–4. Собр. соч. Т. V–VI. М.: Ладомир, 1996. 784 с.
- Тихомиров 1999 — Тихомиров М. Н. Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М.: Терра — Кн. клуб, 1999. 430 с.
- Трифонова 1988 — Трифонова А. А. Григорий Цамблак, митрополит // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина

- XIV — XVI в. Ч. 1. А–К. Л.: Академия наук СССР. ИРЛИ, 1988. С. 175–180.
- Турилов 1995 — *Турилов А. А.* Комментарии // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. 3. История Русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отдел первый. Состояние Русской церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период домонгольский (1240–1448) / науч. ред. А. А. Турилов. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1995. С. 519–559.
- Флоровский 1992 — *Флоровский Г. В.* Восточные отцы V–VIII вв. М.: Паломник, 1992. 260 с.
- Флоря 2004 — *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб.: Алетейя, 2004. 221 с.
- Фроянов 1980 — *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 256 с.
- Фроянов 1995 — *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 701 с.
- Фроянов 1996 — *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.) / под ред. А. Я. Детярева. СПб., 1996. 512 с.
- Фроянов, Дворниченко 1988 — *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 272 с.
- Хорошев 1980 — *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской республики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 223 с.
- Хорошев 1986 — *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 206 с.
- Хорошкевич 2003 — *Хорошкевич А. Л.* Московское княжество в XIV в. Некоторые особенности развития // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. В 2 т. Т. 2. Археология, история, этнография, искусствоведение. Тула: Тульский полиграфист, 2003. С. 146–191.
- Цыпин 2004 — *Цыпин Владислав, протоиерей.* Курс церковного права: учеб. пособие. Клин: Христианская жизнь, 2004. 700 с.
- Черепнин 1951 — *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2 / отв. ред. А. А. Новосельский. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 428 с.
- Черепнин 1960 — *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.
- Черепнин 1974 — *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1974. С. 23–60.
- Шенников 1987 — *Шенников А. А.* Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1987. 139 с.

- Штыков 2004 — *Штыков Н. В.* Социально-политическое развитие Тверской земли в XIV — первой четверти XV в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 234 с.
- Штыков 2006 — *Штыков Н. В.* К истории складывания аппарата управления Тверских князей в XIII — начале XIV в. // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 70–75.
- Щапов 1989а — *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси, X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 228 с.
- Щапов 1989б — *Щапов Я. Н.* Церковь в Древней Руси (до конца XIII в.) // Русское православие: веки истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Изд-во полит. лит., 1989. С. 10–70.
- Щапов 2004а — *Щапов Я. Н.* Политические концепции о месте страны в мире в общественной мысли Руси XI–XIV в. // Щапов Я. Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М.: Наука, 2004. С. 114–121.
- Щапов 2004б — *Щапов Я. Н.* Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // Щапов Я. Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М.: Наука, 2004. С. 88–103.
- Юшко 2002 — *Юшко А. А.* Феодалное землевладение Московской земли XIV в. М.: Наука, 2002. 239 с.
- Янин 2003 — *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. 511 с.
- Янин 2004а — *Янин В. Л.* К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. С. 146–151.
- Янин 2004б — *Янин В. Л.* Монастыри средневекового Новгорода в структуре властных государственных институтов // Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. 415 с.

III

МОСКВА

в княжеских усобицах
второй четверти XV века

ФЕОДАЛЬНАЯ ВОЙНА ИЛИ КНЯЖЕСКИЕ УСОБИЦЫ: КОПЬЯ ИСТОРИКОВ

Время княжения Василия II Темного стало одним из важнейших этапов в процессе образования единого Русского государства. В работах историков освещение истории усобиц второй четверти XV в. было неотъемлемой частью раскрытия проблемы собирания власти и земель московскими князьями. Оценки событий и их героев порой принципиально различались в зависимости от взглядов историков на развитие российской государственности, пока в советской историографии не сложилось понятие «феодалная война». Но просуществовало оно сравнительно недолго, вновь открыв возможность для беспристрастного анализа событий.

Позиция официального московского летописания, утверждавшая бесспорную легитимность власти Василия II, получила дальнейшее развитие в трудах первых российских историков: В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина [Татищев 1996: 232–274; Щербатов 1781: 723–724; Карамзин 1993: 134–188]. По оценке Карамзина, своей победой великий князь Василий II был обязан широким слоям общества, которые объединились в поддержку его в качестве представителя «новой системы наследства, благоприятнейшей для общего спокойствия» [Карамзин 1993: 144].

Но были и альтернативные мнения. Так, в «Истории русского народа» Н. А. Полевого было усилено политическое значение усобиц второй четверти XV в., представленное как жесткое противостояние политических систем. Согласно его точке зрения, наиболее

агрессивно заявляло о себе единовластие великого князя. Историк считал Юрия Дмитриевича законным наследником, но слабым и несамостоятельным правителем. А в столкновении Василия II и Дмитрия Шемяки роль жертвы он отдавал последнему [Полевой 1997: 164]. Взгляды Полевого, однако, были исключением.

Представители «монархического направления» — М. П. Погодин, И. Е. Забелин, Д. И. Иловайский — в русской историографии XIX в. продолжали линию Н. М. Карамзина [Погодин 1846: 146–150; Иловайский 2003: 245–288]. Особенно подробно на данной теме остановился И. Е. Забелин. Приравнивая политические амбиции московских князей к выражению национальных, земских интересов народа, он пришел к выводу о решающей роли городского и торгового люда в ходе уособиц внутри Московского княжеского дома. На его взгляд, в «Шемякиной смуте» одержал победу «не московский князь, а сам народ, собравшийся в плотную силу вокруг Москвы, Василий Темный вовсе не был способен для такой победы» [Забелин 1881: 771]. Надо отметить, что общим местом в работах историков XIX в. стала низкая оценка личности Василия II одновременно с признанием победы великого князя как безусловного блага для русского государства.

Для представителей «государственной школы» «период XIII–XV вв. стал полем борьбы родовых и государственных отношений» [Дворниченко 1996: 4]. С. М. Соловьев уделял большое внимание княжеским отношениям, так как они давали направление историческому процессу через переход от родственных отношений будущих правителей к новым государственным. Он выделял особый характер уособиц второй четверти XV в. [Соловьев 1988: 381]. Череду войн времени княжения Василия Васильевича историк разделил на два этапа. Первый период занимала борьба Юрия Дмитриевича и Василия Косого против московского князя, второй период начинался договором между Юрьевичами и великим князем в 1440 г. и был связан с выступлением Дмитрия Шемяки [Соловьев 1988: 390]. Основным зачинщиком войны Соловьев считал Юрия Дмитриевича, его сыновья оказывались лишь заложниками вспыхнувшей вражды [Соловьев 1988: 388]. В работах С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина уособицы второй четверти XV в. рассматривались с позиции «вотчинной теорий» — как

борьба за перерождение вотчинного строя в государственный [Кавелин 1989: 43; Чичерин 1858: 324]. С влиянием «вотчинной теории» также были связаны положительные оценки личности великого князя Василия II представителями «юридической школы» отечественной историографии В. И. Сергеевичем и М. Ф. Владимирским-Будановым [Сергеевич 1909: 73–74; Владимирский-Буданов 1900: 121].

Н. И. Костомаров, видя исконность политической жизни Руси в федеративном устройстве, не мог иначе, кроме как отрицательно, характеризовать Василия II. Он полагал, что княжение Василия Темного распадается на два этапа: до и после его ослепления в 1446 г. Успех к великому князю московскому пришел лишь на втором, когда он был вынужден полностью положиться на своих бояр-советников [Костомаров 2001: 271].

В. О. Ключевский вписал события второй четверти XV в. в анализ целого ряда причин и следствий возвышения Москвы. Исход борьбы он представлял как национальный выбор в пользу московских великих князей и их новых порядков: «...все влиятельное, мыслящее, благонамеренное в русском обществе стало за него, за преемство великокняжеской власти по нисходящей линии» [Ключевский 1988: 44].

На рубеже XIX–XX вв. политические коллизии времени княжения Василия II нашли отражение в различных по своим целям и направленности работах: в фактологически насыщенном исследовании А. В. Экземплярского, в университетских курсах К. Н. Бестужева-Рюмина и С. Ф. Платонова, работах Н. П. Павлова-Сильванского, А. Е. Преснякова [Экземплярский 1889: 148–188; Бестужев-Рюмин 1872: 415–417; Платонов 1993: 178–179; Павлов-Сильванский 1988: 122; Пресняков 1998: 261–277].

А. Е. Пресняков, посвятивший свое исследование проблеме складывания единого Русского государства, рассматривал войны второй четверти XV в. как «московскую смуту», состоящую (подобно теории Н. И. Костомарова) из двух периодов — до и после ослепления Василия Косого в 1436 г. [Пресняков 1998: 269]. Главное значение этого противоборства он связывал с разгромом «удельно-вотчинного строя», который должен был уступить место «вотчинному единодержавию» [Пресняков 1998: 277].

В дореволюционной историографии нерешенным остался вопрос о влиянии внутреннего развития городов и земель на политические процессы в Северо-Восточной Руси. Уособицы второй четверти XV в. признавались делом Московской династии и Московской земли, уже накрепко связанной с великим княжением. Начиная с Н. М. Карамзина, победу Василия Темного было принято выводить из успехов возвышения Москвы. В. О. Ключевский писал в целом о великокняжеской ориентации населения Московской земли [Ключевский 1988: 45]. Как раз на недостатки такого подхода указывал Н. П. Павлов-Сильванский: «При первоначальной общей разработке междукняжеских отношений внимание историков было поглощено процессом возвышения Московского великого княжения» [Павлов-Сильванский 1988: 474]. Без признания за врагами великого князя какой-либо политической программы и шансов на успех рассмотрение территориальной базы их выступления было лишено смысла.

С. М. Соловьев отмечал коренное отличие городов Древней Руси от центров Северо-Восточной Руси: «Уособицы между князьями продолжают по-прежнему, но города не принимают в них участия, как прежде, их голоса не слышно...» [Соловьев 1988: 504]. Таким образом, представителями «государственной школы», в первую очередь, конечно, Соловьевым и Ключевским, «немного уделялось место институтам земского управления в Древней и средневековой Руси» [Кривошеев 1994: 8]. Для них княжеские отношения не могли уже зависеть от мнения населения городов и земель.

Представители альтернативного направления в отечественной историографии И. Д. Беляев и М. Ф. Владимирский-Буданов считали, что на внутреннее развитие России продолжают оказывать влияние древнерусские традиции управления [Беляев 2004; Владимирский-Буданов 1900]. Так, Беляев писал, что «старое земское устройство довольно еще сохранилось даже в XV столетии» [Беляев 2004: 61]. Для него позиция «земщины» — населения земли — была еще значительно велика в княжеских распрях, как это было им показано на примере «Московской земщины» во второй четверти XV в. [Беляев 2004: 61]. Историкам XIX–XX вв. принадлежали лишь отдельные замечания о политической роли городов

и земель, их экономическом и стратегическом положении во второй четверти XV в. [Костомаров 1994; Любавский 1929].

Для историков XX в. стало характерным рассмотрение княжения Василия II Васильевича в рамках понятия «феодальная война второй четверти XV в.». Оно было призвано раскрыть важный этап в развитии русского феодализма, когда «противоречие в отношениях между отдельными феодалами и группами феодалов и центральной государственной властью... перерастает в затяжную феодальную войну. Победившая в этой войне королевская власть укрепляет централизованную систему управления» [Черепнин 1953: 248–249].

Ю. В. Кривошеев писал об особом подходе советской историографии, которой на «всем протяжении ее развития оставался присущ “европеизм” в исследованиях по классической истории» [Кривошеев 1996: 94]. Исследователь отмечал: «Историческим эталоном оставалась Европа. История России продолжала писаться с европоцентристских позиций. Это выражалось в сравнении многих процессов, происходивших в Европе, с тем, как развивалась Россия» [Кривошеев 1996: 94]. Одним из ярких примеров этого может служить понятие «феодальная война второй четверти XV в.».

В статье И. И. Смирнова впервые в советской историографии был сформулирован взгляд на усобицы Василия II как на «крупнейший классовый катаклизм» [Смирнов 1935: 75]. Вторую четверть XV в. автор называл временем «борьбы за укрепление диктатуры московских феодалов путем разгрома всех остальных феодальных центров и создания многонационального крепостнического государства под гегемонией Москвы» [Смирнов 1935: 75].

Понятие «феодальная война второй четверти XV века» наряду с формулировкой «феодальная смута» впервые появилось в учебном пособии 1939 г. Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина [История 1939: 243–245]. Под пояснение ее причин авторы постарались подвести не только правовую, но и экономическую базу. Выступление именно галицкого князя Юрия Дмитриевича диктовалось тем, что соляные источники, обилие пушнины и плодородие земель «привело к обособлению Галицкого княжества» [История 1939: 241]. Победа Василия II указывала на торжество московской великокняжеской

системы, которая в самые трудные моменты «находила поддержку среди московского населения» [История 1939: 245].

В том же 1939 г. появился учебный курс В. В. Мавродина, посвященный истории образования Русского национального государства. Его цели и хронологические рамки позволили автору более подробно обратиться ко времени Василия II, однако в своей работе, как и в последующем переиздании 1941 г., Мавродин еще не использовал понятие «феодалная война» [Мавродин 1939: 107; 1941: 109]. Исследователь представил точный хронологический период уособицы — с 1425 по 1453 гг., впоследствии принятый историографией [Мавродин 1939: 194]. Под успехи великого князя Василия II Мавродин подвел солидную социальную базу. Он писал: «Побеждал не Василий Васильевич, побеждали бояре, дворяне, церковь, город, посадский люд, новые политические отношения» [Мавродин 1939: 111].

Книга 1951 г. «Образование единого Русского государства» «стала ключевой в этой сфере научных интересов В. В. Мавродина» [Дворниченко 2001: 108]. В данном расширенном и переработанном издании определение было вынесено уже в заглавие: «Феодалная война во второй четверти XV в. и ее политические итоги» [Мавродин 1951: 130]. К событиям второй четверти XV в. Мавродин относился как к коренному разлому в политической системе того времени: «Новый, зарождающийся порядок “одиначества” олицетворял Василий Васильевич, старый удельный — Дмитрий Шемяка. На стороне последнего было все удельное княжье» [Мавродин 1951: 153].

В работах В. В. Мавродина и К. В. Базилевича, так же как в исследованиях С. М. Соловьева и А. Е. Преснякова, война Василия II с галицкими князьями была разделена на два этапа: к первому относилось выступление Юрия Дмитриевича и Василия Косого, а ко второму — мятеж Дмитрия Шемяки [Мавродин 1951: 149; Базилевич 1944: 223].

Попытку пересмотра сложившейся на тот период общей концепции развития русского феодализма предпринял в 1946 г. П. П. Смирнов, согласно его теории княжеские конфликты второй четверти XV в. имели под собой региональную основу. Победа в «феодалной войне 1433–1453 гг.» московского князя была пред-

решена экономической отсталостью земель его противников, так как в Галицкой земле и Вятке вряд ли могли использовать передовые аграрные средства производства [Смирнов 1946: 88].

В дальнейшем становлении понятия «феодальная война» ключевую роль сыграла докторская диссертация В. Н. Бочкарева. В этом научном исследовании, впервые специально посвященном княжению Василия II, был окончательно закреплен взгляд на усобицы второй четверти XV в. как на «крупную феодальную войну», «борьбу новых прогрессивных начал со старыми сепаратистскими» [Бочкарев 1944, т. 1: 2]. Феодальная война в России ставилась исследователем в один ряд с европейскими войнами XV в.: Столетней войной во Франции, Войной Алой и Белой розы в Англии, войнами в Чехии и в Германии [Бочкарев 1944, т. 1: 2].

В своей диссертации В. Н. Бочкарев предложил деление «феодальной войны» на четыре этапа. Первый этап составил хронологический промежуток 1425–1434 гг., который распался на несколько периодов: 1425 г., 1431–1432 гг., 1433–1434 гг. [Бочкарев 1944, т. 1: 9–35]. Второй вехой противостояния исследователь считал время с июня 1434 по сентябрь 1436 г.: «На этом этапе феодальной войны противником Василия II выступает сын Юрия Галицкого — Василий Косой, а ареной борьбы является, главным образом, Верхняя Волга и обширное пространство к северу от нее... Василий Косой в свою борьбу с великим князем Василием Васильевичем втягивает наиболее отдаленные от великокняжеского центра территории и города — Вятку, Бежецкий Верх, Вологду, Устюг Великий» [Бочкарев 1944, т. 1: 57]. Третий этап начинался с июня 1445 г., когда Дмитрий Шемяка не выслал своих войск против татар, и заканчивался возвращением Василия II в Москву 17 февраля 1447 г. В этом промежутке большое значение имел факт пленения Василия II сыновьями Улуг-Мухаммеда в бою под Суздалем 7 июля 1445 г. [Бочкарев 1944, т. 1: 93]. Тогда влияние на ход развития событий оказало «недовольство широких масс княжеско-боярскими группировками» [Бочкарев 1944, т. 1: 99]. Четвертый, заключительный, этап войны был связан с действиями Дмитрия Шемяки и продолжался вплоть до его кончины в Новгороде в 1453 г. Последние годы княжения Василия II исследователь осветил в главе «Эпилог феодальной войны» [Бочкарев 1944, т. 1: 226–298].

В. Н. Бочкарев писал о вкладе духовенства и боярства в победу Василия II [Бочкарев 1947а: 51–59]. Но не менее значимым для него, как и для В. О. Ключевского, было совпадение процессов освоения земель Северо-Восточной Руси и стремления к власти князей Москвы: «Захватническая политика Московских князей, ломая прежние удельные рамки, шла вслед за колонизационным продвижением широких масс населения, интересы которого в этом отношении совпадали с династическими стремлениями московских Даниловичей. Вот почему в бурные годы феодальной войны старшая великокняжеская линия потомков Ивана Калиты нашла себе прочную поддержку в городских и сельских слоях населения Окско-Волжского междуречья» [Бочкарев 1944, т. 2: 166].

По мнению В. Н. Бочкарева, также и откликом на опасность внешних вторжений стало появление в обществе «громadного дружного порыва всех прогрессивных сил страны сплотиться и объединиться вокруг наиболее сильного феодала и поддержать его в борьбе как с феодальным сепаратизмом, так и с татарской агрессией» [Бочкарев 1947б: 10].

К сожалению, работа В. Н. Бочкарева не была издана, а формат научных статей не позволял в полной мере отразить содержание диссертационного исследования¹. Выводы В. Н. Бочкарева были восприняты в советской историографии в основном благодаря Л. В. Черепнину. В «Очерках истории СССР», вышедших под редакцией Л. В. Черепнина, «феодальная война второй четверти XV века» была подробно описана в одноименном параграфе [Черепнин 1953: 248–270].

В раскрытии понятия «феодальная война» особое внимание Л. В. Черепнина было сосредоточено на исследовании социальных предпосылок конфликтов [Черепнин 1960: 743]. Восприняв основные положения и, с некоторыми изменениями, периодизацию В. Н. Бочкарева, Л. В. Черепнин вписал феодальную войну в исто-

¹ Во втором полугодии 1948/1949 учебного года в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина, сотрудником которого являлся В. Н. Бочкарев, проводилась борьба с буржуазным космополитизмом. «На историческом факультете были признаны порочными некоторые лекции профессора В. Н. Бочкарева, “содержащие в себе антипатриотические и космополитические тенденции”» [Чернова 2003: 259].

рию России XV в., наполнив ее содержание чертами, отражающими классовый характер усобиц.

Исследователь предложил деление войны на три этапа. Первым этапом была война Василия II с Юрием Дмитриевичем 1425–1434 гг. Это столкновение показало, с одной стороны, возможность «галицких князей собирать значительные силы и бросать их на борьбу», с другой — достижения политики централизации в Московском княжестве и силу великокняжеского двора [Черепнин 1960: 762–763]. Следующий этап (1434–1436) — война Василия Косого — отразил то, что «борьба сторонников феодальной раздробленности против политики государственной централизации проходит уже в неприкрытом виде» [Черепнин 1960: 763]. Расширяется арена военных действий, вовлекаются новые территории. С 1445 по 1453 г. длился третий этап — усобица Василия II и Дмитрия Шемяки. Для этого времени Л. В. Черепнин вслед за В. Н. Бочкаревым подчеркивал обострение классовых отношений [Черепнин 1960: 787; Бочкарев 1944, т. I: 321].

Одновременно с утверждением понятия «феодальная война» ко второй половине XX в. в советской историографии произошло оформление взглядов на развитие русского средневекового города. Город был признан «узлом феодальной власти» [Смирнов 1947: 30]. И. У. Будовниц отмечал потребность горожан в сильной власти великого князя, служащей защитой интересов города [Будовниц 1952: 116–122]. Анализ позиции горожан в XV в. способствовал эволюции понятия «феодальная война».

К середине XX в. вышли научные монографии об отдельных городах и землях, в которых освещалось значение княжеских усобиц второй половины XV в. для регионов [Эммаусский 1949; Смирнов 1948: 84–105; Тихомиров 1957; 1973]. В книге А. М. Сахарова горожане были представлены в качестве активных участников событий второй четверти XV в., выступавших против объединительной политики московского князя и за нее [Сахаров 1959: 228–230]. Л. В. Черепнин писал о «сложности и противоречивости» такого явления, как поддержка горожанами объединительной политики, о расколе городского населения на два противоборствующих лагеря [Черепнин 1966: 106]. Книга Черепнина «Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв.» послужила новым

стимулом к исследованию Северо-Восточной Руси в период складывания единого государства [Кучкин 1984; Кизилов 1984; Ивина 1985].

Выводы отечественных историков были восприняты в иностранной англоязычной историографии, хотя само понятие «феодальная война» в ней не использовалось. Уособицы второй четверти XV в. характеризовались в них чаще как *civil war* («гражданская война») или *dynastic wars* («династические войны»). Изучению различных аспектов времени правления Василия II посвятил свои работы Г. Алеф [Alef 1959: 11–20; 1978: 1–20; 1986]. Он оценивал его княжение как «период зарождения представлений о монархии, независимости и даже империи» [Alef 1986: 40].

Княжеские войны второй четверти XV в. нашли освещение в работах зарубежных ученых, посвященных средневековой истории Руси, в частности проблеме становления Московской земли [Grummeу 1987: 68–83; Kollmann 1987: 134, 156; Martin 1995: 237–245].

Попытка переосмысления периода второй четверти XV в. была предпринята в отечественной науке в конце 1980-х годов. Новый взгляд на события находил опору в идее противостояния двух тенденций развития землевладения: крестьянского «капиталистического» севера и «крепостнического» центра [Носов 1969: 12; 1970: 12]. На основании гипотезы Н. Е. Носова о возможности образования единого Русского государства на базе буржуазных отношений А. А. Зимин представил новое понимание времени княжения Василия Темного в своей книге «Витязь на распутье» [Зимин 1982: 75–90; 1991]. Заслуга Зимина состояла в том, что он первым в советской историографии увидел «узел эпохи “великой замятни”, из которого исходили импульсы, существенно влиявшие на ход и направление исторического процесса, не в классовой борьбе» [Панеях 2005: 109]. Независимость взглядов исследователя привела к тому, что он отказался от поиска участников «феодальной войны», как делали его предшественники (Л. В. Черепнин и др.), и рассмотрел роль населения намного шире [Алексеева 2012: 94–98; Гусева (Алексеева) 2017: 41–72]. Москвичи, галичане, вятичи в его блестящей монографии выступили как активные действующие лица политической жизни русских земель.

Зимин представил Россию второй четверти XV в. как конгломерат княжеств и земель с разными путями развития. Историк писал: «Многочисленные государственные образования представляли три тенденции, или силы, поступательного развития. Первая из них — Новгород и Тверь... Вторую силу составляли Север и отчасти Поволжье, точнее, Галич, Вятка, Углич и Устюг» [Зимин 1991: 200]. Соответственно, к третьей силе принадлежала Москва. Зимин показал противников великого князя носителями иной формы государственности, а не мятежниками. Только Г. В. Вернадский, исследователь, работавший в эмиграции, придерживался подобных выводов, считая, что Юрий Звенигородский и его сыновья предпочитали «федеративную организацию Руси позднего киевского типа верховенству великого князя московского над всеми другими князьями» [Вернадский 1997: 302].

Зимин предложил деление «феодальной войны» на два этапа: 1425–1446 гг. и 1446–1451 гг., подчеркивая значение на каждом из них занятых противниками территорий [Зимин 1991: 198–200]. В его оценках позиция населения признавалась активной: «В борьбе Василия II с галицкими князьями, во всяком случае на первом этапе, т. е. до конца 1446 г., горожане Северо-Восточной Руси поддерживали князя Юрия и его сыновей. Это можно сказать не только о северных городах, находившихся в сфере влияния Галича, но и о посадских людях, во всяком случае о гостях и суконниках Москвы» [Зимин 1982: 86]. Хотя авторская концепция Зимина не привела к отказу от сложившегося в исторической науке видения эпохи и от самого понятия «феодальная война», но она получила отклик среди исследователей и поставила новые вопросы в изучении темы [Дворниченко, Кривошеев 1992: 57–62; Ковин 1994: 57–62].

Можно прийти к заключению, что в последние десятилетия процесс образования единого Русского государства, одним из важнейших этапов которого были княжеские усобицы второй четверти XV в., стал рассматриваться в двух направлениях: как сложение московского великокняжеского деспотизма наподобие восточной монархии и как создание земского и служилого государства.

Согласно концепции «восточного деспотизма» понятие «феодальная война второй четверти XV в.» продолжает нести свое

смысловое значение. События уособицы рассматриваются как столкновение великого князя с удельными вассалами в целях узурпации и централизации власти в государстве. Объединительная политика московского великого князя характеризуется как жесткая, построенная преимущественно на силовых методах [Власть и реформы 1996: 23; Кобрин 1985: 198, 216–218; Кобрин, Юрганов 1991: 54–64; Милов: 1998: 571]. Авторами, придерживающимися такого взгляда, признается, что на Руси «достаточные социально-экономические предпосылки для складывания единого государства отсутствовали» [Горский 1999: 345]. Такой подход определяет и анализ уособиц княжения Василия II как событий, прежде всего обусловленных не внутренними, а внешними причинами. А. А. Горский в статье энциклопедического издания представляет ход «междоусобной борьбы в Московском великом княжестве» времени Василия II в исключительной зависимости от взаимоотношений с Литвой и набегов татар [Горский 2004: 281].

Другое крупное направление в современной российской историографии рассматривает образование единого Русского государства как эволюцию традиций народоправства и вечевой демократии, переживших время монгольской зависимости и претворившихся в земские традиции русского общества времени складывания единого государства. Исходя из позднего зарождения феодальных отношений на русской почве и отсутствия острого антагонизма между классами общества, пронизанного волостным единством и идеей службы, исследователи пришли к выводам о постепенном переходе от прежних государственных структур — городов-государств — к власти сильнейшей городской общины Москвы [Кривошеев 2003: 399–400], а также к созданию служилого государства [Михайлова 2003: 4–5]. В их работах термин «феодальная война» заменяется определением «смута второй четверти XV в.». Это понятие характеризует уособицы второй четверти XV в. в качестве разнопланового процесса, захватившего широкие слои общества.

А. Ю. Дворниченко и Ю. В. Кривошеев предложили рассматривать события княжения Василия II второй четверти XV в., уделяя ключевое внимание позиции городских общин, и расценивать их как «один из всплесков вечевой демократии» [Дворниченко,

Кривошеев 1992: 9]. Также точка зрения И. Б. Михайловой оказалась близка выводам С. Б. Веселовского о большой роли в этом противостоянии боярства и всего служилого класса [Веселовский 1969: 509]. Историк сделала вывод о том, что на протяжении усобиц «служилое общество» «опробовало три разные формы государственной власти: 1) правление бояр, затем 2) занявших Москву удельных князей и 3) формировавшееся самодержавие великого князя московского» [Михайлова 2004: 7]. Выбор был сделан в пользу последней.

В современной исторической науке идет поиск определения, которое заменило бы понятие «феодальная война». Для обозначения событий второй четверти XV в. в литературе последнего времени помимо «смуты» используются определения «династическая война», «династический кризис» [Кинев 2003: 152; Селезнев 2006: 85]. В некоторых случаях понятие «феодальная война» продолжает употребляться, хотя за ним уже не признается его прежнее содержание [Синелобов 2003].

Но не теряет своего значения и важнейшее направление в отечественной исторической науке — изучение условий и предпосылок возвышения Москвы. Оно непременно включает в себя исследование времени Василия II Темного. Это хорошо отражено в научной деятельности известного современного историка Н. С. Борисова [Борисов 2003; 2011]. Он использовал в своих книгах понятия «московская война второй четверти XV века» [Борисов 2003: 19] и «московская усобица» [Борисов 2003: 19; 2011: 32].

Понятие «московская усобица 1425–1453 гг.» было закреплено энциклопедической статьей В. Д. Назарова в Большой российской энциклопедии. Автор разделил ход событий на четыре этапа: февраль 1425 г. — июнь 1434 г.; июнь 1434 г. — май 1436 г.; июнь 1436 г. — ноябрь 1445 г.; февраль 1446 г. — июль 1453 г. [Назаров 2013: 267–272]. Чрезвычайно важным в подходе историка стало то, что он четко обозначил последствия усобицы для различных сфер жизни Русского государства, особенно в области удельного управления и служилых отношений.

Современные тенденции в российской исторической науке ведут к переосмыслению социологизированных подходов советских историков, увеличению числа работ, посвященных локальной про-

блематике процесса создания единого государства в XV в. В настоящее время исследователи все чаще обращаются к особенностям развития отдельных городов и областей, этнической истории. В их работах находит место освещение уособиц между галицкими князьями и Василием II, развернувшихся на огромном пространстве Северо-Восточной Руси [Авдеев 2001; Мазуров 2001; Свечников 2002; Котляров 2005].

Безусловно признавая масштабность уособиц второй четверти XV в., заметим: определяющая роль в династическом конфликте тем не менее была отведена Москве и ближайшим к ней городам-землям. Именно от позиции москвичей и их соседей зависела судьба соперничавших представителей правящей династии.

МОСКВА И КОЛОМНА

Усиление Москвы в XIV–XV вв. было тесно связано с общими тенденциями развития земель Северо-Восточной Руси после монголо-татарского нашествия. Политика Московских князей не только отвечала передовым и насущным задачам русского общества, но и обладала «новыми подходами и принципами» для их решения [Борисов 1999: 371].

В XIV в. возобновили свое действие старые механизмы формирования древнерусской государственности, построенные на укреплении городских общин, их соперничестве в борьбе за власть и статус лидера общегосударственного объединительного процесса².

В начале XX в. М. Ф. Владимирский-Буданов критиковал взгляд на историю Москвы и Великого княжества Литовского как на политико-территориальные образования, «не связанные ничем генетически с прежним государственным устройством Древней Руси» [Владимирский-Буданов 1900: 110]. Он писал о «прямой связи преемственности» Московского государства с предшествующим периодом русской истории [Владимирский-Буданов 1900: 115]. В работах современных авторов было показано, что развитие земель Северо-Восточной Руси и Великого княжества Литовского в XIII–XIV вв. во многом зависело от прежних политических

² М. Ф. Владимирский-Буданов считал, что перемещение великокняжеской власти из Владимира в Москву «означало лишь новую победу пригорода над старшим городом подобно тому, как в XII в. город Владимир отеснил собою Ростов и Суздаль» [Владимирский-Буданов 1900: 117].

традиций, продолжила свое существование и система городов-государств [Дворниченко 1993: 206–209; Михайлова 1996: 75–78; Кривошеев 2003: 338–378].

Города-государства XIII–XIV вв., в их числе и Московская земля, возникали в иных обстоятельствах, чем в древнерусский период, росли «на окраинах древней Суздальщины», но их становление шло по тем же законам. Историк XIX в. И. Д. Беляев именно в сохранении древнерусского земского устройства видел успехи усиления Москвы: «Земщина собственно поставила Московское княжество в такое положение, что оно из младшего и слабейшего в продолжение каких-либо ста лет сделалось первым и сильнейшим во всей Северо-Восточной Руси» [Беляев 2004: 68].

Со времени монгольского нашествия и до начала XIV в. в Северо-Восточной Руси возникло много новых земель с самостоятельной княжеской властью разросшегося потомства Всеволода III [Любавский 1929: 30–31; Кучкин 1984: 121; Горский 1996: 42]. Этот процесс, вероятно, был вызван необходимостью политического и экономического восстановления страны. Н. С. Борисов писал о том, что потеря Москвой в XIII в. роли военного форпоста, затухание торговых путей и жизни в Рязанской земле представляло угрозу для существования Москвы: «Спасти город от полного запустения можно было, лишь превратив его в удельный центр» [Борисов 1999: 66].

С 1328 г. великокняжеский стол почти непрерывно занимали московские князья. Московская земля к концу XIV в. стала наиболее влиятельным политическим образованием Северо-Восточной Руси.

Множество факторов, выделенных исследователями, сплелось воедино в истории возвышения Москвы и Московской земли [Станкевич 1834: 42; Забелин 1881: 764; Любавский 1909: 71–72] (подробный анализ историографии «возвышения Москвы» представлен в работе Н. С. Борисова [Борисов 1999: 10–64]). Еще во время дискуссий середины XX в. С. В. Юшков отмечал, что возвышение Москвы «всегда будет предметом обсуждения в исторической науке» [Юшков 1946: 55]. Наиболее полно этот вопрос был разработан в XIX в. В. О. Ключевским, который воспринимал успехи Москвы как единство политических и социально-экономи-

ческих причин (экономические выгоды географического положения, значение церкви, политика московских князей) [Ключевский 1988: 8–26]. Его концепция отразилась на всей последующей историографии XX в. [Мавродин 1939: 72; Тихомиров 2003: 126–129; Черепнин 1960: 456–459], хотя и возникали отдельные попытки отхода от ее положений [Смирнов 1946: 55–90; Зимин 1991: 191–211; Гумилев 2004: 142–151]. В наши дни обращение к теме приводит к переосмыслению ряда выводов В. О. Ключевского [Борисов 1986; Кривошеев 1992: 40–51; Горский 1997: 1–9; Аверьянов 2001], но неизменным остается признание тесной связи двух процессов в строительстве политического и национального могущества Москвы: «Один процесс расширял территорию и внешнее влияние этого княжества, другой собирал элементы верховной власти в лице старшего из московских князей» [Ключевский 1988: 40].

В XIV в. становление Московской земли прошло несколько этапов. Первый период может быть определен временем формирования основного ядра Московской земли, складыванием самого города-государства. За первую половину XIV в. Москву окружили города-пригороды (Коломна, Переславль, Можайск, Звенигород и др.), в результате административного освоения территорий увеличилось число волостей³. А. М. Сахаров справедливо писал о том, что «нельзя не отметить и общего подъема городской жизни в Московском княжестве, на фоне и в связи с которым проходило быстрое выдвижение Москвы» [Сахаров 1959: 84].

Завещание Ивана Калиты подвело итог образованию Московской земли, впервые очертило ее границы [ДДГ: 7–11 (№ 1)]. Его духовные грамоты установили «фундаментальные основы политической системы Московского княжества» [Алексеев 1987: 98] (см. также: [Данилова 1994: 204]). По-видимому, правление Калиты открыло возможность для нового процесса — сращивания Московской земли с территориями великого княжения Владимирского.

Следующий период политического и территориального становления Московской земли растянулся на длительное время. Москва

³ Анализируя состав поселений, указанных в грамоте Ивана Калиты, А. А. Юшко пришла к выводу, что из 37 пунктов завещания «более 70 % великокняжеских поселений являются новообразованными» [Юшко 2002: 203].

присоединяла города, потерявшие свои связи с прежними политическими центрами, также ей было необходимо сломить независимость крупных городов-государств, выросших, подобно ей самой, в XIV в. А. А. Горский писал об этих изменениях: «Со второй половины столетия процесс консолидации северо-восточных русских земель с центром в Москве начинает брать верх и становится необратимым» [Горский 1996: 47].

Завещание Дмитрия Ивановича Донского [ДДГ: 33–37 (№ 12)] (см. также: [Алексеев 1987: 104–107]) стало следующим важным шагом после духовной Ивана Калиты. Оно показало, что определенные результаты на этом этапе усиления Москвы были уже достигнуты. В духовной грамоте 1389 г. отразилась не только большая забота о землях и имуществе, но и о судьбе великого княжения в Москве. Князь распорядился «своею отчиною, великим княжением», отдавая власть по наследству старшему сыну. В завещании также оговаривался переход владений великого князя в случае его смерти старшему в роде Даниловичей: «А по грехом, отъимет Бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мои, ино тому сыну моему княж Васильев оудел...» [ДДГ: 33 (№ 12)]. Исследователи связывали это условие с разными обстоятельствами как внешнеполитического, так и внутривнутриполитического характера⁴. Дискуссионными до сих пор остаются вопросы, вводил ли Дмитрий Донской своим завещанием новую систему наследования и какие цели он преследовал этим распоряжением [Александров и др. 1995: 83–84; Кучкин 2001: 166; Фетищев 2003: 48–51; Кинев 2002: 54–59; Веденева 2004: 235–239].

Каждый наследник Дмитрия Донского был наделен комплексом владений, делящимся на три категории: Москва, Московские земли и «примыслы» [Фетищев 2003: 45–47]. В категории последних, отошедших младшим сыновьям Дмитрия Ивановича,

⁴ Л. В. Черепнин считал, что статья была вызвана женитьбой наследника на Софье Витовтовне и опасениями Дмитрия Донского за национальную независимость [Черепнин 1947: 264–265]. Большинство исследователей полагали, что статья предусматривает неделимость самого крупного владения московских князей в случае бездетной смерти великого князя [Соловьев 1988: 371; Экземплярский 1889: 122; Пресняков 1998: 134; Зимин 1991: 8–9; Алексеев 1992: 6; Фетищев 2003: 51].

впервые были названы «купли деда» Ивана Калиты: Галич, Углич, Белоозеро⁵ [ДДГ: 34 (№ 12)]. Бесспорно, присоединение «купель» Калиты к Московской земле свидетельствовало об успехах собирания территорий Северо-Восточной Руси в единое государство. Но происходило это еще в очень осторожной форме, они не пополнили состав великокняжеских земель, а перешли под власть местных князей московской династии. Это, вероятно, базировалось на стремлении соблюсти их некую территориально-политическую независимость.

Н. Е. Веденева отмечала скрытые политические цели, заложенные Дмитрием Ивановичем в своем последнем завещании: «Младших сыновей он наделяет уделами, расположенными в западной части княжества на границе с Литвой и Тверью. Имея такое грозное соседство, они должны были самым тщательным образом заботиться о безопасности границ своих уделов, а объективно границ всего Московского княжества. Кроме того, обладание далеким Белоозером, Галичем и Угличским княжеством создавало серьезные трудности и неудобства в управлении ими» [Веденева 2005: 104]. Напротив, «отчинные» владения Василия I представляли «единый территориальный массив» [Веденева 2005: 104].

Завещание Дмитрия Донского также подтвердило третное управление столицей: «А приказываю отчину свою Москву детям своим, князю Василью, князю Юрию, князю Андрею, князю Петру» [ДДГ: 33 (№ 12)]. Василию Дмитриевичу как великому князю изначально досталось больше власти над Москвой, «двою жеребьев половина» [ДДГ: 33 (№ 12)]. Несмотря на различные взгляды исследователей на функционирование и значение третной системы [Тихомиров 2003: 238; Семенченко 1981: 196–203; Аверьянов 2002: 19], со времени Дмитрия Донского можно говорить о преобладании власти старшего наследника над столицей. Н. Е. Веденева

⁵ Вопрос купель всегда привлекал внимание исследователей. Историография темы нашла отражения в работах В. А. Кучкина и К. А. Аверьянова [Кучкин 1984: 249–252; 2001: 146–148; Аверьянов 2001: 3–18]. В последнее время были высказаны новые версии о природе купель. Ю. В. Кривошеев считал, что купли давали право лишь на сбор ордынской дани [Кривошеев 2003: 240–241]. Аверьянов связал приобретение купель с получением московскими князьями приданного за своими женами [Аверьянов 2001: 203, 210].

писала: «Налицо стремление сосредоточить в руках “старейшего князя” значительные земельные владения княжества и доходы с них» [Веденева 2005: 103].

В итоге завещания Дмитрия Донского, как делал вывод В. Д. Назаров, «сугубо формально правило равенства долей наследников соблюдено... К старшему сыну перешло Владимирское великое княжение, остальные получили по городу с уездом из числа «купель» Ивана Калиты. Ни по площади, ни по численности населения, ни по удобству расположения последние не могли сравниться с доставшимися Василию I владениями» [Назаров 2010: 403].

Время Дмитрия Донского со всей ясностью показало, что ко второй половине XIV в. в Северо-Восточной Руси «наиболее могущественным городом-государством становится Москва» [Кривошеев 2003: 399]. Лидерство земли было тесно связано с усилением княжеской власти, вылилось в открытое противоборство с выборными началами: в конце XIV в. в Московском городе-государстве была упразднена должность тысяцкого⁶ [Фроянов 2001: 901]. Договор Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским 1389 г. установил служебные отношения последнего с великим князем [Хорошкевич 1980: 172] (см. также: [ДДГ: 31–32 (№ 11)]).

Постоянное усиление великокняжеской власти и расширение московских границ продолжилось и во время Василия I. К Москве были присоединены Мещера, Муром, Таруса, куплен ярлык на Нижегородскую землю. Но при Василии Дмитриевиче осложнились и внутрисемейные отношения Даниловичей.

В своей второй духовной грамоте Василий I оформил передачу великокняжеского стола сыну, что, по мнению современных исследователей, стало ломкой традиций и главным образом подготовило почву для междоусобной борьбы [ДДГ: 58 (№ 21); Кинев 2003: 162; Веденева 2004: 237]. Возможно, данное условие завещания вызвало конфликт Василия I с младшим братом князем Константином Дмитриевичем, последний бежал в Новгород и был лишен удела⁷. Также А. Е. Пресняков полагал, что выступление Юрия Дмитриевича

⁶ Подробнее об этом см. с. 127–132.

⁷ Василий I «въсхоте подписати под сына своего Василья брата своего меньшого Константина. Князь же Константин не восхоте сотворити воли его, и про то отня у него вотчину» [ПСРЛ, т. XXV: 244]. См. также: [Зимин 1958: 292–293].

ча против племянника по смерти старшего брата «не было неожиданным: оно являлось только завершением тех притязаний и отношений, какие сложились ранее» [Пресняков 1998: 262].

О сложности хода объединительного процесса, нашедшего выражение в межкняжеских отношениях конца XIV — начала XV в., дает представление нумизматический материал. Есть основания предполагать, что Василий I откладывал образование уделов своих братьев, стеснял политические полномочия наиболее сильных из местных князей: Владимира Серпуховского и Юрия Звенигородского [Федоров-Давыдов 1981: 82–84; 1989: 219–221].

Хотя ко второй четверти XV в. Москва приняла на себя роль центра земли, выступающего во главе общерусского объединительного процесса, но построенный ею политический союз был еще недостаточно окрепшим.

Н. П. Павлов-Сильванский отмечал: «Присоединение к Москве того или иного княжества часто было номинальным или неполным» [Павлов-Сильванский 1988: 475]. Для первой половины XIV в. К. А. Аверьяновым была показана сложная структура внутреннего устройства земель Северо-Восточной Руси, присоединенных к Москве в конце XIV в. [Аверьянов 2001: 213]. С. А. Фетищев писал, что на территории, подвластной Василию I, «царила пестрота различных форм управления и властвования» [Фетищев 2003: 126]. Таким образом, вполне возможно, что в управлении «куплями» и землями, присоединенными к Москве в конце XIV в. и в XV в., продолжали играть большую роль неизжитые представления о самостоятельном статусе городов-государств. Население этих земель могло видеть в местной власти силу, независимую от московского великого князя.

Москва как город во второй четверти XV в. все еще переживала период становления в своем новом качестве столицы единого государства. События княжения Василия II Темного показали, что существовало несколько факторов, объективно ослаблявших ее положение.

Данные археологических раскопок дают основания предполагать о расхождении высокой политической роли Москвы и уровня ее городского развития: «...малая площадь основного городского поселения не соответствует тому значительному положению, которое

в XIV–XV вв. имела Москва как столица растущего государства» [Бойцов 1992: 93–94]. Москва «по своему архитектурному и градостроительному масштабу вплоть до конца XV в. выглядела как удельный город, вотчинная резиденция великого князя» [Русское градостроительное искусство 1993: 206]. Возможно, что на период второй четверти XV в. город не обладал внушительным собственным ополчением, существенно превосходящим то, которое мог собрать местный князь крупного центра Северо-Восточной Руси.

Управление Москвой при Василии II продолжало оставаться совместным и было распределено между представителями всего рода Даниловичей. По этому поводу Ю. Г. Алексеев писал: «Средневековое общественное сознание высоко ценило традицию. После Ивана Даниловича все его потомки исходили из “третьего” деления Москвы» [Алексеев 1992: 12]. Наряду с управлением великого князя в столице были расположены дворы удельных князей, имевших свой административный аппарат для получения доходов, управления и суда. Князья могли длительное время жить в Москве, а не в своих уделах. В источниках особое внимание уделено внутренней жизни Москвы, это позволяет сделать вывод о большой роли в ней различных представителей династии Даниловичей [ДДГ: 31–32 (№ 11), 33 (№ 12)] (см. также: [Кучкин 1988: 171–183; Семенченко 1981: 200–203]).

На протяжении XIV — первой половины XV в. «устройство Московской земли оставалось еще во многом в рамках городогосударства» [Кривошеев 2003: 400]. Периодические набеги монголо-татар, связанные с ними моменты безвластия невольно заставляли москвичей вспоминать о традициях вечевого самоуправления⁸ [Кривошеев 2003: 375].

После смерти Василия I при его малолетнем сыне великом князе Василии II было сформировано правительство. Как и в 1359 г., церковная власть и московское боярство поддержали несамостоятельного наследника. Это было обеспечено завещанием великого князя, в котором оговаривался переход власти к сыну и фиксиро-

⁸ Крупные вечевые волнения в городе вызвал, в частности, набег хана Тохтамыша в 1382 г.

вался круг его опекунов и сторонников в качестве исполнителей духовной грамоты [ДДГ: 60–62 (№ 22)].

Во главе московского правительства стали мать Василия II Софья Витовтовна, дочь правителя Великого княжества Литовского, также выступившего в числе поручителей выполнения воли Василия I⁹, митрополит Фотий, обладающий верховной церковной властью, и боярин Иван Дмитриевич Всеволожский.

Конец XIV — начало XV в. ознаменовались возвышением бояр Всеволожских у московского престола [Фетищев 2003: 66–67]. Ряд исследователей (за исключением А. А. Зимина) считали, что И. Д. Всеволожский мог занимать должность большого московского наместника¹⁰ [Тихомиров 2003: 219; Семенченко 1981: 205; Михайлова 2004: 8]. Вероятно, после 1433 г. эту должность исполнял Юрий Патрикеевич.

В круг сторонников Василия II вошли Андрей и Петр Дмитриевичи, младшие сыновья Дмитрия Донского, владевшие Можайском и Дмитровом, сыновья серпуховского князя Владимира Андреевича — Семен Владимирович и Ярослав Владимирович. Московскому правительству пришлось взять на себя решение внутривосточных и внешнеполитических задач¹¹.

В условиях ухудшения отношений Василия II с Юрием Дмитриевичем (отказ от поездки в Москву, бегство из Звенигорода в Галич, уклонение от заключения мира) политика окружения великого князя была направлена на избежание открытого конфликта со звенигородским князем и сплочение других дядей вокруг Василия Васильевича. От позиции младших сыновей Дмитрия Донского мог напрямую зависеть исход политического противостояния, так

⁹ О взаимоотношениях Москвы и Литвы в 20-е годы XV в. см.: [Иванов 1999: 80–109].

¹⁰ А. А. Зимин считал, что наместником великого князя в 20–40-е годы XV в. был Юрий Патрикеевич [Зимин 1974: 277].

¹¹ Сторонникам великого князя пришлось добиваться признания его власти Великим княжеством Литовским и Ордой, что вылилось в ряд дипломатических визитов. Митрополит Фотий совершил поездку в Великое княжество Литовское в 1430–1431 гг. Иван Дмитриевич Всеволожский сыграл судьбоносную роль в решении тяжбы о великом княжении в Орде.

как на них великим князем возлагалось выполнение военных задач.

В. Н. Бочкарев и Л. В. Черепнин исходили из возможности наличия сговора младших братьев Юрия Дмитриевича против Василия II в начале его правления [Бочкарев 1944: 18; Черепнин 1960: 746]. Поводом к такому предположению послужили их неудавшиеся попытки настичь Юрия Дмитриевича в военных походах 1425 и 1430 гг.¹² А. А. Зимин считал, что свидетельства летописи передают не реальную ситуацию, а придворные слухи [Зимин 1991: 34].

В управлении Москвой уступкой удельным князьям послужила судебная реформа Софьи Витовтовны и Ивана Всеволожского, ограничившая право суда великокняжеского наместника за счет увеличения полномочий представителей удельных князей¹³. Свидетельство о реформе сохранил памятник судопроизводства 50–60-х годов XV в.: «По старине бывало, что вси дворы и дворцовыи великие кнеини и удельных князеи всих суживал наместник большеи, судии за ними не бывало; а учинила то кнеини великая Софья при Иоанне при Дмитриевиче, что судья за ними ставится»¹⁴. Но можно предположить, что эти меры были вызваны не только политическими мотивами, борьбой с Юрием Звенигородским, на которые указывали в своих работах А. А. Зимин и Л. В. Черепнин [Черепнин 1960: 755; Зимин 1991: 55–56].

Реформа могла быть продиктована условиями, неизбежно ведущими к вынужденному рассредоточению верховной власти

¹² Князь Андрей в 1425 г. не преследовал скрывшегося за Сурой Юрия Дмитриевича — «не дошед воротился» [ПСРЛ, т. V: 263; т. VI, вып. 2: 51–52; т. XXVII: 268, 342]. По данным Устюжской летописи, он сделал это «норовя брату своему большему» [ПСРЛ, т. XXXVII: 84]. По другой версии, Константин Дмитриевич не перешел Суру в погоне за Юрием Дмитриевичем [ПСРЛ, т. XXV: 246; т. XXVI: 183; т. XXVII: 100; т. XII: 2]. Есть свидетельства того, что и в 1430 г. Константин совершил неудачный поход против звенигородского князя [ПСРЛ, т. VI: 53; т. XXIII: 146–147].

¹³ Историография вопроса изложена в статьях А. Л. Хорошкевич и И. Б. Михайловой [Хорошкевич 1978: 193–194; Михайлова 2004: 8].

¹⁴ Запись о душегубстве [ППП, вып. 3: 168]. Общепринятая датировка этого памятника — 16 июля 1456 — 27 марта 1462 г. [ППП, вып. 3: 200]. А. Л. Хорошкевич считала его не самостоятельным документом, а приложением к докончанию 1435 г., заключенному между великим князем Василием II и Василием Косым [Хорошкевич 1978: 197].

над городом. В начале княжения Василия II население Москвы и окрестностей оказалось истощено эпидемиями чумы 1425 г. и оспы 1427 г., последствиями голода, связанного с экстремальными природными явлениями первой трети XV в. [Васильев, Сегал 1960: 36–38; Борисенков, Пасецкий 1983: 91–95]. На 1426–1427 гг. пришлось усиление волны эпидемий: «...опять бысть мор во всех градах Руських велик зело» [ПСРЛ, т. V: 263] (см. также: [ПСРЛ, т. XXV: 247; т. XXVII: 268; т. XII: 7]). Князь и митрополит были вынуждены временно покинуть столицу, скрываясь во Владимирской земле и подмосковных селах. Московское правительство в лице Софьи Витовтовны и Ивана Всеволожского, вполне вероятно, имело необходимость рассчитывать на привлечение младших сыновей Дмитрия Донского к управлению городом, поэтому и стремилось наделить их большими правами в городском судопроизводстве¹⁵.

Около 1425 г. Н. Д. Мец приписывала правительству Василия II проведение «грандиозной денежной реформы, цель которой состояла в подчинении всего монетного дела великому князю» [Мец 1974: 47]. В унификации денежного дела в Москве и появлении двуименных монет исследовательница видела «знак признания прав Василия II со стороны Андрея Дмитриевича, Петра Дмитриевича, Семена Владимировича и Ярослава Владимировича» [Мец 1974: 48].

Однако прекращение местного чекана могло также стоять в прямой зависимости от удручающего экономического положения подвластных местным князьям территорий. Г. Б. Федоров писал о тесной связи между неустойчивой по сравнению с Москвой материальной базой удела и выпуском монет [Федоров 1949: 184]. Денежная реформа и изменение в судопроизводстве должны были подчеркнуть значимость института соправительства для рода Даниловичей, сплотить младших дядей великого князя и заручиться

¹⁵ Практика управления городом другими третниками Москвы при отсутствии великого князя была довольно распространена. В 1408 г. с москвичами в осаду сели Владимир Андреевич и братья Василия I Андрей и Петр [ПСРЛ, т. XXV: 238]. В условиях ухудшения эпидемиологической обстановки после нашествия татар в 1439 г. Дмитрий Юрьевич Красный замещал Василия II на московском великокняжеском престоле [ПСРЛ, т. XXIII: 150].

их поддержкой в неблагоприятных условиях начала правления Василия II.

В период конфликта с Василием II Юрий Дмитриевич дважды овладевал Москвой, чего нельзя сказать о его сыновьях¹⁶. Воспользовавшись помощью Ивана Всеволожского и сыновей Василия Юрьевича и Дмитрия Шемяки, Юрий Дмитриевич собрал войско, оказавшееся способным на берегах р. Клязьмы 25 апреля 1433 г. разбить соединения Василия II и Василия Ярославича Серпуховского. Москвичи выступили в этом сражении не лучшим образом. Городовое ополчение, которое, видимо, только и успел собрать великий князь, было невелико («князь же великы выиде противу ихъ не во мнозе, и побився мало» [ПСРЛ, т. XXIII: 147]), не отличалось дисциплинированностью («от москвич не быть никоея помощи мнози бо от них пьяни бяху, а с собой мед везяху, что пити еще») [ПСРЛ, т. XVIII: 173; т. XXV: 250; т. XXVI: 189; т. XXVII: 104]. Современный исследователь С. Л. Кинев считал, что это летописное замечание «следует воспринимать скептически» [Кинев 2003: 170]. Нежелание москвичей биться с звенигородским князем он объяснял принципиальной позицией: «...в массовом сознании законным великим князем был Юрий, а не его племянник» [Кинев 2003: 170].

После поражения Василий II двинулся в Тверь, «яко не бе ему ни откуда помощи» [ПСРЛ, т. XXV: 250]. Жители Москвы не считали возможным или необходимым оказать сопротивление надвигающимся галичанам Юрия Звенигородского. В. Н. Бочкарев красноречиво замечал: «Давать новый бой Юрию Дмитриевичу под своими стенами Москва не могла, а может быть, и не хотела» [Бочкарев 1944: 24]. Захват Москвы после битвы на Клязьме 25 апреля 1433 г. летописи характеризуют скупой: «А князь Юрьи пришед на Москву седе на великое княжение» [Бальзеровский список: л. 300 об.; ПСРЛ, т. XXIII: 147; т. XXV: 250; т. XXVI: 189; т. XXVII: 104].

¹⁶ Василий Косой ни разу не захватывал Москвы, Дмитрий Красный правил в городе с разрешения великого князя в 1439 г. Дмитрий Шемяка смог овладеть столицей в 1446 г. при кризисных обстоятельствах.

К этому ставшему триумфальным выступлению на Москву 1433 г. Юрия Дмитриевича склонил («начат подговаривати») боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, который недавно бежал от Василия II к звенигородскому князю. Будучи опытным политиком, он считал возможным утверждение на престоле местного князя, который, в отличие от Василия II, мог еще нуждаться в его помощи и влиянии. К тому же с этой ветвью наследников Дмитрия Донского он сумел породниться¹⁷. Недовольство в правящих боярских кругах всевластием Всеволожского, видимо, привело к перевороту, в результате которого он потерял прочные позиции у великокняжеского престола¹⁸. О напряженных отношениях в боярских кругах свидетельствовала и встреча боярина с послами великого князя Федором Андреевичем Лжой и Федором Григорьевичем Товарко у Троицкого монастыря, когда «бысть межи их, обоих бояр, брань велика» [ПСРЛ, т. XXVI: 189].

Но и с приходом к власти Юрия Дмитриевича разногласия в боярской среде не утихли. Ближайшим советником при Юрии Дмитриевиче в Москве стал не Иван Дмитриевич Всеволожский, а Семен Федорович Морозов. Ему принадлежала роль посредника в заключении мира между князьями [ПСРЛ, т. V: 265; т. VI: 65; т. XXIII: 147; т. XII: 18]. В Никоновской летописи, содержащей рассказ о ссоре И. Д. Всеволожского и С. Ф. Морозова, последнему вменяется в вину инициатива передачи Коломны Василию II¹⁹. После отхода Коломны Василию Васильевичу последовала кризисная для Юрия Дмитриевича ситуация — массовый отъезд служилых людей к великому князю. Такой поворот событий окончательно расколол лагерь сторонников звенигородского князя, настроил большинство против С. Ф. Морозова. Возможно, что среди беглецов были и те, кому не понравился приход к власти этого бояри-

¹⁷ Внучка И. Д. Всеволожского была выдана замуж за Василия Юрьевича, сына Юрия Дмитриевича Звенигородского [ПСРЛ, т. XXV: 250].

¹⁸ С. Б. Веселовский и А. А. Зимин допускали существование заговора в боярской среде против И. Д. Всеволожского [Веселовский 1969: 510; Зимин 1991: 53–54].

¹⁹ «Иван же Дмитриевич вознегодова о сем и не любо бысть ему сие зело, что простыню дает ему, еще же и удел хочет дати ему, и не точию един Иван Дмитриевич, и инии мнози бояре и служи разъяришася о сем и не любо им бысть сие всем» [ПСРЛ, т. XII: 18].

на: «...и поидоша съ Москвы на Коломну безпрестани, отъ мала и до велика, понеже не любо имъ бысть всемъ на любовника княж Юрьева на Семена Морозова» [ПСРЛ, т. XII: 18]. Л. В. Черепнин предложил версию о том, что Морозов действовал как глава заговора в целях восстановления на престоле Василия II [Черепнин 1948: 111].

А. А. Зимин считал, что пожалование Коломны «отвечало политической программе Юрия Дмитриевича, воскрешало старину» [Зимин 1991: 59]. По его мнению, это соответствовало духовной Дмитрия Ивановича: «...традиция повелительно требовала, чтобы удел, преданный князем Дмитрием своему наследнику престола (Василию I), оставался за его сыном»²⁰ [Зимин 1991: 59]. А. Е. Пресняков считал соединение Коломны и великого княжения «новой чертой московского княжого права», ведущей к «слиянию преемства в великокняжеской власти и вотчинного наследования по “ряду” отца, великого князя» [Пресняков 1998: 263]. О наличии такой крепкой связи между Коломной и Москвой, великокняжеским стольным городом, свидетельствует вся их история в XIV в.

Коломна, впервые описанная в летописи в 1177 г., возникла как населенный пункт на пути из Владимира в Рязань и, видимо, должна была контролировать торговые пути [ПСРЛ, т. I: стб. 383] (см. также: [Тихомиров 1956: 420]). Присоединение Коломны в начале XIV в. стало важным этапом в формировании Московской земли²¹. Стратегическая ценность этого региона предопределила вхождение Коломны, наряду с Можайском, в часть старшего наследника Ивана Даниловича Калиты — князя Семена [ДДГ: 7 (№ 1)] (см. также: [Любавский 1929: 138]). Неразрывность владения Москвы и Коломны прослеживается с тех пор во всех завещаниях московских князей XIV–XV вв. [ДДГ: 15 (№ 4), 33 (№ 12), 55 (№ 20), 57 (№ 21), 60 (№ 22)]. А. А. Юшко писала: «Коломна никогда не выпадала в удел, всегда входя в состав великокняжеского домена...» [Юшко 1991: 91–92].

²⁰ С этим мнением согласился и Н. С. Борисов [Борисов 2003: 38].

²¹ Вопрос присоединения Коломны к Москве проанализирован А. Б. Мазуровым [Мазуров 2001: 92–99, 320].

Коломна стала вторым по значению городом Московской земли со всеми вытекающими отсюда последствиями. К XIV в. относится древнейшее ядро укреплений Коломны [Мазуров 1997: 223]. В середине XIV в. в городе была учреждена епархия, активно велось каменное строительство [Воронин 1949: 217–236]. Тесная связь Коломны и Москвы свидетельствовала о сохранении древнерусских традиций во внутреннем устройстве Северо-Восточной Руси, «земском подчинении меньших общин большим» и «земской связи» между городами одной земли [Беляев 2004: 65].

Оформление московско-коломенского единства может отдаленно напоминать столичный дуализм древнерусских земель²². А. А. Юшко отмечала, что Коломна обладала особой ролью в Московской земле: «Если во всех духовных грамотах московских князей Москва именуется “отчиной” и “вотчиной”, то из числа прочих московских городов только Коломна имеет такой же статус» [Юшко 2002: 19]. О «столичной» роли Коломны может свидетельствовать и то, что она в 1366 г. была выбрана местом бракосочетания Дмитрия Донского с дочерью суздальско-нижегородского князя Евдокией [ПСРЛ, т. XII: 7].

Через Коломну лежала водная и сухопутная дорога в Орду, наряду с Серпуховом, в XIV–XV вв. она играла немаловажную роль военного форпоста [Веселовский 1962: 72; Сахаров 1959: 106]. А. М. Сахаров утверждал: «Главным, однако, было военно-стратегическое значение Коломны, и это заставляло московских князей принимать меры к укреплению и развитию города» [Сахаров 1959: 102].

Передача Коломны Юрием Дмитриевичем Василию II могла быть решением, принятым в духе сохранения традиций соправительства, заложенных Иваном Калитой, это должно было также обеспечивать внешнюю безопасность московских рубежей.

Разделение Москвы с великокняжеским столом и Коломны, традиционно имевшей статус великокняжеского города, в принципе, могло произойти. Выделение крупной городской общины, второй столицы, в центр новой самостоятельной земли было

²² А. Б. Мазуров сравнивал Коломну с Белгородом Киевской Руси [Мазуров 2001: 326].

характерным явлением для истории городов-государств Древней Руси. Но, как показали дальнейшие события, эти центробежные тенденции уже оставались в далеком прошлом и были неприемлемы на путях развития Московской земли.

В 1433 г. Юрий Дмитриевич отпустил Василия II в Коломну и «всехъ бояръ его с ним» [ПСРЛ, т. XII: 18]. Безусловно, что ко второй четверти XV в. в Москве сложился аппарат управления великого князя. Он был ориентирован на службу старшей по происхождению княжеской линии династии Даниловичей.

После перехода Коломны Василию II, потерявшему московский стол, начался массовый отток людей во «вторую столицу» Московской земли. Присутствующая в летописях неопределенная характеристика беглецов — «многие люди», «от мала и до велика» — вводила исследователей в заблуждение [ПСРЛ, т. XXVI: 190; т. VI: 65; т. XXV: 251]. Историки XVIII–XX вв. часто оценивали этот отъезд в Коломну как проявление воли всех горожан или даже всего народа [Карамзин 1993: 144; Погодин 1846: 149; Забелин 1881: 761]. С. М. Соловьев, напротив, считал, что в Коломне великому князю удалось соединиться с теми вооруженными силами («боярами, воеводами, дворянами, слугами»), которые он не смог собрать перед встречей на Клязьме. Он писал, что «около Василия собрались все те, которые пришли бы к нему и в Москву по первому зову, но не успели этого сделать, потому что Юрий напал на племянника врагсплох и этому был обязан своим торжеством» [Соловьев 1988: 386].

Подробно состав тех, кто бежал в Коломну, представлен в Ермолинской летописи: «Москвичи же вси, князи, и бояре, и воеводы, и дети боярские, и дворяне, от мала и до велика, вси поехали на Коломну к великому князю, не повыкли бо служити удельным князем» [ПСРЛ, т. XXIII: 147]. Служба «галичским князьям» [ПСРЛ, т. V: 265], от которой отказывались москвичи, должна была вызвать серьезные перестановки в управлении Москвой. Это не могло не учитываться в ближайших к верховной власти кругах.

И. Е. Забелин связывал уособицы второй четверти XV в. с разделением в боярской среде, он считал, что своими успехами в захвате Москвы как Юрий Дмитриевич, так и впоследствии Шемяка были обязаны «боярской крамоле» [Забелин 1881: 760–762]. И. Д. Беляев, наоборот, именно в московском боярстве видел ос-

новых врагов галичских князей: «В Москве по характеру боярства не доверяли Юрию и ненавидели его и все его семейство; Юрий со своей стороны также не доверял московскому боярству» [Беляев 1999: 398].

С. Б. Веселовский представлял бегство в Коломну как следствие намечившегося расхождения среди бояр²³. А. Б. Мазуров полагал, что в Коломне «Василия II поддержало старомосковское боярство и его домениальный город, включая и его церковную организацию» [Мазуров 2001: 148].

Л. В. Черепнин и И. Б. Михайлова ставили во главе движения в Коломну, прежде всего, служилых людей²⁴. Так же рассматривал ситуацию и А. Л. Юрганов [Юрганов 1998: 168]. Московская боярская аристократия и формирующийся слой служилых людей не могли отказаться от своего высокого статуса, уже вполне сложившегося ко второй четверти XV в. Отъезд в Коломну был выбором московского боярства и служилых людей, теснимых двором нового правителя.

Видимо, правление звенигородского князя в период между 25 апреля и 28 сентября 1433 г. выявило серьезные противоречия между ним и аппаратом управления предыдущего владельца московского престола. Трудно согласиться с мнением, что Юрий Дмитриевич, как и после его сыновья, с «провинциальными» представлениями», попросту не смог разобраться в работе двора великого князя²⁵. Л. В. Черепнин указывал, что «московские бояре,

²³ С. Б. Веселовский писал, что «естественными союзниками великокняжеской власти были старые московские роды, так же как естественными сторонниками удельных князей были те роды, которые перешли к ним на службу или служили по вотчинам исстари» [Веселовский 1969: 514].

²⁴ «Приход в Москву удельных князей с их “двором”, члены которого были в свою очередь заинтересованы в земельных приобретениях, в повышении по службе, должен был внести дезорганизацию в эту систему, повлечь за собой перераспределение земельных фондов, перебор служилых людей» [Черепнин 1960: 759–760]. «Важнейшей из проведенных реформ было создание нового войска — детей боярских, служивших с мелких и средних вотчин. Дети боярские стали надежной опорой великокняжеской власти. Весной 1433 г. они отказались служить занявшему Москву Юрию Дмитриевичу Звенигородскому» [Михайлова 2004: 11].

²⁵ И. Б. Михайлова писала, что «ни Юрий Звенигородский, ни его сыновья за короткое время пребывания на великокняжеском столе не могли уснить

перешедшие на сторону Юрия (вроде Всеволожского), также накопили за те же годы, в которые они стояли у руководства политической жизнью Московского княжества, большой организационный опыт и пользовались авторитетом у различных групп землевладельцев и горожан» [Черепнин 1960: 758].

Невозможно представить, что Юрий Дмитриевич, долго правящий в подмосковном Звенигороде, ходивший в успешные военные походы по поручению Василия I, имевший надежную поддержку в Галиче, сформировавший сильное войско, одержавшее победу над великим князем на р. Клязьме, не обладал своим кругом бояр и служилых людей²⁶. О наличии таких людей косвенно свидетельствует договор конца XIV в. между Василием Дмитриевичем и Юрием Дмитриевичем²⁷. Служилые люди, помогавшие ему в ратном деле, должны были стать теми, на кого он мог опереться в управлении Москвой. Возглавить эту группу вполне мог С. Ф. Морозов, представитель московского боярского рода, одновременно галичский и звенигородский землевладелец²⁸. Он, вероятно, и оттеснил И. Д. Всеволожского, который немало способствовал приходу к власти Юрия Звенигородского и имел все основания рассчитывать на высокое положение у великокняжеского престола.

В Никоновской летописи представлено описание конфликта московских бояр Семена Морозова и Ивана Всеволожского [ПСРЛ, т. XII: 18]. Таким образом, Всеволожский был вынужден покинуть лагерь Юрия Дмитриевича и бежать к Василию II с надеждой на прощение [ПСРЛ, т. XXVII: 344]. Отъезд Всеволожского и убийство Морозова Василием Юрьевичем и Дмитрием Юрьевичем привели к потере контроля над ситуацией в городе звенигородским князем, и стало «непрочно ему седение на великом княжении» [ПСРЛ, т. XXIII: 147], «не остался у отца ихъ Москвичь

сложного механизма функционирования московской канцелярии» (Михайлова 2004: 11).

²⁶ О круге вотчинников, поддержавших мятежных князей, см.: [Ивина 1985: 122; Синелобов: 2003: 117–118, 125–126].

²⁷ «А боярам и слугамъ межи нас вольным воля...» [ДДГ: 40 (№ 14)].

²⁸ В начале XV в. Семен Морозов пожаловал половину варницы в Соли Галицкой Троице-Сергиевому монастырю [АСЭИ, т. I: 27]. В приданое за дочерью он отдал села Покровское и Никольское у Звенигорода [Веселовский 1969: 198].

никого» [ПСРЛ, т. V: 265]. Юрий Дмитриевич покинул Москву, заключив с Василием II мирный договор [ДДГ: 75–80 (№ 30)], но ненадолго.

А. Л. Юрганов писал: «Юрий Галицкий вынужден был уйти из Москвы и уступить власть великому князю, потому что создана была уже система власти, которая предполагала, что служить выгоднее одному роду, ибо возникла, прежде всего, корпоративная связь великого князя как представителя определенной семьи с жалуемыми служилыми людьми» [Юрганов 1998: 168–169]. Вероятно, отчасти ситуация сложилась именно так.

20 марта 1434 г. звенигородский князь снова разбил войско великого князя у Николы на Горе в Ростовской земле. На его сторону перешел бежавший в Тверь союзник Василия II Можайский князь Иван Андреевич. Соединение сил двух местных князей, имевших высокое положение среди Московской династии Даниловичей, видимо, было многообещающим, так как и в третий раз представитель мятежной галицкой семьи Дмитрий Шемяка захватил Москву с помощью Ивана Можайского.

В. Н. Бочкарев и Н. С. Борисов отмечали непростой характер решения великого князя: Василий II после поражения в битве снова не стал искать убежища в Москве [Бочкарев 1944, т. II: 45; Борисов 2003: 43]. На этот раз Василий II отъехал к Новгороду [ПСРЛ, т. XXV: 251]. Борисов писал: «Несомненно, здесь скрывалась та же причина, что погнала его прочь из Москвы после поражения на Клязьме весной 1433 года. Молодой великий князь не доверял москвичам и ожидал измены с их стороны» [Борисов 2003: 43].

31 марта 1434 г. после недели пассивной осады Юрий Дмитриевич овладел Москвой. Летописи не отразили обстоятельств боя за город. Московские источники ограничились краткой формулировкой: «город взят» [ПСРЛ, т. XVIII: 174; т. XXV: 251; т. XXVI: 190; т. XII: 20]. Софийская первая летопись и Псковские летописи лишь упомянули, что москвичи же город ему «отвориша» [ПСРЛ, т. V: 266; т. V, вып. 1: 42; т. V, вып. 2: 129]. В Бальзеровском списке Софийской первой летописи уточняется: «...князь же Юрьи Дмитриевич прииде ко граду къ Москве сража не же отвориша есмь град москвичь» [Бальзеровский список: л. 300 об.]. Ермолинская летопись отметила роль того, кто был во главе столицы и, по всей

видимости, отвечал за оборону города: «...а на святой недели городъ ему отворили в среду же, воевода был Романъ Ивановичъ Хромого» [ПСРЛ, т. XXIII: 148]. А. П. Синелобов связывал такую бескровную сдачу города Юрию Дмитриевичу в 1433 и 1434 гг. с недовольством в широких кругах москвичей пролитовской ориентацией правительства Софьи Витовтовны²⁹.

Судить о политике великого князя Юрия Дмитриевича в Москве между 25 апреля — 28 сентября 1433 г. и 31 марта — 5 июня 1434 г. крайне сложно, свидетельства о ней скупы и носят отрывочный характер. Вряд ли к политической программе можно отнести передачу Коломны Василию II, поскольку сама направленность такого решения вызывает серьезные вопросы.

У В. Н. Татищева присутствует комментарий захвата Юрием Дмитриевичем Москвы в 1433 г.: «Юрий, пришед в Москву, начат многи грабити и казнити, что ему преж не помогали» [Татищев 1996: 248]. Однако в действиях князя нет ничего неожиданного и особенного, так поступил бы любой правитель на его месте, овладевший городом соперника.

В 1434 г. Юрий Дмитриевич вел себя еще более решительно. По псковским источникам, он захватил казну великого князя [ПСРЛ, т. V, вып. 2: 129], выслал его мать и жену в Звенигород или Рузу. В этот период своего правления он стал чеканить собственную монету с изображением Георгия Победоносца [Мец 1974: 54].

Пребывая на московском престоле с 31 марта по 5 июня 1434 г., Юрий Дмитриевич заключил два соглашения с Иваном и Михаилом Андреевичами и Иваном Федоровичем Рязанским [ДДГ: 82–83 (№ 32), 83–87 (№ 33)]. На основании договоров можно вести речь об эволюции системы отношений великого князя и местных правителей. В договорной грамоте с можайским и верейским князьями великий князь Юрий Дмитриевич назван отцом, а в предшествующем договоре этих же князей с Василием II великий князь был «братом старейшим» [ДДГ: 83 (№ 32), 81 (№ 31)]. В договоре

²⁹ «Негативное отношение к правительству Софьи Витовтовны особенно ярко проявилось в событиях 1433/34 гг., когда москвичи открыли ворота князю Юрию и не стали оборонять укрывшуюся в Кремле Софью Витовтовну, а бежавший великий князь Василий Васильевич кочевал по Северо-Восточной Руси, ни где не встречая прибежища» [Синелобов 2003: 106].

с Иваном Федоровичем Рязанским Юрий Дмитриевич признан «дядей», а Василий I Дмитриевич был для рязанского князя «братом старейшим» [ДДГ: 84 (№ 33), 52 (№ 19)]. Л. В. Черепнин не выделял как-либо эти соглашения. Он писал: «Юрий Дмитриевич потребовал формального признания своей великокняжеской власти и со стороны удельных князей московского дома, и со стороны великого князя рязанского» [Черепнин 1948: 117]. А. А. Зимин, приводя в пример эти соглашения, описывал политику Юрия Дмитриевича в Москве как «решительный шаг по пути утверждения единодержавия». «Придя к власти, Юрий Дмитриевич решил перестроить всю систему взаимоотношений великого князя с союзниками и родичами» [Зимин 1991: 67].

О позиции московских горожан в правление Юрия Дмитриевича судить очень трудно. В советской историографии сложилось мнение о поддержке Василия II боярами и служилыми людьми [Черепнин 1966: 123; Зимин 1991: 57], а Юрия Дмитриевича — купечеством, однако это остается гипотезой, не имеющей надежного подтверждения в источниках.

Смерть Юрия Дмитриевича 5 июня 1434 г. подвела итог первому периоду княжеских усобиц времени Василия II. В памятниках летописания немосковского происхождения нет сомнений в легитимности пребывания Юрия Звенигородского в Москве, согласно их свидетельствам, он скончался в столице как великий князь³⁰.

Наследники Юрия Дмитриевича не могли на длительный период занять московский престол и удержать великое княжение, их действия во многом носили спонтанный характер. В какой-то мере можно согласиться с характеристикой, данной им С. М. Соловьевым: «...доведенные до отчаяния, озлобленные неудачей, Юрьевичи повинуются одному лишь инстинкту самосохранения и не разбирают средств для достижения цели» [Соловьев 1988: 388]. В. О. Ключевский писал о московской усобице: «Продолженная по смерти Юрия его сыновьями, она взволновала все русское обще-

³⁰ «Того ж лета представился князь великий Юрий Дмитриевич и положен бысть у архангела Михаила на площади» [Бальзеровский список: л. 300 об.]. «Того же лета преставился благоверный и христоробивый великий князь Юрью Дмитриевичю на Москве...» [ПСРЛ, т. XXIV: 182]. См. также [ПСРЛ, т. III: 417; т. IV: 434; т. V, вып. 1: 42; т. V, вып. 2: 130].

ство, руководящие классы которого, духовенство, князя, бояре и другие служилые люди, решительно встали за Василия. Галицкие князья были встречены в Москве как чужие и как похитители чужого и чувствовали себя здесь одиноко, окруженные недоверием и недоброжелательством» [Ключевский 1988: 43].

Сыновьям Юрия Дмитриевича также мало удалось проявить себя в управлении городом, в основном подвергавшемся ими регулярному разграблению. «Они поступали не так, как следовало бы лидерам единого государства, а так, как действуют стремящиеся к быстрому и незаконному обогащению, не задумывающиеся о будущем правители на “час”» [Михайлова 2004: 11].

Князь Василий Юрьевич провозгласил себя великим князем после смерти отца 5 июля 1434 г. и пробыл на великом княжении месяц [ПСРЛ, т. V: 266; т. XXIII: 148; т. XXV: 252]. Не получив поддержки от братьев, он был вынужден бежать. Из Москвы Василий Косой ушел, «подобрав золото и серебро, казну отца своего, и градский запас весь и пускичи» [ПСРЛ, т. V: 28]. Больше он ни разу не подступал к стенам стольного города.

Василий Юрьевич, так же как и его отец, разорял Москву. Покинув город, он захватил казну великого князя Василия II, Софьи Витовтовны и Константина Дмитриевича. В договоре весны 1435 г. великий князь требовал от мятежного князя возвращения имущества: «А что казна моя, великого князя, и моеи матери, великие кнегини, или поклажи моеи матери, что поималъ отецъ твои и что самъ еси взял, то ти мне отдати по целованию» [ДДГ: 102 (№ 36)].

Возможно, во время сидения на московском престоле Василий Юрьевич приобрел некоторое влияние над частью купечества, так как позднее они отъехали с ним в Тверь. В этом же соглашении мятежный князь давал обещание отказаться от своих недавних союзников: «А которые гости и соуконики вскоромили на тебя, великого князя, и на твою мать, великую кнегиню, да вышли с Москвы во Тверь в наше размирье, а тех ми не принимати» [ДДГ: 104 (№ 36)].

Дмитрию Юрьевичу Шемяке на короткое время удалось заручиться поддержкой части москвичей и добыть московский великокняжеский престол, но произошло это во многом под влиянием событий, подготовивших население к открытой оппозиции в отношении великокняжеской власти Василия II.

В 1437 г. в Орде произошел переворот, потерявший власть Улуг-Мухаммед был вынужден искать прибежище в верхнеокских землях [Горский 2003: 143]. Непризнание царя-изгоя, первый поход против татар повлекли за собой череду военных столкновений и разорительных набегов, серьезно отразившихся на внутренней жизни Московской земли.

Через два года после трагической Белевской битвы 1437 г. — в июле 1439 г. — Улуг-Мухаммед оказался под стенами Москвы. Великий князь покинул город, оставив руководить его обороной московского наместника Юрия Патрикеевича. Взять столицу татарам не удалось, но сильно пострадали окрестности города: «Царь же пришед под Москву и стоявъ 10 дней и поиде прочь, граду не успевъ ничто же, а зла много учини земли Русской, и идучи назад досталь Коломны пожег и людеи множество плени, а иных изсекль» [ПСРЛ, т. XXV: 260; т. XXVI: 193].

Коренным образом изменило политическую ситуацию на Руси поражение Василия II у стен суздальского Спасо-Ефимьевского монастыря 7 июля 1445 г. Захват татарами в плен великого князя был исключительным событием, таких примеров еще не встречалось в русской истории. После приезда из Орды татарина Ачисана с нателными крестами великого князя в русском обществе возникли панические настроения, навис страх иноземного ига: «...и бысть плачь великъ и рыдание много, не токмо великим княгинямъ, но и всему христьянству» [ПСРЛ, т. XXV: 263].

Через неделю после того как русские полки были разбиты татарами в Суздальской земле, в Москве вспыхнул большой пожар. Отягчающим обстоятельством было то, что в городе скопилось много пришлых людей, опасавшихся татарского нашествия и надеющихся скрыться со своим имуществом за стенами Кремля: «от многих бо градовъ множество людеи бяху тогда въ осаде» [ПСРЛ, т. XXV: 263], «казны же многи выгореша, безчисленное товара, отъ многихъ бо градовъ снесено, понеже бо въ осаде город бяше» [ПСРЛ, т. XX: 258]. Многочисленность жертв предопределило и осадное положение города: «...а людей много множество сторе, священноинокъ, и священникъ, и иноковъ, и инокинъ, и мужей, и женъ, и детей, по неже бо отвсюду огонь бе, а извне Татаръ бояхуся и воротъ городскихъ всехъ не смеша отворити...» [ПСРЛ, т. XX: 258; т. XXVI: 198].

В атмосфере безвластия простые жители города были вынуждены взять управление в свои руки: «...могущеи бо бежати оставши град бежати хотяху, чернь же совокупившесе начаша врата градная прежде делати, а хотящих из града бежати начаша имати, и бити, и ковати, и тако уставися волнение, но вси общи начаша град крепити, а себе пристрои домовной готовити» [ПСРЛ, т. XXV: 263; т. XXVI: 198].

В советской историографии события в Москве 14 июля 1445 г. было принято рассматривать как городское восстание «черни» [Сахаров 1959: 215; Черепнин 1960: 779–784; 1986: 22; Борисов 2003: 78]. На основании летописной характеристики беглецов — «могущеи» — исследователи делали вывод об уходе из города именно феодалов. Дальнейшая расправа с ними воспринималась как борьба с классовым врагом. В конце XX в. в работах петербургских исследователей наметился отход от признания классового характера выступления горожан в Москве. Так, Ю. Г. Алексеев справедливо подчеркивал, что в действиях простых горожан значительную роль должны были играть не только классовые мотивы: «Московские горожане, “чернь”, стали мужественно и организованно укреплять столицу. Они расправлялись с трусами и паникерами...» [Алексеев 1991: 30]. По мнению Ю. В. Кривошеева и И. Б. Михайловой, действия москвичей не носили антифеодалного характера, они свидетельствовали о сплочении городской общины в экстремальных обстоятельствах борьбы со стихией и ожидании набега ордынцев [Кривошеев 2003: 375–376; Михайлова 2004: 6]. Эти взгляды оказались близки к оценке московских волнений 14 июля 1445 г. Г. В. Вернадским: «Тогда как простые москвичи и до, и после этого события не играли активной роли в борьбе между Василием II и его двоюродными братьями, сейчас они первыми объединились против татарской угрозы. Очевидно, что с точки зрения их интересов не было большой разницы между тем или другим русским князем, а вот опасность порабощения иноземным захватчиком остро ощущалась всеми ими и служила стимулом для временного возрождения вечевого традициии» [Вернадский 1997: 324].

Соппротивление стихии проходило на фоне всеобщей тревоги и при отсутствии координирующего действия верховной княжеской власти: «...а граждане в велице тузе и волнении бяху». Массо-

вое бегство из Москвы могло быть вызвано тем, что жители после пожара перестали видеть в городе надежную защиту на случай татарского набега: «...а тут в граде бояхуся татар жити, а князь великий в полону у татар, открепится им не оком» [ПСРЛ, т. XX: 258].

По всей видимости, именно в предупреждение ситуации безвластия в столице Иваном Калитой задумывалось совместное владение Москвой всем княжеским родом. Но к 1445 г. система «третьего» управления городом подверглась существенным изменениям, в ходе княжеских усобиц она значительно утратила прежнюю функцию соправительства. Это напрямую зависело как от усилившегося дробления долей, так и от политического роста удельных центров, где предпочитали жить и править князья из династии Даниловичей. К июлю 1445 г. отношения великого князя с Дмитрием Шемякой были враждебными. Хотя Шемяка унаследовал от отца управление в третях Москвы, пребывать в городе и выполнять поручения великого князя он не мог. В 1440 г. умер младший брат Шемяки Дмитрий Красный, который также мог оказать Василию II помощь в управлении столицей. Михаил Андреевич Верейский был захвачен в плен вместе с великим князем. Раненый Иван Можайский и Василий Серпуховской вряд ли могли быть в Москве после бегства с поля боя из Суздальской земли. Верховная власть в городе должна была снова сосредоточиться в руках московского великокняжеского наместника Юрия Патрикеевича, занимавшего эту должность в данное время [Зимин 1974: 277]. Однако летописи не сохранили каких-либо известий о действиях Юрия Патрикеевича, которые он предпринимал для стабилизации ситуации в городе.

Вероятно, в роли представителей власти пришлось выступить княгиням — матери великого князя Софьи Витовтовне и жене Марии Ярославовне. Большинство летописей содержат свидетельства об их бегстве в Ростов: «И яко же погоревшу граду и княгини великая Софья и великая Марья и з детми и з бояры своими идоша къ граду Ростову, а граждане в велице тузе и волнении бяху, могущей бо бежати оставиши град...» [ПСРЛ, т. VI: 106; т. XXV: 263; т. XVIII: 195; т. XXVI: 198].

Исключение составляет лишь Львовская летопись, в которой содержится рассказ о том, как сход «черни» предупредил выезд княгинь: «Чернь же худые люди шедшее биша челом великой кня-

ине Софьи и Марии и прочимъ, сидети имъ съ ними, или камо хотятъ и те бежати» [ПСРЛ, т. XX: 258]. Обращаясь к этому тексту, Л. В. Черепнин отмечал: «Этот вопрос в изложении летописца звучит скорее как требование оставаться в Москве» [Черепнин 1960: 784]. Княгини передумали ехать. Видимо, московское общество не могло отпустить княгинь, единственных носительниц власти. Озвученные от их лица требования («а бежащихъ хотящих повелеша имъ възвращити») были очень востребованны населением, они послужили началом урегулирования ситуации в городе.

А. А. Зимин и Н. С. Борисов склонялись к тому, что княгини с началом пожара бежали в Ростов, упуская эпизод, представленный в Львовской летописи [Зимин 1991: 105; Борисов 2003: 78]. Л. В. Черепнин, наоборот, был близок к принятию того, что княгини все же остались в городе [Черепнин 1960: 783–784]. Интересно соединил свидетельства великокняжеских летописных сводов и Львовской летописи В. Н. Бочкарев: «Обе великие княгини и остальные знатные женщины обещали “сидеть с ними в осаде”. Однако вся московская знать во главе с великокняжеской семьей бежала в Ростов» [Бочкарев 1944, т. II: 103].

В московских событиях июля 1445 г. проявились традиции древнерусского единства власти городского самоуправления и князя. Общегородское вечево решение москвичей — отстаивать город и готовить его к отражению внешней опасности — необходимо было усилить таким же выбором княжеской семьи, сакральным влиянием ее присутствия в черте города.

По вполне понятным причинам эта задержка княгинь «худыми людьми» из посада не могла быть оставлена в повествовании официального летописания, ибо уже с позиции второй половины XV в. этот момент мог быть истолкован как порочащий княжескую власть. Но такой инцидент нашел отражение в оппозиционном своде 80-х годов XV в., для которого было характерно освещение не всегда приятных для московских великих князей подробностей их правления [Зиборов 2002: 135–136]. К тому же факт задержания княгинь в городе мог быть известен далеко не всем, в условиях хаоса и суматохи весть об их бегстве в Ростов, вероятно, оказалась более правдоподобной для современников и впоследствии ей суждено было стать таковой для составителей летописных сводов.

Видимо, известия о действиях княгинь в мятежном городе мог содержать источник только московского происхождения, хорошо знакомый с жизнью города изнутри³¹.

По свидетельству тверского летописания, Дмитрий Шемяка пытался остановить Софью Витовтовну, собиравшуюся отправиться в Тверь: «...Князь Дмитрей Шемяка Юриевич з Дубны великую княгиню увернул к Москве» [ПСРЛ, т. XV: стб. 492]. Это вряд ли может служить доказательством того, что Дмитрий Юрьевич намеревался «организовать оборону столицы» [Зимин 1991: 106]. Ханского посла Бегича он принимал в Угличе, и у него не было оснований покинуть безопасный центр своих владений ради Москвы. Но с окраины своих владений князь вполне мог совершить короткий рейд с целью преградить путь Софье Витовтовне в Тверь и лишить ее возможности встречи с Борисом Александровичем, одним из самых влиятельных на тот момент правителей Северо-Восточной Руси.

В кризисной ситуации, когда в городе бушевал пожар, под угрозой татарского нападения простые горожане смогли согласовать свои действия для борьбы с огнем, подавления паники и укрепления обороноспособности столицы. Однако тяжелые испытания, которые вынесли на своих плечах москвичи в 1439 г. и в 1445 г., не могли пройти бесследно и не сказаться на их отношении к власти великого князя Василия II. Упала численность городского населения Москвы, погибло «многое множество» [ПСРЛ, т. XXV: 263]. Огонь опустошил город, сгорела княжеская казна, пропал товар, свезенный в город для сохранности в случае нашествия: «...казны же многи выгореша, безчисленое товара, отъ многихъ бо градов снесено, понеже бо въ осаде город бяше» [ПСРЛ, т. XX: 258]. Обрушение каменных церквей («церкви каменные распашася»), традиционно служивших хранительницами городских ценностей, повлекло огромные имущественные потери, понесенные населением.

1 октября, «в кои день отпущень князь великы с Курмыша», жители города были удивлены неприятным знамением. Ночью

³¹ По нашему мнению, данные о пребывании княгинь в Москве могли сохраниться в составе митрополичьего архива, используемого при создании оппозиционного свода 80-х годов XV в.

в Москве произошло землетрясение: «...потресеся градъ Москва, кремль и посад весь и храмы поколебашеся» [ПСРЛ, т. XXV: 264] (см. также: [ПСРЛ, т. V: 268; т. XX: 259]). На это свидетельство, непосредственно предшествующее вести о возвращении великого князя из татарского плена, обратил внимание В. Н. Бочкарев: «...люди XV в. стихийные бедствия склонны были истолковывать как проявление гнева Божия» [Бочкарев 1944, т. II: 107]. Исследователь считал, что «такой акцентировкой своего изложения летописец нарочито хотел подчеркнуть тесную связь между возвращением Василия II и дальнейшими смутами на Руси» [Бочкарев 1944, т. II: 107]. Но даже если составители летописи не преследовали этой цели, то нельзя не учитывать при дальнейшем рассмотрении событий того, что жители Москвы за полтора месяца до прибытия великого князя пережили новое бедствие, «во многи скорби быша» [ПСРЛ, т. XXV: 264].

Возращение на Русь великого князя Василия II в сопровождении татарской свиты и с обязательством выплаты огромного выкупа должно было окончательно сломить жителей Москвы: «...приехал из Орды на Москву князь велики Васелеи Васильевич, а съ ним татарове, дани имати великиа, съ себе откуп давати татаром» [ПСРЛ, т. XV: 462]. Великокняжеские своды умалчивают о сумме, зато несколько разноречивые данные приводятся в псковских и новгородских источниках³². Все это лишало москвичей надежд на скорое восстановление после пожара, экономические ресурсы города были подорваны.

Ю. В. Селезнев выдвинул предположение, что осенью 1445 г. могла быть проведена перепись, «причем на этот раз ее контролировали послы Улуг-Мухаммеда» [Селезнев 2006: 94]. Волнения и страх порождали тревогу о восстановлении татарского владычества, множились слухи, которыми можно было манипулировать: «...царь на том отпустил великого князя, а он к царю целовал, что царю сидети на Москве и на всех градах русских, и на наших отчинах, а сам хочет сести в Твери» [ПСРЛ, т. XXV: 264;

³² По псковской летописи, Василий II посулил откуп в виде доли от имущества [ПСРЛ, т. V, вып. I: 47]; по новгородским данным, откуп составил 200 тыс. руб. [ПСРЛ, т. III: 426; т. IV: 442; т. XVI: стб. 189].

т. XXVI: 200]. Используя эти настроения, Дмитрий Шемяка начал подготавливать свой приход к власти. А. А. Зимин считал, что такой татарский план вряд ли мог иметь место. По его мнению, эти слухи были выгодны Шемяке для привлечения в ряды своих союзников тверского князя [Зимин 1991: 108]. А. А. Горский, комментируя это утверждение летописца, считал, что они являлись отголоском сложившейся ситуации на русских границах: «Хотя нет оснований видеть в этих обвинениях, явно фантастических, нечто большее, чем способ борьбы за власть, они отталкивались от реальных фактов — попыток Улуг-Мухаммеда обосноваться в окраинных русских городах (Белеве, Нижнем Новгороде)» [Горский 2003: 145–146].

Н. С. Борисов отмечал, ссылаясь на указания В. Н. Татищева, факт нахождения Дмитрием Шемякой и его сторонниками у Василия II грамоты с текстом договора, подписанного великим князем во время пребывания в Орде, с указанием огромного размера дани [Борисов 2003: 90–91; Татищев 1996: 263]. Не могло ли подобное условие о передаче городов содержаться в договоре как залог его выполнения?

Кроме того, все эти события разворачивались на общем неблагоприятном фоне: «...в десятилетие 1436–1445 гг. были плотно сгруппированы годы с неблагоприятными метеорологическими условиями, которые привели к хроническим неурожаям, необычайной дороговизне и десятилетнему голоду» [Борисенков, Пасецкий 1983: 97].

В таких крайне неудачных для Василия II обстоятельствах его сопернику Дмитрию Шемяке нетрудно было пополнить ряды своих сторонников. Он «здумаша со князем Иоанном Андреевичем Можайским, а с ними и от бояр великого князя, и от гостей московских, и от троецких старцев» [ПСРЛ, т. XXIII: 152; т. XXVI: 200]. Есть основания считать, что широкие массы горожан проявили сочувствие к мятежникам: «Мнозии же Москвичи в думе с ними бяху, бояре же и гости, беша же и от черньцовъ в той думе с ними» [ПСРЛ, т. XXV: 264; т. XXVII: 110]. С. А. Мельников на основе критической оценки летописей сделал интересное предположение, что не именно «троицкие старцы», а вообще московские чернецы выступили за Шемяку [Мельников 1993: 27–34].

Переход Ивана Можайского на сторону Дмитрия Шемяки был вполне оправдан, ведь только три года назад в Можайске были городские волнения, вызванные голодом в Северо-Восточной Руси [Музейный летописец: л. 224 об.; ПСРЛ, т. XXIII: 151; т. XXV: 264]. Мог ли местный князь рассчитывать, что сумеет собрать со своей земли положенную часть в погашение огромного выкупа за освобождение Василия II?

В числе «злых советников» князей названы «Костянтиновичи и прочие бояре, не хотящее добра своим государемъ и всему христианству» [ПСРЛ, т. XXV: 264; т. XXVII: 110]. С. Б. Веселовский под «Константиновичами» понимал младших сыновей Константина Добрынского — Ивана, Петра и Никиту, чьи вотчины позднее были конфискованы за участие в заговоре [Веселовский 1947: 149].

И. Е. Забелин считал, что захватом Москвы Шемяка был обязан измене бояр [Забелин 1881: 762]. В числе сторонников Шемяки он видел «старых» бояр, а Василия Васильевича — «молодых»³³. Л. В. Черепнин, рассматривая состав сил Дмитрия Шемяки, обратился к мысли, высказанной им ранее при анализе ситуации 30-х годов XV в., о расколе московского боярства на две группы, отстаивавшие «разные программы внутренней и внешней политики» [Черепнин 1960: 792–793]. Но исследователь не пояснил, кто же оказался в лагере Шемяки: «У нас мало данных о том, по какой линии шел раскол московского боярства, часть которого примкнула к Дмитрию Шемяке, часть осталась верной Василию II» [Черепнин 1960: 792]. Упоминание о «гостях московских» также заставило Черепнина вновь возвратиться к предположению о поддержке купечеством галицких князей [Черепнин 1960: 792–793].

Безусловно, одним из самых влиятельных и значительных сторонников Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского стал бывший коломенский наместник Иван Федорович Старков — «кормолил с Москвы Иван Старковъ» [ПСРЛ, т. XX: 259; т. XXVII: 272]. Отношения Дмитрия Юрьевича с Иваном Федоровичем Старковым, по мнению С. Б. Веселовского, могли сложиться во время заточения

³³ «Оставленный старым боярством, Василий, сам того не зная, нашел многочисленных друзей в молодых детях боярских...» [Забелин 1881: 762–763].

удельного князя в этом городе зимой 1436 г.: «...князь Дмитрий Шемяка жил у Ивана Старкова больше как почетный гость, чем как узник, и завязал с ним близкое знакомство, что сказалось через несколько лет». Неясно, заключалась ли «крамола» Ивана Федоровича Старкова только лишь в личном шпионаже и проставлении сведений Дмитрию Шемяке о ситуации в Москве, как это полагал С. Б. Веселовский [Веселовский 1969: 515], или он помог сформировать круг сторонников мятежных князей.

По свидетельству источников, нападение на Москву в феврале 1446 г. Дмитрия Юрьевича и Ивана Андреевича тщательно готовилось. Заполучив в число своих единомышленников Бориса Тверского, опираясь на одобрение в разных слоях общества, «начаша князи со съ своими советники безвестно вѣоружатися» [ПСРЛ, т. XXV: 264]. Местом сбора был выбран город Шемяки — Руза. Мятежники постоянно были в курсе событий в Москве. Об этом свидетельствует Музейный летописец: «А ко князю Дмитрею Шемяке и Ивану Можайскому вести по вся дни посылаеми бяху с Москвы от изменниковъ» [Музейный летописец: л. 225]. Эта же информация повторяется и в других летописях [ПСРЛ, т. XXV: 264; т. XXVI: 200]. Действия союзников были направлены на достижение эффекта неожиданности при нападении на великого князя. Дмитрий Шемяка и Иван Можайский поставили засаду на дорогах: «И послаша на дороги переимати, кои едутъ къ Москве, да и гостей Троицкихъ черньцовъ техъ повеле имати, а кои отъ града Москвы едутъ, а техъ пускати. Се все творяху, дабы не было вести про нихъ великому князю» [ПСРЛ, т. XX: 259].

Москва была взята «изгоном». Воины Шемяки и Ивана Можайского неожиданно ворвались в город через открытые для них ворота³⁴. Музейный летописец отмечает благоприятную по отношению к смене власти ситуацию в самом городе: «...не бяше бо противящегося им, и никому, ведящу сего, токмо единомыслеником их, иже град отвориша им» [Музейный летописец: л. 225].

³⁴ «Прииде князь Дмитрей Юрьевичъ ратию, изгономъ, ко граду къ Москве, со княземъ Иваном Андреевичем, передъ великим заговениемъ въ день суботный на ношь, и волгалися въ градъ и взяша градъ Москву...» [ПСРЛ, т. V: 268]. «Прииде князь Дмитрий Юрьевичъ ратью изгоном на градъ Москве и взяша градъ Москву со княземъ Иваном Андреевичем» [Бальзеровский список: л. 301].

Это фиксирует и ряд других летописей [ПСРЛ, т. XVIII: 197; т. XXV: 264; т. XXVI: 200; т. XXVII: 111]. Львовская летопись содержит наиболее подробный рассказ о взятии Москвы Шемякой: «А сами собравшееся со всею силою своею, приидоша къ граду Москве въ субботу на ночь. Приидоша ко вратомъ граднымъ и толкнуша въ врата; стражду же градному воспросившу ихъ, они же отвещаша: “Князь Дмитрей Юрьевичъ приехалъ”, — а вои потаившее, просто сказаша. Стражду же сего не ведущу, ни всемъ сущимъ въ граде, и взявшу ему ключи, откнувшу врата, яко же по обычаю...» [ПСРЛ, т. XX: 259]. Рассказ кажется слишком анекдотическим. Л. В. Черепнин более правдоподобным считал свидетельство великокняжеских летописей, ссылающихся на то, что ворота Шемяке могли отворить единомышленники [Черепнин 1960: 795]. Однако и описанная во Львовской летописи ситуация могла иметь место: углический князь происходил из династии Даниловичей, значит, управлял Москвой и в городе находились его люди. Вполне естественно, что он часто посещал город.

Князья вступили в город, захватили мать и жену Василия II, его княжескую казну и бояр. В то время Василий II находился на богомолье в Троицком монастыре. Вскоре он был захвачен отрядом Ивана Можайского. Беспомощный великий князь был подвергнут чудовищной византийской казни — ослеплению. Пленником он был отправлен в Углич, но вскоре по мирному соглашению с Дмитрием Шемякой был освобожден и отправлен на удел в отдаленную Вологду, неожиданно ставшую, как некогда Коломна, центром сплочения его союзников и местом сбора сил.

Правление Шемяки в Москве в период с февраля по ноябрь 1446 г. мало отличалось от княжения его предшественников, оспаривавших московский престол у Василия Васильевича. Ворвавшись в город, союзники расправились со своими недоброжелателями: «...они же въехавшее въ градъ, начаша грабити, а другихъ имати и вязати и ковати; а княгиню великую Софью поимаша, мать великого князя, да и княгиню его Марию, великого князя жену, и бояръ множество» [ПСРЛ, т. XX: 259].

Начало пребывания Шемяки в Москве ознаменовалось волной грабежей, союзники «казны великого князя и матери его розграбиса, а бояръ сущих ту изымаша, и пограбивше и иных многих го-

рожан пограбиша» [ПСРЛ, т. XXV: 264] (см. также [ПСРЛ, т. XVIII: 197; т. XXVII: 111]). Исторические свидетельства о правлении Шемяки несколько противоречивы. После того как ослепленный на Шемякином дворе в Москве великий князь, его мать и жена были высланы из столицы, Дмитрий Шемяка стал полноправным правителем — по новгородским источникам, «седее на великом княжении» [Бальзеровский список: л. 301 об.]. Жители Москвы были приведены к присяге Дмитрию Юрьевичу. Летописи показывают, что город принял новую власть: «...дети боарьские и вси люди биша челом служити князю Дмитрею» [Музейный летописец: л. 228] (см. также: [ПСРЛ, т. XXIII: 152; т. XXV: 266; т. XXVI: 202]). Исключение составили сторонники Василия II под началом Василия Ярославича Серпуховского и Семена Ивановича Оболенского, бежавшие в Литву. В. Н. Бочкарев замечал: «Таким образом, новый великий князь мог рассчитывать первоначально на довольно дружную поддержку со стороны служилых людей...» [Бочкарев 1944, т. II: 133].

Вместе с тем московские летописи отмечают недовольство москвичей правлением Шемяки: «...все люди негодоваху о княжении его и на самого мысляху, хотяше великого князя Василья на своем государстве видети» [ПСРЛ, XXV: 266] (см. также: [ПСРЛ, т. XVIII: 199; т. XXVI: 202]). Л. В. Черепнин видел в этих свидетельствах «явное смещение исторической перспективы» [Черепнин 1960: 796]. Ю. Г. Алексеев писал на основании последнего летописного текста: «Неумолимая, невидимая, но грозная сила — мнение народное — все больше противилось Шемяке. И как могло быть иначе? Чужой Москве углицкий князь, беглец из-под Белева, нарушивший слово, равнодушный к Руси, фактический изменник под Суздаlem, запятнавший себя злодейской расправой над пленником, — чем он мог импонировать столице» [Алексеев 1991: 35]. Однако, судя по тому, каким образом Дмитрий Юрьевич занял Москву и был встречен большинством ее населения, «мнение народное» не всегда было настроено против него. Оценка Шемяки в качестве великого князя не могла быть изначально отрицательной. Углицкий князь занимал московский престол с февраля по ноябрь 1446 г., в течение этого периода взгляды на его правление могли измениться в худшую сторону.

Княжение Шемяки стало новым периодом экономического упадка в жизни города. Он был вынужден дважды понижать вес выпускаемой им монеты [Мец 1974: 58–62]. Нумизматический материал ставит сложный вопрос о проблеме двоевластия в середине XV в. Среди исследователей нет единства в определении времени чеканки двуименной монеты Василия Васильевича и Дмитрия Юрьевича. А. В. Орешников, Н. Д. Мец и Г. Алеф считали, что такой выпуск был налажен после того, как Шемяка завладел Москвой, а Василию II отдал в удел Вологду [Орешников 1896: 137; Мец 1974: 35; Alef 1959: 12]. Я. С. Лурье полагал, что монеты относились к более раннему времени, возможно, к 1437 г. [Лурье 1976: 87]. Последнее мнение было отвергнуто А. А. Зиминим [Зимин 1991: 237].

Несмотря на предательство Ивана Старкова, есть основания думать, что часть коломенских вотчинников осталась на стороне великого князя в беспокойной ситуации 1446 г. Это дважды могло привести к скорому провалу выступления Шемяки. А. Б. Мазуров предположил, что некий Бунко, попытавшийся предупредить о заговоре великого князя, находившегося уже в Троицком монастыре, был коломенским вотчинником [Мазуров 2001: 150–151]. Также побег в Коломну Федора Басёнка, не пожелавшего служить Шемяке, чуть было не обернулся повторением ситуации 1433 г. Видимо, воевода Василия II попытался и в 1446 г. сделать Коломну оплотом сторонников великого князя: «...беже къ Коломне и тамо лежалъ по своимъ приателемъ, и многихъ людей подговоривъ съ собою» [Музейный летописец: л. 228 об.] (см. также: [ПСРЛ, т. XVIII: 199; т. XXV: 266; т. XXVI: 202–203]). В итоге своих действий он «мало града не взя» [ПСРЛ, т. XXIII: 153]. А. Б. Мазуров так объяснял этот успех: «Басёнок направился не собственно в Коломну, а в уезд, где располагались вотчины старомосковского боярства, села дворян и служилых людей великого князя. У последних не было выбора. Смена великого князя ударяла по их интересам и ставила под сомнение их традиционную ему службу» [Мазуров 2001: 152].

Дальнейшее развитие политических событий не позволило Шемяке оставаться в Москве. С Вологды двигались силы Василия II. Весь Рождественский пост (15 ноября — 25 декабря 1446 г.) Дмитрий Юрьевич и Иван Андреевич простояли в Волоколамске,

стараясь предупредить соединение с Василием II отряда Василия Ярославича Серпуховского. Людские ресурсы мятежных князей таяли, многие бежали от них в Тверь: «И побегоша отъ нихъ вси люди во Тверь к великому князю, развие остались у ихъ людие, галичане и можаичи» [ПСРЛ, т. XXIII: 154].

В конце декабря, воспользовавшись благоприятной ситуацией, отряд великого князя во главе с М. Б. Плещеевым и тверская рать Льва Измайлова «изгоном» взяли Москву. «Но той же зимы по малых же днехъ послалъ князь великий Борис воеводу своего Льва, а князь великий Василей своего воеводу Плещеева к Москве. И толь бо дивно: с града изгониша в мале 90 или в 100 человекъ, и наместника изымаша и град заседоша» [ПлДР, вып. 5: 320] (см. также: [ПСРЛ, т. XXV: 268; т. XXVI: 206; т. XXVII: 113–114]).

П. А. Раппопорт ссылался на этот эпизод как на «характерный пример» «изъезда» («изгона») во взятии города [Раппопорт 1961: 159]. В плен был взят наместник Можайского князя Василий Чешиха, а наместнику Шемяки Федору Галицкому удалось уйти. Остерегаясь нападения противника, город стали готовить к обороне. Л. В. Черепнин справедливо отмечал: «Так быстро захватить Москву великокняжескому отряду удалось, по-видимому, только потому, что ее население было на данном этапе весьма враждебно настроено по отношению к Дмитрию Шемяке» [Черепнин 1960: 804]. Шемяка и Можайский были вынуждены спасаться бегством, переход Москвы к сторонникам великого князя стал новым этапом в ходе усобицы Василия II и Дмитрия Шемяки.

Захватив Москву, Василий II расправился с двором бывших правителей: «...а прочих детей боярских, княж Дмитриевых и княж Ивановых Можаского, со мною силою имающе, и грабяху и коваху» [Музейный летописец: л. 231] (см. также: [ПСРЛ, т. XXXIII: 109]). Это говорит о том, что в Москве углицкий и можайский князья были окружены своими сторонниками, служилыми людьми и, по-видимому, сумели создать свой аппарат управления. Возможно, что это были дети боярские московского происхождения.

Но даже после изгнания Дмитрий Шемяка сохранял свои связи с Москвой. Так, в декабре 1447 г. русское духовенство в послании Дмитрию Шемяке обвиняло его: «И ты, господине, шлешь къ своему тиуну къ Ватазину свои грамоты, а велишь ему отзывать отъ

своего брата старейшего от великого князя людей, а велишь звати людей к собе» [АИ: 81 (№ 40)].

С. Б. Веселовский писал: «У нас нет никаких оснований предполагать, что князь Юрий Дмитриевич и его сын Дмитрий Шемяка были принципиальными сторонниками удельного строя и стали бы поддерживать раздробленность Руси, если бы им удалось утвердиться на великокняжеском столе. С другой стороны, следует напомнить, что московские великие князья тоже не были принципиальными противниками уделов» [Веселовский 1969: 468]. По его мнению, «какие-то силы работали в пользу объединения Руси и относились враждебно к уделам и удельным князьям. Одной из таких сил было великокняжеское боярство, верхний слой землевладельческого класса» [Веселовский 1969: 468].

В современной историографии мнение о поддержке боярством московского князя было пересмотрено. Ю. Г. Алексеев отмечал, что в победе Василия II, прежде всего, сыграло роль «превосходство военно-политической организации великокняжеской власти» [Алексеев 1998: 79]. Победу великого князя предопределили те изменения, которые происходили на Руси в XV в. по мере становления единого государства. И. Б. Михайлова пришла к выводу, что церковно-боярское правление, установившееся на первом этапе княжения Василия II, грозило нестабильностью во внутреннем и внешнем положении страны, поэтому было отвергнуто служилой знатью [Михайлова 2004: 10]. По мнению исследовательницы, именно дети боярские поддержали Василия Темного, стали настоящей опорой великокняжеской власти, сделав выбор в пользу «самодержавия великого князя Московского» [Михайлова 2004: 7].

Следует допустить, что действительными сторонниками Василия II на разных этапах противостояния могли быть разные социальные категории: бояре и служилые люди. Летописные характеристики чаще стремятся объединить этот широкий круг, называя в нем «бояр» и «детей боярских», чем подчеркнуть его внутренние границы.

Можно говорить о некоем единстве большинства населения Московской земли, горожан вместе с высшими слоями общества, в поддержке старшей ветви семьи Дмитрия Донского и прямой нисходящей линии наследования. И. Д. Беляев писал: «Московская

земщина отличалась привязанностью к своему княжескому дому; она как-то слилась с княжескими боярами, обратившимися почти в земцев» [Беляев 2004: 68].

Источники не донесли до нас четких свидетельств того, что, пребывая на московском престоле в качестве великих князей, галицкие князья пытались проводить какую-либо политическую программу, в том числе и противоречащую процессу собирания власти и территории вокруг Москвы. Современные исследователи чаще сходятся во мнении, что местные князья боролись не против, а за центральную власть на московском престоле, стремились к укреплению и усилению роли великого князя в управлении [Зимин 1991: 67; Лурье 1994: 92–93; Синелобов 2003: 127].

Из замечаний фрагментарного характера нельзя сделать вывод о поддержке галицких князей какими-либо определенными частями московского общества, например купечеством. Временная лояльность москвичей к захвату власти галицкими князьями, скорее всего, находилась в зависимости от общего недоверия к верховной великокняжеской власти, возникшего ввиду стихийных бедствий, обрушившихся на город во второй четверти XV в.: голода, эпидемий, разорения в результате ордынского набега и пожара.

Несмотря на военные конфликты и переход стола от князя к князю, Москва продолжала жить по «закону», заложенному в основании московской политической системы еще Иваном Калитой и зафиксированному в завещании Дмитрия Донского. О сохранении традиционной системы совместного управления Москвой в ходе княжеских усобиц свидетельствуют духовные и договорные грамоты князей, оформленные в этот период. Незыблемость деления Москвы между сыновьями Дмитрия Донского декларировалась в соглашениях Василия II и звенигородского князя [ДДГ: 64 (№ 24), 76 (№ 30)]. В духовной грамоте 1433 г. Юрий Дмитриевич передал свою долю в Москве в сместное распоряжение сыновьям: «Приказываю детям своимъ, Василью, Дмитрею Меншому вотчину свою, в Москве свои жеребьи, чемъ мя благословил отецъ мой, князь великий Дмитрей Иванович, въ городе, и въ станех, и въ пошлинахъ въ городскихъ...» [ДДГ: 73 (№ 29)]. В ряде договоров Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным, Василием Косым присутствует условие совместного управления горо-

дом и проживания в столице «по душевной грамоте деда нашего великого князя Дмитрия Ивановича» [ДДГ: 87 (№ 34), 90 (№ 35), 101 (№ 36), 110 (№ 38)].

На примере истории Москвы во второй четверти XV в. нельзя найти определенных доводов в пользу того, что великий князь и галицкие князья придерживались принципиально разных политических взглядов, а также имели четко обозначенный круг своих сторонников. Но Москва и Московская земля с входящими в нее пригородами, прежде всего Коломной, исторически не могла уже сделать иной выбор, кроме как принять наследника по прямой нисходящей линии рода Даниловичей. И. Д. Беляев считал, что в уособице московский князь смог выиграть благодаря тому, что сразу после смерти Василия I «московская земщина вместе с княжескими боярами встала за малолетнего его сына Василия Васильевича» [Беляев 2004: 67].

Времена безвластия или двоевластия не раз ставили горожан перед выбором того или иного претендента на великокняжеский престол, заставляли вспоминать о значении самоуправления в городской общине. Однако проявленная в острых кризисных ситуациях самостоятельность не могла обернуться значительным ослаблением великокняжеской власти.

ЗВЕНИГОРОД И ВОЛОСТИ

Звенигород в историографии получил определение одного из городов, служивших оплотом для мятежных галицких князей. С возведением городских укреплений связывалась концепция предварительной подготовки Юрия Дмитриевича к войне против Василия II. Однако Звенигород, будучи локальным центром Московской земли, вряд ли мог претендовать на роль одного из средоточий оппозиции московской великокняжеской власти. Политическое значение Звенигорода в ходе усобиц второй четверти XV в. было не слишком велико, хотя он продолжал оставаться во владении Юрия Дмитриевича вплоть до его смерти 5 июля 1434 г., а часть из звенигородских земель перешла впоследствии его сыну Дмитрию Шемяке.

Звенигород впервые был упомянут в 1332 г. в завещании Ивана Даниловича Калиты, который отдавал его второму сыну Ивану [ДДГ: 7 (№ 1)]. По этой же духовной грамоте княгине Ульяне с дочерьми отходила звенигородская волость Сурожик с селом Лучинским³⁵ [ДДГ: 8 (№ 1)]. А. А. Юшко относила Лучинское к крупнейшим селам на территории Московской земли: «Размер подавляющей части сел составляет от 10 до 60 тыс. кв. км. ... Имеются, однако, села, площадь которых достигает 400 и 600 тыс. кв. км. (Лучинское, Лопастенское)» [Юшко 2002: 61]. Первое летописное

³⁵ Попытки локализации волости Сурожик на р. Истре были проделаны В. Н. Дебольским и М. К. Любавским [Дебольский 1901: 154; Любавский 1929: 34]. Уточнения были внесены А. А. Юшко [Юшко 2002: 45–46].

свидетельство о Звенигороде относится к 1382 г. и связано с набегом Тохтамыша на Русь [ПСРЛ, т. XI: 76].

Внезапное возникновение Звенигорода лишь в XIV в. казалось маловероятным для большинства исследователей. В. Н. Татищев отмечал, что Звенигород, как и ряд других городов с названиями, заимствованными из Южной Руси (Галич, Вышгород), мог быть основан Юрием Долгоруким [Татищев 1995: 241].

С. Б. Веселовский писал: «Без сомнения, Звенигород был основан раньше, очевидно, переселенцами из Южной или Юго-Западной Руси, так как там существовали более древние города такого же названия» [Веселовский 1962: 84]. Н. Н. Воронин и А. А. Юшко также связывали появление города с широкой строительной деятельностью Юрия Долгорукого на рубежах Ростово-Суздальского княжества³⁶ [Воронин 1961: 55–56; Юшко 2002: 32]. С этим мнением не был согласен В. А. Кучкин, который, имея в виду города Звенигород, Микулин, Кидекшу и Городец на Волге, обращал внимание, что «никаких данных об основании или даже укреплении этих городов Юрием Долгоруким нет» [Кучкин 1984: 85]. Все-таки, несмотря на то что относить Звенигород к строительной деятельности Юрия Долгорукого можно лишь гипотетически, о существовании Звенигорода в домонгольский период свидетельствуют материалы археологических раскопок³⁷.

Источники не содержат указаний на время и не описывают процесса присоединения Звенигорода к Москве, но, вероятно, это произошло на самом раннем этапе складывания Московской земли. Архимандрит Леонид (Кавелин) писал: «Звенигород и Руза были так или иначе (то есть путем купли или захвата) присоединены к Москве отнюдь не позже Можайска и Коломны... летописи же не упоминают о сем по той причине, по которой пройдены молчанием и другие события, касающиеся постепенного возрастания и приращения территорий Московской области» [Леонид (Кавелин) 1878а: 2]. Возникновение Звенигорода было связано с его

³⁶ Б. А. Рыбаков упоминал о такой вероятности, но оговаривал отсутствие этому археологических подтверждений [Рыбаков 1949: 125].

³⁷ Б. А. Рыбаков датировал находки керамики на городище, украшения и жилую постройку XII в. [Рыбаков 1949: 128, 132]. А. А. Юшко выявила, что первые укрепления Звенигорода относятся к XII в. [Юшко 1998: 424].

оборонительной ролью, трудно представить, чтобы выгодно расположенное и хорошо укрепленное поселение на правом берегу Москвы-реки могло не привлечь внимания московских князей³⁸.

М. К. Любавский подчеркивал особое значение Звенигорода в составе Московской земли: «По духовным грамотам Ивана Даниловича на древнейшей территории Московского княжества обозначаются два больших города — Москва и Звенигород» [Любавский 1929: 33]. Рассматривая приращение территории во временном отрезке от княжения Ивана Калиты до Дмитрия Донского, он указывал на увеличение волостей и слобод на окраинах Московского и Звенигородского уделов, подтверждая тем самым свой вывод о Московском княжестве XIV–XV вв. как о «довольно населенном и прогрессирующем в своей населенности» [Любавский 1929: 38]. Мнение о постоянном росте звенигородских волостей подкрепилось анализом их состава, проделанным в работе А. А. Юшко³⁹. Историк справедливо оценивала сложение и образование волостей как «своеобразную форму освоения новых земель в XIV в.» [Юшко 2005: 16]. С этим же периодом исследовательница связывала и рост плотности населения Звенигородской земли, считая возможным даже говорить о некоем демографическом взрыве в этот период [Юшко 2005: 63].

Около 1358 г. в завещании Ивана Красного о Звенигороде было заявлено как о городском центре округи. Он был передан второму сыну князя Ивану «со всеми волостми, и с мытом, и с селы, и з бортью, и с оброчники, и с пошлинами»⁴⁰ [ДДГ: 15 (№ 4)]. Таким

³⁸ П. А. Раппопорт писал о юго-западном районе Владимирской земли: «В XII в. на этой территории существовало очень немного укрепленных пунктов: Москва, Перемышль и Звенигород. Назначение этих укреплений достаточно ясно — это были крепости, обеспечивавшие оборону Владимирского княжества с юго-западной стороны, со стороны княжеств Черниговского и Смоленского» [Раппопорт 1961: 186]. То же отмечал и К. А. Аверьянов: «В конце XIII в. Звенигород был пограничным пунктом на стыке Смоленского, Черниговского и Владимирско-Суздальского княжеств» [Аверьянов 1993а: 8].

³⁹ А. А. Юшко провела локализацию звенигородских волостей, была составлена карта их размещения [Юшко 2005: 9–14, 77].

⁴⁰ А. А. Юшко писала о наборе этих признаков: «В этих случаях речь идет, очевидно, о городских центрах с их округой. В эту группу входят следующие города: Боровск, Волоколамск, Верея, Дмитров, Звенигород» [Юшко 1991: 90–91].

образом, город достался Ивану Малому, а звенигородская волость Утож отошла жене великого князя Александре [ДДГ: 15, 16 (№ 4)]. На этом основании В. А. Кучкин делал вывод: «Лишь после смерти княжича Ивана 23 октября и великой княгини Александры 27 декабря 1364 г. Звенигород и его волости как выморочное достояние перешли в руки Дмитрия Ивановича» [Кучкин 1999: 69]. Фиксации этих территориальных изменений, по его мнению, и была посвящена первая договорная грамота Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича Серпуховского, составленная в ноябре-декабре 1364 — январе 1365 г.⁴¹ [ДДГ: 19–21 (№ 5); Кучкин 1998: 44].

Развитие Звенигородской земли отразила первая духовная грамота Дмитрия Ивановича [ДДГ: 24–25 (№ 8)]. В. А. Кучкин, реконструируя лауну этого документа, считал, что Звенигород с волостями князь отдавал княгине с дочерьми, так как город, не входивший в его отчинные владения, не мог попасть в удел старшего сына Василия [Кучкин 1999: 68–69]. Исследователь отмечал появление в первой духовной Дмитрия Ивановича новых звенигородских волостей: Вышгорода и Дмитриевой слободы. Он писал: «Их образование к 1372 г. служит показателем продолжавшегося процесса хозяйственного освоения территории Московского княжества к западу от Москвы» [Кучкин 1999: 68].

Вышгород лежал на р. Протве недалеко от Вереи. А. А. Юшко относила его присоединение к Московским землям к 70-м годам XIV в., так как упоминание о нем в качестве великокняжеской территории содержится в договоре Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем (1374–1375) [Юшко 2005: 13] (см. также: [ДДГ: 23 (№ 7)]). Но она не считала город звенигородской волостью: «Вышгород Верейский нет оснований включать в состав удела звенигородских князей, поскольку он отдален от основной территории удела значительными пространствами» [Юшко 2005: 13].

Расположение Дмитриевой слободы до сих пор остается спорным вопросом⁴². К. А. Аверьянов считал, что название свидетель-

⁴¹ А. А. Зимин датировал эту договорную грамоту зимой 1362/1363 — 23 октября 1364 г. [Зимин 1958: 282].

⁴² В. Н. Дебольский относил ее к верховьям р. Пахры. К. А. Аверьянов также писал, что она находилась к северу от верховьев Пахры [Дебольский 1901: 164;

ствует об основании волости Дмитрием Донским [Аверьянов 1993: 17].

Вторая духовная грамота Дмитрия Донского 1389 г. определила Звенигород во владения второго сына князя Юрия Дмитриевича «со всеми волостми, и тамгою, и мыты, из бортью и с селы, и со всеми пошлинами» [ДДГ: 33 (№ 12)]. Число звенигородских волостей, отошедших Юрию Дмитриевичу, дополнили Сурожик и Плеснь, с города стала собираться тамга⁴³ [ДДГ: 33 (№ 12)]. Расположение волости Плеснь по р. Плеснь, притоку Нары [Юшко 2005: 9], показывает, что к 70–80-м годам XIV в. шло оформление юго-западной части звенигородских владений. Таким образом, звенигородские волости обступали земли можайского князя.

Но по условиям духовной 1389 г. территориальное единство Звенигородской земли, сосредоточенной под властью Юрия Дмитриевича, было нарушено изъятием части волостей в пользу вдовы князя Евдокии Дмитриевны (Скирменовская слободка, Шепково, Смоляны). Однако, по мнению К. А. Аверьянова, ненадолго: «После смерти Евдокии в 1407 г. все эти владения стали полной собственностью Звенигородского князя» [Аверьянов 1993б: 17].

Экономическое значение звенигородских волостей, по видимому, было очень велико, поскольку владение ими становится предметом постоянного обсуждения в княжеских договорах на протяжении второй четверти XV в.

По завещанию Дмитрия Ивановича, Звенигород в конце XIV в. занимал второе место после Коломны по размеру выплаты ордынской дани и, следовательно, являлся наиболее богатым и экономически процветающим центром Московской земли помимо ее «двух столиц», «вотчин великого князя» — Москвы и Коломны⁴⁴. Поэтому неудивительно, что на княжение Юрия Дмитриевича па-

Аверьянов 1993б: 17]. А. А. Юшко считала, что ее местонахождение не может быть признано точно установленным [Юшко 2005: 9].

⁴³ Волость Сурожик с с. Лучинским ранее находилась во владении княгини Ульяны и должна была потом отойти ее дочери [ДДГ: 16 (№ 4)]. Волость Плеснь упоминается впервые.

⁴⁴ «А князь Юрьи возмет с Звенигорода и со всех Звенигородских волости двести руб. и семдесят руб. и два руб.» (выход с Коломны составлял 342 руб.) [ДДГ: 35 (№ 12)].

дает расцвет средневекового Звенигорода. Яркий период правления этого князя был подготовлен всем предшествующим временем развития города и округи.

Юрий Дмитриевич на основании как внутренних, так и внешних ресурсов украшал и благоустраивал главный город своей земли. В Звенигород князь свозил добычу военных походов. Так, после похода на Волжскую Булгарию 90-х годов XIV в.⁴⁵, в ходе которого он с войском занял города Болгар, Жукотин и Казань, в стольный город своей земли князь «возвратишася со многим богатством в свояси» [ПСРЛ, т. XI: 164]. Конечно, все это отразилось на внешнем облике города. При Юрии Дмитриевиче были обновлены валы городища [Юшко 1998: 412–428]. В детинце князь выстроил Успенский собор. Около Звенигорода на горе Стороже близким учеником Сергия Радонежского, в прошлом настоятелем Троицкой обители Саввой по просьбе князя был основан монастырь, в котором Юрий Дмитриевич возвел каменный собор Рождества Пресвятой Богородицы.

В последнее время взаимоотношения Саввы Сторожевского и Юрия Дмитриевича Звенигородского подверглись особому анализу. К. П. Ковалевым была выдвинута версия о смоленском происхождении игумена, возможных притязаниях Юрия Дмитриевича на этот пограничный город и проведении князем под влиянием Саввы политики антилитовской направленности [Ковалев 2007: 180–189].

Князь оказывал широкое покровительство новой обители. По возвращении из похода на татар Юрий Дмитриевич «вда милостыню монастыреви, и братию оучредив довольно» [ВМЧ: стб. 73]. Маркел, автор Жития Саввы Сторожевского, так описывал заботу местного князя об обители: «...и повеле воздвигнути церковь каменную и добротами оукрасити ю... и вда блаженному Савве села многа и имения доволно на строение монастырское» [ВМЧ: стб. 72]. Все это не могло не свидетельствовать о больших средствах, оказавшихся в распоряжении местного князя, и о высоком статусе и богатстве Звенигородской земли.

⁴⁵ В летописях приводятся различные варианты датировки этого похода: 1395 г. [ПСРЛ, т. V: 247; т. III: 102; т. XXV: 165; т. XXVI: 165; т. XXVII: 89]; 1396 г. [ПСРЛ, т. XI: 164]; 1399 г. [ПСРЛ, т. VIII: 72; т. XXIII: 137].

Письменные источники не дают ясной картины взаимоотношений старших сыновей Дмитрия Донского. С одной стороны, Юрий Дмитриевич принимал участие в военных походах по поручению Василия I, с другой — он не был упомянут в завещании великого князя. До нас дошел лишь один договор, заключенный за время княжения Василия Дмитриевича между ним и младшим братом⁴⁶ [ДДГ: 39–40 (№ 14)]. А. Е. Пресняков не знал о его существовании и на основании отсутствия упоминания Юрия Дмитриевича в завещании великого князя Василия I делал вывод об их противостоянии [Пресняков 1998: 261]. В последнее время В. А. Кучкин обратился к исследованию текста договорной грамоты и пришел к заключению о «военно-политическом единстве двух старших Дмитриевичей» [Кучкин 2006: 177]. Исследователь делал вывод: «Великий князь получил военного союзника, обязанного ходить в походы по его посылкам, удельный князь выговорил себе права на компенсации за оказание военной помощи старшему брату. Но великий князь добился от удельного признания своих великокняжеских притязаний, что снимало требования их разделов и существенно увеличивало экономический и военный потенциал великокняжеской власти. Приемлемые для обеих сторон условия заключенного договора обеспечивали долговременность, и за время правления Василия I резких столкновений между ним и братом Юрием удалось избежать» [Кучкин 2006: 177].

Но есть вероятность того, что между Василием I и Юрием Дмитриевичем кроме известного договора существовали также и не дошедшие до нас докончальные грамоты. Исходя из этого, сформировались две противоположные точки зрения. По мнению С. А. Фетищева, наличие договоров показывало, что отношения между братьями «не имели резко выраженного враждебного характера» [Фетищев 2003: 56–57]. Он писал о том, что отсутствие князя Юрия в качестве послуха (свидетеля, достойного доверия)

⁴⁶ Л. В. Черепнин считал договор проектом и датировал его 1390 г. [Черепнин 1948: 78–80]. А. А. Зимин не придерживался такого мнения и относил договор к 1401–1402 гг., полагая, что он являлся списком с подлинника [Зимин 1958: 287]. С. А. Фетищев датировал докончание временем с 1392 по 1395 г. [Фетищев 1994: 72]. В. А. Кучкин предложил новые хронологические рамки заключения грамоты: 30 декабря 1392 г. — 23 февраля 1393 г. [Кучкин 2006: 177].

духовной «может свидетельствовать о его недоверии к младшему брату именно в вопросе престолонаследия» [Фетищев 2003: 57]. А. П. Синелобов считал заключение соглашений «результатом очень напряженных отношений в 10–30-х годах XV в. при Московском великокняжеском дворе» [Синелобов 2003: 91].

На базе анализа нумизматического материала о противостоянии двух братьев писал Г. А. Федоров-Давыдов. С 1400 г. Юрий Дмитриевич начал чеканку монет в Звенигороде [Федоров-Давыдов 1981: 179]. Выпуск собственной монеты исследователь связывал, прежде всего, с выражением политических прав местных князей, а не с экономическим значением, прекращение эмиссии — с их подавлением. Он считал, что полномочия на выпуск монет звенигородского князя «все время зажимаются». И только в последний период правления Василия I, «когда тот, видимо, вообще ослабил централизаторскую политику в области монетного дела», право монетной эмиссии в удельных центрах было восстановлено: с 1400 г. продолжился серпуховской чекан, с 1410-х годов массово стали появляться монеты Юрия Дмитриевича [Федоров-Давыдов 1981: 84]. Однако нет прямых доказательств того, что приостановка выпуска монет была связана именно с политическим давлением великого князя.

Строительная деятельность Юрия Дмитриевича стала в советской историографии одним из важнейших аргументов в пользу тезиса о неизбежности «феодалной войны», доказательством ее предварительной подготовки звенигородским князем.

Б. А. Рыбаков отмечал, что строительство храмов и оборонительных укреплений могло быть проявлением соперничества местного князя и московского правителя [Рыбаков 1949: 130]. Он писал: «Начиная свою мятежную деятельность, князь Юрий располагал отлично укрепленным гнездом» [Рыбаков 1949: 131]. На политическую подоплеку архитектурно-строительной деятельности Юрия Звенигородского указывали авторы одного из первых искусствоведческих очерков о Подмоскovie Н. Н. Воронин и М. А. Ильин⁴⁷. Предпосылкой к этому им, по-видимому, послу-

⁴⁷ «Юрий ценил красоту храмов древнего Владимира, они были для него символами тех времен, когда процветали удельные порядки самостоятельных княжеств. Придворный собор Юрия явно перекликался с Дмитриевским собором во Владимире...» [Воронин, Ильин 1947: 16].

жил вывод о том, что «Звенигород прогремел на всю Русь в шуме последней большой междоусобной войны» [Рыбаков 1949: 131]. Подобный взгляд был четко оформлен в работе А. М. Сахарова: «Юрий Дмитриевич и его преемники укрепляли город, способствовали его росту для того, чтобы превратить его в базу развертывания сил в борьбе против централизующей власти Москвы. Эту роль и выполнял Звенигород в годы феодальной войны XV в.» [Сахаров 1959: 88].

По пути выявления взаимосвязи архитектуры и политики пошел известный искусствовед М. А. Ильин. Изменения в отношениях между братьями Юрием Дмитриевичем и Василием Дмитриевичем он относил к 1417 г., когда после смерти княжича Ивана единственным наследником оставался двухлетний Василий, а для звенигородского князя «стала отчетливо обрисовываться неотвратимость борьбы» [Ильин 1976: 118]. По Ильину, только после 1417 г. началась строительная деятельность Юрия Звенигородского и были созданы Успенский собор на Городке, Троицкий храм Троице-Сергиевой обители и Рождественский собор Саввино-Сторожевского монастыря. Он писал: «Все три памятника являются не столько благочестивым деянием Юрия с целью задобрить церковь, сколько его умелой деятельностью политического характера на пути к захвату власти — московского великокняжеского престола» [Ильин 1976: 122].

Однако такая датировка этих памятников не стала общепризнанной. Ряд исследователей относили их появление к более раннему времени и не видели в их строительстве какого-либо вызова великому князю московскому⁴⁸. Б. А. Огнев, специально проанализировавший архитектуру Успенского собора Звенигорода, находил в ней «достижения московской школы зодчества за истекший XIV в.» [Огнев 1955: 57]. Он отмечал, что условием создания собо-

⁴⁸ В. Г. Брюсова считала, что Успенский собор Звенигорода был заложен при Дмитрии Донском около 1388 г., а окончание его строительства приходилось на 1392–1393 гг. [Брюсова 1998: 254]. Б. А. Огнев датировал Успенский собор 1400 г., а Рождественский — 1405 г. [Огнев 1955: 258]. Время строительства Рождественского собора относится к 1404–1405 гг. [Пустовалов 1998: 324]. К смерти св. Саввы Сторожевского в 1407 г. главный собор монастыря был уже закончен [ВМЧ: стб. 74].

ра должны были быть дружественные отношения между братьями, Василием I и Юрием Дмитриевичем, так как на его строительстве должны были быть заняты московские мастера⁴⁹.

Вызывает серьезные сомнения и привязка строительства укреплений города к появлению сепаратистских настроений у местного князя. Б. А. Огнев полагал, что оборонное строительство на западе от Москвы было связано с угрозой нападения Литвы [Огнев 1955: 261]. В. В. Косточкин поставил Звенигород в ряд городов Московской земли, оборонительные сооружения которых подновлялись и укреплялись после набега Тохтамыша⁵⁰ [Косточкин 1962: 32]. С этим был согласен и К. А. Аверьянов: «Первой заботой князя, несомненно, должно было стать укрепление своего стольного города. В памяти горожан еще живы были воспоминания об опустошении Звенигорода в 1382 г. татарами Тохтамыша» [Аверьянов 1993в: 18]. Звенигородский пригород Руза, лежащий на юго-западном пограничье Московской земли, также пострадал от набега Тохтамыша и был восстановлен [ПСРЛ, т. XI: 76]. В ходе археологического исследования древнейшая часть вала Рузского кремля была отнесена к концу XIV — началу XV в. [Голубева 1953: 162]. П. А. Раппопорт признавал близость планировки укреплений Рузы и Звенигорода [Раппопорт 1961: 48–49]. Возможно, что крепости этих городов строились и подновлялись в ходе одних и тех же работ по укреплению рубежей Москвы. Таким образом, объективное рассмотрение истории Звенигорода в период с конца XIV в. до второй четверти XV в. не дает повода видеть в строительной деятельности Юрия Дмитриевича подготовку к выступлению против великого князя.

Еще начальный период столкновения Юрия Дмитриевича Звенигородского и Василия II показал беспочвенность предположений о том, что Звенигород укреплялся с целью подготовки к борьбе против Москвы. Уже в 1425 г. после смерти Василия I и отправ-

⁴⁹ «По-видимому, в 1400 г. Юрий Звенигородский, бывший тогда в хороших отношениях со своим старшим братом — великим князем московским Василием Дмитриевичем — и только что вернувшийся с победой из похода на волжских булгар, куда ходил по повелению брата, получил от последнего дружину великокняжеских мастеров для украшения своего удельного города» [Огнев 1998: 322].

⁵⁰ О набегах татар на Звенигород см.: [ПСРЛ, т. XXV: 209].

ки в Звенигород боярина митрополита Фотия Акинфа Ослебятева Юрий Дмитриевич скрылся в Галиче⁵¹. А. А. Юшко делала справедливый вывод о том, что «в 1425 г. заканчивается звенигородский период жизни Юрия Дмитриевича» [Юшко 2005: 8]. И в 1433 г., потеряв великое княжение, Юрий Дмитриевич лишь бежал через Звенигород в Галич, не оставаясь в городе. Уже ни Василий Косой, ни Дмитрий Шемяка не использовали Звенигород в качестве своей резиденции.

Л. В. Черепнин почти не уделял внимания этому городу, видимо, не считая Звенигород наделенным теми признаками, которые позволяли бы ему тяготеть к отделению — так, как это обстояло с Галичем [Черепнин 1960: 744]. А. А. Зимин видел лишь недостатки столицы удела Юрия Дмитриевича, выраженные, прежде всего, в ее географическом положении: «Звенигород находился вблизи от Москвы, был слабо укреплен и соседил с Литвой, враждебной Юрию Дмитриевичу и благосклонной к Василию II. Поэтому князь Юрий сосредоточием своих сил избрал Галич, имевший к тому же довольно солидные крепостные сооружения» [Зимин 1991: 33].

И все же бегство Юрия Дмитриевича из Звенигорода вряд ли можно объяснить только лишь его расположением. Последнее было объективно удобнее для ведения боевых действий против Москвы, чем положение того же Галича. Звенигород был хорошо укреплен и в течение десятилетий являлся постоянным местом пребывания этого князя.

Вероятно, Звенигород не подходил Юрию Дмитриевичу по иным причинам. Галичане постоянно выступают как боевая сила мятежной семьи, в Галич стекаются люди, готовые воевать за Юрия Дмитриевича против великого князя, но во время военных столкновений второй четверти XV в. в источниках нет упомина-

⁵¹ К. А. Аверьянов впервые комментировал этот эпизод как вынужденное бегство Юрия Дмитриевича, а не акт начала мятежа: «Прекрасно понимая законность прав Звенигородского князя на московский престол (по старому родовому счету второй и третий брат считались старше своего племянника, тем более что племянник был малолетним), он (митрополит Фотий — С. Г.) стремился заманить его в ловушку и тем самым одним разом разрубить клубок противоречий» [Аверьянов 1993д: 24].

ния о звенигородском полке, который вряд ли мог отсутствовать в городе, несущем оборонную функцию⁵².

Весь предшествующий период развития города до 1425 г. характеризовал Звенигород исключительно в качестве одного из локальных центров Московской земли. На протяжении XIV в. формировалась устойчивая политическая традиция: местную власть в Звенигороде представлял ставленник Москвы, второй сын великого князя, звенигородские села и волости доставались княгиневдове. А. А. Юшко, характеризуя боярское землевладение в Звенигородской земле XIV в., делала вывод о том, что «территория удела — один из регионов, наиболее рано вошедших в состав Московского княжества» [Юшко 2005: 19].

Разорвать связь Звенигорода и Москвы было не по силам ни Юрию Дмитриевичу, ни его сыновьям. Конечно, часть землевладельцев могла оказаться под политическим влиянием местного князя. Бояре Морозовы, представлявшие собой звенигородских вотчинников, оказались на службе у Юрия Дмитриевича [Синелобов 2003: 85]. Среди наиболее известных звенигородских вотчинников, выступивших на стороне Юрия Дмитриевича, можно назвать Семена Федоровича Морозова, владевшего селами Покровское и Никольское в Звенигороде [Веселовский 1969: 68]. Однако нельзя не принять во внимание комментарий А. А. Юшко: «Во владении Семена Федоровича они оказались где-то в первой трети XV в. в качестве компенсации со стороны князя Юрия Дмитриевича ему за службу» [Юшко 2002: 146–147]. Вряд ли Юрий Дмитриевич мог найти в Звенигородской земле широкое сочувствие своим амбициям, а для созыва людей из более отдаленных

⁵² Звенигородское ополчение участвовало в походе Дмитрия Донского 1386 г. на Новгород [ПСРЛ, т. IV: 345]. У Н. М. Карамзина при описании начала новгородско-московского конфликта 1393 г., в котором по поручению брата войсками руководил Юрий Дмитриевич, при перечислении полков встречаются и звенигородские: «Полки московские, коломенские, звенигородские, дмитровские, предводимые дядею великого князя, Владимиром Андреевичем Храбрым, и сыном Дмитрия Донского, Юрием, взяли Торжок и множество пленников в областях Новгорода» [Карамзин 1993: 77]. В «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище» есть упоминание о «звенигородских боярах», погибших на Куликовом поле [ПЛДР, вып. 4: 187].

владений Звенигород действительно не годился из-за близости к Москве.

Возможно, что во время конфликта галицких князей с Василием II звенигородские земли могли иметь значение лишь экономического ресурса, служить воплощением их прав на наследование «вотчины».

С начала XV в. и на протяжении второй четверти этого столетия Звенигородские владения, находящиеся в руках местных князей, претерпевали определенные изменения в своем составе. Вероятно, в начале княжения Василия II часть звенигородских волостей была предана безземельному князю Константину Дмитриевичу, младшему сыну Дмитрия Донского, вернувшемуся после опалы из Новгорода⁵³. Это было зафиксировано в договоре 11 марта 1428 г. За звенигородские волости Константин должен был вкладываться в общую дань от владений Юрию Дмитриевичу, как это делали княгини-вдовы, имевшие села в уделах своих сыновей: «А князю Константину Дмитриевичу давати тебе дань и ям с Шачебала и Ликурги, и с тех волостей Звенигородских, которые за ним, как давал при моем отце, при великом князе» [ДДГ: 64 (№ 24)]. А. Е. Пресняков, комментируя данный эпизод, считал: «Юрий уступил Константину часть Звенигородских волостей, но дань с них Константин вносит в казну Юрия; эти отношения сходны с обычными отношениями между великим и удельным князем и могли создать некоторую связь владельческих интересов между братьями-князьями» [Пресняков 1998: 457].

Какие именно звенигородские волости отошли во владение Константина, можно реконструировать по духовной грамоте Юрия Дмитриевича 1432 г.: «А с Сурожики, и с Лучинского, и с Шепковы, дети мои то розведут по тому окладу, как аз имал оу своего брата, оу князя Константина» [ДДГ: 74 (№ 9)].

А. А. Юшко писала о местонахождении волости Сурожик: «Территория древней волости Сурожик распространялась от р. Молодильни и частично Тростянского озера на западе до низовьев Малогищи и р. Истры на востоке, течения р. Малогищи на севере

⁵³ «Того же лета (6929) князь Константин из Великого Новгорода отъеха на Москву» [ПСРЛ, т. XI: 237].

и верховьев р. Разводни на юге» [Юшко 2002: 146–147]. Волость была ближе всего к Дмитрову и ограничивала северный рубеж звенигородских владений Юрия Дмитриевича. Есть свидетельство конца 20-х годов XV в. о том, что ее территории непосредственно примыкали к землям княгини Ефросиньи, вдовы Петра Дмитриевича⁵⁴. Таким образом, уступка волости Сурожик с селами Лучинским на р. Малогоще и Шепковым, расположенным севернее Скирманово, не только позволила великому князю наделить земель младшего брата Константина, но и помогла провести четкую границу между Дмитровской и Звенигородской землями.

Звенигород наряду с другими городами Центральной Руси, видимо, сильно пострадал от эпидемий и недорода 20-х годов XV в. В договорной грамоте 1428 г. великий князь освободил Звенигород от выплаты ордынской дани на четыре года⁵⁵. О том же разорении свидетельствует и вкладная грамота Авраамия Микулина в московский Чудов монастырь на села волости Сурожик [РД: 11–12]. А. В. Антонов и К. В. Баранов так комментировали этот документ: «Очевидно, старец Авраам потерял всех ближайших родных и остался один в своем роде, что могло произойти во время одного из моровых поветрий 1410–1420-х годов» [Антонов, Баранов 1997: 9].

Несколько противоречиво выглядит духовная грамота Юрия Дмитриевича 1432 г.⁵⁶ [ДДГ: 73–74 (№ 29)]. В ней как будто показан экономический рост в Звенигородском уделе. По сравнению со второй духовной грамотой Дмитрия Донского увеличился ордынский выход со Звенигорода, с города стало братья 511 руб. вместо 272 руб. [ДДГ: 74 (№ 29), 35 (№ 12)] А. М. Сахаров приво-
дил этот факт в качестве доказательства процветания Звенигоро-

⁵⁴ Граница земель волости была обозначена «от княгини от Офросиньины земли» [РД: 11].

⁵⁵ «А з Звенигорода и з Звенигородских волостей отложил ти есмь дани и яму на четыре годы, опричь тех волостей звенигородских, что я еси съступил брату своему молодшему, князю Константину Дмитриевичу» [ДДГ: 64 (№ 24)].

⁵⁶ По Л. В. Черепнину, духовная была составлена в начале зимы 1433 г. и имела политическую направленность ввиду назревания нового этапа политической борьбы [Черепнин 1948: 109–110]. А. А. Зимин относил ее составление к осени 1432 г., когда князь вернулся из Орды [Зимин 1958: 297].

да [Сахаров 1959: 88]. С. М. Каштанов, рассматривая этот пример, отмечал, что к 1433 г. «раскладка ордынской дани существенно изменилась» [Каштанов 1988: 10]. Однако П. Н. Павлов так не считал: «Номинальные размеры дани не менялись» [Павлов 1958: 104]. Этому исследователю принадлежала иная интерпретация: «Состав Звенигородского удела почти не изменился, в духовной Юрия Дмитриевича называются только некоторые новые села» [Павлов 1958: 104]. В ней появляются лишь два новых населенных пункта — села Михайловское и Никифоровское, расположенные друг против друга на р. Москве [Аверьянов 1993г: 30]. Павлов предполагал, что Юрий Дмитриевич платил два выхода — со Звенигорода и с Галича, а по завещанию 1432 г. к выходу со Звенигорода и волостей могла быть прибавлена сумма с Дмитрова (111 руб.), уже обозначенная в духовной Дмитрия Донского, и «остальное приходилось на Вятку» [Павлов 1958: 104]. Однако имеет ли предположение, что дань с Дмитрова и Вятки была прибавлена именно к звенигородской части, достаточно аргументов?

По завещанию Юрия Дмитриевича город Звенигород должен был отойти старшему сыну и первому наследнику князя — Василию Юрьевичу [ДДГ: 73 (№ 29)]. Звенигородские волости и села были поделены между всеми сыновьями. Василий Юрьевич получал Угожь, Плесьнь, Дмитриеву слободку, Тростну, Негучу и Андреевское; Дмитрий Юрьевич — Юрьеву слободу, Замосье, Кремичну, Скирманово с Бельми, Ростовцы, Фоминьское; Дмитрий Меньшой — Суходол, Истье, Уборичную слободу и Смоляную [ДДГ: 73–74 (№ 29)]. Таким образом, основные владения Шемяки оказывались на юго-западе Звенигородской земли, а Дмитрия Красного — на северо-западе.

Духовная грамота 1432 г. отразила прогрессивные тенденции в развитии Звенигородской земли. В ней появились новые городские центры, так как два волостных территориальных образования Руза и Вышгород получили набор признаков, позволивших считать их городами.

Руза, расположенная на левобережье р. Рузы, по археологическим данным возникла в XIII в. [Голубева 1953: 162]. В завещании Ивана Калиты она названа третьим пунктом в доле наследства

князя Ивана [ДДГ: 7 (№ 1)]. Первое упоминание Рузы в летописных источниках относится к концу XIV в., когда город пострадал от татарского набега 1382 г. [ПСРЛ, т. XI: 76]. В своих работах А. М. Сахаров и Л. В. Черепнин связывали начальный период существования Рузы с с. Рузьским [Черепнин 1960: 331; Сахаров 1959: 88], но археолог А. А. Юшко обратила внимание на ошибочность таких выводов, разделив эти два пункта [Юшко 2002: 37]. Впервые в духовной Юрия Дмитриевича Руза упомянута как город, она переходила второму сыну князя Дмитрию Шемяке «с волостями, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами» [ДДГ: 73 (№ 29)].

В завещании 1432 г. «со всеми пошлинами, и с мыты, и з бортью, и с селы» назван был также Вышгород [ДДГ: 74 (№ 29)]. Он достался самому младшему брату Дмитрию Меньшому. Типографская летопись содержит несколько странное свидетельство о том, что после похода в Орду хан «князю Юрью придалъ к Галичю Звенигородъ, Рузу, Вышгородъ, Дмитровъ» [ПСРЛ, т. XXIV: 182]. Конечно, князь и ранее владел всеми этими городами, исключение составляет лишь Дмитров. Но, вероятно, именно ко второй четверти XV в. Руза и Вышгород превратились в собственно города и стали заметнее на карте Северо-Восточной Руси.

П. А. Раппопорт отмечал, что новые крепости Рузы, Вышгорода и Звенигорода представляли собой простой мысовой тип укреплений, характерный для городов Московской земли XIV–XV вв. [Раппопорт 1961: 51]. С одной стороны, умелое использование при их постройке естественного рельефа местности вполне успешно отвечало задачам обороны, для решения которых они возводились. С другой стороны, такой тип фортификационного строительства можно признать малозатратным по людским и материальным ресурсам.

По-видимому, функции Звенигорода, Рузы и Вышгорода в распоряжении мятежной княжеской семьи были очень близки и даже взаимозаменяемы; как правило, в подмосковных городах-крепостях оказывалась в заточении семья Василия II.

Среди летописных свидетельств о событиях второй четверти XV в. Звенигород и Руза в нескольких случаях меняются местами. Впервые такая путаница встречается в сюжете о бегстве

Юрия Дмитриевича из Москвы после его первого пребывания на великокняжеском престоле в 1433 г.: по свидетельству большинства летописей, он отъехал в Звенигород, но есть упоминание и о Рузе⁵⁷.

В 1433 г. между Юрием Дмитриевичем, потерявшим великое княжение, и Василием II был заключен мирный договор [ДДГ: 75–80 (№ 30)]. По нему звенигородский князь уступал московский престол и возвращал ханский ярлык на Дмитров. В свою очередь великий князь утвердил состав земель, переходящих Юрию Дмитриевичу и его младшему сыну Дмитрию Меньшому. За Юрием Дмитриевичем остался его наследственный Звенигород, а Дмитрию Меньшому согласно завещанию отца отошел Вышгород на Протве [ДДГ: 76 (№ 30)]. Возможно, что переход Вышгорода к младшему из Юрьевичей, проявлявшему безусловную лояльность к великокняжеской власти, был в интересах Василия II, так как город располагался на границе с землями его менее верного союзника Ивана Андреевича Можайского.

Юрию Дмитриевичу были возвращены звенигородские волости, которые ранее были отданы им Константину: «...что мне ся еси нынча отъступил Сурожика, да Лучиньского, да Шепковы» [ДДГ: 76 (№ 30)]. Возможно, что Сурожик был захвачен Юрием Дмитриевичем до этого соглашения. Звенигородский князь во время своего великого княжения в Москве с 25 апреля по 28 сентября 1433 г. подтвердил вкладную грамоту Авраамия Микулина на села этой волости в московский Чудов монастырь [РД: 12]. Датировать грамоту этим периодом позволяет состав свидетелей, среди которых были названы бояре И. Д. Всеволожский и А. В. Лыков [Антонов, Баранов 1997: 5–6].

По всей видимости, договор 1433 г. между Василием II и Юрием Дмитриевичем являлся поиском безопасного компромисса со стороны великого князя, хотя в целом он ознаменовал собой победу Василия II на данном этапе междоусобной борьбы.

⁵⁷ В большинстве летописей назван Звенигород [ПСРЛ, т. V: 265; т. VI: 66; т. XXVI: 190; т. XXVII: 104; т. XXXIX: 144]. Руза указана в Ермолинской летописи [ПСРЛ, т. XXXIII: 147].

Во время второго правления Юрия Дмитриевича в Москве, длившегося с 31 апреля 1434 г. по 5 июня 1434 г., звенигородские владения князя — по разным летописным версиям, города Руза или Звенигород — послужили местом ссылки для Софьи Витовтовны и Марии Ярославны⁵⁸.

Остается неясным вопрос: кто владел Звенигородом после смерти Юрия Дмитриевича 5 июня 1434 г.? По завещанию 1432 г. город должен был перейти Василию Юрьевичу [ДДГ: 73 (№ 29)]. Однако ряд исследователей считает, что оно не было выполнено и, скорее всего, Звенигород был отнят великим князем после его утверждения в Москве в 1434 г. [Карамзин 1993: 146; Соловьев 1988: 388; Пресняков 1998: 268; Назаров 1975: 56; Аверьянов 1993г: 30]. Другие ученые полагали, что Василий Юрьевич продолжал владеть наследственным Звенигородом [Черепнин 1948: 122; Зимин 1991: 72; Борисов 2003: 54].

В источниках нет указаний на пребывание в Звенигороде старшего сына бывшего владельца Василия Юрьевича. Отсутствует упоминание о Звенигороде и в тексте договора Василия II и Василия Косого, заключенного весной 1435 г. Непонятно, что Василий Юрьевич подразумевал под «своя отчины»: только пожалованный великим князем Дмитров или же и другие свои земли [ДДГ: 101 (№ 36)].

Лишь договор 13 июня 1436 г., заключенный после победы над Василием Косым, великим князем Василием II и его союзником князем Дмитрием Шемякой, определил судьбу Звенигорода. Город целиком с основными своими владениями отходил великому князю, кроме одного села: «...Звенигород с волостями, и путями, и с селы... оприсно того села, што еси взял оу Семена оу Аминова пасынка а Тростне в своем имяни, и то село твое со всем, што к нему потягло, а судом и данью тянет к Звенигороду по старине» [ДДГ: 90 (№ 35)]. Недостаточно аргументировал свой вывод К. А. Аверья-

⁵⁸ Летописные источники по-разному указывают город, ставший местом заточения: Руза [ПСРЛ, т. XXIII: 148; т. XXVII: 270; т. XXXIX: 144.]; Звенигород [ПСРЛ, т. V: 266, т. XXVI: 190; т. XXVII: 105]. Софийская вторая летопись упоминает оба города [ПСРЛ, т. VI: 67]. Весомые доводы в пользу Рузы привела Н. Д. Мец, связавшая монетный клад, найденный в Рузе, с пребыванием в городе Софьи Витовтовны [Мец 1974: 54].

нов, который посчитал, что село отошло Дмитрию Меньшому. Он писал, что село «оставалось за Дмитрием Красным. После смерти Дмитрия Красного в 1440 г. все звенигородские земли сосредоточились в руках великого князя» [Аверьянов 1993г: 30]. Скорее всего, оно отдавалось великим князем Дмитрию Шемяке. Статья об этом селе присутствует и в договоре Дмитрия Шемяки и Василия II 1441–1442 гг., заключенном после смерти Дмитрия Красного [ДДГ: 108 (№ 38)].

Также по договору 1436 г. великий князь подтвердил передачу братьям Юрьевичам волостей, некогда бывших за Константином Дмитриевичем, которые он оставлял их отцу по договору 1433 г. (Сурожиц, с. Лучинское и Шепково) [ДДГ: 90 (№ 35)]. В договоре предусматривался раздел земель, перешедших к Шемяке, с младшим братом Дмитрием Красным («как ся есмы ныне подели съ братом, со князем с Дмитрием Юрьевичем с Меньшим» [ДДГ: 90 (№ 35)]). По всей вероятности, звенигородские города и земли были распределены по завещанию их отца Юрия Дмитриевича: Руза досталась Дмитрию Шемяке, а Вышгород — Дмитрию Красному.

В следующем договоре Василия II с Дмитрием Шемякой 1441–1442 гг. подтверждались условия соглашения 1436 г. [ДДГ: 108–110 (№ 38)], оговаривался факт принадлежности Рузы и Вышгорода галицким князьям. А. М. Сахаров обратил внимание на то, что в грамоте впервые была указана дань, собираемая с Рузы и Вышгорода⁵⁹. Он писал: «В 1441–1442 гг. с Рузы и Вышгорода собиралось 420 руб. дани в Орду, что указывает на значительные доходы, которые князья получали в этих городах, а тем самым является косвенным свидетельством их экономического развития» [Сахаров 1959: 89]. Такое повышенное внимание к городам Звенигородской земли можно объяснить кончиной в сентябре 1440 г. младшего из сыновей Юрия Дмитриевича Дмитрия Красного. Естественно, что Дмитрий Шемяка хотел позаботиться и закрепить за собой наследство брата.

⁵⁹ «А што есмь, брате, на твои отчине на Рузе и на Вышгороде взял дань, и меня тое дани дошло четьреста рублей и двадцать рублей, а то ми тебе, своему брату, завести по розочти, а досталь ти ми отдати» [ДДГ: 108 (№ 38)].

Из земель брата Дмитрию Юрьевичу перешла вышгородская волость Суходол. Вероятно, на 30–40-е годы XV в. приходился период роста звенигородских пригородов, время хозяйственного освоения волостей. Одним из доказательств этого может служить то, что в 1444 г. в Суходол пришел святитель Пафнутий Боровский. На новом месте, «благоугодном к устроению на березехъ между двумя реками» при впадении р. Истерьмы в Протву, им был основан Рождественский монастырь [Житие преподобного Пафнутия Боровского: 122]. Основание монастыря стимулировало развитие земель, привлекало людские ресурсы: «...и мнози прихожаху отъ странъ хотящее жити у него... место убо распространяшася и братьямъ умнжающимся» [Житие преподобного Пафнутия Боровского: 122]. Становится вполне понятна зависть соседнего князя Василия Ярославича Серпуховско-Боровского, толкавшая его на противоправные действия против святителя: «...виде свою обитель оскудевающу новую же идеже отецъ основа наипаче процветающу, и сего ради многимъ гневомъ яряся на святого хотя отгнати его отъ места» [Житие преподобного Пафнутия Боровского: 123]. Можно предположить, что некогда оказанное покровительство в устройстве монастыря со стороны владельца Суходола Дмитрия Шемяки заставило святого хранить о нем добрую память и поминать его имя на службе даже наперекор воле митрополита [Зимин 1977: 44–45].

В середине 40-х годов XV в. свою роль сыграла и Руза. Л. А. Голубева писала: «Руза оказалась втянутой в череду политических событий, служила опорной базой заговорщиков. В ней концентрировались войска звенигородских князей; вероятно, она была тогда сильно укреплена» [Голубева 1953: 145]. В уособице Юрия Дмитриевича и Василия II значение Рузы как опорного пункта сомнительна, но во время Дмитрия Шемяки в 1446 г. она стала местом подготовки нападения на великого князя. В летописях, содержащих «Повесть об ослеплении Василия II», отражено, что Дмитрий Шемяка и Иван Можайский «совокупившееся стояху в Рузе, готови суще, яко псы на ловь» [ПСРЛ, т. XXV: 264; т. XXVI: 200; т. XXVII: 110]. Я. С. Лурье обратил внимание, что в более ранней версии этой летописной повести, представленной в Музейном летописце, встречается формулировка «стояху в Лузе» [Музейный летописец: л. 225; Лурье 1981: 565] (см. также: [ПСРЛ, т. XXVI: 200; т. XXVII:

110])). Но вряд ли есть основание видеть в этом указание на какой-либо другой населенный пункт.

Скорее всего, город подошел мятежникам своим географическим положением. Близость Рузы и Можайска должна была облегчать контакты двух союзников — Дмитрия Шемяки и Ивана Андреевича — накануне готовящегося переворота. Так, в Ермолинской летописи представлено, что войска обоих князей не были слиты: «...собравше около себя силу многу, и дрѣжаху втайне в Рузе и в Можайске» [ПСРЛ, т. XXIII: 152]. Руза располагалась недалеко от Москвы, поэтому оставались возможными сношения заговорщиков со своими сторонниками в столице: «...вести по вся дни посылаеми бяху с Москвы от изменниковъ» [ПСРЛ, т. XXV: 264]. Л. В. Черепнин считал: «...выезд Василия II из Москвы был ловко подготовлен его противниками, действовавшими согласованно в Рузе и в Москве»⁶⁰ [Черепнин 1960: 794–795]. А. А. Зимин предполагал, что Руза могла быть выбрана местом воссоединения войск Дмитрия Шемяки, Ивана Андреевича Можайского и Бориса Александровича Тверского [Зимин 1991: 247].

В княжение Дмитрия Шемяки Руза также могла являться местом ссылки Софьи Витовтовны. Ермолинская летопись указывает, что в феврале 1446 г. туда первоначально была отправлена Софья Витовтовна, потом переведенная в Чухлому [ПСРЛ, т. XXIII: 152]. Однако этого факта нет в текстах Софийской первой летописи, Музейного летописца и в последующем великокняжеском летописании [Бальзеровский список: л. 301 об; Музейный летописец: л. 228; ПСРЛ, т. XXV: 266; т. XXVI: 202].

Есть все основания думать, что Дмитрий Шемяка мог распоряжаться Рузой, Вышгородом и звенигородскими волостями по праву наследства до перемирной грамоты 1447 г., которую можно условно назвать последним соглашением галицкого и московского князей. Оказавшись в изгнании, потеряв великое княжение, Шемяка в этом договоре, обращенном к великому князю, был вынужден окончательно признать за Василием II свои наследственные владения Звенигород и Вятку [ДДГ: 141 (№ 46)].

⁶⁰ А. А. Зимин считал этот вывод не мотивированным данными источников [Зимин 1991: 247].

По договору 1450 г. между Василием II и Михаилом Андреевичем Верейским великий князь уступил своему союзнику звенигородскую волость Плеснь и город Вышгород на р. Протве [ДДГ: 164–168 (№ 55)]. Вероятно, это было сделано потому, что они располагались на границе с уделом Михаила Андреевича. Вскоре после этого в Вышгороде вспыхнули волнения, в ходе которых был убит митрополичий десятинник и перебита его свита. Митрополит Иона направил послание Михаилу Верейскому, «жалуясь на твоихъ поповъ на сборныхъ на Вышегородскихъ, да на мирянь, и на ихъ товарищовъ» [АИ: 98 (№ 50)]. О бедственном положении города свидетельствует освобождение от выплаты дани: по договору с великим князем Михаил Андреевич мог «пять лет выхода не дати» [ДДГ: 165 (№ 55)]. А. А. Зимин писал: «Впрочем, даже такая льгота не обеспечила покой и порядок в Вышгороде, сохранявшем, наверное, преданность галицким князьям» [Зимин 1991: 145]. О правомерности последнего вывода можно спорить. Вероятно, обессиленным новыми поборами горожанам ничего не оставалось, как вновь вспомнить о своем общинном единстве и выразить протест властям.

В 1454 г. Звенигород с большим числом волостей был передан союзнику Василию Ярославичу Серпуховскому⁶¹ [ДДГ: 180 (№ 58)]. Но уже в 1456 г. после пленения князя он окончательно вошел в состав Московских земель великого князя.

Ю. В. Кизилев относил Звенигород к числу городов, переданных во время княжения Василия II Темного татарским царевичам, перешедшим на русскую службу [Кизилев 1984: 131]. А. А. Зимин также считал, что город в период с 1445–1449 гг. мог оказаться в руках татар [Зимин 1991: 136, 254]. Исследователь опирался в своих выводах на летописное указание за 1446 г., когда татарские царевичи Касым и Якуб «ступили на Литовские же порубежья» [ПСРЛ, т. XXIII: 153]. Не менее важно оказалось и свидетельство 1449 г., когда царевич Касым, вышедший из Звенигорода, отразил набег Сеид-Ахмета на р. Пахре [ПСРЛ, т. XXV: 270; т. XXVI: 206; т. XXVII:

⁶¹ А. А. Зимин датировал этот договор летом 1454 г. — 10 июля 1456 г. [Зимин 1958: 314]. К. А. Аверьянов уточнил время его заключения 17 апреля 1454 г. — 22 октября 1455 г. [Аверьянов 1993г: 31].

115]. Это вполне укладывалось бы в русло политики Василия II по привлечению татар на пограничную службу Русского государства. Кроме того, земли могли быть отданы Касыму и Якубу в начале 1447 г. в качестве вознаграждения за помощь, оказанную великому князю в борьбе с Дмитрием Шемякой⁶².

Однако в современном исследовании Б. Р. Рахимзянова была отвергнута версия о переходе Звенигорода Касыму: «Царевичи во время заключительного этапа феодальной войны 1445–1453 гг. попросту не могли находиться в одном месте, так как они поддерживали Василия II и находились там, где более всего нужна была их боевая конница и пешие отряды. Это мог быть как Звенигород, так и другой населенный пункт...» [Рахимзянов 2001: 126–127]. Все же, если допустить вероятность хотя бы временного размещения татар в Звенигороде, становится ясно, насколько малое значение имело то, кто оказывался во главе города с санкции великого князя московского.

Звенигород возник как пригород Москвы в XIV в. В первую очередь город-крепость должен был выполнять оборонную функцию на юго-западных подходах к Москве. Сохраняя это качество и во второй четверти XV в., Звенигород не мог быть оппозиционно настроен к своему главному городу или служить базой для междоусобной борьбы против московского князя. Во время княжеских усобиц Звенигород, как и Коломна и Дмитров, продолжал оставаться неотъемлемой частью собственно Московской земли, поддерживавшей всей своей земщиной московского великого князя Василия II.

⁶² Сыновья Улуг-Мухаммеда перешли на службу к Василию II в 1446 г. [ПСРЛ, т. XXVI: 110–114; т. XXV: 268].

ДМИТРОВ И ВОЛОСТИ

В ходе усобиц второй четверти XV в. Дмитров не раз переходил из рук в руки. Дмитровская земля, безусловно, представляла большой интерес для местных князей, но она была исторически связана с Москвой не менее крепко, чем Коломна или Звенигород. Л. В. Черепнин справедливо характеризовал позицию города: «Дмитров не принадлежал к числу городов, выступивших в феодальной войне на стороне Галицких князей» [Черепнин 1966: 113].

Дмитров можно отнести к древнейшим центрам Северо-Восточной Руси. Город был заложен на р. Яхроме в 1154 г. [ПСРЛ, т. XXV: 58]. М. Н. Тихомиров объяснял такое почти одновременное появление Москвы и Дмитрова «строительной деятельностью Юрия Долгорукого по укреплению северо-западных рубежей Залесской земли» [Тихомиров 1956: 410]. Он писал о местоположении города: «Подобно тому, как Москва прикрывала дорогу, шедшую по Москве-реке, а Коснятин — по Нерли, Дмитров заслонял те пути в Суздальскую землю, которые шли по Яхроме и Дубне» [Тихомиров 1973: 172]. Город-крепость был построен на плоском рельефе, в низине, что соответствовало фортификационным требованиям XII в. [Тихомиров 1956: 411; Раппопорт 1961: 176–177].

После монголо-татарского нашествия, возможно в 40-е годы XIII в., было образовано самостоятельное Галицко-Дмитровское княжество⁶³. Причины такого объединения В. А. Кучкин находил

⁶³ В 1280 г. скончался «князь Давыдъ Костянтиновичъ, внук Ярославль, Галичскыи и Дмитровскыи» [ПСРЛ, т. XVIII: 77].

в тяжелом положении страны: «...именно в первые годы после Батыева нашествия из разоренной Северо-Восточной Руси непросто было выкроить территориально компактные уделы» [Кучкин 1984: 116]. В конце XIII — начале XIV в. Галицко-Дмитровская земля распалась на два отдельных образования — Галицкое и Дмитровское княжества⁶⁴. Однако В. А. Кучкин имел все основания отмечать, что в отношении этих городов «традиции владельческого единства дожили даже до XV в.» [Кучкин 1984: 245–246].

Время присоединения Дмитрова к Москве является дискуссионным вопросом⁶⁵. Исследователи XIX — начала XX в. считали вхождение Дмитрова и Галича в состав Московских земель событиями одного порядка и связывали это с походом Дмитрия Донского против Дмитрия Галицкого [Соловьев 1988: 448; Ключевский 1988: 16; Любавский 1929: 62; Пресняков 1998: 388]. В работах современных авторов В. А. Кучкина и К. А. Аверьянова эти два процесса были окончательно разделены.

В. А. Кучкин полагал, что присоединение Галича и Дмитрова было осуществлено не именно к московским землям, а к великому княжению. Во время великого княжения Михаила Ярославовича Тверского, по мнению исследователя, «Дмитров и Галицкое княжество были поставлены в какую-то зависимость от великокняжеской власти» [Кучкин 1984: 244]. На широком временном отрезке от Ивана Калиты до Дмитрия Донского предусматривалось сохранение «Галицких и Дмитровских рубежей»⁶⁶ [Кучкин 1984: 255]. Окончательное вхождение Дмитрова в состав московской вотчины В. А. Кучкин относил к промежутку 1359–1368 гг. В качестве наиболее вероятной даты он предлагал 1360 г., когда Дмитрий Иванович потерю владимирского стола «компенсировал захватом

⁶⁴ Свидетельствует об этом упоминание Бориса Дмитровского и Федора Галицкого [ПСРЛ, т. XV: стб. 47].

⁶⁵ Историография этого вопроса изложена К. А. Аверьяновым [Аверьянов 2001: 90–93].

⁶⁶ Главным аргументом В. А. Кучкина в его рассуждениях служит реконструкция фразы из второй договорной грамоты Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича, датированной им 1372 г.: «А рубежь Галичю и Дми... при Иване и при отцехъ наших при великих князехъ...» [ДДГ: 23 (№ 7)].

соседнего с Москвой небольшого Дмитровского княжества» [Кучкин 1984: 247].

К. А. Аверьянов пошел еще дальше в выявлении дмитровско-тверских связей, утверждая, что «в начале XIV в. Дмитров являлся тверским владением» [Аверьянов 2001: 94]. Исследователь ссылался на то, что «в начале XIV в. представители дмитровской ветви рода, в лице Бориса Давыдовича, находились в положении “слуг” у тверских великих князей» [Аверьянов 2001: 94]. Исследователь считал, что Дмитров отошел к Москве в итоге женитьбы Семена Гордого на Марии Александровне, дочери тверского князя Александра Михайловича. В итоге Дмитров перешел к московским князьям в конце XIV в., после пострижения в монахи вдовы великого князя московского [Аверьянов 2001: 97].

Присоединение Галича и Дмитрова к Москве проходило постепенно. Первоначально Дмитрий Иванович «дал в уделъ Галичь, Дмитровъ с волостями» Владимиру Андреевичу Серпуховскому [ДДГ: 23 (№ 7)]⁶⁷. В. А. Кучкин так комментировал это решение великого князя московского: «На первых порах Дмитрий Иванович отдает Галич и Дмитров под управление (временное) такого лица, которое было связано родственными отношениями и с московским княжеским домом, и с местной династией» [Кучкин 1974: 379]. Отец Владимира Андреевича — Андрей Иванович — был женат на дочери галицкого князя. К. А. Аверьянов делал из этого пожалования несколько другой вывод. По его мнению, такое решение было направлено против претензий тверских князей. Он предполагал, что «Владимир Андреевич Серпуховской был вынужден посадить в Дмитрове на правах “слуги” своего деда князя Ивана Федоровича Галичского, имевшего по родовому счету не меньше прав на Дмитров, чем тверские князья» [Аверьянов 2001: 98].

Предчувствуя скорую смерть, Дмитрий Донской отнял эти города у своего двоюродного брата, что, по мнению Л. В. Черепнина и ряда других исследователей, привело к межкняжескому конфликту [Черепнин 1948: 38–41; Кучкин 1974: 378; Фетищев 2003: 38–40].

⁶⁷ А. А. Зимин считал, что этот договор был заключен между 10 апреля и 15 июня 1371 г., когда великий князь отправился в Орду [Зимин 1958: 285].

В духовной грамоте Дмитрий Донской разделил Галич и Дмитров по разным владениям своих сыновей. Есть основания предполагать, что уже под влиянием Москвы проходило оформление территории собственно Дмитровский земли. Например, А. Е. Пресняков вообще не признавал серьезным фактом единичное упоминание князя Бориса Дмитровского и не считал Дмитров XIV в. «стольным городом особого княжества; такое значение за ним не закрепилось, и он остается Галицкой волостью» [Пресняков 1998: 388]. Также М. К. Любавский не выделял Дмитров в особое княжество, оценивая его лишь как часть Галицкой земли [Любавский 1929: 63].

Завещание Дмитрия Донского обозначило новое положение Дмитрова: он стал главным городом владений четвертого сына Дмитрия Ивановича — Петра. Интерес исследователей вызвало уже само место упоминания Дмитрова в духовной грамоте не в порядке перечисления остальных земель-купель. А. Е. Пресняков, опираясь на то, что в завещании Дмитрия Донского проводилась граница между московскими уделами и великокняжеской территорией, писал: «При этом особого внимания заслуживает судьба Дмитрова, который оказался, по духовной в[еликого] к[нязя] Дмитрия, включенным в состав уделов московской вотчины: оторванный от комплекса Галицких владений Дмитров инкорпорирован в состав московских владений и стоит особо от Галича»⁶⁸ [Пресняков 1998: 136]. По мнению В. Д. Назарова, это объяснялось тем, что Дмитров граничил с Тверской землей и его роль «в политико-стратегических интересах московских князей была более значительной и жизненно важной, чем Галича» [Назаров 1975: 48]. К. А. Аверьянов видел иную причину упоминания о Дмитрове не на обычном месте купель, после московско-тверской войны 1375 г.: «...тверские князья вынуждены были окончательно отказаться от претензий на него, этот город стал полностью московским владением, и указание на объем владельческих прав в нем московских князей представлялось излишним» [Аверьянов 2001: 213].

⁶⁸ На это же указывал В. Д. Назаров: «Показательно, прежде всего, включение Дмитрова в духовной Дмитрия Донского в разряд старой московской вотчины в противоположность Галичу, который передается Юрию и фигурирует среди “купель” Ивана Калиты» [Назаров 1975: 47].

Видимо, к изменению его статуса привела и возросшая роль Дмитрова во внутренней политике Москвы. Выделение Дмитровской земли во главе с местным князем могло базироваться на стремлении защитить город от возможного захвата серпуховским князем.

Важной чертой завещания Дмитрия Донского стало образование круга дмитровских волостей. Из числа волостей Петра Дмитриевича только четыре изначально тянули к Дмитрову (Вышгород, Берендеева слобода, Лутосна и Инобаж), остальные были московскими волостями⁶⁹. Придав к уделу Петра ряд этих волостей, Дмитрий Иванович смог добиться того, что «замосковская часть удела серпуховского князя оказывалась окруженной с двух сторон землями князя Петра» [Назаров 1975: 49].

М. Н. Тихомиров и А. М. Сахаров показали в своих работах высокое военно-оборонительное и торговое значение Дмитрова в Московской земле XIII–XV вв. [Тихомиров 1973: 172–178; Сахаров 1959: 84]. Распределение Дмитрова во владение четвертого младшего сына князя, вероятно, не столько подчеркивало мало-значительную роль города, сколько соответствовало традиции разделения властных полномочий между представителями всего княжеского рода Даниловичей⁷⁰.

Возможно, что на самом раннем этапе сложения Дмитровского удела власть над ним принадлежала великому князю и московской администрации. В. Д. Назаров высказал предположение, что Дмитровский удел Петра, как и Можайский его брата Андрея, не были образованы в 1389 г. из-за малолетства обоих князей [Назаров 1975: 51–54]. Г. А. Федоров-Давыдов также допускал такой вариант, обосновывая его тем, что эти князья стали чеканить собственные монеты только в самом конце XIV в. [Федоров-Давыдов 1981: 75, 81–82].

⁶⁹ «А из московских волости князю Петру: Мушкова гора, Ижво, Раменка, слободка княжа Иванова, Вори, Корзенево, Рогож, Загарье, Вохна, Селна, Гуслеца, Шерна городок» [ДДГ: 34 (№ 12)].

⁷⁰ «Нас не должна смущать передача Дмитрова младшему сыну. Характер духовной Дмитрия Донского стимулировал всех его сыновей к проведению совместного политического курса в борьбе за преобладание в Северо-Восточной Руси» [Назаров 1975: 48].

В исследовании В. Д. Назарова было доказано, что именно при князе Петре Дмитриевиче «сложился устойчивый комплекс дмитровско-московских волостей» [Назаров 1975: 54]. Следовательно, только в княжение Василия I появилось новое самостоятельное территориальное образование внутри Московской земли — Дмитровская земля. Дмитров неизбежно должен был стать объектом притязаний со стороны местных князей. Их права подкрепляли еще не забытые галицко-дмитровские и серпуховско-дмитровские связи.

В Житии Саввы Сторожевского представлен рассказ о первом приходе звенигородского князя в Троицкую обитель в конце XIV в. с просьбой к святителю стать его духовным наставником: «По сих приде во обитель святой Троице благоверный князь Георгий, сын великого князя Дмитрия и великое моление простиратъ къ блаженному Саве, да шествует с нимъ въ град Дмитровъ, и подасть благословление и молитву домови его, имеша бо его себе отца духовного» [ВМЧ: стб. 70–71]. Содержится ли в этом свидетельстве ошибка или Юрий Дмитриевич действительно какое-то время жил в Дмитрове? Может ли быть, что он выполнял роль великокняжеского наместника при малолетнем дмитровском князе? А. П. Синелобов, обращая внимание на этот фрагмент, находил в нем подтверждение тому, что притязания Юрия Звенигородского на Дмитров «имели под собой какие-то основания» [Синелобов 2003: 99]. Однако насколько объективными они были, делать выводы крайне трудно.

Вопрос о Дмитрове должен был возникнуть сразу после смерти бездетного князя Петра Дмитриевича Дмитровского в феврале 1428 г. О разделе такого «выморочного» удела между всеми родственниками недвусмысленно говорилось в завещании Дмитрия Донского: «А по грехам, которого сына Бог отъемлет, и княгиня моя поделит того уделов сынов моих» [ДДГ: 35 (№ 12)]. Но княгиня Евдокия была давно мертва, а московское правительство Василия II рассудило иначе.

По Типографской летописи, именно претензии на Дмитров возобновили междоусобную борьбу: «Князь же великий Василей послал ко князю Юрью о Дмитрове глаголя: “То выморок мой, дяди моего княже Петровъ”. И о том бысть межи ними брань» [ПСРЛ,

т. XXIV: 182]. По мнению большинства исследователей, судьба Дмитрова, который, по-видимому, был захвачен в 1428 г. великим князем, послужила причиной для новых княжеских распрей [Пресняков 1998: 266; Зимин 1991: 40; Борисов 2003: 23]. Л. В. Черепнин сделал предположение, что по не дошедшему до нас сепаратному договору между Василием II и Юрием Дмитриевичем Дмитров был отдан последнему [Черепнин 1948: 103]. Отсутствие Дмитрова в договоре 11 марта 1428 г. [ДДГ: 63–67 (№ 24)] он объяснял нежеланием великого князя поднимать вопрос о разделе волостей между младшими Дмитриевичами. По его мнению, передача Дмитрова могла преследовать две цели: «Уступкой Дмитрова Юрию Дмитриевичу правительство Василия II рассчитывало внести разлад в отношения между ним и его братьями и в то же время побудить его отказаться от борьбы за великое княжение» [Черепнин 1948: 103].

В отличие от Л. В. Черепнина, другие исследователи чаще склонялись к выводу о том, что Дмитров оказался у Юрия Звенигородского после возвращения из Орды [Карамзин 1993: 142; Соловьев 1988: 384; Пресняков 1998: 267; Экземплярский 1889: 155; Назаров 1975: 54]. Архимандрит Леонид (Кавелин), правда, считал, что Юрий Дмитриевич захватил город несколько раньше: «...будучи недоволен тем, что Дмитров, исстари... тянувший к Галичу, по смерти князя Петра не был присоединен к его князь Юрьеву уделу, в 1432 году завладел этим городом, обеспечив свой захват ярлыком Ордынского хана Махмета» [Леонид (Кавелин) 18786: 21]. Но эта версия кажется менее правдоподобной, так как по летописям не видно, чтобы князь Юрий появлялся в Дмитрове до 1432 г., то есть до того времени, когда он вернулся туда через Звенигород после пребывания в Орде [ПСРЛ, т. XXV: 250]. Присоединение Дмитрова укрепляло позиции Юрия Дмитриевича в московской вотчине. В то же время такое решение хана вполне соответствовало политике Орды, стремящейся к рассредоточению власти над территорией Северо-Восточной Руси.

Я. С. Лурье на основании анализа Медоварцевского летописца XVI в. выдвинул предположение, что ослепление И. Д. Всеволожского произошло сразу по возвращении из Орды и до его перехода к Юрию Дмитриевичу. Оно было связано главным образом с передачей Дмитрова звенигородскому князю «по Иванову слову»

[Лурье 1977: 10]. В Ермолинской летописи ослепление Всеволожского относится к 1433 г. — ко времени, последовавшему за победой Юрьевичей на р. Куши над московскими войсками [ПСРЛ, т. XXIII: 158]. Медоварцевский летописец отходит от привычной последовательности событий. Согласно ему, после прихода князей из Орды «пойман бысть болярин великого князя Иван Дмитриевич оклеветан и зрака лишен за то, егда бе с великим князем Василием, в Орде, тогда де с князем Юрьем сватался дщерю своею за его сына, да и Дмитров царь дал князю Юрью по Иванову слову. И не по мнозе Иван Дмитриевич убежал от великого князя Василиа к князю Константину Дмитриевичю на Угльч...» [Медоварцевский летописец: л. 458 об.]. О том, что передача Дмитрова была значительной уступкой звенигородскому князю, доказывают слова самого опального царедворца: «Дмитров изначала великого княжения улус» [Медоварцевский летописец: л. 458]. Таким образом, в Орде в 1432 г. мог быть достигнут такой шаткий политический компромисс, позволивший псковским и новгородским источникам даже выразить сомнение об исходе тяжбы «князей великих» Юрия и Василиа («княжения не взят не един», «княжения не взяхоу оба», «без великого княжения») [ПСРЛ, т. V, вып. 1: 39; т. V, вып. 2: 126; т. XVI: стб. 178].

Вероятно, осенью 1432 г. по возвращении из Орды Юрием Дмитриевичем было составлено завещание. Он, распоряжаясь дмитровскими землями, намеревался отдать их в совместное пользование своих наследников: «А чем мя Бог пожаловал и царь, Дмитровом, и с Московскими волостми и с селы... дети мои поделятся ровно» [ДДГ: 74 (№ 29)]. Грамота показала: образование Дмитровской земли, задуманное Дмитрием Донским, было успешно завершено. В.Д. Назаров отмечал, что в завещании бывшие «московские волости» фигурируют уже как «дмитровские». Анализируя перечисленный в грамоте состав дмитровских волостей, исследователь пришел к выводу, что во второй четверти XV в. «Дмитровское княжение по своему составу и внутренней административно-территориальной структуре равнялось уделу князя Петра» [Назаров 1975: 56]. Удачным оказалось и то, что завещание не было реализовано, так как это «способствовало сохранению территориальной целостности Дмитровского удела в XV в.» [Назаров 1975: 56].

Л. В. Черепнин предположил, что в Дмитрове в 1432 г. звенигородский князь «попытался заручиться поддержкой дмитровских горожан» [Черепнин 1966: 113]. Однако этому нельзя найти надежных подтверждений. В любом случае это ему не удалось: «Князь Юрьи бояся великого князя изъ Дмитров идее в Галич, а князь великий взять Дмитров за себя» [ПСРЛ, т. XVIII: 172; т. XXV: 250; т. XXVI: 188; т. XXVII: 103]. Возможно, что именно расположение Дмитрова, как и Звенигорода, в случае кризиса межкняжеских отношений делало его слишком уязвимым для пребывания там князя. Так комментировал этот отрывок С. М. Соловьев: «Юрий побоялся жить вблизи от Москвы, в новоприобретенном Дмитрове, и вернулся опять в Галич» [Соловьев 1988: 384].

Эпизод с Дмитровом показывает, что процесс объединения русских земель вокруг Москвы был уже необратим, и решение Орды не могло изменить ситуацию. Ю. В. Селезнев замечал: «Василий II, не посчитавшись с волей Улуг-Мухаммеда, занял Дмитров, на который хан выдал свой ярлык. Причем никаких карательных мероприятий со стороны Орды не последовало...» [Селезнев 2006: 88].

Вскоре, после того как Юрий Звенигородский покинул Дмитров осенью 1432 г., великокняжеские войска захватили город, Василий II посадил там своих наместников. Возможно, что эта военная операция не составила слишком большого труда для великого князя. По мнению П. А. Раппопорта, крепость Дмитрова, спланированная в XII в., значительно проигрывала в обороне другим подмосковным городам, появившимся уже в XIV–XV вв. Он писал о Дмитрове: «Конечно, в ряде случаев круглые и полукруглые укрепления приходилось использовать, так как здесь уже были ранее созданы города, которые продолжали существовать позже, например Дмитров, Юрьев-Польской, Перемышль. Однако с точки зрения тактики XIV в. эти округлые укрепления были несовершенны, потому что позволяли штурмовать их по всему периметру» [Раппопорт 1961: 167]. Можно предположить, что к захвату Дмитрова великого князя подтолкнула ситуация назревающего противостояния. Софийская первая летопись помещает поход на Дмитров в хронологическую взаимосвязь от бегства из Москвы Ивана Всеволожского: «Тогда же Иванъ Дмитриевичъ бежалъ къ

Тфери, а со Тфери въ Галичь къ князю Юрью. Того же лета князь великий наместниковъ Дмитровскихъ съслалъ княжыхъ Юрьевыхъ, а Дмитровъ взял за себя» [ПСРЛ, т. V: 264].

Дмитров с волостями никогда не выпадал из поля зрения великокняжеского правительства, о чем свидетельствуют жалованные грамоты Василия II в Троицкий монастырь на земли дмитровской волости Воря. Первую грамоту С. М. Каштанов датировал широким хронологическим промежутком с 1432 по 1445 г.⁷¹ Эта волость должна была отойти по завещанию отца Дмитрию Шемяке [ДДГ: 74 (№ 29)], но исследователь выражал сомнение в том, что Шемяка «мог реально управлять этой территорией» [Каштанов 1970: 345]. Историк пришел к выводу: «Скорее всего, Воря, как и Дмитров, основную часть времени в промежутке между 1432 и 1445 гг. находилась в руках в[еликого] кн[язя] Василия Васильевича» [Каштанов 1970: 345].

Юрий Дмитриевич формально потерял Дмитровскую землю, когда был вынужден покинуть московский престол в 1433 г. По договору, оформляющему эту новую перестановку сил, Дмитров отходил великому князю. Юрий Дмитриевич обещал «так же что отчина брата нашего молодшего, княжа Петрова Дмитриевича, Дмитров со всеми волостми, того ми всего под тобою под великим княземъ блюсти, а не обидети» [ДДГ: 76 (№ 30)]. В компенсацию князь Юрий и его младший сын Дмитрий Красный получали некоторые великокняжеские земли и Бежецкий Верх. Однако такой обмен все же означал поражение звенигородского князя. Дмитров был, безусловно, более выгоден галицким князьям. Статус Бежецкого Верха, получаемого взамен, был еще не вполне определен, его территории находились в сместном владении Новгорода и Москвы. Возможно, уже в этот период Василий II подтвердил пожалование в монастырь реки Вори предыдущего владельца Дмитрова Петра Дмитриевича⁷².

⁷¹ Жалованная данная и заповедная грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на бобровые ловли на р. Воре [Каштанов 1970: 345].

⁷² Жалованная [подтвердительная] данная и заповедная грамота великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря на Терменевский омут и др. воды на р. Воре [Каштанов 1970: 346]. См. также: [АСЭИ: 47 (№ 40)].

Вернув великокняжеский престол в марте 1434 г., Юрий Дмитриевич вернул и Дмитров. В союзническом договоре с Иваном Андреевичем Верейским и Михаилом Андреевичем Белозерским в новом качестве великого князя Юрий Дмитриевич потребовал, чтобы за ним признали «чем мя Бог пожаловал и царь Дмитровом с волостьми, и что к Дмитрову потягло истарины, как и было за моим братом за Петром...»⁷³ [ДДГ: 82 (№ 32)].

После смерти Юрия Дмитриевича 5 июня 1434 г. город вновь отошел к Василию Васильевичу, но ненадолго. Именно Дмитров великий князь счел нужным отдать Василию Юрьевичу по мирному договору весны 1435 г.⁷⁴ [ДДГ: 101 (№ 36); ПСРЛ, т. XXV: 252].

Историки XIX в. полагали, что Василий Косой получил Дмитров вместо наследственных владений [Соловьев 1988: 384; Экземплярский 1889: 159–161; Пресняков 1998: 268–269], исследователи XX в. считали, что город пополнил земельный фонд Василия Юрьевича, так как допускали сохранение Звенигорода за Василием Юрьевичем и после смерти отца [Черепнин 1948: 122; Зимин 1991: 72; Борисов 2003: 54]. С. М. Соловьев аргументировал первую точку зрения стремлением великих князей «переменять владения князей удельных, дабы последние, постоянно живя в одном уделе, не могли приучить к себе его жителей, приобрести их любовь» [Соловьев 1988: 388]. А. Л. Хорошкевич придерживалась мнения, что галицкие князья продолжали владеть Дмитровом с 1432 г. и до окончательного поражения Василия Косого в 1436 г. [Хорошкевич 1978: 196].

Видимо, уступкой Дмитрова Василий II признавал высокое положение своего политического соперника. В Орде в 1432 г. между ним и отцом Василия Юрьевича Юрием Звенигородским уже возник прецедент обмена Дмитрова на великое княжение; вполне вероятно, что этот случай был повторением уже пройденной ситуации. А. А. Зимин писал: «За отказ от претензий на великокняжеский престол он пожаловал Василию Косому Дмитров, как это было в аналогичном случае с его отцом» [Зимин 1991: 74].

⁷³ Л. В. Черепнин считал, что договор о передаче Дмитрова мог быть заключен во второй половине 1439 г. под давлением опасности со стороны татар [Черепнин 1948: 123].

⁷⁴ О датировке см.: [Зимин 1958: 300–302].

А. Л. Хорошкевич сделала предположение, что в качестве приложения к этому докончанию возникла «Запись о душегубстве», датируемая исследователями обычно 50–60 гг. XV в [Хорошкевич 1978: 203]. Она обратила внимание на состав дмитровских волостей, упомянутых в документе: «Волости, названные дмитровскими в “Записи”, были компактно расположены в бассейне среднего течения р. Клязьмы и ее притоков Волхонки, Гуслицы, Мерьской к востоку от г. Москвы по направлению к древней столице Владимиро-Суздальского княжества — Владимиру. Территориально они не были связаны с Дмитровом, поскольку находились значительно восточнее и южнее, нежели основные земли...» [Хорошкевич 1978: 197]. В конце XIV в. волости Волхна, Сельна, Гуслица, Рогож и Загарье Дмитрий Донской передавал Петру как «московские» [ДДГ: 34 (№ 12)]. Исследователь допускала, что в начале 30-х годов XV в. их статус мог быть все еще не вполне определен, хотя по завещанию звенигородского князя они отходили его сыну Василию как «дмитровские» [ДДГ: 54 (№ 29)]. Возможно, указывая на их подсудность Москве в «Записи о душегубстве», дополняющей договор весны 1435 г., Василий II пытался застраховать себя от потери Дмитровской земли и ограничить власть Василия Юрьевича. Таким образом, появившись в разгар усобиц, правовой документ московского правительства преследовал цель «централизации суда в Московском Великом княжестве» [Хорошкевич 1978: 203]. Подобная реконструкция вполне допустима, так как неясный статус этих территорий мог дать повод великому князю для ограничения власти местного князя над Дмитровом.

Василий II не потерял Дмитров в 1432 г., остался он за ним и в 1435 г. Источники не поясняют, по каким причинам Василий Косой пробыл в Дмитрове всего «един месяц» [ПСРЛ, т. XVIII: 175; т. XXIII: 149; т. XXV: 252; т. XXVI: 191]. Однако последующее развитие событий показывает, что, готовясь к новому выступлению, мятежный князь двинулся на Кострому и Галич. Дмитров не годился ему в качестве базы для сбора войск.

Победа Василия II Васильевича над Василием Косым вновь привела к тому, что Дмитров оказался в руках великого князя, что и было закреплено договором с Дмитрием Шемякой 13 июня 1436 г. [ДДГ: 90 (№ 35)].

В 1447 г. Дмитров в третий раз был использован в роли удобного компромисса для улаживания межкняжеских отношений между великим князем и местным правителем. Василий II передал этот город своему союзнику Василию Ярославичу Серпуховскому в счет недоданной «дедины» — наследства Владимира Андреевича, перешедшего в фонд земель московских князей (Углича, Козельска, Гоголя, Олексина, купли Пересветовы и Лисина) [ДДГ: 129–130 (№ 45)]. Передача Дмитрова в чем-то тоже несла характер возвращения наследия серпуховских князей, так как обращалась к восстановлению серпуховско-дмитровского единства конца XIV в. В. А. Кучкин комментировал это соглашение: «Самому Василию Ярославичу эти земли не принадлежали, но они, видимо, оставались объектом его постоянных притязаний. Можно думать, что Темный лишь удовлетворил эти притязания, не дав ничего сверх требуемого» [Кучкин, Флоря 1979: 209].

В дополнение к Дмитрову Василий Ярославич получил звенигородскую волость Суходол и Вышгород на Протве. В. Д. Назаров уточнил датировку этого договора. По его мнению, он был заключен при личной встрече союзников под Угличем в первой половине — середине января 1447 г. [Назаров 1975: 56] Вновь Дмитров выступил в роли почетного пожалования от лица великого князя. Конечно, это означало как признание больших заслуг его союзника Василия Ярославича в борьбе с Дмитрием Шемякой, так и то, что опасное для великого князя политическое противостояние все еще не было завершено. А. А. Зимин, датировавший это соглашение в более широком хронологическом диапазоне — до утверждения в Москве Василия II в феврале 1447 г., писал: «Серпуховской князь и московский великий князь вели тогда совместную борьбу с Дмитрием Шемякой, и перспективы этой еще не завершенной борьбы ярко отразились в рассматриваемой договорной грамоте» [Зимин 1958: 310].

Однако такое воссоединение серпуховских и дмитровских владений было недолгим. По следующему договору Василий II отнял Дмитров у Василия Ярославича, ничем это не компенсировав [ДДГ: 169 (№ 56)]. По мнению В. Д. Назарова, для такой меры, направленной против бывшего союзника, великому князю необходимо было условие полного прекращения борьбы с Дмитрием Ше-

мякой, конец которой положила смерть последнего в Новгороде в июле 1453 г. [Назаров 1975: 57–58].

Непростая владельческая судьба Дмитрова в XIV в. не могла не повлиять на его положение в событиях второй четверти XV в. Претензии на город со стороны Юрия Дмитриевича не столько воскрешали галицко-дмитровское политическое единство XIV в., сколько опирались на порядок совместного родового владения всей вотчиной московских князей. Соглашаясь на уступку Дмитрова, великий князь признавал высокое положение стороны, с которой он заключал договор и делился своей великокняжеской властью над территорией.

Роль Дмитрова в качестве центра самостоятельной земли в XIV в. или вызывает сомнения, или же была представлена очень слабо. В XV в. город, безусловно, потерял черты прежней независимости и не мог проявить какую-либо самостоятельную позицию в межкняжеских усобицах второй четверти XV в.

Образование Дмитровской земли было инициировано Москвой в конце XIV в. — начале XV в., видимо, с целью противостояния возможной агрессии со стороны тверских или серпуховских князей. Не будучи по своему происхождению московским пригородом, Дмитров благодаря своему важному географическому положению сумел со временем приблизиться именно к такому статусу. Обладание Дмитровом политическими соперниками Василия II не могло повлиять на расстановку сил. Кратковременное княжение в городе Юрия Дмитриевича в 1432 г. и Василия Юрьевича в 1435 г. лишь декларировало права этих князей по отношению к великому князю, являлось признанием их власти.

* * *

История Москвы, Коломны, Звенигорода и Дмитрова во второй четверти XV в. указывает на наличие крепких представлений в кругу потомков Дмитрия Донского о правах сместного владения Московской землей всеми представителями рода Даниловичей. На эту политическую основу ориентировались в своих действиях и решениях как Василий II, так и его противники.

Местные князья не должны были чувствовать себя в Москве «чужаками», на протяжении всех междоусобных войн сохраняя

свою долю в управлении столицей. Московский престол дважды получал Юрий Дмитриевич, месяц правил на нем Василий Юрьевич и почти год — Дмитрий Шемяка. Источники позволяют считать, что в Москве и в Коломне мятежные князья находили не только отпор недоброжелателей, но и поддержку сторонников.

Рассматривая себя почти равноправными наследниками земельного фонда, завещанного Дмитрием Ивановичем, князья в ходе уособиц занимали столы подмосковных пригородов Звенигорода, Рузы, Дмитрова, но ни Юрий Дмитриевич, ни его сыновья не могли ориентироваться в своей борьбе против великого князя на их население как на феодально-зависимых жителей своих вотчин. Обладание этими городами, формирующими основное ядро собственно Московской земли, для местных князей означало выполнение ими функций соправительства с великим князем, несение военной службы и признание их высокого статуса в качестве членов великокняжеского рода.

Решающее значение в ходе княжеских уособиц имело то, что Москва своим боярским правительством и «двором» поддержала наследника Василия I Дмитриевича — Василия II Васильевича; это значительно увеличило его шансы в междоусобной борьбе, развернувшейся на фоне неблагоприятных условий голода, эпидемий и татарских набегов, в конечном счете обеспечив его победу над галицкой династией. На стороне же Москвы стояли и ее города-пригороды: Коломна, Звенигород, Дмитров.

ИСТОЧНИКИ

- АИ — Акты исторические. Т. I. СПб.: В Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв.: в 3 т. Т. I. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952.
- Бальзеровский список — Бальзеровский список Софийской первой летописи. Архив СПбИИ РАН. Колл. 11. № 23.
- ВМЧ — Житие Саввы Сторожевского // Великие Минеи Четии. Декабрь, дни 1–5. М.: Имп. Археогр. комис., 1901.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / отв. ред. С. В. Бахрушин М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
- Житие преподобного Пафнутия Боровского — Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Т. II. Нежин, 1899. С. 117–149.
- Каштанов 1970 — *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. 498 с.
- Медоварцевский летописец — Медоварцевский летописец. ОР БАН. Архангельское древлехранилище. 193. Л. 457 — 458 об.
- Музейный летописец — Музейный летописец. ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. № 3271.
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси:
- Памятники литературы Древней Руси. Вып. 5. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982.
- Памятники литературы Древней Руси. Вып. 4. XIV — середина XV в. М.: Художественная литература, 1981.
- ПРП — Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. Вып. 3. М.: Госюриздат, 1955.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей:

Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997.

Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч 1. Новгородская четвертая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. М.: Языки русской культуры, 2003.

Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. Псковские летописи. М.: Языки русской культуры, 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковские и Софийские летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851.

Полное собрание русских летописей. Т. VI. Софийские летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1853.

Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000.

Полное собрание летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913.

Полное собрание русских летописей. Т. XX. Львовская летопись. Ч. I. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910.

Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.

Полное собрание русских летописей. Т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962.

Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982.

РД — Русский дипломатарий. Вып. 2. М.: Археографический центр, 1997.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев 2001 — *Авдеев А. Г.* Галичская земля в XII–XV веках: (По житию преподобного Паисия Галичского): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Аверьянов 1993а — *Аверьянов К. А.* Возникновение города // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. Вып. 3. М.: Энциклопедия российских деревень, 1993. С. 5.
- Аверьянов 1993б — *Аверьянов К. А.* Звенигородский край в XIV в. // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. Вып. 3. М.: Энциклопедия российских деревень, 1993. С. 5–9.
- Аверьянов 1993в — *Аверьянов К. А.* Князь Юрий Дмитриевич // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. Вып. 3. М.: Энциклопедия российских деревень, 1993. С. 10–16.
- Аверьянов 1993г — *Аверьянов К. А.* Удельные владельцы XV–XVI вв. // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. Вып. 3. М.: Энциклопедия российских деревень, 1993. С. 29–38.
- Аверьянов 1993д — *Аверьянов К. А.* Феодалная война XV в. // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. Вып. 3. М.: Энциклопедия российских деревень, 1993. С. 22–28.
- Аверьянов 2001 — *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. М.: Энциклопедия российских деревень, 2001.
- Аверьянов 2002 — *Аверьянов К. А.* Из истории управления Москвой XIV–XV вв. // Проблемы истории Московского края. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 855-летию Москвы и Подмосковья. (Москва, 26 февраля 2002 г.). М.: Народный учитель, 2002. С. 17–19.
- Александров и др. 1995 — *Александров Д. Н., Мельников С. А., Алексеев С. В.* Очерки по истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX–XV вв. М.: Мосты, 1995.
- Алексеев 1987 — *Алексеев Ю. Г.* Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVIII. Л.: Наука, 1987. С. 93–109.
- Алексеев 1991 — *Алексеев Ю. Г.* Государь всяя Руси. Новосибирск: Наука, 1991.
- Алексеев 1992 — *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992.
- Алексеев 1998 — *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского Государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998.
- Алексеева 2012 — *Алексеева С. В.* О понятии «феодалная война» в отечественной историографии. Вклад А. А. Зимина в изучении событий второй четверти XV в. // Историк в России: между прошлым и будущим. М.: Издательский центр Российского гос. гуманит. ун-та, 2012. С. 94–98.

- Антонов, Баранов 1997 — Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI веков из архива Московского Чудова монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 2. М.: Археографический центр, 1997. С. 3–22.
- Базилевич 1944 — Базилевич К. В. История СССР от древнейших времен до середины XV в. Курс лекций, прочитанных в Высшей Партийной школе при ЦК ВКП(б). М.: Тип. Высш. парт. шк., 1944.
- Беляев 1999 — Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб.: Лань, 1999.
- Беляев 2004 — Беляев И. Д. Земский строй на Руси. СПб.: Наука, 2004.
- Бестужев-Рюмин 1872 — Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т. I. СПб., 1872.
- Бойцов 1992 — Бойцов А. И. К вопросу о росте Москвы в XII — первой половине XV в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1992. Вып. 2. С. 89–95.
- Борисов 1986 — Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Борисов 1999 — Борисов Н. С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XVI века). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
- Борисов 2003 — Борисов Н. С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003.
- Борисов 2011 — Борисов Н. С. Возвышение Москвы. М.: Русский мир, 2011.
- Борисенков, Пасецкий 1983 — Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л.: Гидрометеоиздат, 1983.
- Бочкарев 1944 — Бочкарев В. Н. Феодалная война в удельно-княжеской Руси XV в. Борьба за создание Русского национального государства: дис. ... д-ра ист. наук. В 2 т. М., 1944.
- Бочкарев 1947а — Бочкарев В. Н. Политические итоги феодалной войны в удельно-княжеской Руси XV в. // Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемина / под ред. П. П. Смирнова М.: Изд-во Моск. гор. пед. ин-та, 1947. Т. II. Вып. 2. С. 51–78
- Бочкарев 1947б — Бочкарев В. Н. Из истории борьбы русского народа за свою национально-политическую независимость в XV в. // Записки научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР. История и археология. № 9. Саранск, 1947. С. 1–10.
- Брюсова 1998 — Брюсова В. Г. О времени построения Успенского собора на Городке // Звенигород за шесть столетий: Сб. ст. к 600-летию Саввино-Сторожевского монастыря. М.: УРСС, 1998. С. 252–256.
- Буганов 1986 — Буганов В. И. Страницы летописи Москвы. Народные восстания XIV–XVIII в. М.: Московский рабочий, 1986.
- Будовниц 1952 — Будовниц И. У. Поддержка объединительных усилий Москвы населением русских городов // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. ст. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 117–122.

- Васильев, Сегал 1960 — *Васильев К. Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России. М.: Гос. изд-во мед. лит., 1960.
- Веденева 2004 — *Веденева Н. Е.* К вопросу о проблеме наследования великокняжеского престола в духовном завещании Дмитрия Донского // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2004. № 3(22). С. 235–240.
- Веденева 2005 — *Веденева Н. Е.* Василий I Дмитриевич (1389–1425 гг.). Опыт политической биографии: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005.
- Вернадский 1997 — *Вернадский Г. В.* История России. Монголы и Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 1997.
- Веселовский 1947 — *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947.
- Веселовский 1962 — *Веселовский С. Б.* Подмосковье в древности // Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XX вв. М.: Московский рабочий, 1962. С. 13–46.
- Веселовский 1969 — *Веселовский С. Б.* Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969.
- Владимирский-Буданов 1900 — *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев; СПб.: Н. Я. Оглоблин, 1900.
- Власть и реформы 1996 — *Власть и реформы. От самодержавной к советской России.* СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 801 с.
- Воронин 1949 — *Воронин Н. Н.* К характеристике архитектурных памятников времени Дмитрия Донского // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. С. 217–237.
- Воронин 1961 — *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. I. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
- Воронин, Ильин 1947 — *Воронин Н. Н., Ильин М. А.* Древнее Подмосковье: Памятники зодчества XV–XVII вв. М.: Гос. архитектурное изд-во, 1947.
- Голубева 1953 — *Голубева Л. А.* Раскопки в г. Рузе // Труды Государственного исторического музея. Вып. XXII. Археологический сборник. М.: Гос. изд-во культурно-просветит. лит., 1953. С. 141–162.
- Горский 1996 — *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV вв.: Пути политического развития. М.: Издат. центр Ин-та российской истории РАН, 1996.
- Горский 1997 — *Горский А. А.* К вопросу о причинах «возвышения Москвы» // Отечественная история. 1997. № 1. С. 3–12.
- Горский 1999 — *Горский А. А.* Этапы исторического развития России в свете сочетания формационного и цивилизационного подходов // Россия в Средние века и новое время: Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. С. 333–343.
- Горский 2003 — *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Росспэн, 2003.

- Горский 2004 — Горский А. А. Возвышение Москвы // Большая российская энциклопедия. Т. I. М.: Изд-во Большая российская энциклопедия, 2004. С. 280–281.
- Гумилев 2004 — Гумилев Л. Н. От Руси к России. М.: Айрис-пресс, 2004.
- Гусева (Алексеева) 2017 — Гусева (Алексеева) С. В. Город и горожане в княжеских усадьбах второй четверти XV в. (Галич и Вятка): историографический аспект // Творческое наследие А. А. Зимины и современная российская историография: VI Зиминовские чтения. М.: Древлехранилище, 2017. С. 41–72.
- Данилова 1994 — Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994.
- Дворниченко 1993 — Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1993.
- Дворниченко 1996 — Дворниченко А. Ю. Отечественные историки о государственном строе Северо-Восточной Руси XIII–XV веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1996. Вып. 1. С. 3–14.
- Дворниченко 2001 — Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин. СПб.: Филол. фак. С.-Петербур. ун-та, 2001.
- Дворниченко, Кривошеев 1992 — Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. «Феодальные войны» или демократические альтернативы? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. СПб. 1992. Вып. 3. С. 3–12.
- Дебольский 1901 — Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник // Записки Русского археологического общества. Т. XII. Вып. 1–2. Труды славянской и русской археологии. Кн. V. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. 1901. С. 137–171.
- Забелин 1881 — Забелин И. Е. Взгляд на развитие московского единодержавия // Исторический Вестник. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1881. Т. IV. Год II. Апрель. С. 735–782.
- Зиборов 2002 — Зиборов В. К. Русское летописание XI–XVIII вв. СПб.: Филол. фак. С.-Петербур. ун-та, 2002.
- Зимин 1958 — Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. Т. 6. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 275–324.
- Зимин 1974 — Зимин А. А. Наместническое управление в русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 94. М.: Изд-во Ин-та истории СССР АН СССР, 1974. С. 271–301.
- Зимин 1977 — Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М.: Наука, 1977.
- Зимин 1982 — Зимин А. А. В борьбе за Москву (вторая четверть XV в.) // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 75–90.

- Зимин 1991 — *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М.: Мысль, 1991.
- Иванов 1999 — *Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е гг. XV столетия // *Средневековая Русь*. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 79–115.
- Ивина 1985 — *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л.: Наука, 1985.
- Иловайский 2003 — *Иловайский Д. И.* Собиратели Руси. М.: Астрель, 2003.
- Ильин 1976 — *Ильин М. А.* Искусство Московской Руси эпохи Феофана Грека и Андрея Рублева. Проблемы. Гипотезы. Исследования. М.: Искусство, 1976.
- История СССР 1939 — *История СССР* / под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М.: Соцгиз, 1939.
- Кавелин 1989 — *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. М.: Правда, 1989.
- Карамзин 1993 — *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. В 12 т. Т. V. М.: Московский рабочий: Слог, 1993.
- Каштанов 1988 — *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М.: Наука, 1988.
- Кизилев 1984 — *Кизилев Ю. А.* Земли и народы России в XIII–XV вв. М.: Высшая школа, 1984.
- Кинев 2002 — *Кинев С. Л.* К вопросу о традиции наследования великокняжеской власти на Руси в XIV–XV вв. // *Феодалное общество: идеология, политика, культура*. Материалы III Всероссийской конференции студентов, аспирантов, молодых ученых. Москва, 8–9 апреля 2002 г. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2002. С. 54–58.
- Кинев 2003 — *Кинев С. Л.* Военный аспект политики московских князей (1280–1460 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003.
- Ключевский 1988 — *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. II // *Соч.* в 9 т. Т. II. М.: Мысль, 1988.
- Кобрин 1985 — *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой Руси (XV–XVI вв.). М.: Мысль, 1985.
- Кобрин, Юрганов 1991 — *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси // *История СССР*. 1991. № 4. С. 54–64.
- Ковалев 2007 — *Ковалев К. П.* Савва Сторожевский. М.: Молодая гвардия, 2007.
- Ковин 1994 — *Ковин В. Н.* Феодалная война 1425–1453 гг.: историографическая традиция и попытка нового подхода // *Вестник Челябинского университета*. Сер. 1. История. 1994. Вып. 1. С. 57–62.
- Костомаров 1994 — *Костомаров Н. И.* Русская республика (севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова, Вятки). М.: Чарли; Смоленск: Смядынь, 1994.

- Костомаров 2001 — *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I. Вып. II. М.: Рипол классик, 2001.
- Косточкин 1962 — *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962.
- Котляров 2005 — *Котляров Д. А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI веках. Ижевск: Удмуртский университет, 2005.
- Кривошеев 1992 — *Кривошеев Ю. В.* Некоторые спорные вопросы историографии и источниковедения начала Москвы // Актуальные проблемы историографии дореволюционной России. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. С. 41–50.
- Кривошеев 1994 — *Кривошеев Ю. В.* Земский строй Северо-Восточной Руси XII–XV вв. (историографические предпосылки постановки вопроса) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1994. Вып. 2. С. 8–11.
- Кривошеев 1996 — *Кривошеев Ю. В.* К историософии средневековой Руси в XX в. // Средневековая и новая Россия: Сб. статей к 60-летию И. Я. Фроянова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 90–107.
- Кривошеев 2003 — *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.
- Кучкин 1974 — *Кучкин В. А.* Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Т. 94. М.: Изд-во Ин-та истории СССР АН СССР, 1974.
- Кучкин 1984 — *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-восточной Руси в X–XIV вв. М.; Л.: Наука, 1984.
- Кучкин 1988 — *Кучкин В. А.* Московское княжество в XIV в.: Система управления и проблема государственной собственности // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Чтения, посвященные памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Кишинев, 5–7 апреля 1989. М.: Ин-т истории СССР, 1988. С. 171–182.
- Кучкин 1998 — *Кучкин В. А.* Первая договорная грамота Дмитрия Донского // Звенигород за шесть столетий: Сб. ст. к 600-летию Саввино-Сторожевского монастыря. М.: УРСС, 1998. С. 11–64.
- Кучкин 1999 — *Кучкин В. А.* Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 46–78.
- Кучкин 2001 — *Кучкин В. А.* Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М.: Индрик, 2001. С. 106–183.
- Кучкин 2006 — *Кучкин В. А.* Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галицским князем Юрием Дмитриевичем // Средневековая Русь. Вып. 6. М.: Индрик, 2006. С. 155–177.
- Кучкин, Флоря 1979 — *Кучкин В. А., Флоря Б. Н.* О dokonчании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М.: Наука, 1979. С. 191–217.

- Леонид (Кавелин) 1878а — *Леонид (Кавелин), архимандрит*. Московский Звенигород в церковно-археологическом отношении. М.: Синод. тип., 1878. 70 с.
- Леонид (Кавелин) 1878б — *Леонид (Кавелин), архимандрит*. Исторический очерк города Дмитрова в связи с историей его соборного храма и монастырей его области до XVIII столетия // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. Кн. IV. Апрель. М.: тип. П. А. Лебедева, 1878. 13 с.
- Лурье 1976 — *Лурье Я. С.* Двуменные монеты Василия II и Шемяки и двоевластие в Москве // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 84–88.
- Лурье 1977 — *Лурье Я. С.* Рассказ о боярине И. Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977 г. М.: Наука, 1977. С. 7–11.
- Лурье 1981 — *Лурье Я. С.* Повесть об ослеплении Василия II // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 4. XIV — середина XV в. М.: Художественная лит., 1981. С. 504–521.
- Лурье 1994 — *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994.
- Любавский М. К.* Возвышение Москвы // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 1. М., 1909. С. 66–74.
- Любавский 1929 — *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1929.
- Мавродин 1939 — *Мавродин В. В.* Образование русского национального государства. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939.
- Мавродин 1941 — *Мавродин В. В.* Образование русского национального государства. 2-е изд. М.: ОГИЗ, 1941.
- Мавродин 1951 — *Мавродин В. В.* Образование единого Русского государства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1951.
- Мазуров 1997 — *Мазуров А. Б.* Археологическое изучение Коломны: основные итоги и перспективы // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. II. Славянский средневековый город. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1997. С. 218–230.
- Мазуров 2001 — *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М.: Александрия, 2001.
- Мельников 1993 — *Мельников С. А.* Об отношениях великокняжеской власти с Троице-Сергиевым монастырем в период феодальной войны (40-е годы XV в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. Вып. 2. С. 27–34.
- Мец 1974 — *Мец Н. Д.* Монеты Великого княжества Московского (1425–1462 гг.) // Нумизматический сборник Ч. 3. М.: Внешторгиздат, 1974.
- Михайлова 1996 — *Михайлова И. Б.* Старшие и младшие города на Руси (VIII–XV вв.) // Столичные и периферийные города Руси и России в Сред-

- ние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). М.: Изд. центр Ин-та российской истории, 1996. С. 75–78.
- Михайлова 2003 — *Михайлова И. Б.* Служилые люди в Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб.: Изд-во С.-Петербур. университета, 2003.
- Михайлова 2004 — *Михайлова И. Б.* Смута на Руси во второй четверти XV в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 2004. Вып. 12. С. 4–18.
- Милов 1998 — *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Росспэн, 1998.
- Назаров 1975 — *Назаров В. Д.* Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России XII — начала XX в. М.: Наука, 1975. С. 46–62.
- Назаров 2010 — *Назаров В. Д.* Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в.: о типологии и динамике княжеских статусов // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее новое время. Сб. ст. памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 382–427.
- Назаров 2013 — *Московская усобица 1425–53* // Большая российская энциклопедия. Т. 21. М.: Большая российская энциклопедия, 2013. С. 267–272.
- Носов 1969 — *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л.: Наука, 1969.
- Носов 1970 — *Носов Н. Е.* О двух тенденциях феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв. М.: Наука, 1970.
- Огнев 1955 — *Огнев Б. А.* Успенский собор в Звенигороде на Городке // Материалы и исследования по археологии СССР. № 44. Материалы по археологии Москвы. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 20–58.
- Огнев 1998 — *Огнев Б. А.* Успенский собор на Городке в Звенигороде // Звенигород за шесть столетий: Сб. ст. к 600-летию Саввино-Сторожевского монастыря. М.: УРСС, 1998. С. 257–322.
- Орешников 1896 — *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1896.
- Павлов 1958 — *Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского гос. пед. ин-та. Сер. историко-филологическая. Т. 13. Вып. II. Красноярск: Красноярский гос. пед. ин-т, 1958. С. 74–112.
- Павлов-Сильванский 1988 — *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М.: Наука, 1988.
- Панеях 2005 — *Панеях В. М.* Историографические этюды. СПб.: Алетейя, 2005.
- Платонов 1993 — *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории // Собр. соч. по русской истории. В 2 т. Т. I. СПб.: Стройлеспечать, 1993.

- Погодин 1846 — *Погодин М. П.* О Москве // Историко-критические отрывки. М.: Тип. Августа Семена, 1846. С. 133–159.
- Полевой 1997 — *Полевой Н. А.* История русского народа. Т. III. М.: Вече, 1997.
- Пресняков 1998 — *Пресняков А. Е.* Образование Великоорусского государства. М.: Богородский печатник, 1998.
- Пустовалов 1998 — *Пустовалов В. М.* Основные этапы строительства Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря // Звенигород за шесть столетий: Сб. ст. к 600-летию Саввино-Сторожевского монастыря. М.: УРСС, 1998. С. 323–347.
- Раппопорт 1961 — *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной Руси X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 105. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
- Рахимзянов 2001 — *Рахимзянов Б. Р.* Касимовское царство: социально-политическое развитие (1445–1552 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001.
- Русское градостроительное искусство 1993 — Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроительство X–XV веков / Гуляницкий Н. Ф., Куза А. В., Щенков А. С. и др. Под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1993.
- Рыбаков 1949 — *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Звенигороде (1944–1945 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. С. 125–133.
- Сахаров 1959 — *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959.
- Свечников 2002 — *Свечников С. К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002.
- Селезнев 2006 — *Селезнев Ю. В.* «А переменит Бог Орду...»: (русско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV вв.). Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2006.
- Семенченко 1981 — *Семенченко Г. В.* Управление Москвой в XIV–XV вв. // Исторические записки. Т. 105. М.: Изд-во Ин-та истории СССР АН СССР, 1981. С. 196–228.
- Сергеевич 1909 — *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. I. Территория и население. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909.
- Синелобов 2003 — *Синелобов А. П.* Эволюция крупного феодального землевладения в Московском княжестве как фактор политического объединения Северо-Восточных русских земель (60-е гг. XIV в. — 70-е гг. XV в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Смирнов 1935 — *Смирнов И. И.* Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. № 9–10. С. 74–108.
- Смирнов 1946 — *Смирнов П. П.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2–3. С. 55–90.

- Смирнов 1947 — *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947.
- Смирнов 1948 — *Смирнов П. П.* Древний Галич и его важнейшие памятники // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. М.: Изд-во Моск. гор. пед. ин-та, 1948. Т. IX. Вып. 1. С. 81–112.
- Соловьев 1988 — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. III–IV. Соч. в 18 кн. Кн. II. М.: Мысль, 1988.
- Станкевич 1834 — *Станкевич Н. В.* О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Ивана III // Ученые записки Московского университета. Ч. 5. М., 1834. С. 29–55.
- Татищев 1995 — *Татищев В. Н.* Собр. соч. В 8 т. Т. II и III. История российская. М.: Науч.-издат. центр «Ладомир», 1995.
- Татищев 1996 — *Татищев В. Н.* Собр. соч. в 8 т. Т. V и VI. История российская. М.: Науч.-издат. центр «Ладомир», 1996.
- Тихомиров 1956 — *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М.: Моск. гос. ун-т, 1956.
- Тихомиров 1957 — *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.
- Тихомиров 1973 — *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973.
- Тихомиров 2003 — *Тихомиров М. Н.* Труды по истории Москвы. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Федоров 1949 — *Федоров Г. Б.* Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359–1425 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 12. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. С. 148–185.
- Федоров-Давыдов 1981 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
- Федоров-Давыдов 1989 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Из истории денежного дела Можайска (о некоторых неясных легендах на ранних монетах Можайска) // История и культура древнерусского города. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 214–222.
- Фетищев 1994 — *Фетищев С. А.* К истории договорных грамот между князьями московского дома конца XIV — начала XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXV. СПб.: Наука, 1994. С. 63–76.
- Фетищев 2003 — *Фетищев С. А.* Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. М.: Древлехранилище, 2003.
- Фроянов 2001 — *Фроянов И. Я.* О возникновении монархии в России // Фроянов И. Я. Начала русской истории. М.: Парад, 2001. С. 901–907.
- Хорошкевич 1978 — *Хорошкевич А. Л.* К истории возникновения «Записи о душегубстве» // Восточная Европа в древности и Средневековье. М.: Наука, 1978. С. 193–203.

- Хорошкевич 1980 — *Хорошкевич А. Л.* К взаимоотношениям князей Московского дома во второй половине XIV — начале XV в. // Вопросы истории. 1980. № 6. С. 170–174.
- Черепнин 1947 — *Черепнин Л. В.* Договорные и грамоты Дмитрия Донского как источник изучения политической истории Великого княжества Московского // Исторические записки. Т. 24. М.: Изд-во Ин-та истории СССР АН СССР, 1947. С. 225–266.
- Черепнин 1948 — *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948.
- Черепнин 1953 — *Черепнин Л. В.* Феодальная война второй четверти XV в. // Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. Ч. II. Под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. С. 248–270.
- Черепнин 1960 — *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960.
- Черепнин 1966 — *Черепнин Л. В.* К вопросу о роли городов в процессе образования русского централизованного государства // Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М.: Наука, 1966. С. 105–124.
- Чернова 2003 — *Чернова М. Н.* История Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Чичерин 1858 — *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории Русского права. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1858.
- Щербатов 1781 — *Щербатов М. М.* История российская от древнейших времен. Т. IV. СПб., 1781.
- Экземплярский 1889 — *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. Т. I. СПб., 1889.
- Эммаусский 1949 — *Эммаусский А. В.* Вятская земля в период образования Русского государства. Киров: Кировское обл. гос. изд-во, 1949.
- Юрганов 1998 — *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М.: Индрик, 1998.
- Юшко 1991 — *Юшко А. А.* Московская земля XI–XIV вв. М.: Наука, 1991.
- Юшко 1998 — *Юшко А. А.* Об оборонительных сооружениях Звенигорода Московского // Культура славян и Русь. М.: Наука, 1998. С. 412–428.
- Юшко 2002 — *Юшко А. А.* Феодальное землевладение Московской земли XIV в. М.: Наука, 2002.
- Юшко 2005 — *Юшко А. А.* Звенигород Московский и удел Звенигородских князей. М.: Ин-т археологии Российской акад. наук, 2005.
- Юшков 1946 — *Юшков С. В.* К вопросу об образовании Русского государства в XIV–XVI веках // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 55–67.
- Alef 1959 — *Alef G.* The Political Significance of the Inscriptions on Muscovite Coinage in the Reign Vasili II // Speculum. 1959. Vol. 34. P. 11–20.

- Alef 1978 — *Alef G.* The battle of Suzdal in 1445. An Episode in the Muscovite war of succession // *Forshungen zur Osteuropaischen Geschichte*. Berlin, 1978. Bd. 25. S. 1–20.
- Alef 1986 — *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy. The Age of Ivan III // *Forshungen zur Osteuropaischen Geschichte*. Bd. 39. Berlin, 1986.
- Grummey 1987 — *Grummey R. O.* The Formation of Muscovy. 1304–1613. London; New York, 1987.
- Kollmann 1987 — *Kollmann N.-Sh.* Kinship and Politics. The Making of Muscovite Political System, 1347–1547. Stanford, 1987.
- Martin 1995 — *Martin J.* Medieval Russia. 980–1584. Cambridge, 1995.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характеризуя развитие русского средневекового города, С. М. Соловьев писал: «Усобицы между князьями продолжают по-прежнему, но города не принимают в них участия, как прежде, их голоса не слышно; ни один князь не собирает веча для объявления городовому народонаселению о походе или каком-нибудь другом важном деле, ни один князь не уряживается ни о чем с горожанами» [Соловьев 1988: 504]. Глубокий пессимизм в отношении городского развития присущ этому выводу. Нам представляется, что он не во всем обоснован.

В самом деле за княжеской борьбой трудно не увидеть продолжающиеся столкновения общин городов-государств. Весь XIV век наполнен этим острым, непрекращающимся соперничеством, осложненным привлечением, а иногда и вмешательством иноземных сил — Золотой Орды и Литвы. Наибольшую активность проявила здесь московская община, что и дало свои плоды: в конечном итоге она смогла присоединить все русские земли, а ее князь становится «государем всея Руси».

При организации военных акций князья также опираются на вече. Мы должны серьезно отнестись к фактам руководства Александром Ярославичем и Александром Михайловичем выступлениями горожан против ордынцев в 1262 и 1327 гг. Во второй половине XIV в. войско собиралось по присланным княжеским грамотам.

Наконец, продолжается и практика «уряживаний» князей с городами, даже несмотря на выдаваемые ханами ярлыки. Достаточно вспомнить переяславские события начала XIV в., когда горожане удержали у себя московскую «династию». Красноречиво об этом свидетельствует и событие, произошедшее в 1371 г.: мы имеем в виду отказ владимирцев принять получившего в Орде ярлык на великое княжение Михаила Тверского.

Итак, сделаем некоторые выводы.

В Северо-Восточной Руси второй половины XIII–XIV вв. продолжала существовать система городов-государств. Нас не должно смущать то обстоятельство, что главными городами выступают не те городские центры, что в древнерусский период. Система средневековых русских городов-государств предстает перед нами мобильной и развивающейся. В рассматриваемый период происходят процессы, имевшие место и ранее. В частности, возвышение прежних пригородов, перемещение в них функций главных городов, понижение статуса некоторых городов. Новыми крупными центрами становятся вчерашние пригороды: Москва, Тверь, Нижний Новгород, Ярославль и др. Некоторые главные города сохраняют свое положение: недолго — Ростов, намного дольше — Рязань. «Образование более крупных уделов» — Тверского, Ярославского, Ростовского, Белозерского, Московского и других, по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, не имеет «феодалного характера, представляя собою обыкновенное разделение единого государства на несколько равноправных государств» [Павлов-Сильванский 1988: 473]. Наряду с этим и в рамках этих волостей продолжается политическое дробление.

Конечно, и внутри самой системы города-государства происходят достаточно существенные качественные изменения. Но в основном средневековый русский город-государство наследует основные черты древнерусского города-государства [Фроянов 1980: 216–243; Фроянов, Дворниченко 1988]. Мы отмечали выдающуюся социально-политическую активность населения, выражавшуюся, прежде всего, в вечевых собраниях, в ряде случаев можно указать на социальное единство горожан и селян, важнейшим фактором становится функционирование сотенной системы, наконец, немаловажную роль продолжает играть народное ополчение. В со-

циально-экономической сфере вследствие медленного роста крупного землевладения основой оставалась общинная экономика. Все это чрезвычайно существенно для постановки вопроса о том, что город в XIII–XIV вв. сохраняет преимущественно свою прежнюю структуру и функции, являясь, следовательно, гарантом действенности системы городов-государств¹.

Существенные изменения происходят, начиная со второй половины XIV в. К этому времени наиболее могущественным городом-государством становится Москва. Ее князьям удается ликвидировать главенство, хотя и формальное, символическое, Владимира. Переход великокняжеского стола из Владимира в Москву М. Ф. Владимирский-Буданов объяснял следующим образом: «Это означало лишь новую победу пригорода над старшим городом подобно тому, как в XII в. город Владимир оттеснил собою Ростов и Суздаль»² [Владимирский-Буданов 1900: 110]. Попадают в зависимость от Москвы Ростов и Ярославль. Крупные и важные территориальные приобретения дают возможность Москве усилиться, как никогда прежде. Увеличивается и власть московских князей. Много сказано о причинах этого «возвышения»³. Очевидно, не последнюю роль в этом сыграла и московская «земщина», фактор которой учитывается недостаточно. Хотя еще И. Д. Беляев отмечал, что «московская земщина особенно отличалась привязанностью к своему княжескому дому; она как-то слилась с княжими боярами, обратившимися почти в земцев, и на своих плечах несколько

¹ «...удельная система не нарушила древнего деления земель, занятых Русскими Славянами, на старейшие города и пригороды, не нарушила и отношений, искони установившихся между ними, а вместе с тем сохранились древние понятия о городе, и в том числе понятия о городе в смысле территории, занятой общиной, которая пользовалась политической автономией, то есть понятие земли, волости, княжества, государства» [Самоковасов 1873: 55–56].

² Мотивы этого «падения» бывшего «столом земли Руския» «многославный Володимиря» слышны в летописных записях начала XV в., осторожно противопоставляющего древность и значение Владимира Москве. «И такового града, — горестно констатирует летописец, — не помиловаше Москвичи» [ПСРЛ, т. XV, вып. 1: стб. 181]. Отголоски древнего межгородского противостояния (главный город — пригород) обнаруживаются в этой лаконичной фразе.

³ Обзор и анализ мнений см.: [Гумилев 1989: 555–558; Зимин: 1991: 191–211; Аверьянов: 1993: 3–11].

раз выносила Московский княжеский дом из величайших опасностей; она несколько раз билась с грозными тогда татарами, даже в отсутствие своих князей, и первая показала пример не уважать ханские ярлыки, ежели они противоречили выгодам Московского княжеского дома. Земщина собственно поставила Московское княжество в такое положение, что оно из младшего и слабейшего в продолжение каких-либо ста лет сделалось первым и сильнейшим во всей Северо-Восточной Руси»⁴ [Беляев 1906: 69].

Внутреннее устройство Московской земли оставалось еще во многом в рамках города-государства. Не случайно именно здесь еще в середине XV в. в экстремальной обстановке, но происходят вечевые собрания, хотя бы и только московского населения.

Вместе с тем с рубежа XIV–XV вв. система города-государства и, как ее составляющая часть, вече представляются уже архаическими, не соответствующими новым историческим реалиям. Падение во многом уже формальной монголо-татарской зависимости и присоединение Новгорода и Твери довершают дело. Д. Я. Самоквасов пишет, что с присоединением последних земель «Москва получила значение единого старейшего города в России, а старейшие города древнейшей России стали к ней в отношения древних пригородов к городам старейшим, получили значение провинций» [Самоквасов 1873: 55–57].

ИСТОЧНИКИ

ПСРЛ, т. XV, вып. 1 — Полное собрание русских летописей. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 1965. 504 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверьянов 1993 — *Аверьянов К. А.* Московское княжество Ивана Калиты. М., 1993.
- Беляев 1906 — *Беляев И. Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1906.
- Будовниц 1960 — *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960.
- Владимирский-Буданов 1900 — *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев; СПб., 1900.
- Гумилев 1989 — *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
- Забелин 1873 — *Забелин И. Е.* Кунцево и Сетунский стан. М., 1873.
- Зимин 1991 — *Зимин А. А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991.
- Любавский 1929 — *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.
- Павлов-Сильванский 1988 — *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988.
- Самоквасов 1873 — *Самоквасов Д. Я.* Древние города России: Историко-юридическое исследование. СПб., 1873.
- Соловьев 1988 — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 3–4. Соч. в 18 кн. Кн. II. М., 1988.
- Фроянов 1980 — *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- Фроянов, Дворниченко 1988 — *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кривошеев Юрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения СПбГУ, автор монографий по истории русского Средневековья, в том числе «Русь и монголы» (три издания) и «Гибель Андрея Боголюбского», трилогии об Александре Невском (в соавторстве с Р. А. Соколовым), а также более 300 научных статей. kriwosheew@mail.ru

Соколов Роман Александрович — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, автор нескольких монографий и ряда научных статей по истории средневековой Руси. romansokolow@mail.ru

Гусева Светлана Владимировна — кандидат исторических наук, автор Церковно-научного центра «Православная энциклопедия», а также более 40 научных статей по истории России XV в., истории Русской православной церкви, тверскому краеведению. guseva-svetlana-v@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ	5
------------------	---

I

МОСКВА ОТ КУЧКОВИЧЕЙ ДО ИВАНА III

Начало Москвы и Кучковичи.....	9
Москва и москвичи в борьбе городских общин во второй половине XII — начале XIII в.	24
Русь, Москва и Орда.....	39
Иван Калита и Московская земля	101
Москва и вечевые институты	110
«Татарский след» московских тысяцких Вельяминовых.....	141
«Басма лица его».....	152
Источники	159
Литература.....	161

II

МОСКВА И ЦЕРКОВЬ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Владимирская епархия и Москва.....	179
Русская церковь, Москва и монголы	193
Москва и митрополиты	207
Московский великий князь и церковь	251
Флорентийская уния и московская автокефалия	282
Источники	307
Литература.....	309

III

МОСКВА В КНЯЖЕСКИХ УСОБИЦАХ
ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XV ВЕКА

Феодальная война или княжеские усобицы: копия историков	319
Москва и Коломна	333
Звенигород и волости	371
Дмитров и волости	394
Источники	409
Литература.....	411
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	423
Источники	427
Литература.....	427
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	428

Научно-популярное издание

*КРИВОШЕЕВ Юрий Владимирович, СОКОЛОВ Роман Александрович
ГУСЕВА Светлана Владимировна*

МОСКВА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Очерки политической истории XII–XV столетий